

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК VIII (III)

СЕРИЯ А. АНТИЧНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
IX МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

К 185-ЛЕТИЮ НАЧАЛА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ**

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК VIII (III)

СЕРИЯ А. АНТИЧНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

**ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
IX МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

**Севастополь
2012**

Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск VIII(III). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы IX Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией В.И. Кузицина. – Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2011. – 228 с.

Сборник содержит статьи, подготовленные по материалам докладов профессоров, преподавателей и студентов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Филиала МГУ в г. Севастополе, сотрудников научных и музейных учреждений России и Украины, прочитанных на заседаниях секции «Древняя и средневековая история Причерноморья» в рамках IX Международной научной конференции «Лазаревские чтения» 2011 г. и отобранных оргкомитетом для публикации.

Представленные статьи будут интересны широкому кругу специалистов в области античной и средневековой истории, а также археологии Причерноморья.

Редакционная коллегия:

- Иванов В.А.,** доктор физико-математических наук, профессор, академик НАН Украины, зам. директора Филиала МГУ в г. Севастополе по научной работе.
- Кузицин В.И.,** доктор исторических наук, профессор, советник декана исторического факультета МГУ, зав. кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (главный редактор).
- Буйских А.В.** доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии НАН Украины.
- Петрова Э.Б.** доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков ТНУ им. В.И. Вернадского.
- Усов С.А.,** доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
- Филимонов С.Б.,** доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, зав. кафедрой российской истории ТНУ им. В.И. Вернадского (зам. главного редактора).
- Юрченко С.В.,** доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, заведующий кафедрой политических наук и международных отношений ТНУ им. В.И. Вернадского, профессор кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран ТНУ им. В.И. Вернадского (зам. главного редактора).
- Цимбаев Н.И.,** доктор исторических наук, профессор кафедры истории России XIX – начала XX веков исторического факультета МГУ.
- Бойцова Е.Е.,** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, проректор по научной работе Севастопольского городского гуманитарного университета.
- Мартынкин А.В.,** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
- Ставицкий А.В.,** кандидат философских наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
- Ушаков С.В.,** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, старший научный сотрудник Крымского филиала Института археологии НАН Украины.
- Хапаев В.В.,** кандидат исторических наук, зам. заведующего кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (ответственный секретарь).

Публикуется по решению Оргкомитета Международной научной конференции «Лазаревские чтения»

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Научное наследие	
<i>Шеглов А.Н.</i> Раннехристианский мученик или Митреум?	6
История науки	
<i>Петрова Э.Б.</i> Феодосийский музей древностей в начале 1920-х годов: Е.Е. Пирлик-Шоститко-Малявская	12
Античная история и археология	
<i>Глушак А.С., Наумова Н.В.</i> Эпоха появления и распространения христианства в Северном Причерноморье: духовные искания	19
<i>Дорошко О.П.</i> Религиозные культы древнегреческого населения Северо-Западного Крыма по археологическим данным (к проблеме исследования)	32
<i>Новикова О.В.</i> Проблема взаимоотношений греков и варваров Западного Крыма VI-III вв. до н.э.: судьба концепции автохтонизма	37
<i>Ушаков С.В.</i> Эллинистический комплекс из раскопок южного нефа базилики «Крузе» в Херсонесе (амфоры и керамика с покрытием)	44
Средневековая история и археология	
<i>Бочаров С.Г.</i> Генуэзская крепость Калиера и золотоордынское селение Отузы в Восточном Крыму	62
<i>Днепровский Н.В.</i> К истории открытия пещерного монастыря на мысе Ай-Тодор (Челтер-Коба)	67
<i>Днепровский Н.В.</i> К вопросу о назначении Эски-Керменского «Пещерного храма у городских ворот»	81
<i>Карнаушенко Э.Н., Карнаушенко А.Д.</i> 3D реконструкция Подземного храма на главной улице в Херсонесе средствами Google SketchUp 8 Pro (с наземным храмом над ним и литургической планировкой)	99
<i>Моисеев Д.А.</i> Средневековая строительная керамика Херсонесского городища: технологическая типология	105
<i>Хапаев В.В.</i> Юго-Восточный и Северо-Восточный прибрежные участки оборонительной стены Херсонеса как источник по сейсмической истории (по данным раскопок И.А. Антоновой 1964-1967 гг.)	113
<i>Чореф М.М.</i> К каталогу Бахчисарайских надписей: строительная надпись мечети Молла-Мустафа	137
Нумизматика	
<i>Анохин О.В.</i> «Варварские» подражания римским монетам на территории Украины и Молдовы	144
<i>Чореф М.М.</i> «Non deficit alter aureus», или к вопросу о составе денежного обращения Тавриды в первых веках новой эры	152
<i>Якушечкин А.В.</i> К вопросу о монетном деле Джанибека Герая (1628-1635 гг.) в период его второго правления	177
Научное творчество студентов	
<i>Кирилина А.К.</i> Ager publicus в царский период по Титу Ливию и Плутарху	183
<i>Кириллова М.Н.</i> Квиритский посессий по Титу Ливию	186
<i>Лесная Е.С.</i> Херсонес Таврический и Эгейская Греция: Письменные и эпиграфические источники по истории взаимоотношений	189
<i>Тюрин М.И.</i> Керамические клейма из двух эллинистических комплексов Северо-Восточного района Херсонеса	196
<i>Юрченко В.С.</i> Культурная жизнь мусульманского населения Испании в VIII-XI вв.	222
Сведения об авторах	227

ПРЕДИСЛОВИЕ

12-13 октября 2011 г. в Филиале МГУ в городе Севастополе в девятый раз проводилась Международная научная конференция «Лазаревские чтения». Ее тематика была традиционной: Причерноморье: история, политика, культура. В рамках конференции работает секция «Древняя и средневековая история Причерноморья». Настоящий сборник составлен из статей, подготовленных по материалам прочитанных в секции докладов, отобранных Оргкомитетом для публикации.

Это уже третий тематический выпуск сборника «Причерноморье. История, политика, культура», посвященный проблемам античной и средневековой истории и археологии нашего региона. Некоторые его рубрики уже стали традиционными. В разделе «Научное наследие» публикуются ранее не печатавшиеся труды наших ушедших из жизни коллег. Раздел «Научное наследие» посвящен исследованиям биографий выдающихся ученых прошлого, изучавших античную и средневековую историю Причерноморья. Впервые введен раздел «Нумизматика».

Наш сборник выходит в канун 185-летнего юбилея археологических исследований Херсонеса. Поэтому, символично, что многие публикуемые статьи посвящены изучению именно этого памятника античной и средневековой археологии. Знаменательной дате посвящается и сам сборник.

В разделе «**Научное наследие**» мы публикуем краткое эссе выдающегося исследователя Херсонеса А.Н. Щеглова (1933-2009) «Раннехристианский мавзолей или митреум?», посвященное интерпретации так называемого «пещерного» храма на Главной улице города. Пусть и в незавершенном виде, эта работа вызывает исключительный интерес. Она отражает (хотя бы частично) широкие научные интересы А.Н. Щеглова и побуждает вновь задуматься о сложных проблемах истории Херсонеса в позднеантичное время.

В разделе «**История науки**» публикуется статья Э.Б. Петровой, посвященная выдающемуся хранителю крымских древностей Е.Е. Пирлик-Шоститко-Малявской, которая сумела сохранить и приумножить коллекцию одного из старейших крымских музеев – Феодосийского музея древностей – в трудные и опасные революционные и послереволюционные годы.

Раздел «**Античная история и археология**» открывает работа А.С. Глушака и Н.В. Наумовой, посвященная первым векам распространения христианства в Северном Причерноморье.

О.П. Дорошко в статье «Религиозные культы древнегреческого населения Северо-Западного Крыма...» изучает вопрос, насколько достоверно мы можем судить о религии древнего населения по археологическим данным.

Судьбу концепций автохтонизма в отечественной исторической науке 20-50-х гг. XX века на примере греков и варваров Западного Крыма рассматривает О.В. Новикова.

С.В. Ушаков публикует археологические материалы эллинистического времени (в основном это чернолаковая керамика) из раскопок, проводившихся под полом южного нефа базилики «Крузе» в Херсонесе – одного из тех храмов, с исследования которых в 1827 г. началось археологическое изучение этого памятника.

Разнообразна тематика раздела «**Средневековая история и археология**». С.Г. Бочаров на примере небольшой горной долины Юго-Восточного Крыма (Отузской) рассматривает особенности историко-географической ситуации в Крыму XIII-XV вв., где сталкивались интересы генуэзцев и Золотой Орды. Интересна представленная в данной статье реконструкция генуэзского замка Калиера.

Н.В. Днепровский, на основе архивных данных, открывает малоизвестную страницу исследования монастыря Челтер-Коба, а также предлагает новую трактовку пещерного храма у городских ворот Эски-Кермена.

Э.Н. и А.Д. Карнаушенко продолжают серию 3D реконструкций культовых христианских памятников Херсонеса. В публикуемой статье они обосновывают свой вариант реконструкции «пещерного храма» в III квартале Херсонеса, религиозной атрибуции которого посвящена вышеупомянутая статья А.Н. Щеглова.

Д.А. Моисеев посвятил свое исследование относительно новому направлению в археологии – технологической типологии строительной керамики Херсонеса. Хочется надеяться, что успешное продолжение такого рода работ поможет сделать кровельную черепицу и плинфу (один из самых массовых материалов при раскопках) полноценным историческим источником.

В.В. Хапаев вновь обратился к теме междисциплинарных исследований на стыке истории, археологии и сейсмологии. Автор представляет на суд читателя увлекательное «расследование», посвященное приморской линии обороны средневекового Херсона.

Статья М.М. Чорефа в «средневековом» разделе посвящена изучению и интерпретации строительной надписи квартальной мечети Молла-Мустафа в Бахчисарае.

В разделе «**Нумизматика**» публикуются три статьи. О.В. Анохин посвятил свою работу «варварским» подражаниям римским монетам – теме актуальной в настоящее время, когда возобновился научный интерес к теме взаимоотношений Римской империи и варваров.

М.М. Чореф исследует состав денежного обращения Таврики в первые вв. н.э. Важным представляется вывод автора, сделанный на основе изучения нумизматического материала, что данный регион ту эпоху прочно входил в зону римского влияния.

А.В. Якушечкин исследует монетное дело значительно более поздней эпохи - времени правления крымского хана Джанибека Герая (1628-1635 гг.).

Раздел «**Научное творчество студентов**» составлен из работ наших молодых коллег, обучающихся на историческом факультете МГУ и отделении «История» Филиала МГУ в городе Севастополе.

Работы А.К. Кирилиной и М.Н. Кирилловой посвящены изучению земельного вопроса в ранние периоды древнеримской истории по данным, содержащимся в трудах Тита Ливия и Плутарха. А.К. Кирилина исследует *ager publicus* царского периода Рима, а М.Н. Кириллова – квинтитский поцессий.

Е.С. Лесная представила обзор письменных и эпиграфических источников по малоисследованной в науке теме – истории взаимоотношений Херсонеса Таврического с Эгейской Грецией.

М.И. Тюрин публикует керамические клейма из двух недавно открытых эллинистических комплексов Херсонеса (непростая, но важная источниковедческая задача, создающая основу для исторических интерпретаций археологических данных).

В.С. Юрченко посвятила свое исследование культурной жизни мусульманского населения раннесредневековой Испании.

Мы намеренно не раскрывали подробного содержания представленных в сборнике статей. Надеемся, что заинтересованные читатели внимательно с ними ознакомятся.

* * *

Публикуя вышеназванные статьи, мы надеемся на дальнейшее плодотворное научное взаимодействие с их авторами и приглашаем исследователей, как опытных, так и начинающих, к сотрудничеству в рамках «Лазаревских чтений» и на страницах сборника «Причерноморье. История, политика, культура».

Оргкомитет

I

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

РАННЕХРИСТИАНСКИЙ МАРТИРИЙ ИЛИ МИТРЕУМ?¹

†ЩЕГЛОВ А.Н.²

Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург)

I. НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

В дискуссии о времени и обстоятельствах появления и утверждения христианства в Херсонесе, а также составе и характере первых христианских общин по косвенным археологическим сведениям, несомненно, особое место занимают попытки интерпретации культового комплекса, расположенного на Главной улице в третьем квартале северо-восточного района города. Этот интереснейший и неординарный объект, обычно фигурирующий под названием "пещерный храм", неизменно и вполне справедливо включается в экскурсионный маршрут по городищу с однотипным или просто повторяющимся традиционным комментарием. Так уже повелось, что во всех путеводителях до сих пор он описывается или как подземный храм древней христианской общины начала н.э., или как христианский храм-мавзолей V в. [7, с. 68, ил; 4, с. 87; 11, с. 35; 16, с 44 ил.; 6, с 54; 2, с. 99³; 17, с. 99; 18, с. 61; 3, с. 81⁴]⁵. Так, примерно следуя сложившимся в науке взглядам, в свое

¹ В личном архиве Д.Ю. Коробкова, моего младшего коллеги и друга, трагически ушедшего из жизни, была обнаружена незаконченная работа его научного руководителя А.Н. Щеглова (Дима готовил кандидатскую диссертацию о межконфессиональных отношениях в Херсонесе позднеимперского периода). Из текста письма становится ясно, что, по его предложению, А.Н. Щеглов отправил ему черновой вариант (наброски) работы об интерпретации одного из самых известных памятников Херсонеса – так называемого «пещерного храма». Эта работа не была закончена и нигде, насколько известно, не публиковалась. В Приложении 1 к эссе А.Н. Щеглова мы помещаем и сам текст небольшого письма. Он рельефно отражает личные качества одного из самых выдающихся исследователей Херсонеса. И, кроме того, дает возможность заглянуть в «творческую лабораторию» мастера (С.В. Ушаков, ред.).

² **Александр Николаевич Щеглов (1933-2009 гг.)** – выдающийся отечественный археолог-антиковед. Родился 17 октября 1933 г. в городе Великие Луки (Россия). С 1958 г. работал в Херсонесском музее (ныне – НЗХТ). В 1959 г. организовал Тарханкутскую комплексную экспедицию, которая на протяжении 35 лет под его руководством проводила исследования греческих и скифских памятников Западного Крыма. С 1968 г. работал в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР (ныне - Институт истории материальной культуры РАН (ИИМК)). Кандидат исторических наук, работал зав. отделом полевых исследований ИИМК, доцентом кафедры археологии Санкт-Петербургского государственного университета. Автор 230 научных работ (ред.).

³ Описание комплекса принадлежит мне (примечания, напечатанные черным цветом, сделаны автором статьи – ред.).

⁴ Описание комплекса сделал С.Г. Рыжов. Путеводителей, изданных после 1985 г., мне неизвестно.

⁵ Из другой научно-популярной литературы могу указать на книгу: [10, с. 48]. Но это сочинение откровенно конъюктурно. Оно выпущено к тысячелетию принятия христианства на Руси.

время преподносил его читателям путеводителей и я. Но примерно тогда же, в начале шестидесятых годов теперь уже завершающегося века¹, я усомнился в правильности однозначного понимания и толкования древнего и наиболее яркого элемента данного архитектурно-строительного комплекса, а именно его «подземной» части, как памятника раннехристианской культуры Херсонеса. На эту мысль навели меня занятия поиском проявлений в археологии и искусстве поздних (римского времени) дохристианских культов в городе на примерах памятников скульптуры и мелкой пластики, а также некоторые общие соображения, почерпнутые из доступных в то время книг. Возможность понять и объяснить этот объект не так, как это принято в литературе, то есть не как археологический признак отражения каких-то аспектов культа раннего христианства в городе, но как один из археологических признаков возможного существования одного из предшествующих и соперничавших христианству «языческого», т.е. «позднеантичного» культа, казалась мне допустимой. А если говорить более конкретно, то попытаться связать строительные остатки «пещерного храма» в третьем квартале северо-восточного района с гипотезой о возможном почитании в городе в начале первого тысячелетия н.э. одного из самых главных соперников развивающегося христианства, а именно – культа Митры².

Эту мысль в свое время я обсуждал с некоторыми коллегами, как в Херсонесе, так и вне его³. В одно лето для ее проверки мы с В.Н. Даниленко даже предприняли новые обмеры комплекса, но их не завершили по внешним и не зависящим от нас причинам. В дальнейшем, опять же по разным причинам, меня эта тема стала мало интересовать. А с переездом из Севастополя в Ленинград я оказался оторванным и от главного источника по дискутируемой теме, а именно – археологических реалий.

В предлагаемом к обсуждению сообщении излагаются в общем уже очень старые (может быть даже устаревшие) мысли и приводятся, в общем, те же старые доводы. Ничего нового пока нет. Но побудительные мотивы вернуться к такой постановке вопроса именно сейчас вполне, во всяком случае для меня, понятны. Они, в первую очередь, связаны с новейшими объяснениями изменений не столько функционального, сколько содержательного характера строительно-архитектурного ансамбля «Базилики 1935 г.» (См. например: [12])⁴. Затем меня убедили доводы Д.Ю. Коробкова о новом интересе возвращения к этой теме⁵. Понимаю, что приводимые ниже свидетельства косвенны, а система доказательств недостаточна. Но я придерживаюсь тех критериев оценки свидетельств, которые в свое время были сформулированы Артуром Хокартом. А именно: косвенные свидетельства в любых науках, в том числе и в археологии, более надежны для выяснения или решения той или иной проблемы, чем прямые. По остроумному замечанию этого знаменитого лингвиста, этнолога, антрополога и археолога *«за последнее столетие вряд ли кого-нибудь повесили на основании прямых улик без учета косвенных, но на основании только косвенных повесили многих»* [19, с. 88].

¹ Имеется в виду XX в. (ред.).

² О культе Митры см.: [21, с. 150—153, 173 сл.].

³ К идее благосклонно, с интересными соображениями, отнеслись А.И. Вошинина, А.М. Гилевич, Т.Н. Златковская, Е.Н. Жеребцов, А.П. Манцевич, Д.Б. Шелов и Е.М. Штаерман. Всем им я чрезвычайно признателен за консультации. Резко против высказывались в беседах Г.Д. Белов, Е.В. Веймарн, С.Ф. Стржелецкий и А.Л. Якобсон, им я тоже очень благодарен. Особенно запомнился мне разговор с О.И. Домбровским. Его соображения, основанные, конечно, на открытии руин театра под христианским храмом, заключались в том, что (привожу не дословно, но по смыслу) все значимые средневековые храмы Херсонеса возводились на повергнутых и разрушенных ранее популярных «языческих» культовых или светских постройках. В то же время он, как и П.Н. Шульц, не видели возможности получения новых доказательств в пользу той или иной точки зрения.

⁴ Есть и другие публикации. Если я правильно помню, мысль о том, что ранний храм мог быть синагогой, высказал Е.Н. Жеребцов где-то на рубеже 50-х - 60-х годов в своем докладе на Ученом совете Херсонесского музея. Разумеется, по тогдашним обстоятельствам он не мог выразить свою догадку печатно [9, с. 205-213]. (В постсоветское время она была опубликована в статье: Жеребцов Е.Н. Раскопки Базилики 1935 г. в Херсонесе. Замечания к археологической ситуации // Очерки по истории христианского Херсонеса. СПб.: Алетейя, 2009. С. 139-151. – ред.).

⁵ За что я ему весьма признателен.

II. АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС В КВАРТАЛЕ III СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО РАЙОНА ХЕРСОНЕСА

2.1. Раскопки и информация. Начну ab ovo. Позволю себе кратко напомнить всем известную историю раскопок сооружения в восточном углу квартала.

Они были начаты Императорским Одесским обществом истории и древностей в 1881 г. и продолжены в 1882-1884 годах, о чем сообщалось в кратких информационных заметках о раскопках с публикацией схематического плана [14, с. 9; 13, с. 18-20]¹. В первый год были расчищены с внутренней стороны остатки апсиды и стен небольшого наземного храма и верхняя часть находившегося внутри него «погреб», заваленного камнями. В следующем году после разборки заполнения подземной части выявлена ее конструкция. В ходе разборки заполнения были обнаружены шесть человеческих черепов.

Однако вырубленное в скале сооружение тогда не было раскопано до конца. Только спустя почти три десятилетия расчистку самого нижнего слоя сделал Р.Х. Лепер в 1911-1912 гг. Но, поскольку он не составлял отчетов и не публиковал сведений о результатах своих работ, о его раскопках мы знаем только по краткой информации К.Э. Гриневича, который принял издание дневников Лепера в третьем Херсонесском сборнике [20, с. 77-78 (прим. 1)]. Только благодаря сообщению Гриневича, который, кстати, собирался посвятить этому памятнику «особое исследование», известно, что Лепером в слое были обнаружена краснолаковая керамика начала н.э. и какие-то другие синхронные (?) находки [7, с. 69].

2.2. Публикации и интерпретации. Уже во втором кратком Отчете ООИД² вырубленное в скале сооружение внутри наземного храмика стало трактоваться не как «погреб», что думалось сначала, а как усыпальница (находки черепов). Естественно, христианская. Именно это понимание подземной части храма и легло в основу всех последующих взглядов. Хотя их и не так много.

Первый републикатор, Д.Г. Айналов, в своем своде христианских храмов Херсонеса почти дословно повторяя Отчет ООИДа, описал весь комплекс как «*храмик на усыпальнице*» [1, с. 121 сл., рис. 86-87].

Несколько раз обращался к комплексу в третьем квартале города К.Э. Гриневич. Как уже говорилось выше, он намеревался посвятить ему специальное исследование. Но осуществить задуманное ему не пришлось, по-видимому, по независящим от него обстоятельствам. Тем не менее, его напечатанные в конце двадцатых и самом начале тридцатых годов краткие замечания и соображения представляют несомненный интерес и сейчас, хотя бы уже потому, что именно они наложили неизгладимый отпечаток на все позднейшие представления. Позволю себе пересказать некоторые из них. Во-первых, давая оценку раскопкам ООИД, Гриневич резонно заметил, что «*к сожалению, истинного назначения и смысла этого замечательного памятника производители работ не уловили*» [8, с. 21]³. Здесь он, конечно, был прав. Во-вторых, именно этот исследователь первым выдвинул гипотезу о том, что подземелье на Главной улице («пещерный храм») могло быть приспособлено «*для потребностей древней христианской общины*» (подчеркнуто мной - А. Щ.) [7, с. 68]; «*на основании найденных краснолаковых черепков и целого ряда других находок, мы можем этот храм датировать эпохой позднеримского времени, подтверждая этим предположение о его позднеримском происхождении*» [7, с. 69]. В одной из ниш, возможно, были «*места для раб с останками мучеников (?)*» [20, с. 77]. «*Наземная его постройка относится к гораздо более позднему времени*». «*По-видимому, храм впоследствии имел характер храма-памятника*» (подчеркнуто Э.К. Гриневичем) [7, с. 69]. Но, как мне кажется

¹ См. также: [8, с. 21 сл.].

² ООИД – Одесское Общество истории и древностей.

³ Как известно, К.Э. Гриневича надолго, как множество других людей, посадили в сталинский ГУЛАГ. К сожалению, когда в свое время я с ним несколько раз беседовал в Херсонесе и Харькове, мне не пришло в голову спросить у него о его соображениях и системе доказательств, а также конкретно о материалах из раскопок Лепера.

ся, - главная и самая интересная мысль Гриневича заключена в фразе: «*интереснейший памятник эпохи борьбы двух идеологий – язычества и христианства*» [7, с. 68].

Схематический план и поперечный разрез вырубленного в скале сооружения, составленный Янышевым, издан Гриневичем в публикации дневников Лепера [20, табл. I и II]. Спустя двадцать лет к этому памятнику обратился А.Л. Якобсон. Сначала, описывая жилые комплексы третьего квартала, существовавшие в последнем периоде жизни города, он предположил, что это был раннесредневековый мавзолей знатного херсонесца V в., над которым могла быть возведена (тогда же? – А. Ш.) впоследствии разрушившаяся церковь. В позднейшее время над склепом соорудили часовню [22, с. 74]. В следующей своей монографии – уже о раннесредневековом Херсонесе – А. Л. Якобсон уделил этому памятнику особое место. Во-первых, он опубликовал более точный, чем предшествующие, план сооружения (к сожалению, без разрезов и тоже не очень понятный)¹. Во-вторых, он несколько изменил свою прежнюю точку зрения. Теперь он трактовал вырубленное в скале весьма сложное архитектурное сооружение как раннесредневековый (=раннехристианский) мавзолей-мартирий, конструктивно восходящий к позднеримскому погребальному склепу. Он отверг предположение К.Э. Гриневича о том, что это был тайный храм первых христиан, но поддержал его мысль о погребальном характере конструкции (т.е. догадку о захоронении останков первых христианских мучеников). Что касается датировки подземного сооружения, он по-прежнему определял его V в., а остатки часовни над ней так же по-прежнему датировал XII-XIII вв. (Подробно см.: [23, с. 191 сл., рис. 94-96]). Последнее вряд ли может вызывать сомнения.

Спустя тридцать лет после выхода монографии А.Л. Якобсона еще раз к «пещерному храму» обратился С.А. Беляев. Его главная мысль, насколько я понял, свелась к тому, чтобы подтвердить идею об обращении херсонеситов в христианство в первой четверти V в. [5]. Каких либо новых или ранее неизвестных наблюдений о памятнике в работе автора нет.

2.3. Базовые признаки для определения скального сооружения как раннехристианского храма или мартирия. Итак, еще раз перечислим зафиксированные наблюдения раскопщиков и издателей.

1. Расположение на Главной улице, недалеко от центрального участка города.

2. Сложный "пятилепестковый" план, не находящий прямых аналогов в раннехристианских церквях и катакомбах, но имеющий алтарную апсиду на С-В. По А.Л. Якобсону, напоминает позднеримские «языческие» погребальные конструкции. В соответствии с генеральной планировочной осью над ним в позднейшее время сооружена часовня (или маленький храмик), что не может быть случайным, но должно указывать на прямую логическую связь между погребенными останками под землей и остатками часовни.

3. Находки останков человеческих погребений.

4. Для определения абсолютной даты единственное свидетельство – упоминаемые К.Э. Гриневичем краснолаковые черепки из раскопок Р. Х. Лепера.

2.4. Состояние исходных данных. Надо признать, что с ними очень плохо. Из прочитанного у меня сложилось впечатление, что с архивными материалами и коллекциями из раскопок как Одесского Общества, так и Р.Х. Лепера, был знаком *de visu* только К.Э. Гриневич. Только он ссылался в своих работах на номера чертежей из собрания Одесского археологического общества, и только он писал о находках краснолаковой керамики и других (каких?) вещей из раскопок Р.Х. Лепера. Именно только на его сообщениях построены все дальнейшие определения даты подземного сооружения. Но кто видел и исследовал упомянутые им материалы? А.Л. Якобсон с архивами Одесского Общества, очевидно, знаком не был. В своих книгах он ссылается только на те архивные данные, которые хранятся в Херсонесском музее. Нужны новые поиски того, что осталось от прежних исследователей. И, прежде всего, в фондах музея. Необходимы и новые современные обмеры подземного сооружения в нынешнем состоянии. Именно до новых серъ-

¹ Авторство архитектурного обмера не указано. Скорее всего, это могли быть либо С.Ф. Стржелецкий, либо сам А.Л. Якобсон. Поиски оригинала я не предпринимал.

езных поисков я не считаю свои догадки достаточно убедительными (как, впрочем, и догадки моих предшественников).

III. АЛЬТЕРНАТИВА

Усомниться в том, что рассматриваемое подземное сооружение первоначально могло и не быть связано с ранним христианством, меня заставили два не связанных на первый взгляд обстоятельства. Первое – находка фрагмента мраморного посвятельного рельефа с изображением Митры. А второе (уже связанное с первым) – ознакомление с митраизмом и его взаимодействиях с ранним христианством.

Херсонесский фрагмент посвятельной пластинки с изображением Митры был найден Р.Х. Лепером в том же квартале, где расположен подземный «храм/мартирий». Накладка мест находки посвятельных рельефов и иной культовой скульптуры, а также некоторых надписей на план городища показывает, что они концентрируются, как правило, в определенных местах или районах города. Вряд ли это случайно. Скорее всего, это связано с некоторыми почитаемыми культовыми местами (храмы, алтари и т. д.). Это наблюдение привело меня к мысли, что в третьем квартале мог существовать митреум. А дальше следовали те же соображения (но с другим знаком), что и у моих предшественников, ибо я опирался на те же самые факты и общие соображения, что и они.

3.1. Давно установлено, что главным соперником культа Христа, как в провинциях, так и в центре Римской империи был культ Митры. С этим положением, насколько мне известно, согласны как ученые богословы, так и историки религий. Это прекрасно понимал, скажем, Тертуллиан и его современники. Напомню известное. Главные христианские обряды и символика взяты из митраизма: *dies natalis Solis invicti* - 25 октября (день рождения Солнца и Митры и день рождения Христа), и т.д. И т.п. (*дополнить*).

Об обрядах христианства, которые были взяты из митраизма, писал, объясняя их, Тертуллиан: *«дьявол ... всячески старается в мистериях ложных богов подражать святым обрядам христианской религии. Он также кой-кого погружает в воду и обещает через крещение искупление грехов. Насколько я помню, Митра знаменует чело своих воинов, когда они посвящаются, приносят в жертву хлеб, представляет вид воскресения, предлагает одновременно венец и меч, запрещает жрецам жениться второй раз, имеет своих девственниц»* (Перевод А.Б. Рановича [15, с. 118]).

3. 2. «Пещерные» святилища Митры, предшествующие христианским святыням.

1. Например, главный христианский (западной ветви) собор Святого Петра в Риме построен над капищем Митры.

2. Другие примеры.

3.3. Архитектурная композиция.

...¹

Источники и литература.

1. Айналов Д. Г. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. Вып. 1. М, 1905.
2. Антонова И.А., Борисова В. В. и др. Херсонес Таврический. Путеводитель по музею и раскопкам. Симферополь: Крымиздат, 1962.
3. Антонова И.А., Зедгенидзе А.А., Колесникова Л. Г. и др. Херсонес. Путеводитель. Симферополь: изд. «Таврия», 1985.
4. Белов Г.Д. Музей и раскопки Херсонеса. Путеводитель. Севастополь, 1936.
5. Беляев С.А. Пещерный храм на главной улице Херсонеса // Византия-Русь. М. 1989.
6. Борисова В. Северо-восточная часть Херсонеса / Херсонес Таврический. Путеводитель по раскопкам. Симферополь: «Крымиздат», 1958.
7. Гриневич К.Э. Иллюстрированный путеводитель по Херсонесу Таврическому. Севастополь: изд. Херсонесского музея, 1926.
8. Гриневич К.Э. Сто лет херсонесских раскопок. 1827 - 1927. Севастополь 1927.

¹ На этом текст рукописи обрывается (ред.).

9. Жеребцов Е.Н. К изучению раннесредневековых памятников Херсонеса // ВВ. 1963. Т. 23. С. 205-213.
10. Зубарь В.М., Ю.В. Павленко. Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. К.: Наукова думка. 1988.
11. Лисин В. Краткий путеводитель по античному отделу и раскопкам Херсонеса. Севастополь: Гос. Изд. Крымской АССР, 1939.
12. Макленнан Р., Оверман Э., Золотарев М.И. К изучению иудейских древностей Херсонеса Таврического // Археология, 1977. № 1.
13. Отчет ООИД за 1884 г.
14. Отчет ООИД с 14 ноября 1882 г. по 14 ноября 1883 г.
15. Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Материалы и документы. М. 1933.
16. Стржелецкий С.Ф. Херсонес - Корсунь. Путеводитель по раскопкам. Симферополь: Крымиздат, 1950.
17. Херсонес Таврический. Путеводитель по музею и раскопкам / [Стржелецкий С.Ф., Колесникова Л.Г., Щеглов А.Н.], Симферополь: изд. «Крым», 1969.
18. Херсонес Таврический. Путеводитель по музею и раскопкам / [Стржелецкий С.Ф., Колесникова Л.Г., Щеглов А.Н., Курганова С.Н.], Симферополь: изд. «Таврия», 1975.
19. Хокарт А. М. Критерии оценки свидетельств. М.: Природа, 1985.
20. ХСб. III, Изд. ГХМ. Севастополь, 1931.
21. Щеглов А.Н. Фракийские посвященные рельефы из Херсонеса Таврического // Древние фракийцы в Северном Причерноморье // МИА. Вып. 150. М.-Л., 1969.
22. Яковсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII - XIV вв.) // МИА. Вып. 17. М.-Л., 1950.
23. Яковсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. Вып. 63. М.-Л., 1959.

Сокращения.

ВВ – Византийский временник

ГХМ – Государственный Херсонесский музей (ныне Национальный заповедник «Херсонес Таврический»)

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

ООИД – Одесское общество истории и древностей

ХСб. – Херсонесский сборник

Приложение 1.

Письмо А.Н. ЩЕГЛОВА Д.Ю. КОРОБКОВУ¹

07.11.2000

СПб

Дорогой Дима!

Да хранит Вас наш археологический Всевышний.

Чрезвычайно признателен за предложение написать эссе по поводу вырубленного святилища. Но всё зависит от сроков. Из-за того, что я обязан сдать свой текст по Панскому до конца года, я смогу по-настоящему приступить к означенной теме только в начале следующего тысячелетия, если, конечно, меня не переедет трамвай на проспекте имени великого Энгельса.

Сейчас, на всякий случай, посылаю Вам те заметки, к-рые успел набросать между делом. Согласны ли Вы принять их в таком ключе и стиле? Это, конечно, только черновик первого варианта. Однако pro et contra христиан и митраистов пока мне кажутся равновесными.

Жду главы Вашей диссертации.

Пусть Вам сопутствуют Зевс и два китайца. Удачи!

Ваш А. Щеглов

P.S. Если захотите, ответьте мне, пожалуйста через Ольгу Юрьевну². Я всё ещё (по лениности) не поставил дома почту.

¹ Сохранены орфография и пунктуация автора (ред.).

² Вероятно, Ольгу Юрьевну Соколову (ред.).

II ИСТОРИЯ НАУКИ

ФЕОДОСИЙСКИЙ МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ: Е.Е. ПИРЛИК-ШОСТИТКО-МАЛЯВСКАЯ

ПЕТРОВА Э.Б.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

Феодосийский музей древностей – учреждение в некотором роде уникальное. Основанный 13 (25) мая 1811 г. и существующий уже два столетия, он славится как один из старейших музеев на юге России и фактически первый музей в Крыму. В Октябре 1917 г. закончился дореволюционный период его истории, отмеченный яркими именами и замечательными археологическими открытиями, хотя и далеко не безбедный, т.к. перманентно не хватало средств на содержание и развитие музея, многое держалось на энтузиазме и бескорыстной преданности горстки людей, зачастую не являвшихся профессиональными историками и археологами, хотя, конечно, бывших широко образованными и интеллигентными.

История музея после Октября 1917 г. и до Великой Отечественной войны наименее известна нам по той причине, что не сохранился архив КрымОХРИСа, игравший первостепенную роль в жизни музеев и охране памятников в Крыму в 1920-х гг., а основная масса документов из архива Феодосийского музея древностей пропала в годы войны. Ныне материалы по 1920–1930-м гг. рассредоточены по фондам ГААРК.¹

27 ноября 1920 г. на имя В.Д. Геймана, в самом начале 1918 г. сменившего на посту заведующего (хранителя) музеем Л.П. Колли, приходит телеграмма с предписанием принять меры по защите музея, следить за состоянием памятников архитектуры в уезде, приступить к собиранию покинутых и находящихся в ломбардах культурных ценностей и представить доклад о состоянии музея и памятников старины в секцию охраны памятников Крымского отдела Наробраза [9, л. 27]. Гейман, однако, даже не приступил к исполнению этих указаний, т.к. в ноябре 1920 г. навсегда покинул родину. Решение всех этих вопросов легло на плечи его преемника.

Таковым временно становится Екатерина Елисеевна Пирлик-Шоститко² – профессиональный археолог, приват-доцент, деятельный участник феодосийского отделения Крымско-Кавказского горного клуба, сотрудник Феодосийского отделения КрымОХРИСа, с 1924 г. – член Феодосийского отделения РОПИКа [9, л. 252 слл.]³. К сожалению, мы немного знаем об этой первой в истории музея женщине – женщине, можно сказать, героической: ей довелось работать в музее и заведующей, и научным сотрудником в самые тяжелые для страны и музея годы – послевоенная разруха, голод, бандитизм, формирование новых органов власти в цен-

¹ При этом фонд собственно Феодосийского музея (ГААРК. Ф. Р-4060) не очень богат.

² В некоторых документах, видимо, ошибочно, она названа Екатериной Алексеевной.

³ См. также: [20, с. 85; 18, 2. с. 20; 25, с. 57].

тре и на местах, отсутствие у большевиков ясного представления о том, что и как нужно спасать и охранять из доставшегося им от прежней России наследства¹.

В обстановке нестабильности и неопределенности этой молодой женщине фактически в одиночку приходилось заботиться о сохранности коллекции музея, заниматься пополнением его фондов в ходе изъятия ценностей у «бывших» и по мере собирания каменных «плит и фрагментов исторического значения, разбросанных по городу и уезду» [11, л. 167], выезжать за пределы города для обследования бесхозных, брошенных на произвол судьбы исторических памятников, для «спасения от расхищения и уничтожения предметов искусства и старины» [17, с. 142]. По воспоминаниям А.И. Полканова, условия музейной работы в Крыму в 1921–1922 гг. были гораздо более трудными, чем в иных местах: музейные работники долгое время не получали пайков и заработной платы, всякий их выезд за пределы города был сопряжен с риском потерять не только поклажу и одежду, но и жизнь; ко всему прочему совершенно невозможно было найти транспорт, ценности приходилось переносить на руках, перевозить на тележках, в лучшем случае – на однолошадных дрогах [23, с. 98, 99]. Голод 1921–1922 гг., порожденный неурожаем и политическими катаклизмами, был страшным: по воспоминаниям очевидцев, в Феодосии в день умирало по 30–40 человек, люди умирали прямо на улицах, свирепствовал сыпняк, началось людоедство [19, с. 147, 155, 161]. И в последующие годы было не легче. В списке ученых и литераторов, находившихся в Крыму и нуждавшихся в помощи, опубликованном в феврале 1923 г. в журнале «Новая русская книга», мы находим Е.Е. Пирлик [19, с. 179].

По решению КрымОХРИСа с 15 апреля 1922 г. заведующим Феодосийским археологическим музеем назначается академик, искусствовед А.П. Новицкий (1862–1934), приехавший с семьей в Коктебель на свою дачу в 1918 г. и оставшийся в Крыму в связи с событиями гражданской войны и по причине болезни [9, л. 101; 10, л. 9 слл.; 3; 4, с. 58–63]. Но уже в июне 1922 г. он покидает Крым.

Дела музея вновь принимает Е.Е. Пирлик-Шоститко. В документах с 1923 г. она именуется Пирлик-Малявской [10, л. 26 слл.; 11, л. 167, 202 и др.]. Судя по тому, что Екатерина Елисеевна сменила вторую часть фамилии, она вышла замуж; в это время у нее родилась дочь [11, л. 202]².

С апреля 1922 г., после перерыва, пришедшегося на время гражданской войны, Феодосийский музей древностей, теперь называвшийся археологическим, вновь стал принимать посетителей. Поначалу вход в него был бесплатным; с 1923 г. плату ввели – билет стоил 15 коп. [11, л. 166]³.

В Крыму музеи и раритеты оказались под надзором нескольких организаций – КрымОХРИСа (с апреля 1927 г. – инспектора по делам музеев)⁴, музейного отдела Главнауки, Центральных реставрационных мастерских при Отделе по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР (ЦГРМ) [9, л. 157; 11, л. 166; 21, с. 9 слл., 41 слл.]. К этой работе подключились Российское общество по изучению Крыма (РОПИК), Академия истории материальной культуры (ГАИМК), а также ТУАК, в 1923 г. переименованная в ТОИАЭ.

Музейные работники, как правило, являлись сотрудниками КрымОХРИСа (такowymi были и А.П. Новицкий, и Е.Е. Пирлик, и даже сторож музея [10]), а значит, решали те же задачи, что и КрымОХРИС. КрымОХРИС же занимался собиранием художественных ценностей, обследованием и охраной памятников архитектуры, формированием фондов музеев. Длительное время эту организацию возглавлял известный краевед А.И. Полканов, совмещавший эту работу с должностью заведующего Центральным музеем Тавриды в Симферополе.

¹ Единственный и очень короткий рассказ о ней см. в: [25, с. 57–58].

² Хочу обратить внимание читателей на то, что в записях М.А. Волошина неоднократно упоминается доктор Валентин Николаевич Пирлик (1889 г. рождения), живший в Симферополе [19, с. 155, 180, 181, 183, 201]. Фамилия Пирлик редкая. Не был ли он родственником Екатерины Елисеевны?

³ См. также: [9, л. 241].

⁴ Музей контролировался КрымОХРИСом и его подразделением – охрисом Феодосийского уезда (с октября 1921 г. – Феодосийского округа), который с осени 1920 г. возглавлял художник, искусствовед, директор Картинной галереи И.К. Айвазовского Г.А. Магула (1873–1923). Магула, «вероятно, осуществлял прямое руководство Феодосийским археологическим музеем в периоды отсутствия хранителей» [15, с. 63].

В этот период становления музейного дела в рождавшемся советском государстве работникам КрымОХРИСа и музеев приходилось заниматься многочисленными и разнообразными делами, а средства на содержание и развитие музеев отпускались небольшие и штаты музейных работников были невелики. В Феодосийском археологическом музее числилось три человека: заведующий, научный сотрудник и сторож [9, л. 95].

4 марта 1921 г. на Музейной секции подотдела искусств отдела Наробраза обсуждается вопрос о доставке изъятых ценностей и размещении их в Феодосийском музее [9, л. 11]. 18 марта 1922 г. на заседании Президиума Крымского Совнаркома (Советы сменили ревкомы в 1921 г.) принимается решение о пополнении фондов Феодосийского музея [6, л. 2] – речь шла о тех ценностях, которые чудом сохранились после разгрома в годы революции и гражданской войны в брошенных хозяевами имениях [1, с. 27-28]. 19 июня 1922 г. Феодосийский охрис получает уведомление об отпуске денежных средств на содержание музеев г. Феодосии [9, л. 102], каковых было три: Картинная галерея, Археологический музей и Художественный музей (конечно, главное внимание уделялось галерее – туда свозилась и большая часть ценностей, там оседали и большие средства, ассигнованные на содержание музеев). В 1922 г. КрымОХРИС произвел первый, хотя и неполный учет археологических памятников полуострова; эта работа была продолжена в дальнейшем. Вопросы охраны памятников старины обсуждались на четырех конференциях музейных работников Крыма, проходивших в 1922–1926 гг., а также на археологических конференциях в Керчи 1926 г. и в Херсонесе 1927 г. [22, с. 176, 178-179].

Во всех этих работах активное участие принимала Е.Е. Пирлик-Шоститко-Малявская – и как член КрымОХРИСа, и как работник Археологического музея.

В 1921 г. Екатерине Елисеевне, как человеку с высшим гуманитарным образованием [11, л. 167], было поручено ответственное дело: разборка богатейших архива и библиотеки известного военачальника, профессора истории Н.А. Маркса, находившихся в его имении в Отузах (ныне пос. Курортное). Результатом командировки Пирлик-Шоститко в Отузы стал отчет, свидетельствующий о трудоемкости и сложности проведенной ею работы [27; 18, с. 4 слл.; 24]. В том же, 1921 г. она занимается описью художественных ценностей в Судаке и Новом Свете, совместно с А.К. Магулой – описью художественных ценностей, взятых на учет отделом Наробраза, в доме И.К. Айвазовского по ул. Виноградовской [7, л. 361-361 об.; 9, л. 36]. И подобных дел было у нее немало.

Казалось бы, в столь тяжелое время государство заботилось не только о хлебе насущном, но и о ценностях духовных, непреходящих. Однако в этой сфере, как, впрочем, и в иных, дела шли не так гладко, а зачастую и совсем плохо. В докладной записке А.И. Полканова, направленной в Реставрационный отдел Главнауки в феврале 1924 г., говорилось: *«В течение последних десяти лет реставрационные и ремонтные работы не производятся вовсе. Охрана их сошла на нет. Памятники разрушались, с одной стороны, от времени, с другой – местным малокультурным населением, пользовавшимся ими как материалом для отопления и построек»* [21, с. 108-109]. Александр Иванович также отмечал, что наименее благоприятными для памятников истории и культуры были 1923–1924 гг.: *«снова начинает развиваться кладоискательство... а также и разрушение памятников для построек... Так, несмотря на все протесты, была обезображена пристройкой открытой сцены феодосийским Коммунхозом великолепно сохранившаяся генуэзская “Константиновская” башня»* [22, с. 176; 23, с. 117-118]. Борьба с этим злом КрымОХРИСу помогал Крымский НКВД. Но сотрудники охриса понимали, что этого недостаточно, что нужно организовывать профессиональные археологические раскопки.

В 1923 г. по поручению КрымОХРИСа небольшие археологические изыскания проводились в Старом Крыму, наблюдение за ними было возложено на Е.Е. Пирлик-Малявскую [25, с. 58].

В связи с отсутствием средств на археологические исследования и техническую охрану памятников было решено их зарисовывать, и дело это КрымОХРИС поручил одному из своих сотрудников – феодосийскому художнику К.Ф. Богаевскому. Он сделал многочисленные акварели и рисунки: до 1925 г. – архитектурных памятников Феодосии, Судака и Старого Кры-

ма, в 1926 г. завершил работу по зарисовке памятников Бахчисарайского, Карасубазарского, Ялтинского районов и Арабатской крепости [22, с. 177]¹.

Ситуация в Феодосийском археологическом музее и в деле охраны исторических памятников Феодосийского округа в 1923–1924 гг. обрисована в отчетах, сметах и прочих документах музея [11]. В духе времени сформулирована задача музея – «культурно-просветительная работа, которая выражается в собирании научно-исторического материала и ознакомлении масс с прошлым Крыма путем чтения лекций и объяснения коллекций музея» [11, л. 110]. В отчете за 1923 г., подготовленном Пирлик-Малявской по запросу КрымОХРИСа, отмечалось, что музейное собрание размещается в одном зале и состоит из следующих отделов: эллинский, византийский, генуэзский, армянский, турецко-татарский, еврейский, русский [11, л. 166]. По данным Екатерины Елисеевны, на 3 октября 1923 г. в музее числилось 1348 предметов: доисторических – 6, египетских – 5, эллинских – 1036, византийских – 13, армянских – 14, генуэзских – 54, средневековых невыясненных предметов – 11, турецко-татарских – 30, еврейских – 6, русских – 20, к этому прибавлялись карты, планы, чертежи, виды и исторические документы [11, л. 164]. В 1923 г. поступило несколько новых экспонатов: 9 монет (купленных у частных лиц), три эллинских амфоры (одна – из раскопок кургана, две – случайно обнаруженные при прокладке водопровода) и персидское кольцо (дар жителя г. Старый Крым) [11, л. 166 об.]. Музейная библиотека насчитывала 1241 книгу [11, л. 167]. Беспочвенность заведующей музеем вызывала скудость нумизматического отдела – результат того, что в 1918 г. из музейного собрания было вывезено в Москву около двух тысяч монет, включая золотые [11, л. 164-164 об., 166 об.]².

Еще в октябре 1922 г. на I музейном съезде главное внимание работников музеев обращалось на культурно-просветительную работу, «ознакомление масс с родным краем» – организацию экскурсий, лекций, выставок [23, с. 102]. Выполняя директивы свыше, Екатерина Елисеевна водила экскурсии по музею и городу, читала лекции по истории Феодосии для учащихся, членов профсоюзов и групп, организованных экскурсионным бюро, проводила также занятия с членами кружка «Юный археолог», организованного при Феодосийском охранном отделе [11, л. 166 об.]. В документах отмечалось, что в ноябре 1923 г. музей посетили 19 человек, в марте 1924-го – 38, с 1 октября по 1 апреля того же года – 160.³

Фактически два человека – заведующая музеем Е.Е. Пирлик-Малявская и научный сотрудник музея А.К. Магула – создали полный карточный каталог с описанием музейной коллекции, подготовили путеводитель по музею, составили археологическую карту Феодосии, к которой приложили путеводитель по городу и уезду, собрали материалы для составления археологической карты Феодосийского уезда [11, л. 166 об.]. Работа по составлению археологических карт требовала специальных знаний и серьезных исследований, она имела не только научное, но и практическое значение, так как памятникам археологии угрожала опасность в связи начавшимся активным освоением земель в Феодосии и ее округе. Главная роль в этой работе принадлежала Екатерине Елисеевне, археологу по профессии (А.К. Магула имела среднее образование и небольшой стаж музейной работы [11, л. 167]).

Наиболее сложной и слабо обеспеченной материально была работа по спасению и поддержанию исторических памятников в Феодосии и ее округе. В документах КрымОХРИСа говорилось о необходимости выделить музею средства на укрепление в Феодосии остатков ворот и стены генуэзской крепости, фасада армянского фонтана, очистку турецких бань, на укрепление в Судакке четырех башен генуэзской крепости и ремонт крыши церкви, на под-

¹ Сохранились также карандашные зарисовки архитектурных памятников Крыма, сделанные в 1927 г. П.И. Голландским – сотрудником ЦМТ, архитектором КрымОХРИСа, научным специалистом по охране памятников старины и искусства при уполномоченном Главнауки в Крыму, среди них – пять рисунков по Феодосии (виды средневековых армянских церквей св. Сергия и свв. архангелов Гавриила и Михаила и вход в служебный флигель при т.н. дворце Екатерины II) и один – с изображением средневекового христианского храма, вскрытого на вершине холма Кордон-Оба, в центральной части побережья Отузской бухты (территория пос. Курортное), в ходе археологических раскопок Н.С. Барсамова в 1927–1928 гг. (ЦМТ. КП-13894).

² Примечательно, что в 1912 г. Л.П. Колли учел в музее 1990 монет: 15 золотых, 1000 серебряных и 975 медных [26, с. 32].

³ Для сравнения: галерею И.К. Айвазовского в ноябре 1823 г. посетили 89 человек, в марте 1924 г. – 122 человека, с 1 октября по 1 апреля 1924 г. – 659 человек [11, л. 10, 72, 77].

держание в Старом Крыму армянской и греческой церковей, синагоги, монетного двора, медресе, а также мечетей в Старом Крыму и других местах Феодосийского округа [11, л. 158].

Е.Е. Пирлик-Малявская ездила по округу, осматривала памятники. К счастью, у нее были добровольные помощники – члены кружка «Юный археолог». Так, в сентябре 1924 г. Екатерина Елисеевна по заданию Феодосийского охрима отправилась в сопровождении кружковца А.М. Новосельцева в Старый Крым для изъятия из армянского монастыря резных дверей и трех икон («Тайная вечеря», «Георгий Победоносец» и «Положение во гроб») [12, л. 15-18]. В октябре того же года Новосельцеву было поручено самостоятельно осмотреть памятники старины в селах Аджигал (Знаменка) и Кулиш-Мечеть (Новопокровка) [12, л. 1-3]. Юноша был подготовлен к выполнению такого задания Екатериной Елисеевной. Тогда же, в октябре 1924 г., армянской общине г. Феодосии предлагалось передать в Археологический музей две плиты (как сказано в документе, ценные для науки и не имеющие значения для религиозного культа) из церкви свв. архангелов Гавриила и Михаила и Георгиевского монастыря [12, л. 6]. Осмотром и приемом в музей новых экспонатов занималась Пирлик-Малявская. Впрочем, больше было некому.

На плечи Екатерины Елисеевны легли также заботы по ремонту здания музея, который проводился в 1923 г. [11, л. 13, 109 об., 110, 152, 159, 166]¹. Музей находился на горе Митридат, здание было построено в 1871 г. по проекту академика, архитектора Министерства двора и уделов А.И. Резанова на средства, полученные художником И.К. Айвазовским от выставки картин. За полсотни лет музейные фонды заметно расширились и появилась потребность в дополнительных площадях. В отчете за 1923 г. Екатерина Елисеевна отмечала, что коллекции находятся в «скупенном состоянии», отдаленность же музея от центра города и расположение на горе *«вредно отражаются на посещаемости его»* [11, л. 166, 166 об.]. В связи с этим, продолжает она, в будущем предполагается перевести музей в дом Айвазовского и разбить коллекцию по трем отделам: эллинский, генуэзский и современной истории (со времени присоединения Крыма к России), при этом *«с возможной полнотой осветить бытовую и производственную стороны каждой эпохи»* [11, л. 166].

Остается удивляться тому, как Е.Е. Пирлик-Малявской с ее немногочисленными и не имевшими профессиональной подготовки помощниками удавалось так много делать в тех условиях. Все в том же отчете музея за 1923 г. она, например, отмечает: *«Отсутствие средств затрудняет свезение плит и фрагментов исторического значения, разбросанных по городу и уезду»* [11, л. 167]. Денег, транспорта катастрофически не хватало, а тяжелые плиты и архитектурные детали нужно было не только разыскивать на значительной по размеру территории, но и перевозить в музей, находившийся на горе. Возможно, несколько облегчило дело постановление Феодосийского горисполкома: *«На основании декрета СНК от 7 января 1924 г. предлагается всем домовладельцам, арендаторам домов, управдомами, завжилтовариществами... в недельный срок подать сведения об имеющихся на территории их домовладений исторических памятниках»* [12, л. 21]. Однако на практике решать вопросы, связанные с обследованием и перевозкой памятников, приходилось заведующей музеем.

Осенью 1923 г. в местных властных структурах обсуждался вопрос о переводе Археологического музея в подвальное помещение Художественного музея, совершенно для этого не приспособленное (оно заливалось водой и было плохо освещено), и увольнении всех сотрудников Археологического музея в связи с ожидающимся значительным сокращением ассигнований на его содержание в следующем, 1924 году [11, л. 169-171]. Случись это, музей просто погиб бы. И еще одно весьма неприятное обстоятельство: 23 декабря 1922 г. в здании музея был взломан замок и похищены три картины, в том числе полотно И.К. Айвазовского «Древняя Феодосия» [11, л. 166]. Это был далеко не единственный случай. Еще в марте 1921 г. Г.А. Магула обращался к начальнику Феодосийского отделения милиции с просьбой (впрочем, безуспешной) *«назначить охрану при Археологическом музее... так как были неоднократные попытки вторжения в музей»* [8, л. 14]. А.И. Полканов отмечал, что в промежутке между 1921 и 1923 гг. в Крыму не было ни одного музея, который не подвергся бы грабительским на-

¹ Средств на ремонт было выделено немного (105 руб.), и работы проводились небольшие – благо здание музея оказалось крепким, в свое время построенным, как говорится, на совесть.

летам [23, л. 99]. Феодосийский археологический музей находился в месте довольно глухом, требовалась надежная охрана, а средств на это не было.

КрымОХРИС просит местные власти оставить музей на прежнем месте и обеспечить его содержание при двух (а не трех, как было) сотрудниках из местного бюджета. Музей не тронули [11, л. 169]. Впрочем, ненадолго. Вскоре в его жизни произошли серьезные перемены. По решению КрымОХРИСа его, как и предполагалось ранее, перевели из здания на горе Митридат в бывший дом Айвазовского. Мера эта была вынужденной не только потому, что старое здание стало мало для размещения экспозиции и фондов, но и в связи с тем, что Археологический музей, как и большинство крымских музеев, не окупал себя (в 1923 г. была введена плата за посещение музея, но прибыль от нее была невелика). В связи со сложным материальным положением, учреждения КрымОХРИСа уже в 1923 г. были сняты с республиканского бюджета¹, значительно сократились их штаты (при том, что зарплаты сотрудников были мизерными, о чем свидетельствуют многочисленные документы из архивных дел), а вскоре и количество самих музеев [1, с. 30]. В Феодосии был закрыт Художественный музей, а Археологический соединен с Картинной галереей И.К. Айвазовского в одно учреждение, которое возглавил крымский художник, искусствовед и краевед Николай Степанович Барсамов (1892–1976). В июне 1925 г. были завершены ремонт соответствующего помещения в доме Айвазовского и переезд в него Археологического музея [13, л. 49, 59-60 об., 63].

По воспоминаниям Барсамова, средств на переселение Археологического музея не отпустили, лишь две пароконные мажоры с возчиками (они же были грузчиками) выделил коммунальный отдел горсовета, так что сотрудникам музея приходилось переносить мелкие вещи в корзинах и просто в руках [2, с. 58]². Можно представить, какая вновь нелегкая и, в общем, не женская работа выпала на долю Екатерины Елисеевны.

В новом объединенном учреждении, которое Барсамов называл «музейным комбинатом», Е.Е. Пирлик-Малявская заняла должность научного сотрудника и тут же «приступила к распределению коллекций по научным признакам» [2, с. 56, 57, 60]. В ее ведении были все дела по Археологическому музею. Тем более что Николай Степанович большую часть рабочего времени отдавал галерее, да и, по его собственному признанию, участвуя в работе по размещению и оформлению экспозиции Археологического музея, он «очень смутно представлял себе основы археологической науки», «впервые познакомился с археологией Крыма» и вообще был «новичком в музейном деле» [2, с. 63]. Совместная работа с Екатериной Елисеевной принесла замечательные плоды: интерес к археологии Крыма «прочно вошел» в его жизнь [2, с. 63], позднее он опубликовал несколько работ по археологическим памятникам и истории Феодосии и даже самостоятельно проводил небольшие археологические раскопки³.

В 1925–1926 гг. Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения совместно с Бахчисарайским музеем, при поддержке КрымЦИК, КрымСНК и Крымнаркомпроса была организована этнографо-археологическая экспедиция, которую возглавлял заведующий историко-этнологическим отделом ассоциации востоковедения профессор И.Н. Бороздин. Участники экспедиции произвели учет и обмеры значительного количества памятников крымско-татарской архитектуры, собрали множество предметов быта и искусства в Бахчисарае, Евпатории, Карасубазаре, Старом Крыму, Судаке, Феодосии и иных местах. Крупномасштабные по тем временам раскопки были проведены в Старом Крыму; археологические разведки коснулись Коктебеля и Отуз – внимание археологов привлекли остатки средневекового времени на плато Тепсень и мусульманские надгробия с надписями в Отузах. Сотрудники Феодосийского музея были хорошо осведомлены о работе экспедиции и, вполне вероятно, принимали в ней какое-то участие. Особенно это касается Екатерины Елисеевны, профессионального археолога.

К сожалению, мы не знаем, как долго Е.Е. Пирлик-Малявская проработала в музее и как сложилась ее дальнейшая судьба. Последние архивные материалы, в которых звучит ее имя,

¹ Феодосийский археологический музей в первом квартале 1925 г. существовал на т.н. спецсредства, но с 1 октября того же года был переведен на госбюджет Крыма [13, л. 63-153].

² Сохранился документ, датированный 12 июня 1925 г., в котором говорилось, что на ремонт и перевозку Археологического музея была установлена смета в 639 руб. 50 коп. [13, л. 49]. Скорее всего, эта небольшая сумма целиком ушла на ремонт, а на перевозку музейных фондов денег не хватило.

³ Список его трудов см.: [15, с. 66-69].

датируются 1926 г. В ведомостях на получение зарплаты за январь-июнь 1926 г. она значится, а уже в августе в роли научного сотрудника музея выступает П.Н. Заболоцкий [14, л. 4]. Нам известен короткий, но очень бурный период в ее жизни: с ноября 1920 г. по середину 1926 г.

Эти годы были насыщены многими событиями и в ее личной жизни, и в деловой. Работая в КрымОХРИСе и Археологическом музее, Екатерина Елисеевна имела возможность познакомиться со многими интересными людьми, временно или постоянно жившими на полуострове, войти в круг крымских интеллектуалов первых послеоктябрьских лет. В нашей памяти она останется одной из первых музейщиков и профессиональных археологов послереволюционного Крыма, великой труженицей, так много сделавшей для спасения историко-культурных памятников полуострова и становления музейного дела в рождавшемся советском государстве.

Источники и литература.

1. Андросов С.А. Деятельность КрымОХРИСа по созданию и развитию музейной сети в Крыму: 1920–1926 гг. // II Таврические науч. чтения: Сб. мат. Симферополь, 2002.
2. Барсамов Н.С. 45 лет в галерее Айвазовского. Симферополь, 1971. С. 58.
3. Бонь О.І. Академік Олекса Петрович Новицький: Наукова та громадська діяльність. Київ, 2004;
4. Бонь А.И., Жарков Е.И. Новицкий Алексей Петрович // Сотрудники Феодосийского музея древностей – деятели науки и культуры: Биобиблиографич. словарь. Киев, 2011. С. 58-63.
5. В некоторых документах, видимо, ошибочно, она названа Екатериной Алексеевной.
6. ГААРК. Ф. Р-652, оп. 1, д. 116.
7. ГААРК. Ф. Р-1025, оп. 1, д. 107.
8. ГААРК. Ф. Р-1025, оп. 1, д. 203.
9. ГААРК. Ф. Р-4060, оп. 1, д. 1.
10. ГААРК. Ф. Р-4060, оп. 1, д. 2.
11. ГААРК. Ф. Р-4060, оп. 1, д. 3.
12. ГААРК. Ф. Р-4060, оп. 1, д. 4.
13. ГААРК. Ф. Р-4060, оп. 1, д. 5.
14. ГААРК. Ф. Р-4060, оп. 1, д. 7.
15. Жарков Е.И. Барсамов Николай Степанович // Сотрудники Феодосийского музея древностей – деятели науки и культуры: Биобиблиографич. словарь. К., 2011.
16. Жарков Е.И. Магула Герасим Афанасьевич // Сотрудники Феодосийского музея древностей – деятели науки и культуры: Биобиблиографич. словарь. К., 2011.
17. Козлов В.Ф. Охрана исторических памятников в Крыму: 1920–1941 гг. // Художественное наследие: Хранение, исследование, реставрация. М., 1994. Вып. 15.
18. Купченко В.П. Киммерийские этюды: События. Люди. Памятники. Феодосия, 1998.
19. Купченко В.П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества: 1917–1932. СПб.; Симферополь, 2007.
20. Маркевич А.И. Краеведческая работа в Крыму // Крым. М., 1925. № 1.
21. Охрана и изучение памятников истории и культуры Крымской АССР: Исследования и материалы /Автор-сост. А.В. Хливнюк. Симферополь, 2008.
22. Полканов А.И. Охрана памятников старины в Крыму за время советской власти // ИТОИАЭ. 1928. Т. 2 (59).
23. Полканов А.И. История музейного дела и охраны памятников за 10 лет советской власти в Крыму // ИТОИАЭ. 1930. Т. 4.
24. Татаринцева Т.М. К вопросу о судьбе библиотеки генерала Маркса // IX Таврические науч. чтения: Сб. мат. Симферополь, 2009. Ч. 2.
25. Татаринцева Т.М. Пирлик-Шоститко-Малявская Екатерина Елисеевна // Сотрудники Феодосийского музея древностей – деятели науки и культуры: Биобиблиографич. словарь. Киев, 2011.
26. Указатель Феодосийского музея древностей / Изд. 6-е. Феодосия, 1912.
27. ФМД. КП-25215. НА-297.

Сокращения.

ГААРК –	Государственный архив в Автономной Республике Крым (Симферополь)
Главнаука –	Главное управление научными, музейными, учебными и научно-художественными учреждениями Народного комиссариата просвещения РСФСР
Горсовет –	городской совет
ИТОИАЭ –	Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (Симферополь)
КрымОХРИС –	Крымский областной комитет по делам музеев и охране памятников искусства, истории, старины и народного быта
Наробраз –	Крымский отдел народного образования
НКВД –	Народный комиссариат внутренних дел
СНК –	Совет народных комиссаров
ФМД –	Феодосийский музей древностей
ЦМТ –	Центральный музей Тавриды (Симферополь)

III

АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

ЭПОХА ПОЯВЛЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: ДУХОВНЫЕ ИСКАНИЯ

ГЛУШАК А.С., НАУМОВА Н.В.

Академия Военно-Морских Сил им. П.С. Нахимова,
Севастопольский экономико-гуманитарный институт
Таврического национального университета им. В.И. Вернадского

Во времена тотальных перемен обостряется интерес к духовным исканиям переломных эпох и, прежде всего, к эпохе крушения, казалось бы, блестящего античного мира и рождения нового христианского мировосприятия. Мы намеренно оставляем в стороне социально-экономические и классовые аспекты анализа прежде всего потому, что эти проблемы достаточно хорошо изучены в рамках советского религиоведения.

Иудео-христианство, идеи раннего христианства родились в тех областях Римской империи, где рабовладение проявило себя в наиболее крайних и бесчеловечных формах, когда целые народы изгонялись со своих исконных территорий, подвергались или полному уничтожению, или физическому рабству. Рабы же были столь бесправными и ничтожными существами, что, например, близкий к императору Августу римский всадник Ведий Поллион за разбитую рабом дорожную вазу велел бросить его в рыбный садок, чтобы там его живым сожрали рыбы, и лишь вмешательство самого Августа спасло раба (Плиний. Естественная история IX, 77). Рассказывают, что он одел траур, когда умерла его любимая хищница.

Столь крайние формы рабовладельческих отношений были немыслимы в греческих колониях Причерноморья. Херсонес был основан как демократическая республика с верховной властью собрания граждан города. Верховных лиц – архонтов – первоначально избирали более демократичным способом, по жребию, а позднее открытым голосованием. В первые века нашей эры наблюдается процесс все большего имущественного расслоения и аристократизации системы политического управления, власть постепенно концентрируется в руках нескольких фамилий, в частности, семьи Флавиев. Однако основную массу населения в этот период составляли свободные граждане среднего достатка, имеющие земельные наделы, и время от времени собирающиеся на народные собрания, хотя их роль все более сводилась к формальному утверждению принятых решений. В первые века нашей эры процесс расслоения общества еще более усугубился римским присутствием в Херсонесе. Содержание гарнизона и отряда флота легло ощутимым бременем на плечи населения города.

Насколько позволяют судить имеющиеся данные, христианство в северопонтийские города проникало "сверху", т.е. через аристократическую образованную верхушку, а не "снизу" как религия страждущих и обездоленных. Нельзя отрицать возможность существования христиан среди рабов, вольноотпущенников, разорившихся граждан, воинов римского гарнизона, ссыльных, военнопленных и т.д., но не они послужили основным источником распространения христианства в Тавриде. Новые для античного мира идеи, позднее оформленные христианством, проникали туда как интеллектуальный поиск, переосмысление идеи добра и зла, жизни и смерти, воздаяния загробного, а не земного за праведную жизнь. Проникали они и в виде идей орфиков, гностиков, стоиков, митраизма, иудаизма и других учений, школ и верований. Херсонес болел лишь общими для того мира болезнями роста, интеллектуального, этического и эстетического поиска.

В городе-государстве Херсонес не было бурных религиозных движений, не отмечена даже сколько-нибудь заметная деятельность религиозных общин фиасов, хотя об их наличии в городе говорит декрет II в.н.э. в честь Демократа сына Аристогена, где среди прочих достоинств он назван главой фиаса. В отличие от Боспора Херсонес почти не захлестнула волна поклонения богу универсальному, хотя о наличии такого рода идей свидетельствуют изыскания исследовательницы древних надписей Крыма Э.И.Соломоник и, в частности, надпись *«Да будет милостив ко мне Бог»*. Некоторое распространение гностицизма, митраизма, культа Кибелы, Исиды и Сабазия, Бога Высочайшего говорит о том, что даже в консервативном и свято берегущем греческие нравы и традиции Херсонесе происходил процесс поиска новых идей, внедрение идей монотеизма, переосмысление ценностей жизни и смерти, что готовило почву для распространения христианских идей.

О деятельности собственно христианских общин в Херсонесе в первые три века достоверных сведений нет, хотя широкие торговые связи с Малой Азией не могли не приводить к знакомству херсонеситов с новым вероучением, охватывающим все большую часть населения империи.

Если Херсонес не был захвачен стремительным потоком духовных исканий первых веков новой эры, то Боспорское царство может служить интересным объектом изучения эпохи рождения христианства, поскольку здесь шел бурный поиск, возникло множество религиозных общин, где, возможно, также как и в восточных провинциях Римской империи, оттачивались, постулаты будущих христианских истин.

Религиозные поиски единого бога на Боспоре

Если история рождения христианства как религии рабов достаточно хорошо известна, то мало изучены те глубинные корни, те причины, которые побуждали людей разного социального положения, разной этнической принадлежности (т.е. и варваров и греков), разной культурной традиции собираться небольшими группами по 20-50 и более человек и искать некую правду, дабы противопоставить ее "бытию кривды". Что заставляло жителей "периферийного" Боспорского царства в первые века нашей эры объединяться в многочисленные религиозные общества - синоды или фиасы и обращать свои взоры к Богу Высочайшему? Ведь не желание угодить всемогущему императору или местному владыке-царю толкало даже видных царедворцев в эти общества, поскольку известны случаи судов за "приверженность чужеземному суеверию". Если понятно, с меркантильной точки зрения, распространение христианства в V-VI вв., когда политика насаждения христианства стала имперской политикой единовластия, то почему идеи единобожия, впоследствии оформленные христианством, захватывали широкие массы людей? Думается, здесь не может быть однозначного ответа, как и не достаточно ограничиваться общими формулировками, что единовластие царей требовало единобожия. Важно представить ту обстановку кризиса античного общества, духовных исканий, тот революционный скачок в духовной сфере, который породил христианское мировоззрение. В той или иной мере мы уже представили те духовные искания, которые заставляли людей собираться вместе и искать новые ответы на старые вопросы о смерти и бессмертии, о смысле жизни, о законах, правящих этим миром. Христианство выработало целую систему ответов на вечные вопросы бытия. Но эти ответы были рождены не вдруг, их породила целая

эпоха поисков и, думается, религиозные общины Боспора не стояли в стороне от духовных исканий своего времени.

Практически во всех городах Боспорского царства – Пантикапее, Танаисе, Мирмекии, Горгиппии, Фанагории, Киммерике и Илурате найдены стелы, свидетельствующие о деятельности в этих городах религиозных обществ – синодов. На одних стелах с изображением умершего помещались надписи типа: *«Логона, сына Родона (имеется в виду его изображение – авт.), синод во главе с синагогом Трифоном, сыном Трифона, и филагафом Кестием, сыном Баххия, и прагматом Аристоном и остальные фиаситы поставили памяти ради»* [1, №. 79]. Эта надпись примерно датируется концом I - началом II в.в. н.э. Однако большинство надписей датированы и однотипны: *«Синод во главе со жрецом Юлием Никефором, и отцом синода Ситалком, сыном Ситалка, и синагогом Мастусом, сыном Антимаха, и филагафом Юлием Зенодором, и парафилагафом Ардаром, сыном Феофила, и остальные члены синода поставили в честь Гелия, сына Павлина, эту стелу в 517 году, месяце Гиперберетее, 2-го числа»*. [1, №. 99]. В переводе с боспорского летоисчисления это будет 217 г.н.э. О принадлежности к синодам высокопоставленных чиновников говорит следующая надпись: *«Синод во главе со жрецом Каллисфеном, сыном Каллисфена, и отцом синода Юлием Самбионом, управляющим царским двором, и синагогом Мефаком, и остальные фиаситы поставили эту стелу Каллисту, сыну Бафилла, в 511 году, 7-го Лоя»* - 214 г.н.э. [1, №. 98]. Такого рода надписи были, в основном, распространены в Пантикапее.

Как будто специально для нас, потомков, изучающих ту эпоху мятежного духа, синоды "публиковали" списки своих членов, высекая имена фиаситов на каменных плитах. Это была не простая работа, т.к. порой имен насчитывалось более 50, а то и до 150. Такие списки обычно начинались посвятительной формулой Богу Высочайшему. Потом, с полной титулатурой, шло имя боспорского царя, в правление которого существовал данный религиозный союз. *«В добрый час. Богу высочайшему, внемлющему, синод во главе с Богом Высочайшим и жрецом Хофрасмом, сыном Форгабака, и синагогом Радамофуртом, сыном Трифона, и филагафом Деметрием, сыном Гераклида, и парафилагафом Эвием, сыном Родона, и гимнасиархом Фиагаром, сыном Антисфена, и неанискархом Харитоном, сыном Макария, и остальные фиаситы: (Большой список фиаситов) в 517 году, в месяце Диу»* 220 г.н.э. [1, №. 1278]. Большое количество подобных списков найдено в Танаисе и Горгиппии.

Особый интерес представляет группа надписей, где члены общины называют себя братьями: *«В добрый час. Богу высочайшему по обету. В царствование царя Тиберия Юлия Котиса, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, приемные братья, почитающие бога высочайшего, написавшие свои имена, во главе со старейшим... (далее приводится список имен) в 525 году 1-го Гортиея»* - 228 г.н.э. [1, №. 1283].

Мы не очень много знаем о деятельности этих религиозных общин на Боспоре, поскольку они не оставили ни своих уставов, ни каких-либо документов, подобных рукописям Мертвого моря. Несомненно, и плоды их деятельности не столь значительны, как плоды трудов тех общин есеев или кумранитов, которые ушли в пустыню от суетного мира, *«чтобы ввести всех добровольно предавшихся творить законы Бога в праведный союз для объединения в совете Бога и для хождения перед лицом его непорочно»*, как об этом говорит устав общины кумранитов.

Одним из крупнейших очагов зарождения христианства была Малая Азия, а Боспорское царство всегда имело широкие связи с ней. В Малой Азии существовало множество сект и союзов, культ единого безымянного Бога Высочайшего также был распространен. Идеи монотеизма, братства, равенства перед Богом волновали умы людей эпохи сложения христианства. Боспорские общины, скорее всего, были той "средней массой", отражавшей настроения того большинства населения Римской империи, которое металось в поисках новых идеалов, новых надежд, чутко прислушивалось к голосам новых пророков и верно угадывало то, что наиболее приемлемо всем и каждому. Именно на них проверялась жизненность тех или иных идей многочисленных религиозных течений, будоражащих эпоху рождения христианства.

Особо широкое распространение деятельность синодов и культ единого Божества получает в первых веках нашей эры. Хотя отмечены религиозные общества, почитающие божества греческого пантеона (Афродиту Уранию, Зевса и Геру Спасительницу), местные божества, т.е.

консервативных взглядов, хранителей традиций. В I в.н.э. появляется формула: "Бог Высочайший, вседержитель, благословенный". Она содержится в надписи 41 года н.э. из Гор-гиппии (нынешняя Анапа), где говорится, что некий Поф *«посвятил молельню по обету вскормленницу свою (т.е. домашнюю рабыню)»* с тем, чтобы она была *«неприкосновенна и необижается ни одним из наследников»*. Надпись начинается с религиозной посвячительной формулы, в которой упоминается необычный для греческого пантеона безымянный "Бог Высочайший", заканчивается же акт перечислением греческих богов: Зевса, Геи и Гелиоса, которых призывают опекать освобожденную рабыню [1, №. 1123]. Эту манумиссию, т.е. документ об освобождении рабыни путем посвящения ее богам, видный исследователь истории Боспорского царства В.Ф. Гайдукевич рассматривал как иудейскую. Он считал, что манумиссия интересна не только тем, что в ней отразился своеобразный религиозный синкретизм в виде сочетания элементов иудейской и греческой религии, но и тем, что она свидетельствует о появлении в Боспорском царстве еврейской синагоги уже в I в.н.э. Эта надпись может свидетельствовать о процессе формирования идеи единого Бога как слияния иудейского монотеизма с культом верховного греческого бога Зевса. Однако в дальнейшем поклонники Бога Высочайшего никак не проявляют какую-либо причастность к иудеям, имена членов синодов, в основном, эллинские и варварские и очень редко еврейские. *«Символика еврейских надгробных памятников северного побережья Черного моря, близких по времени к надписям боспорских фиасов, носит иной характер, не сходный с этими памятниками. На еврейских надгробиях изображался подсвечник с 7-9 свечами, а по сторонам его пальмовая ветвь и трубный рог»* [2, с. 61]. В тех редких случаях, когда с именем Бога Высочайшего связывалась какая-либо символика – это были венки – любимый первохристианами или орел – атрибут Зевса.

Популярность идеи единого Бога на Боспоре нельзя связывать исключительно с влиянием иудаизма. Идея монотеизма была в русле духовных поисков той эпохи. Некоторые исследователи, например, Н.И. Новосадский не считали появление культа Бога Высочайшего прямым влиянием иудаизма [2, с.61]. Крупнейший исследователь античных древностей Причерноморья В.В. Латышев считал вышеупомянутую молельню из манумиссии 41 г.н.э. не иудейской, а языческой – греческим храмом, подчеркивая несовместимость перечисления греческих богов с иудейским монотеизмом [1, № 1123]. Все же следует заметить, что иудаизм появляется в Пантикапее довольно рано и об этом свидетельствует манумиссия, датированная 81 г.н.э. *«В царствование царя Тиберия Юлия Рескупорида, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, 377 года, месяца Перития, 12-го числа, я, Хреста, бывшая жена Друза, отпускаю по обету в молельню вскормленника моего Геракла на свободу; жить ему – где захочет беспрепятственно, с гарантией от захвата и беспокойства со стороны какого-либо из моих наследников, согласно моему обету, при условии почитания и усердного посещения молельни, с согласия наследников моих Гераклида и Геликониады, под опекой также и иудейской синагоги»* [1, № 70].

Как видим, наличие иудейской молельни засвидетельствовано в Пантикапее с I в.н.э. Однако в тех манумиссиях, которые являются бесспорно иудейскими (упоминается иудейская синагога), нет обращения к Богу Высочайшему. Оно содержится в тех манумиссиях, где нет прямого упоминания еврейской синагоги, а написано просто "молельня", под которой некоторые исследователи видят языческий храм. Таким образом, манумиссии не могут однозначно свидетельствовать о том, что культ Бога Высочайшего был характерен для иудейской общины. В надписях синодов из Пантикапея нет обращения ни к Богу Высочайшему, ни к какому-либо иному богу, поэтому, мы не можем точно знать их религиозных пристрастий. Вместе с тем, нельзя не отметить общность в организационном устройстве (синагог, филагаф и т.д.) и используемых терминах тех синодов из Танаиса, во главе которых упоминается Бог Высочайший с пантикапейскими синодами. В Танаисе же, где наиболее широко был распространен культ Бога Высочайшего, нет каких-либо сведений о существовании иудеев или иудейской молельни.

Исходя вышеизложенного, нельзя согласиться с теми исследователями (Э. Гудену, Д.И. Даньшин, И.А. Левинская), которые делают упор на связь этого культа с иудаизмом. Сомнительным выглядит также отождествление этого культа с языческими верованиями. Появление культа Бога Высочайшего наиболее понятно лишь в контексте идей, волновавших ту эпо-

ху. И каковы бы ни были истоки этого культа, прообраз единого христианского Бога просматривается в нем весьма недвусмысленно.

Позднее формула "Бог Высочайший, вседержитель, благословенный" не сохраняется. Во II-III вв. наиболее распространенной делается формула "бог высочайший, вмемлющий" в одной группе посвящений и "бог высочайший" – в другой. Кроме того, в надписях встречаются обращения к "богу праведному", "богу вмемлющему", "богу гремящему, вмемлющему" и просто "богу", без всяких эпитетов. Здесь мы можем наблюдать одновременно процесс унификации образа Бога как некой абстрактной идеальной сущности и желания конкретизировать образ Бога, дабы приблизить его к себе, чтобы идеальный Бог внимал, слышал голос смертного.

Универсальная идея единого Бога объединяла совершенно разных людей. Не случайно в списках боспорских общин есть и греческие, и римские, еврейские, персидские и местные сармато-меотские имена. Единое государство, тесные контакты людей разного "племени" порождали один из важнейших принципов: *«нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос»* (Кол III, 11). Мир уходил от родоплеменной разорванности в единый человеческий мир.

Следует сразу же уточнить, что боспорские синоды – это не раннехристианские общины в прямом смысле. Первоначально христианство появилось как одна из разновидностей множества религиозных сект, будоражащих римский мир. Оно рождалось в спорах эпохи, сумев лишь во второй половине I-II века выделиться из общего многоголосья, постепенно обобщив и сформулировав то общее, наиболее существенное, что волновало умы людей.

Мы видим, что даже в отдаленном Боспорском царстве людей в синоды призывала новая идея равенства всех перед единым Богом, идея нового всеохватного единого мира. Но вряд ли наши предки мыслили столь "большими", всеохватными категориями. Немногие из них представляли себе и осознавали тот скачок в познании всеобщего, совершаемый человеком и человечеством в ту эпоху. Однако в той или иной мере каждый член синода все же не мог не осознавать себя новым человеком, человеком нового мира, человеком, принадлежащим не отдельному племени, а всему человеческому роду, не природе, а Богу. Но, помимо предчувствия или осознания подобных мировоззренческих идей, в синоды влекли людей и весьма обыденные проблемы. Общие идеи воплощались в новых ценностях бытия. Человек, устремленный к Богу, обязан заботиться о душе, а душа требует заботы не только в этом, но и в том мире. Поэтому даже малообразованный и мало задумывающийся о вечных истинах человек стал страшиться того, что после смерти его труп бросят в яму с трупами животных или сожгут на общем костре, т.е. попадет в "геенну огненную" – ведь именно так называли долину к югу от Иерусалима, где была свалка нечистот и место сжигания "ничейных" трупов. Чтобы избежать этого бедные люди создавали специальные погребальные коллегии, *«делали между собой складчины, вносили ежемесячно известную плату до своей кончины, и обязывались взаимно совершать над умиравшими товарищами должные обряды и доставить им приличное место покая»*. Скорее всего, такого рода функции выполнял фиас из Пантикапея, поставивший памятник своему члену со следующей надписью: *«Лисимах, сын Гастия, прощай. Остановись, прохожий, и взгляни на несчастного Лисимаха, лежащего в этой могиле. Посмотри на памятник, который мне, недавно умершему, поставили сверстники-фиаситы, проливая все вместе над ним слезы. Теперь я, и находясь среди умерших, произношу слово приветия тем, которые, заботясь обо мне, поставили надо мной камень»* - 1 в.н.э. [1, № 137]. Эта надпись еще близка по содержанию к языческим, еще слишком много в ней слез и нет христианской примиренности, но это уже начало новой эры. Однако не только эти смутные страхи влекли людей в фиасы на Боспоре. Большинство синодов выполняли не только погребальные, но и другие функции, руководствуясь при этом определенными религиозными принципами.

Мы не знаем, чего страшились и на что надеялись поклонники Бога Высочайшего, насколько их понятия о ценностях жизни и смерти, загробном воздаянии были близки к христианским, на общность с христианством указывает самоназвание "братья" - понятие чуждое как грекам, так и иудеям [2, с. 63]. Они не были еще братьями во Христе, они были братьями перед Богом, они уравнивались перед лицом смерти, получая равные почести при погребении уже не за богатство кошелька, а за праведность души.

Представляется любопытным, зачем высекались в камне огромные списки членов синодов. Вряд ли это было продолжение античной традиции увековечить себя для будущих поколений. Эти люди осеяли свою жизнь идеей единого Бога и потому не могли не заботиться о своей загробной жизни. Известно, сколь широко в то время была распространена идея страшного суда, апокалипсиса, конца света, ожидаемого со дня на день. Возможно, с античным практицизмом жители Боспорского царства таким способом готовились к явлению Бога людям, дабы узнал он своих приверженцев и возблагодарил их за праведность. Идея близкого суда Божьего могла быть одной из главных, объединяющих людей в синоды.

Во главе общины на Боспоре стоял жрец, синагог или отец синода, который выполнял те важные обрядовые функции, которые наполняли религиозное учение мистическим содержанием. Ведь необходимым атрибутом любой религии является комплекс мистических ритуалов и действий, который конкретизирует общие идеи и, через целую систему отработанных обрядов, осознаваемых и неосознаваемых действий, манипуляций включает гамму человеческих чувств, эмоций, настроений. Выработанный веками богатый арсенал мистериальных манипуляций способен не только вызвать те или иные образы, направить работу разума на определенный лад, но и полностью отключить разум и "работать" с подсознанием, интенсивно воздействуя на чувства человека. Создание системы такого рода ритуалов и пригодились богатое мифо-поэтическое и ритуально-образное наследие восточных мистериальных культов. Совершая обряд посвящения, причащения, покаяния человек, даже помимо своей воли, вступает в определенный религиозно-мистифицированный мир, ведь даже преклонение колен – это очень сильное мистериальное действие. Таким образом, выработка системы ритуально-культовых манипуляций, образно воплощающих общие идеи в настроениях и действиях, не могла не происходить в религиозных общинах той поры.

Не случайно все последующие времена существования христианской церкви отмечены борьбой различных религиозных течений за возврат к истинам первоначального христианства. В те времена еще не существовало канонизированной системы верований и устоявшейся организации. Религиозные общины еще не были столь оторваны от мирских дел. Так, члены боспорских общин делали взносы на общие нужды, устраивали празднества и обеды, хоронили братьев по вере. Они стремились воплотить в жизнь давние мечты человечества о равенстве, братстве, любви к ближнему, хотя и не так решительно как некоторые из раннехристианских общин, ведь ессеи, например, передавали общине "все знание, труд и имущество". Однако мечты не воплотились в реальной жизни, общество не приняло такого пути к равенству и братству, но в памяти человечества сохранился образ раннехристианских общин, где забота о каждом, любовь к ближнему, справедливость жили на земле, а не на небесах.

Возможно, что столь радужные и никак не осуществимые по сию пору идеи, стремились воплотить в жизнь реальной общины и члены боспорских синодов. Как свидетельствуют надписи, немаловажную роль в общине играл филагаф, которого можно назвать красивым славянским словом добролюб. Это был блюститель нравственности как вновь вступающих, так и всех членов общины. Помогал ему в этих делах его помощник - парафилагаф. Устроитель братских трапез - синагог заведовал угощением членов общины. В некоторых общинах была должность попечителя сирот. Прагмат выполнял функции делопроизводителя. Иногда встречается должность гимнасиарха, что свидетельствует о том, что не была забыта древнегреческая традиция сочетания физического и интеллектуального воспитания.

Столь ограниченные сведения о деятельности синодов не позволяют говорить о них более определенно. Какое содержание вкладывали они, осеяв свою деятельность именем Бога Высочайшего, можно только догадываться. Трудно судить и о том, насколько близки и знакомы им были христианские идеи. Но даже само распространение религиозных общин в начале нашей эры на Боспоре говорит о появлении новых религиозных потребностей, причем, зачастую – осеянных идеей единого Бога. Особый интерес представляет та группа синодов, члены которых называли себя братьями. Такое самоназвание встречается и в обычных синодах с перечислением должностных лиц. Но чаще всего "приемные братья, почитающие Бога Высочайшего" равны между собой, и лишь один из братьев возглавляет общину и именуется старейшим. Такого рода братства, несомненно, были предтечами братьев во Христе. Таким образом, религиозные общины, достаточно широко распространившиеся на Боспоре, свидетельствуют о мощной волне духовного поиска, охватившего эпоху рождения христианства.

Можно только догадываться, как нуждались религиозные общества той поры в систематическом изложении картины мира с центральной идеей единого Бога. Добролюб синода, осеняя свои поучения "не воруй, не лги, не прелюбодействуй" сакральными требованиями высшего судии, хотел иметь конкретные рассказы о наградах и наказаниях, посылаемых Богом. Ветхозаветному Моисею, получившему от Ягве десять заповедей и принципы иудейского законодательства, уже с I в.н.э. поклонялись в синагогах Боспора, но в силу многих причин, он не мог быть авторитетом для тех, кто не боялся суда Ягве. Вместе с тем, иудаизм уже к началу нашей эры пришел с богатым запасом ответов на "проклятые" вопросы бытия. Однако жизнь ставила новые вопросы, и они требовали своих ответов. Ветхий Завет требовалось дополнить Новым Заветом.

Уже исписано немало перьев, чтобы узнать, где, когда, почему и как родился Иисус Христос, был ли он человеком или богом, и был ли он вообще. На наш взгляд вполне допустимо, что Иосиф Флавий в I в.н.э. мог и в самом деле написать: *"В это время был мудрый человек, которого звали Иисус"* (Иудейские древности, XVIII, 3). Так или иначе, в I в.н.э., в эпоху ожидания апокалипсиса, страшного суда, когда конец света казался близким как никогда, среди многих мессий родился Иисус. Он воплощает те пророчества, которые предсказывает Ветхий Завет, он долгожданный мессия, посланец Божий, он, наконец, явился людям, он запечатлел присутствие, участие Бога в делах земных, он доказал, что Бог не только сотворил мир и бросил его на произвол судьбы, Бог следит за этим миром, послал сына своего на муки, дабы знали праведники и грешники, что суд Божий неотвратим. Так в I в.н.э. рождается и вплоть до II в. оформляется в Евангелиях грандиозная идея о пришествии сына Божьего на землю, доказательство существования Бога через пребывание его сына на земле, явление Бога людям. Так абстрактный Бог спустился на землю и показал людям пример праведной жизни. На небесах воцаряется один Бог, то же переломное время берет на себя смелость заявить, что посланец Божий Иисус Христос уже был на земле и человечеству осталось лишь ждать его второго пришествия, суда праведного. Тогда же рисуются картины страшного суда, конца света, апокалипсиса: *«И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются; тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою; и пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их... О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один»* (Мф XXIV, 29-31, 36).

Таким образом, мы снова видим, что универсальная идея Бога как чистой идеи не находит широкой поддержки, не удовлетворяет и идея ветхозаветного мессии как некоего помазанника Божьего, не доступен широким массам оказывается и мессия ессеев - их Учитель праведности еще слишком бог, слишком абстрактен. Находит сначала сотни, тысячи, а потом и миллионы сторонников лишь идея мессии как Богочеловека, Человеко-Бога, рожденного женщиной, жившего на земле, страдающего как мы, но все же сына Бога. Рассказы о Богочеловеке Иисусе Христе захватили римский мир.

Начинается новая христианская эра в жизни человечества. Но это осознается не сразу. Лишь в 525 г. монах Дионисий Малый определяет год рождения Иисуса Христа. Постепенно именно этот год становится началом нового христианского летосчисления от Рождества Христова.

Ошибочно было бы утверждать, что именно с первого года новой эры начался христианский переворот, но невозможно не заметить того, что именно те переломные века породили грандиозное смятение духа, мощный толчок поиска и, наконец, открытие христианских истин. Духовная и религиозная свобода, необъятный мир множества богов, противоборство множества мнений, по-видимому, также угнетали людей. Они искали истину и хотели, чтобы она была одна. Они искали те догмы, которые остудили бы их мечущийся ум. Они искали истину в колдовстве, магии, они искали чуда, они жадно ловили слова прорицателей, пророков, апостолов, переходящих из общины в общину. Не случайно Иоанн Богослов остерегает: *«Возлюбленные! Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире. Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так: всякий дух, который испо-*

ведует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога; а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет и теперь есть уже в мире» (1 Ин IV, 1-3).

Как показало время, наиболее воспринимаемой была история Богочеловека Иисуса Христа. Заученная наизусть, ритмически и распевно произносимая, она давала успокоение, она была понятна и проста, она соединяла небо и землю, она дарила надежду, она не требовала ничего кроме веры в искупительную жертву Христа. Она была универсальна. Ее начали записывать. *«Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях...»*, – так начал свое Евангелие некто, кого потом назвали Лукой. Христианским проповедникам по мере успеха их проповеди надо было не только записывать устные проповеди, но и писать послания, разъяснения в различные общины. Послания Колоссянам, Коринфянам, Ефесянам, Лаодикийцам – лишь малая часть из них вошла в Новый Завет. К сожалению, неизвестно послание к Боспорянам, хотя, несомненно, проповедников ждали и в религиозных общинах Боспора.

С большой степенью вероятности можно описать прибытие проповедника или, как их называли первоначально, апостола, в одну из многочисленных боспорских общин, вся жизнедеятельность которой осенялась именем Бога Высочайшего. Можно даже представить, с каким пониманием религиозным собранием, не раз размышляющем о сущности Бога, воспринимались первые слова проповеди. *«Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Ин I, 1-3).* Но это было не ново, здесь уже знали учение философогностиков о Логосе, Слове, Разуме. Но проповедник идет дальше и говорит: *«И Слово стало плотью, и обитало с нами».* Это настораживает. Как так, ведь *«Бога не видел никто никогда».* Как же он явился людям во плоти, кто его явил? И проповедник отвечает на этот давно мучивший вопрос: *«Единородный Сын, суций в недре Отчем, Он явил».* Где и когда – спрашивают удивленные слушатели, кто его видел? *«Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн. Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него. Он не был свет, он был послан, чтобы свидетельствовать о Свете» (Ин I, 6-8).* Однажды *«стоял Иоанн и двое учеников его. И, увидев идущего Иисуса сказал: вот Агнец Божий» (Ин I, 35-36).* И пошли ученики за Иисусом. И однажды были они на свадьбе. И не хватило вина, и превратил Иисус воду в вино. *«Так положил Иисус начало чудесам...» (Ин II, 11).* Много чудес сотворил Иисус, много слов праведных сказал. *«За ним последовало множество народа, потому что видели чудеса, которые Он творил над больными».* Иисус же говорил: *«вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились. Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий, ибо на Нем положил печать Свою Отец, Бог. Итак, сказали Ему: что нам делать, чтобы творить дела Божии? Иисус сказал им в ответ: вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, кого Он послал» (Ин VI, 26-29).* Иисус требовал только веры. Но сомневались слушающие. *«Опять говорил Иисус к народу и сказал им: Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни. Тогда фарисеи сказали Ему: Ты Сам о Себе свидетельствуешь, свидетельство Твое не истинно. Иисус сказал им в ответ: если Я и Сам о Себе свидетельствую, свидетельство Мое истинно; потому что Я знаю, откуда пришел и куда иду; а вы не знаете, откуда Я и куда иду. Вы судите по плоти; Я не сужу никого. А если и сужу Я, то суд Мой истинен, потому что Я не один, но Я и Отец, пославший Меня. А и в законе вашем написано, что двух человек свидетельство истинно. Я Сам свидетельствую о Себе, и свидетельствует о Мне Отец, пославший Меня» (Ин VIII 12-19).* Но испугались первосвященники и фарисеи успехов проповеди Иисуса и решили, что лучше, *«чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб»* и дали приказание найти Иисуса. Иисус же говорил: *«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин XII, 24).* Много увещевал Иисус тех, кто не хотел верить, но опять просили они: *«покажи нам Отца, и довольно для нас».* Иисус же отвечал: *«Видевший Меня видел Отца».* *«Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне».*

Такими проникновенными и мудрыми словами, словами Сына Божьего не день и не два увещевает слушающих проповедник, назовем его Иоанн. Свой рассказ он завершает историей об Иуде Искариоте, предавшем за 30 сребреников своего учителя, о Понтии Пилате, который велел бить Иисуса, но тот ему говорил: *«ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше»*, и усомнился Пилат, и *«искал отпустить Его»*. Но кричали первосвященники и служители: *«распни Его!... Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим»*. Так был распят посланец Божий, который пришел, чтобы спасти мир через веру, но не уверовали, не вняли его божественным словам. И воскрес Иисус, и явился ученикам, и просил их пасти "овец" своих.

Так рассказывал проповедник, так записано в Евангелии от Иоанна. *«Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его»* (Ин XX, 31).

Много ли уверовали после столь вдохновенной проповеди нам не дано знать. Но приходил другой проповедник и вновь рассказывал: *«Рождество Иисуса Христа было так...»* (Мф I, 18). Это был несколько иной рассказ, но он тоже запомнился, ибо звучали в нем долгожданные, удивительные и новые слова: *«Блаженны плачущие, ибо они утешатся», "Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят»*. *«Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное»*. *«Вы слышали, что сказано древними: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем»*. *«Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую»*. *«Вы слышали что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших»*. *«Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный»*. Так, словами евангелиста Матфея, говорил проповедник о грядущем царствии небесном, блаженстве, истинном и ложном пути спасения.

Такие рассказы, несомненно, звучали в синодах Боспора, именно там была наиболее благоприятная почва и наиболее благосклонные слушатели. Не случайно первые признаки христианского обряда на Боспоре были найдены именно среди захоронений членов синодов.

Свидетельства о первых христианах в Боспорском царстве

Уже концом III в. датируются первые, хотя и скромные находки, которые могут свидетельствовать о наличии христиан на Боспоре. Дело в том, что христианство лишь во II в. окончательно выделяется из иудаизма, во II-IV вв. происходит формирование его идеологии, основных постулатов. На Вселенских соборах 325 и 381 гг. принимается Символ веры, основы вероучения. Еще в VI в. шли споры, является ли Христос Богом или он все же человек. В VIII-IX вв. христианская церковь то почитает иконы, то считает их дьявольским наваждением.

Сложный путь прошла и христианская символика. Христианство было сильно тем, что смело вбирало в себя "языческие" атрибуты, внося в них свое содержание, а древнехристианская символика порой трудно отличима от языческой. Например, любимая греками виноградная лоза. В сочетании с павлином христианин мог ее трактовать как аллегорическое изображение верующих, вкушающих учение Христа. Поскольку издревле считалось, что тело - павлина не подвергается разложению, он символизировал бессмертие, в христианстве это - рай и воскресение, виноград - причащение, отсюда павлин, клюющий виноград это - символ приобщения к христианской вере. Считается, что любимым символом первохристиан была рыба. На символическом языке, особо чтимом первохристианами, написание слова «рыба» по-гречески состояло якобы из первых букв фразы *«Иисус Христос, Божий Сын, Спаситель»*. *«Мы - мелкая рыбка, плывущая вслед нашей рыбе - Иисусу Христу, потому что мы рождаемся в воде (крещение) и мы не можем быть спасены иначе, как оставаясь в воде»*, - писал один из столпов христианского иррационализма Тертуллиан.

Дореволюционные ученые, такие как А.Л. Бертъе-Делагард, К.К. Косцюшко-Валюжинич, В.В. Латышев, М.И. Ростовцев, В.В. Шкорпил, Ю.Ю. Марти, проделали большую работу в поисках первых следов пребывания христиан в крымских землях. Достаточно широкие археологические и научные изыскания ведутся в Крыму уже почти 200 лет. Еще

князь Потемкин отдавал приказы разыскивать монеты и медали, снимать рисунки с древних надписей. А количество и качество дореволюционных журналов, подробно описывающих все сделанные находки, и сейчас вызывают зависть. Это и "Записки императорского Одесского Общества истории и древностей", и "Материалы по археологии России, издаваемые Археологической комиссией", и "Известия Таврической ученой архивной комиссии", и "Памятники христианского Херсонеса", и многое другое. Все археологические находки, особенно надгробные надписи и знаки, с особой пристальностью оценивались на их возможную принадлежность первым таврическим христианам. Дотошно искавший следы пребывания первохристиан в Таврике ученый археолог Ю.Ю.Марти считал раннехристианским склеп с изображением судна с мачтой (III в.н.э., хотя сам Ю.Ю.Марти датировал его II веком). Над судном – круг с перекрещивающимися внутри линиями, т.е. крестом, под кругом – буква А, а правее он хотел видеть омегу [1, № 944]. Хотя наличие омеги на рисунке оспаривается другими исследователями, заметим, что изображение этих букв в христианских склепах не случайно, ведь в Библии сказано, что Бог есть альфа и омега, начало и конец всего сущего.

Среди уникальных археологических находок выделяется найденный в захоронении III в. бронзовый перстень, на сердоликовой овальной вставке которого изображен крест удлиненной формы с перекрестиями на концах, по обеим сторонам креста расположены две рыбки.

Поиск следов первохристиан задача весьма нелегкая, т.к. до появления чисто христианской символики очень трудно идентифицировать христианские погребения и находки. Поэтому, если точная датировка некоторых находок археологов может быть оспариваема и лишь предположительно свидетельствовать о распространении христианства в III в., то имеется уникальный и еще недостаточно оцененный датированный памятник. В 1898 г. в Керчи, в районе, откуда происходят многие надписи членов синодов, было найдено надгробие, оказавшееся самым ранним датированным христианским памятником Боспора. На прямоугольной плите высечен крест с расширяющимися концами. Над крестом надпись, также начинающаяся крестиком: *«Здесь покоится Евтропий. 601 г.»*. 601 г., которым датируется надпись, в переводе с боспорского летосчисления означает 304 г.н.э. [5, с. 59].

Эта находка уникальна и интересна не только тем, что это самый ранний датированный христианский памятник Боспора и Крыма. Это, скорее всего, один из самых ранних датированных памятников на территории нашей страны, а может быть, и христианского мира, свидетельствующий о поклонении христиан кресту. К сожалению, он не был известен дореволюционному исследователю христианской символики Н.В. Покровскому, который на богатом материале (но отнюдь не отечественном) приходит к выводу, что прямое изображение креста на памятниках древности появляется около времен Феодосия Великого (379-395 гг.) [3, с. 11]. Отсюда – распространенное в нашей литературе мнение, что поклонение кресту в христианстве ведет начало лишь со второй половины IV в.

Непосвященным кажется, что крест всегда был неотделим от христианского учения. Но это не так. Еще в III в. известный поборник христианства Минуций Феликс, возражая на обвинения в поклонении христиан кресту, писал: *«Что касается крестов, то мы их совсем не почитаем: нам не нужны они, нам, христианам; это вы, язычники, вы, для которых священны деревянные идолы, вы почитаете деревянные кресты»*. Христианство начало с того, что отвергло поклонение любым идолам. Крест в Откровении Иоанна назван знаком зверя, т.е. знаком ненавистного римского господства. Первоначально в ходу были монограммы, т.е. написание буквы "X" в сочетании с "P", т.е. первых букв слова мессия – Христос. Лишь постепенно в букве "X" был увиден крест и крест стал символом христианства. Мы можем отметить, что боспорские христиане шли в авангарде формирования христианской символики, ибо сравнительно рано для всего христианского мира некто Евтропий был похоронен как "правосверный" христианин, хотя еще не было единого мнения о кресте и еще не состоялся даже первый Вселенский собор, начавший отделение правой веры от ересей.

В детской гробнице из боспорского города Китея был найден бронзовый цилиндрок с двумя ушками для подвешивания, в котором случайно сохранился христианский амулет. Слова написанного заклинания содержат аналогии с Новым Заветом, в частности, с Деяниями Апостолов XVI, 18, и проставлена дата, которая в переводе с боспорского летосчисления, дает 305 г.н.э. [5, с. 10-11]. В Пантикапее найдено надгробие Агораса, сына Луя, начинающееся и

заканчивающееся крестом, которое начертанием букв «сходно с формой древних рукописей IV столетия», - считает исследователь и публикатор христианских надписей В.В. Шкорпил (ЗООИД, XXI, 209, № 19). Первым десятилетием IV в.н.э. датируется и надгробная стела Трифона из Пантикапея, украшенная большой монограммой Христа. Дошли до нас также имена христиан Боспорского царства IV в. Лавники, Марины, Платона, Евпрепия. О достаточно широком распространении христианства в IV-V вв. говорит наличие христианских кладбищ, в частности, трех христианских некрополей Пантикапея [4, с. 83]. Некрополь этого периода значительно уменьшился в своих размерах по сравнению с предыдущими временами, утрачивает греческие черты, что отразило наступление упадка. Проведенный Г.А. Цветаевой анализ пантикапейского некрополя от зарождения до упадка показывает, что в IV в. *«погребения его очень немногочисленны и бедны и говорят о большом распространении христианства. Трупоположение являлось, по-видимому, единственным погребальным обрядом, случаи кремации отсутствуют. Некрополь более позднего времени V-VI вв. известен нам крайне отрывочно. Это исключительно христианские погребения»* [4, с. 83-84].

Приверженцами новой религии на Боспоре становятся не только греки. Неких Савага и Фаиспарту, скорее всего, представителей местных сарматских племен, в 491 г. уже хоронят по определенному христианскому обряду. Как принято было издавна, им устраивают подземный склеп. Такого рода сооружения в Крыму принято было называть катакомбами, хотя это не совсем верно, ибо христианские катакомбы это – целые подземные города, длинные подземные коридоры, где христиане в нишах погребали своих собратьев. Здесь же под землей были церкви.

На Боспоре издавна для захоронения умерших строили пышные погребальные сооружения. Достаточно упомянуть Царский курган или склеп Деметры, со свода которого смотрел незабываемый женский лик страдающей матери. Стены склепа Савага и Фаиспарты изукрашены крестами, на всех стенах красной краской написана молитва "Трисвятое", заканчивающаяся поминанием погребенной четы, целиком расписан 90-й псалом, а также молитва, не сохранившаяся в современной литургической практике. Однако Савага и Фаиспарта были уже продолжателями христианских традиций древнего Боспорского царства, так как само оно приходит в экономический упадок и в середине III в. подвергается грабительским набегам готов. Значительно позднее Боспорское царство прекратило свое существование, и о нем напоминал лишь небольшой городок на развалинах Пантикапея – Боспор.

* * *

В силу многих причин Херсонес не подвергся разрушительному нападению готов и гуннов. И со времени падения Боспорского царства он становится оплотом теперь не только греко-римского, а и христианского мира в Таврике.

Более трех веков понадобилось, чтобы христианские идеи начали покорять и окраинные народы римского мира. При широких торговых связях с родиной христианства Малой Азией это не малый срок, но и не столь большой, если учесть, какой переворот в умах и сердцах людей был совершен христианским учением. Если по мифологии древних греков весь окружающий мир вместе с богами возник из безграничного Хаоса, где путем постепенных порождений родились Земля-Гея, она породила Небо-Уран, Земля и Небо породили Океан и т.д., то христианство утверждало, что мир возник за шесть дней велением одного Бога. Если еще во II в. Лукиан мог воспевать *«священную мать всего сущего - Природу, которая, сочетав первичные стихии мироздания – землю, воздух, огонь и воду, - из их взаимного смешения породила все живое и одушевленное»* (Две любви 19), то теперь все более и более прерогатива первоосновы, первопричины отдавалась Логосу, Слову, Богу. Если учитель древности Софокл мог утверждать: *«В мире много сил великих, но сильнее человека нет в природе ничего»* (Антигона 335), то христианство на первое место в мироздании поставило Бога, человека сделав его подобием. Если другой учитель древности Эпикур наставлял умению приобрести *«свободу от страданий тела и от смятений души»*, то христианство учило поклоняться страдающему и умирающему богочеловеку Христу. Если в пору язычества человек, умирая, уходил во мрак от любимой жизни, то теперь он приобретал царствие небесное.

Скачок в инобытие был столь разителен, что мы можем лишь догадываться об ощущениях человека, всю жизнь считавшего богатство, благополучие, желание избежать страданий целью жизни, и вдруг узнающего, что, напротив, бедность, страдание, умерщвление плоти есть истинные ценности. Если раньше считалось, что праведная жизнь вознаграждается уже здесь на земле богатством, долголетием, обилием рода, признанием соплеменников, сохранением памяти о добрых делах в почетных надписях и статуях, то Христос не обещает праведникам никаких земных благ, все это прах и суета сует, ибо эта жизнь лишь преддверие жизни вечной. *«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное»*, блаженны плачущие, гонимые, ибо *«они Бога узрят»*. Новое учение и не скрывало того, что требует отказа от прежних постулатов бытия и утверждает новые. В Нагорной проповеди Христос бросает вызов старому миру: *«Вы слышали, что сказано древними: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду»*. *«Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои. А Я говорю вам: не клянись вовсе»*. Впервые услышавшему такое язычнику, христианин мог показаться даже сумасшедшим, блаженным, человеком не от мира сего. Недаром первохристиане вызывали ненависть и презрение. О них говорили: *«Ведь эти несчастные уверили себя, что они станут бессмертными и будут жить вечно; вследствие этого христиане презирают смерть, а многие даже ищут ее сами»* (Лукиан. О смерти Перегриня, 13). Эти люди *«питают друг к другу любовь, не будучи даже между собой знакомы»* (Минуций Феликс. Октавий, 9). Некий язычник Цецилий в споре с христианином обвиняет их: *«А вы тем временем, живя в страхе, в тревоге, отказываетесь от приличных наслаждений, не посещаете зрелищ, не участвуете в празднествах, публичные пиршества – не для вас, вы гнушаетесь священных игр... Вы не украшаете головы цветами, не холите тела благовониями, вы бережете умащения для погребений, а венки вы не допускаете даже для могил; бледные, испуганные, вы достойны жалости – со стороны, впрочем, наших богов. Итак, вы и после смерти не воскресаете и здесь не живете. Поэтому, если в вас есть хоть капля разума и стыда, перестаньте исследовать небесные сферы, судьбы мира и тайны веков: достаточно видеть то, что у вас под ногами, особенно для вас, людей невежественных, не воспитанных, грубых, неотесанных; если вам не дано понимать земное, тем более вам недоступно рассуждать и божественном»* (Минуций Феликс. Октавий, 12). Но загадка заключается в том, что именно эти "безумные" идеи покорили мир.

К IV в. христианство прошло уже длительный путь развития, в ожесточенных спорах различных направлений рождалась новая религия, но в этих же спорах оттачивался и критический взгляд на христианство. О накале борьбы античный критик христианства Цельс говорит так: *«Они злословят друг против друга ужаснейшим образом явно и тайно; они ни по одному пункту не могут прийти к соглашению, они во всем гнушаются друг друга»*. В этих спорах наряду с фанатичной иступленностью первых христиан созревал рациональный взгляд на новое учение, и прежде всего, на его первоучителя. Кто же все-таки Иисус Христос – сын человека или Бога? Бог или человек? Если Христос – сын, то он был рожден. Значит, он творение Бога Отца, существующего извечно. Тогда Христос лишь подобен Богу, полубог, но он не может быть единосущен Богу. Так логично рассуждал известный проповедник начала IV в. Арий. Он не мог понять, что Бог Отец, Бог Сын и Дух Святой – это одно в трех лицах.

Проповеди Ария пользовались успехом. Но еще большая часть христиан увидела в его учении страшную угрозу самим основам новой религии – христианскому иррационализму. Старому способу мышления, проповедуемому Арием, надо было дать решительный бой. Христианское учение не совместимо с формальной логикой древних, с их рационализмом. В борьбе со старым, но еще живым и сильным врагом следовало объединиться всему христианскому миру. Чтобы укрепить свои позиции и прервать пагубный процесс разгула разномыслия, требовалось солидаризироваться и выработать единые основы, догматы нового вероучения. Тем более наметившееся благосклонное внимание императоров требовало проявления единогласия, единоверия. Претензии на мировое господство не могли сочетаться с разбродом и разногласиями внутри самой церкви. Чтобы царствовать не только в умах и сердцах людей, а в целом государстве, надо было сплотить силы. Так рождается уже не просто христианская религия, но христианская церковь. В 325 г. 300 епископов собираются в Никее на свой первый Вселенский собор.

На нем присутствует и боспорский епископ Кадм. Они собираются, чтобы дать окончательный отпор старому способу мышления в лице Ария и выработать основы основ - "Символ веры". Те основы, без веры в которые человек не может считать себя христианином, то принципиально важное, во что надо верить не раздумывая, не пытаясь понять разумом.

Практически за каждое слово "Символа веры" вплоть до II Вселенского собора (381 г.) и позже шла упорная борьба. Например, за одно слово "подобосущен" (Бог Сын Богу Отцу) сказанного вместо "единосущен" человек объявлялся еретиком. Отныне истина была одна и все отклонения сурово карались.

Так утомленный неопределенностью и неустойчивостью, борьбой мнений и свободой, бескрайностью и бесконечностью суждений о столь неохватном мире человек поставил точку отсчета, вокруг которой пойдет развитие общественного и индивидуального сознания на долгие века. Еще до VII Вселенского собора 787 г. будут совершенствоваться принципы веры и основы устройства церкви. На этих постановлениях православная церковь ограничится и решит, что дальнейшее развитие не принесет пользы. Католическая церковь будет принимать и отменять свои решения, отдав право на первоистину главе церкви – папе римскому. Это привело к тому, что католическая церковь, хотя и препятствовала, но не смогла запретить возрождение античного рационализма. Рассуждение, размышления наряду с верой породили Возрождение. Православие же, не достигнув высот Востока в постижении беспредельностей иррационального, подсознательного, внутреннего мира человека, не породило и Возрождения. Оно слишком увлеклось борьбой за чистоту веры, воспитывая поколение за поколением людей, умеющих мыслить от сих – до сих, в рамках символа веры, не приученных узнавать, что сверх того, ибо оно от лукавого, боящихся свободы мысли и критически мыслящих людей. Православие – это часть нашей судьбы, и трудно изучать историю христианства беспристрастным взором.

Источники и литература¹.

1. Корпус боспорских надписей. М.-Л.: Наука. 1965.
2. Новосадский Н.И. Боспорские фиасы. // Труды секции археологии. Институт археологии и искусствознания. М.: Изд-во РАНИОН, 1928. Т. III. С. 55-68.
3. Покровский Н.В. Церковная археология в связи с историей христианского искусства. Пгр. 1916. 226 с.
4. Цветаева Г.А. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // Материалы и исследования по археологии СССР. 1951. № 19. С. 62-86.
5. Шкорпил В. Три христианские надгробия, найденные в Керчи в 1898 году // Записки Одесского императорского Общества истории и древностей. Одесса. 1900. Т. XXII. Раздел V. Протоколы. С. 59-60.

¹ К сожалению, авторы обошли вниманием большое количество новой исторической и археологической литературы, посвященной эпохе утверждения христианства на Боспоре и в Херсонесе. Тем не менее, редколлегия посчитала возможным дать авторам высказать свою позицию, хотя ряд положений статьи редакторы сборника не разделяют (прим. ред.).

**РЕЛИГИОЗНЫЕ КУЛЬТЫ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ
(К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Дорошко О.П.

**Южноукраинский национальный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского (УКП в г. Севастополе)**

Изучение различных аспектов религии древних народов, в том числе древнегреческого населения Причерноморья, в последнее время стало популярным направлением в исследованиях археологов. Буквально за последнее десятилетие вышло более сотни статей по этому вопросу. Итоги исследования религии древнегреческого населения Северного Причерноморья были обобщены в работе А.С. Русяевой «Религия и культы понтийских эллинов» [5]. В то же время, рассмотрев современную методологию изучения религии по археологическим данным, можно увидеть, что она содержит ряд недоработок. Цель статьи – показать основные проблемы, с которыми сталкивается исследователь-археолог при изучении такого сложного и многогранного явления, как религия.

Северо-Западный Крым античной эпохи в этом отношении — эталонный район, поскольку основными источниками для изучения религиозных представлений его населения являются данные, полученные в результате именно археологических раскопок.

Какие же сложности ожидают исследователя-археолога при реконструкции религии?

Первая сложность, с которой сталкивается исследователь, — это неясность определения самого объекта исследования. В настоящее время в религиоведении существует более 200 определений понятия «религия» [7, с. 488]. Все они подразделяются на 2 большие группы: теологические и научно-философские. Последние подразделяются, во-первых, в зависимости от того, какая философская концепция выдвигает данное определение (например, определение в структурализме и функционализме); во-вторых, в зависимости от критериев религии, которые положены в основу определения (например, описательное определение и функциональное определение). Археолог оперирует именно философскими категориями религиоведения. Даже на этих немногих примерах можно видеть, насколько сложно, а, скорее, даже невозможно, дать общее для всех философских концепций определение понятия религии, которым могла бы оперировать археология.

Не менее сложна проблема определения структуры религии. Фактически структурные элементы религии это и есть те аспекты, которые исследователь, неважно, религиовед он или археолог, должен отразить в своем исследовании религии. Однако, несмотря на важность выделения структуры религии, до настоящего времени и по этому вопросу не существует единой точки зрения. В таблице 1 представлена структура религии по Ф. Уэйллинг, Н. Смарту, М. Паю, И.Н. Яблокову [3, с. 49-60]. Как можно заметить, все они, при всем разнообразии, составляют общую систему религии, в которой взаимодействуют две сферы: идеологическая и практическая.

Археолог, исследующий религиозные воззрения древнего населения, должен понимать, что он может изучать только практическую сферу религии, которая и нашла свое отражение в материальных остатках прошлого.

Практическая сфера религии представляет собой отношение субъекта поклонения (человека или группы людей) к объекту поклонения (божествам, духам), которое выражается в действиях. Практическая сфера религии — это и есть религиозный культ (от лат. «почитание, поклонение»). Следовательно, в исследованиях религиозных представлений, базирующихся только на археологических данных, уместнее использовать не термин «религия», а термин «религиозный культ».

Практическая сфера религии также имеет свою структуру, представленную на схеме (Схема 1). Два главных элемента это – объект и субъект поклонения. Субъект поклонения это – индивид, семья или гражданское общество. Субъект выбирает, по определенным причинам, себе сотера: индивид выбирает личного сотера, который защитит его от болезней и других невзгод; семья выбирает экономического сотера, который обеспечит пропитание семье; гражданская община выбирает политического сотера, который сохранит территорию государства в целостности.

Поклонение субъекта объекту выражается в действиях первого. Действия можно подразделить на виды, в зависимости от субъекта поклонения. Семейные и общественные религиозные действия чаще всего выражаются в праздниках. При этом важную роль играют различные социальные институты, которые религиозную деятельность организуют.

В зависимости от связи религиозной деятельности с почитанием божества, можно выделить два типа деятельности: культовую и внекультовую. Внекультовая деятельность — это, например, миссионерская работа, работа по изданию книг религиозного характера, работа по изготовлению культовых терракот. Культовая деятельность состоит из двух элементов: главной деятельности, выраженной в жертвоприношениях, и сопутствующей деятельности, выраженной в танцах, песнопениях и пр. Жертвоприношения могут быть кровавыми и бескровными, направленными в небо и в землю.

Таким образом, главными структурными элементами в практической сфере религии являются религиозная деятельность в различных проявлениях и те социальные институты, которые эту деятельность координируют.

Рассмотрим, насколько полно можно изучить религиозные культы древнего населения по археологическим данным на примере Северо-Западного Крыма античной эпохи. Следует сказать, что основными источниками по изучению религиозного мировоззрения населения региона являются 3 группы источников (эпиграфические, нумизматические, вещественные), не всегда отражающих духовную жизнь.

Так, в отношении граффити до настоящего времени нет четких определений, какие именно надписи, состоящие порой из 1-2 букв, можно отнести к группе посвященных надписей, или же они являются надписями теофорных имен [6, с. 5-20].

Сложности есть и с использованием нумизматических источников. Изображение на монетах Керкинитиды божеств может свидетельствовать не только об их почитании, но и о подражании монетного чекана Керкинитиды другим городам, с которыми она вела торговлю [2, с. 58-59].

Не менее сложный вопрос атрибуции отдельных памятников изобразительного искусства, особенно терракотовых изображений. Порой трудно определить, с каким божеством была связана та или иная статуэтка [4, с. 131-143]. При этом следует учитывать, что в эллинистический период наблюдается сближение отдельных культов божеств и их совместное почитание, например, Деметры, Керы-Персефоны и Афродиты [1, с. 342].

Источниками по изучению религиозных представлений населения Северо-Западного Крыма являются и другие предметы культа (светильники, фимиатерии), но только те, которые использовались в ритуальной практике, соответственно, были обнаружены в святилищах.

Таким образом, наиболее полным источником по изучению религиозных культов населения Северо-Западного Крыма античной эпохи является мегаструктура святилища со всеми найденными там вещественными материалами. Остальные источники носят косвенный характер.

Соотнеся структуру практической сферы религии и источники по изучению религиозных воззрений Северо-Западного Крыма, мы можем увидеть, насколько полно археологические данные отражают интересующий нас вопрос. Как видно из приведенной схемы (Схема 2), мы можем реконструировать только культовые действия семейного и общественного характера, причем только те действия, которые носили циклический характер.

Индивидуальное поклонение и событийные действия археологически в большинстве случаев невозможно проследить (за исключением, пожалуй, строительной жертвы).

Таким образом, пользуясь исключительно археологическими данными, мы можем реконструировать только примерно 30% объема религиозных воззрений. Следовательно, все ре-

конструкции в этой области нельзя считать достоверными. Мы можем изучать не религию в целом, а религиозные культы. И только используя данные письменных источников и данные по религии традиционных обществ, отдаленных не только в пространстве, но даже и во времени, можно более точно реконструировать религиозную сторону жизни древнего населения.

Источники и литература.

1. Ильина Т.А. Односторонние терракотовые изображения божеств с городища «Чайка» // Материалы исследований с городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. Сб. науч. тр. М., 2007. С.337-353.
2. Кутайсов В.А. Керкнитиды в античную эпоху. К.: КОРВИН ПРЕСС, 2004. 326 с.
3. Основы религиоведения Учеб./ Ю. Ф. Борунков, И. Н. Яблоков, М. П. Новиков, и др.; Под ред. И. Н. Яблокова. М.: Высш. шк., 1994. 368 с.
4. Попова Е.А. Терракоты с городища «Чайка» в Евпатории // РА. 2000. № 1. С.131-143.
5. Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы, Святилища, Культы олимпийских богов и героев. К.: Стилос, 2005. 557 с.
6. Соломоник Э.И. Граффити в хоры Херсонеса. К.: Наукова думка, 1984. 144 с.
7. Философский словарь / Под ред. И.Ф. Фролова. М.: Республика, 2001. 720 с.

Сокращения.

РА – Российская археология

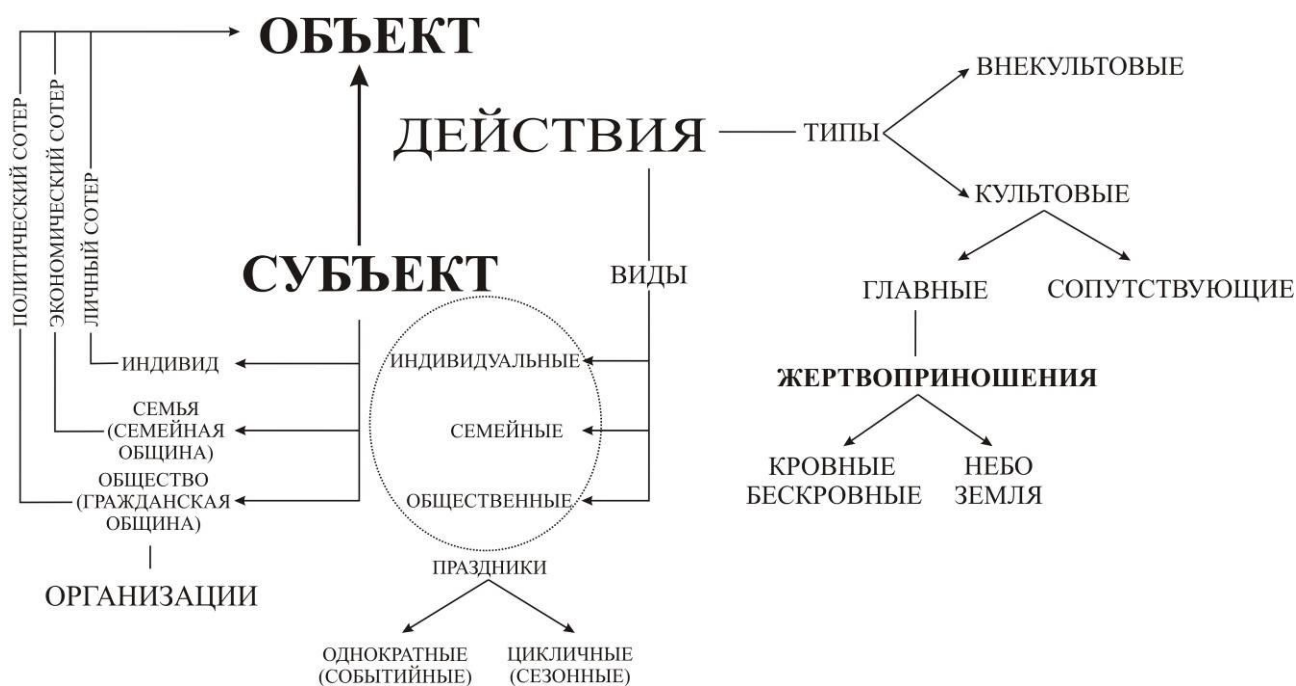

Схема 1. Структура практической сферы религии

Схема 2. Отражение практической сферы религии в материальных остатках

Автор	<u>Ф. Уэйдинг</u>	<u>Н. Смарт</u>	<u>М. Пай</u>	<u>И. Яблоков</u>
Сфера религии				
Идеологическая сфера	<ul style="list-style-type: none"> ■ Писание (миф) ■ Концепция ■ Эстетика ■ Духовность 	<ul style="list-style-type: none"> ■ Доктрина ■ Мифы ■ Этические учения 	<ul style="list-style-type: none"> ■ Религиозные концепции ■ Религиозные умонастроения 	<ul style="list-style-type: none"> ■ Религиозное сознание
Практическая сфера	<ul style="list-style-type: none"> ■ Ритуал ■ Социальная вовлеченность ■ Этика ■ Община 	<ul style="list-style-type: none"> ■ Ритуалы ■ Различные виды религиозного опыта ■ Социальные институты 	<ul style="list-style-type: none"> ■ Религиозная деятельность ■ Религиозные группы 	<ul style="list-style-type: none"> ■ Религиозная деятельность ■ Религиозные отношения ■ Религиозные организации

Таблица 1. Структура религии

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГРЕКОВ И ВАРВАРОВ ЗАПАДНОГО КРЫМА VI-III ВВ. ДО Н.Э.: СУДЬБА КОНЦЕПЦИИ АВТОХТОНИЗМА

Новикова О.В.

Южноукраинский национальный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского (УКП в г. Севастополе)

В настоящей статье прослежено влияние концепции автохтонизма на развитие проблемы греко-варварских взаимоотношений, так как именно эта проблема часто рассматривалась через призму автохтонизма. Кроме того, хотелось бы выяснить, каким образом политические, идеологические и интеллектуальные перемены в 20-х – 50-х гг. XX ст. влияли на работу археологов и историков, тем более что проблема греков и варваров нашла свое отражение в концепции автохтонизма. Политическая ситуация конца 1920-х – 1930-х гг. стала причиной коренных изменений в науке, в том числе и археологии. В методологическом плане основным марксистским постулатом советской археологии стала идея закономерности и единства исторического процесса.

Кроме того, представление о том, что все языки неизбежно проходят в своем развитии одни и те же стадии, было перенесено на развитие общества в целом и получило в археологии название теории стадильности, возникшей главным образом под влиянием идей академика Н.Я. Марра, возглавлявшего Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК) с 1919 по 1934 г. Началась борьба с миграционизмом, обязательным стало утверждение об автохтонном развитии всех культур. Жесткой централизации науки тогда еще не было, были лишь отдельные попытки превратить яфическую теорию Марра из непроверенной гипотезы в непререкаемую догму. Так, ученик Н.Я. Марра И.И. Мещанинов опубликовал в «Вестнике Коммунистической академии» статью «О доисторическом переселении народов», где он пишет, что *«переселения народов бывают крайне редко, ведущая линия – автохтонное развитие общества, переход его от одной стадии к другой»* [17, с. 74]. Статья Мещанинова не вызвала каких-либо практических перемен в работе археологов, но вскоре данные в ней установки были навязаны как обязательные для всех, а спор с ними приравнивался к «вылазкам классового врага», как отмечал А.А. Формозов [17, с. 74].

С началом «Великого перелома» появились новые установки и в археологии, которые становятся обязательными для всех. С 1929 г. овладение марксизмом из творческого метода, каким он старался быть в 1920-е гг., в широком смысле слова превращается в догматический. Марксистский метод объявляется единственным в советской археологии, все остальные методы в большей или меньшей степени стали считаться наследием дореволюционной науки. Непререкаемыми авторитетами становятся классики марксизма, И.В. Сталин, а также М.Н. Покровский.

Что касается концепции автохтонизма, то уменьшение ее влияния на археологию стало заметным после смерти Н.Я. Марра в 1934 г., когда продолжилась смена старых научных кадров новыми выдвиженцами. В этот период, с началом раскопок в северном районе Херсонеса некрополя классической эпохи, внимание ученых обратилось к проблеме изучения взаимоотношений греков и варваров.

Именно тогда зародилась гипотеза о смешанном эллино-варварском населении Херсонеса, которая нашла затем разностороннее отражение в работах ведущих советских ученых (С.А. Жебелева, А. И. Тюменева, В.И. Дьякова, А.А. Иессена). Суть ее заключается в ответе на вопрос: был ли Херсонес греко-таврским или греко-варварским городом, и какова была роль аборигенного населения в развитии Херсонеса. Эта дискуссия получила свое развитие в работах, опубликованных в послевоенное время.

После Великой Отечественной войны изучение античных государств Северного Причерноморья, а вместе с этим и проблема взаимодействия эллинов и варваров стала целе-

направленной и приобрела широкий размах [11, с. 28]. В разработке темы греко-варварских отношений происходит постепенный поворот от «автохтонизма» к комплексному изучению основных проблем античного мира и его варварской периферии.

Концепция автохтонизма нашла свое отражение в теории колонизации. Тезис о двустороннем торговом процессе колонизации был развит А.А. Иессеном, предложившим, по существу, новый подход к изучению греко-варварских взаимодействий в регионе (Иессен «Греческая колонизация Северного Причерноморья. Ее предпосылки и особенности» (1947)) (см. рис. 1). Автором была сделана попытка рассмотреть вопрос о причинах и условиях греческой колонизации северного Причерноморья со стороны местного исторического процесса. Им было выделено четыре этапа греческой колонизации, которые заключались в случайных посещениях греками причерноморских степей, в основании торговых факторий и превращении их затем в производственные центры. Основным вывод, к которому пришел исследователь, заключался в том, что греческую колонизацию северного Причерноморья нельзя рассматривать односторонне, только с точки зрения истории Греции, греческих племен и греческой культуры, а нужно учитывать историческое развитие местного населения колонизируемых областей [10, с. 89].

Концепция А.А. Иесена стала поддерживаться многими советскими учеными. Так, М.И. Артамонов отмечал, что с самого начала своего существования колонии включали в свой состав значительное количество туземцев [1, с. 79].

В соответствии с концепцией автохтонизма разрабатывалась проблема роли античных городов и их культуры в истории племен Северного Причерноморья. В.Д. Блаватский в монографии «Искусство Северного Причерноморья античной эпохи» (1947 г.) и статье «Античная культура в Северном Причерноморье» (1950) вносит свои коррективы в вопрос о двухстороннем процессе колонизации, изложенный А.А. Иесеном. В представлении В.Д. Блаватского колонизация представляет собой трехступенчатый процесс: сначала случайные наезды эллинских купцов с созданием временных факторий, затем основание постоянных торговых факторий и, наконец, колоний-полисов [6, с. 25, 28; 4, с. 30-32]. Автор отмечал, что для правильного понимания специфических особенностей античной культуры Северного Понта необходимо выявить роль местных элементов в ее формировании [4, с. 30]. В основу предложенной им новой периодизации исторического развития городов Северного Причерноморья были положены изменения в этническом составе населения, социальном строе и характере культуры (см. рис. 2).

Первым этапом «прочного освоения греческими колонистами северного побережья Черного моря было время возникновения и бытования эмпориев, а также последовательного затем основания городов и древнейшей эпохи их существования. Это время приходится на VII – VI в., первую половину V в. до н.э. состав свободного населения и характер культуры греческих колоний были в основном эллинскими. Греческие первооселенцы и их ближайшие преемники, обосновавшиеся на северопонтийских берегах, в полной мере сохраняли еще культурные навыки, выработанные в метрополии» [4, с. 31].

Второй этап истории северопонтийских городов приходится на время с последних десятилетий V в. до н.э., примерно до эпохи Митридата Евпатора (конец II – первая половина I в. до н.э.). Не все города Северного Причерноморья развивались одинаково. Автором был подробно освещен вопрос о взаимоотношениях этих городов с окружающими местными племенами. На этот период приходится возникновение и независимое существование демократического полиса Херсонеса, подчинившего себе довольно значительную территорию юго-западного Крыма [4, с. 32]. Было замечено, что на этом этапе города достигли значительного расцвета, а их культура в основном имела греческий характер; начиная с IV в. до н.э. начинают «отчетливо ощущаться» элементы местной культуры [3, с. 32].

В.Д. Блаватский приходит к выводу, что своеобразие культуры и искусства северопонтийских городов связано не с особыми условиями их жизни, но также и с участием в ней представителей местных племен.

В соответствии с концепцией автохтонизма разрабатывались и другие проблемы. Среди очередных задач античной Причерноморской археологии на первое место в это время выдвигается требование «изучать те памятники, прежде всего, где может быть вскрыт стык греческой колонизации и догреческой культуры местного населения» [13, с. 32].

Работы, ученика С.А. Жебелева, Д.П. Каллистова (1949, 1952) содержат значительно более последовательную реализацию на историческом уровне представлений Н.Я. Марра. В них впервые в отечественной историографии было поставлено под сомнение идея возникновения в Северном Причерноморье особой синкретической греко-скифской культуры [12, с. 105]. Оно явно базировалось на уже упоминавшемся постулате «нового учения о языке» - об эволюционном характере развития автохтонного населения, не подверженного сколько-нибудь сильным внешним культурным воздействиям со стороны мигрантов.

В работах Б.Н. Гракова, известного специалиста по скифо-сарматской и античной археологии отмечается, что причерноморские скифы создали яркую и самобытную культуру, которая возникла в результате длительного взаимодействия с культурой греческих городов, сохраняя оригинальный скифский характер [6, с. 3]. О взаимоотношениях греков с соседними племенами свидетельствовали надписи, где встречались негреческие (скифские) имена, вещи с греческими мифологическими сюжетами. До времени Скилура город Херсонес «почти с самого начала стал с соседями в более враждебные отношения» [9, с. 81]. В то же время, как замечает Б.Н. Граков, эти отношения не всегда были враждебными, а частое употребление собственного имени Скиф в херсонесских эпиграфических надписях в период доримского времени было отражением «живой действительности»; могли быть и случаи возникновения родства [9, с. 81-82]. После перенесения столицы скифского государства в Неаполь, в Крым, участвовавшие торговые отношения со скифами способствовали проникновению греческих культов, мирно уживавшихся с их прежними божествами [9, с. 88].

Следует отметить, что господствовавшая долгое время традиционная точка зрения признавала лишь одностороннее воздействие античной культуры на «варваров». Под этим углом зрения местное население рассматривалось как некая «пассивная» среда, обеспечивавшая своим физическим трудом материальное благополучие и процветание греческих городов, поставлявшая им рабов, снабжавшая их в порядке торгового обмена хлебом и пр. Что касается области культуры, то в местных племенах видели только сторону, воспринимающую и усваивающую достижения античной цивилизации, но не оказывающую при этом никакого своего воздействия на культурное развитие античных городов.

Не отрицая исторического значения античной цивилизации, легенда об исключительной, как тогда выражались, «культуртрегерской» роли греков была теперь разрушена [14, с. 181]. Их стали рассматривать как тесно связанные между собой звенья единой системы взаимодействия этносов, находящихся на разных уровнях исторического и культурного развития.

В 1947 г. под руководством П.Н. Шульца начала работать тавро-скифская экспедиция, одной из задач которой было выявить взаимосвязь поздних скифов и тавров с греками [21, с. 59-66]. На основании археологических разведок П.Н. Шульц еще в предвоенные годы выдвинул гипотезу о существовании двух противостоящих друг другу систем обороны – греческой и варварской (скифской) [19; 20].

Позднее гипотеза П.Н. Шульца подверглась дальнейшей разработке, превратилась в общепризнанную концепцию и была принята большинством ученых (М.И. Артамонов, Б.Н. Граков, А.И. Тюменев, О.Д. Дашевская, Э.И. Соломоник). Слабое место ее в том, что ученые опирались в своих выводах на памятники, характер которых не мог быть окончательно выяснен без широко проведенных раскопок и разведок. Результаты обширных планомерных и разнохарактерных полевых работ конца 60-х гг. опровергли эту гипотезу.

Одной из тем конца 40 – 50-х гг. XX в. являлся показ значительной роли аборигенного населения в истории эллинских центров Северного Причерноморья, что косвенно повлияло на интерпретации материалов херсонесского некрополя, открытого в 1936 г. Большинство исследователей придерживалось мнения, что обнаруженные в этом некрополе скорченные останки погребенных ясно говорят об их этнической (таврской) принадлежности. Автор раскопок Г.Д. Белов, предположил, что население Херсонеса в классический и эллинистический периоды было смешанным – греко-таврским [2, с. 14].

В работах Н.В. Пятышевой, получила свое развитие точка зрения о том, что Херсонес с самого начала своего основания был не чисто греческим, а греко-варварским городом [16, с. 122-124]. Свои выводы исследовательница строила на материалах раскопок некрополя Г.Д. Беловым на северном берегу Херсонесского городища; она пришла к заключению, что связь

херсонесских греков с таврами осуществлялась по линии военно-экономической, идеологической и бытовой, а греки и тавры позаимствовали друг у друга культурные черты.

Результаты раскопок некрополя в 1945 г. позволили С.Ф. Стрежелецкому прийти к заключению, что наличие коллективных захоронений, общая основа погребального обряда, яркие аналогии в погребениях каменных ящиков горного Крыма говорят о принадлежности «скорченников» к таврскому населению [17, с.95] (см. рис. 3). В то же время В.Д. Блаватский считал, что «наличие в составе населения Херсонеса IV–III вв. до н.э. многочисленных представителей туземного населения, не дает основания заключить, что тавры участвовали в создании Херсонесского полиса и имели там гражданские права» [Блаватский, 1949. – С. 147]. Исследователь пришел к заключению о принадлежности «скорченников» к рабам [Блаватский, 1953. – С. 165].

Точка зрения о том, что Херсонес с самого своего основания был не чисто греческим, а греко-варварским городом, представлена работах других авторов, таких как В.Ф. Гайдукевич и С.И. Капошина [7, с. 167]. Точка зрения о рабском положении местного населения ставилась ими под сомнение [7, с. 168-175].

В начале 50-х гг. все изменилось. После «лингвистической дискуссии» 1950 г. идеи Н.Я. Марра, «разоблаченного товарищем Сталиным», в дальнейшем принято было критиковать как антимарксистские. А на научной сессии Отделения истории и философии АН СССР и Крымского филиала АН СССР, открытой 23 мая 1952 года в г. Симферополе принимавшие в ней участие известные и авторитетные ученые подвергли критике не только самого Марра, но и его последователей.

Б.А. Рыбаков в докладе «Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований» указал на то, что в историографии 1930-1952 гг. имеется ряд серьезных недочетов. Большой вред делу изучения истории Крыма, по мнению академика, оказало «учение» Н.Я. Марра, отголоски теории стадильности в книге Д.П. Каллистова «Очерки по истории Северного Причерноморья» (1949 г.), где преуменьшался уровень развития местных племен, отрицалось слияние греческого и местного населения, влияние местного населения на облик греческих городов, а сложение скифского государства произошло в середине IV в. до н.э. [22, с. 194].

В.Д. Блаватский, в свою очередь, в выступлении на сессии отмечал, что в работах археологов, следовавших за Марром, автохтонизм получил чрезмерное развитие. Местные племена, по его мнению, в работах последователей Н.Я. Марра нередко выступают как обезличенная масса [22, с. 195]. Как следствие, под критику попал труд одного из «популяризаторов истории» П.Н. Надинского, который в «Очерках по истории Крыма» (1951) отмечал лишь негативную роль греков, а обитатели эллинских городов были никем иным, как «колонизаторами». Положение усугубила приверженность автора «Очерков...» к «ошибочной марровской концепции во взглядах на скифов и происхождение славян» [15, с. 24-36]. В общем, выступавшие на сессии исследователи, среди которых следует назвать также П.Н. Шульца, В.Ф. Гайдукевича единодушно критически оценили "автохтонистские" взгляды Н.Я. Марра и его последователей, что, впрочем, было следствием появления статьи И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Конец эпохи сталинизма, XX съезд 1956 г. завершили полосу духовного прессинга. Отпала необходимость развивать положения автохтонистской концепции, судьба ее была предрешена.

Таким образом, несмотря на то, что советская наука в 20-50-е гг. XX в. была поставлена в беспрецедентно жесткие условия идеологического контроля и давления, работы советских археологов представляют собой действительно значимые, а порой выдающиеся научные исследования, сохраняющие свое значение до сих пор. Присутствующий в некоторых работах «вульгарный марксизм» заметного влияния на интерпретацию результатов не оказал.

Источники и литература.

1. Артамонов М. И. Вопросы истории скифов в советской науке // ВДИ. 1947. № 3. С. 68-82.
2. Белов Г. Д. Северный прибрежный район Херсонеса (по новейшим раскопкам) // МИА. 1953. № 34. С. 11-31.
3. Блаватский В. Д. Античная культура в Северном Причерноморье // КСИИМК. 1950. № XXXV. С. 30 – 41.
4. Блаватский В. Д. Искусство Северного Причерноморья Античной эпохи. М., 1947. 120 с.

5. Гайдукевич В. Ф., Капошина С.И. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов северного Причерноморья // СА. 1951. Т. XV. С. 162 – 187.
6. Граков Б. Н. Очередные задачи археологии в изучении скифо-сарматского периода / Б. Н. Граков // КСИИМК. – 1950. - Вып. XXXIV – С. 3-6.
7. Граков Б. Н. Термин скиф и его производные в надписях Северного Причерноморья // КСИИМК. 1947. Вып. XVI. С. 79-88.
8. Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Ее предпосылки и особенности. Ленинград., 1947. 90 с.
9. Историография истории Украинской ССР. Киев., 1987. 555 с.
10. Каллистов Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. 283 с.
11. Капошина С.П. Пленум Ленинградского отделения Института Истории Материальной Культуры, посвященный Северному Причерноморью // ВДИ. 1946. № 3. С. 220 – 233.
12. Монгайт А. Л. Археология в СССР. М., 1955. 436 с.
13. Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. Симферополь., 1951. Ч. 1. 230 с.
14. Пяташева Н. В. Тавры и Херсонес Таврический // КСИИМК. 1949. Вып. 29. С. 122-124.
15. Стржелецкий С. Ф. Раскопки 1939 года у Карантина, вблизи Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. IV: Материалы по археологии Херсонеса Таврического. 1948. Вып. IV. С. 51-63.
16. Формозов А. А. Археология и идеология (20-30-е годы) [Электронный ресурс] / А. А. Формозов // Вопросы философии. – 1993. - № 2. – С.70 – 82. – Режим доступа: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/sci.htm>.
17. Шульц П. Н. О работах Евпаторийской экспедиции // СА. 1937. №. 3. С. 252-254.
18. Шульц П. Н. Евпаторийский район // Археологические исследования в РСФСР 1934 – 1936 гг. Краткие отчеты и сведения. 1941. С. 265-277.
19. Шульц П. Н. Тавро-скифская экспедиция // КСИИМК. 1949. Вып. XXVII. С. 56-66.
20. Я. Л. Сессия Отделения истории и философии и Крымского филиала АН СССР по истории Крыма // ВДИ. 1952. № 4 (42). С. 193-199.

Сокращения.

- ВДИ – Вестник древней истории.
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
 СА – Советская археология

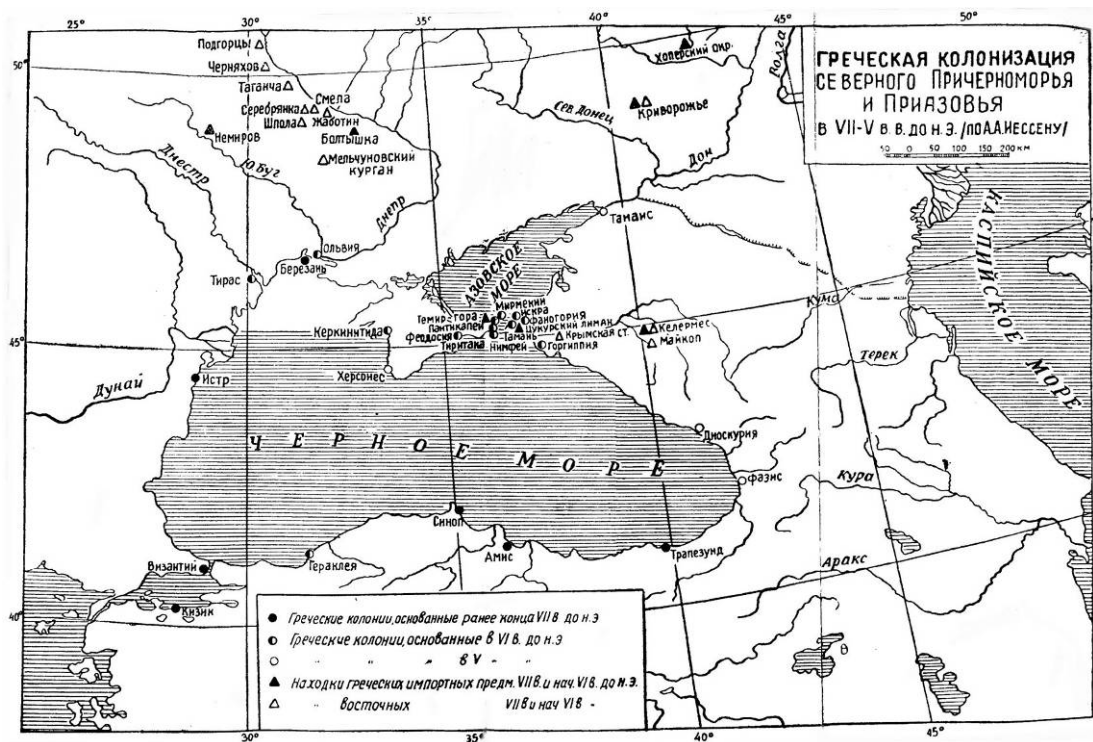

Рис. 1. Греческая колонизация северного Причерноморья и Приазовья в VII – V в.в. до н.э. (по А.А. Иессену)

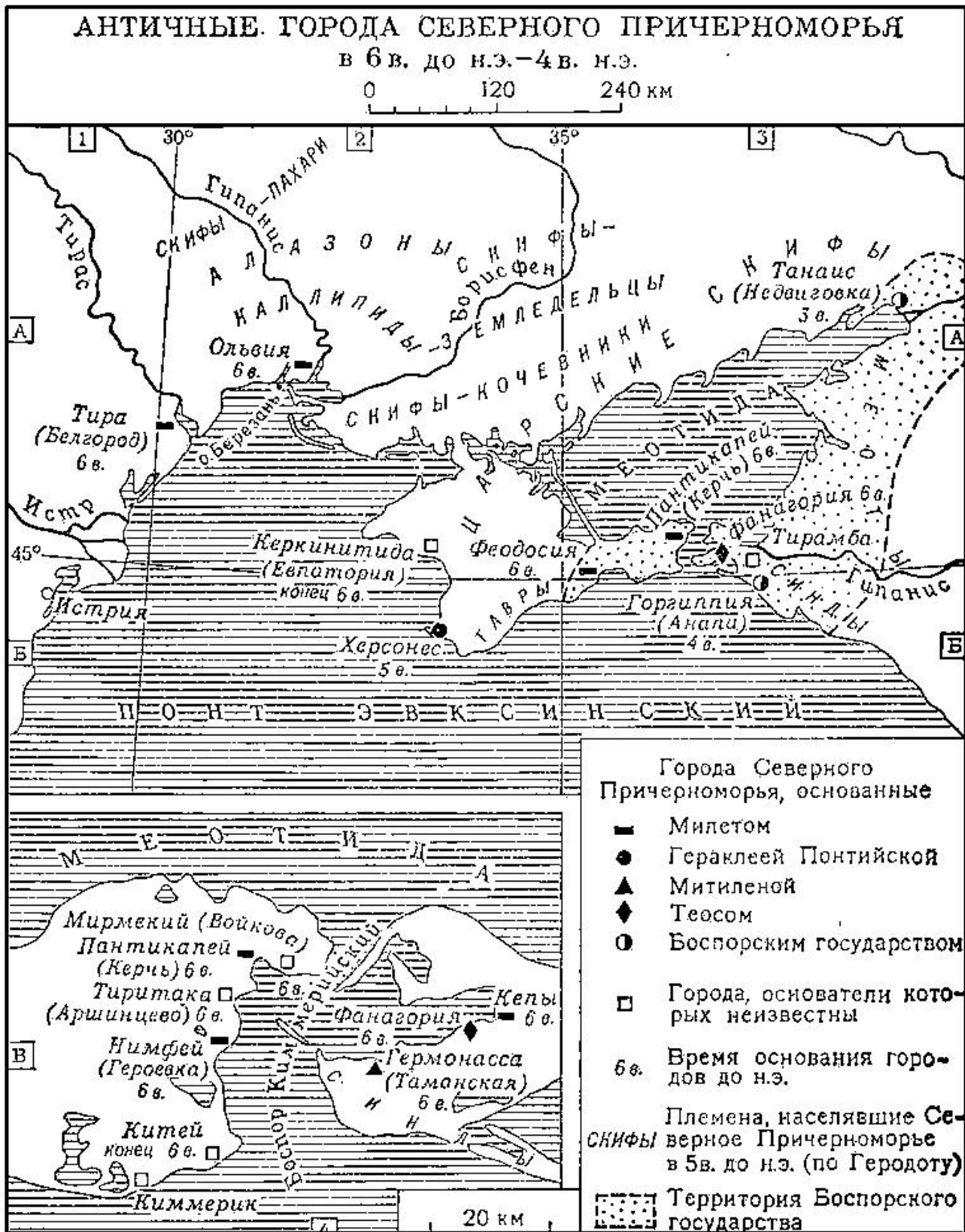

Рис. 2. Античные города северного Причерноморья в VI в. до н.э. – IV в. н.э.

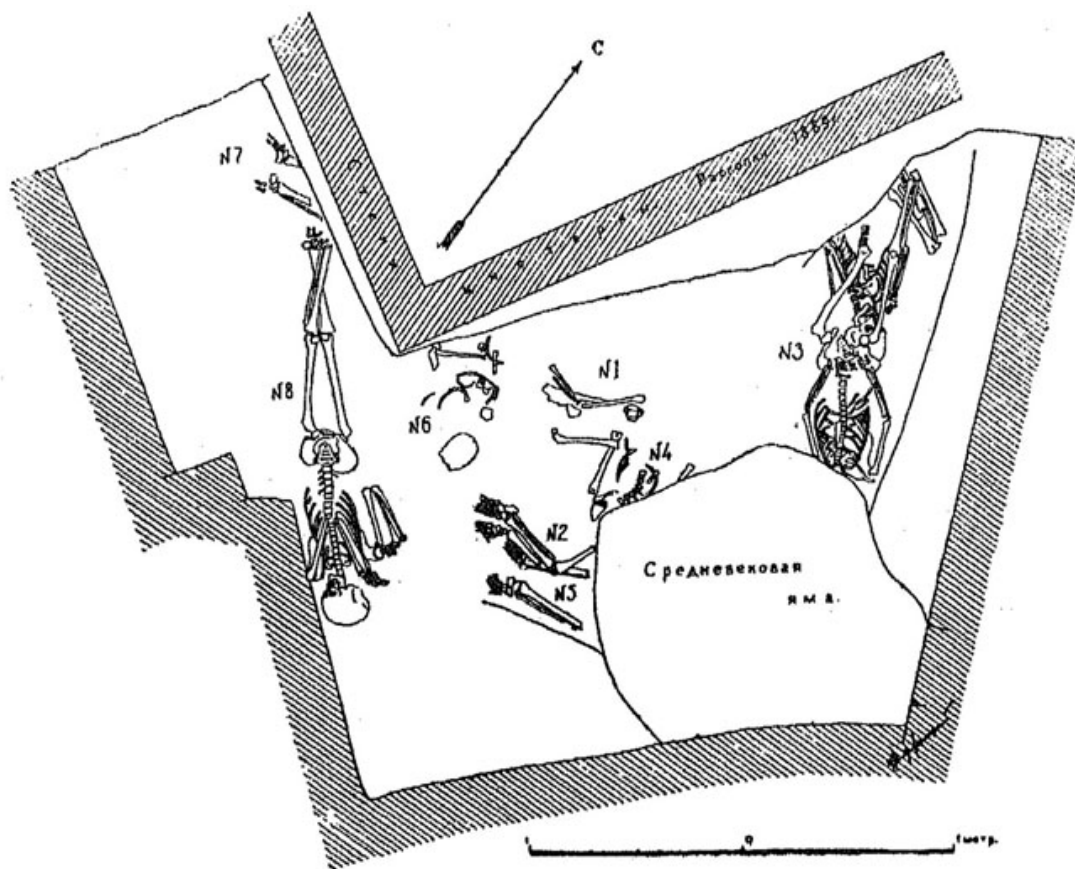

Рис. 3. План раскопа 1945 года

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ИЗ РАСКОПОК ЮЖНОГО НЕФА БАЗИЛИКИ «КРУЗЕ» В ХЕРСОНЕСЕ (АМФОРЫ И КЕРАМИКА С ПОКРЫТИЕМ)¹

УШАКОВ С.В.

Крымский филиал Института археологии НАН Украины,
Филиал МГУ в г. Севастополе

Одно из главных направлений развития современной классической (да и не только классической) археологии – публикация и анализ керамических комплексов, как важнейший этап в определении хронологии и периодизации археологических памятников, а затем и их культурно-исторической атрибуции. Херсонесу Таврическому здесь не очень повезло: его античные памятники (прежде всего керамические комплексы) оказались по странному стечению обстоятельств почти не представленными в современной научной литературе. Необходимо восполнить этот пробел. Конечно, это возможно сделать только коллективными усилиями исследователей, занимающихся археологией античного Херсонеса. Приношу и я свой скромный вклад на алтарь науки: настоящая статья посвящена двум группам находок из раскопок в Северо-Восточном районе городища в 2006 г., важных, прежде всего, в хронологическом отношении: амфорам и чернолаковой посуде, а также сероглиняным сосудам с черным покрытием.

* * *

Возобновляя в 2005 г. полевые исследования одного из самых широкоизвестных культовых памятников раннехристианской эпохи – базилики «Крузе» (№ 7 по перечню Императорской Археологической Комиссии) (рис. 1) [13], я совершенно не представлял, что этот храм, с которого начались раскопки Херсонеса (1827 г.) [14, с. 511-513], оказался не просто не докопанным, а фактически не изученным археологически, прежде всего, просто не раскопанным. Наша экспедиция в продолжение раскопок 1998 г. [7] развернула работы на нескольких его участках [15, с. 370-371]. Одним из основных объектов оказался правый (южный) неф храма, где мы продолжили работы в квадрате I (1998 г.) и рядом заложили квадрат II (рис. 1Б). Под слоями засыпи общей мощностью до 1,5 м с материалами позднеантичной-ранневизантийской эпохи были обнаружены слои с материалами эпохи эллинизма.

В полевом сезоне 2006 г. на месте раскопа 1998 г. (кв. I) был удален грунт, обрушенный при грабительских раскопках зимой 2005-2006 гг. и зачищен стратиграфический срез по линии, близко к границе квадрата I и квадрата II (рис. 2). Не вдаваясь в детали стратиграфии (в данном случае они не имеют существенного значения), можно отметить, что всего сняты напластования культурного слоя до глубины 1,70 м., считая от уровня основания пола в базилике. При этом отдельно выбирался грунт из т.н. траншеи, выкопанной, как представляется, при строительстве храма под фундамент стены, разделяющей правый и центральный нефы (с многочисленными кусочками угля и золой) и ямы у юго-восточного угла храма. Затем был удален земляной «пол» (прослойка уплотненного суглинка толщиной до 5 см.) на этом участке и два слоя засыпи (по 10-15 см. толщиной каждый) под этим «полом». Прослойка «пола» содержала мелкие, но разнообразные фрагменты керамики: черепицы, амфор, кухонной гончарной, лепной и столовой посуды, в том числе краснолаковой и чернолаковой керамики. Первый и второй слои под «полом» также содержали фрагменты краснолаковой и чернолако-

¹ Статья является расширенным и дополненным вариантом доклада, прочитанного на конференции в п. Черноморское, посвященной юбилею археологического музея. Первый вариант статьи был опубликован в издании музея, но без иллюстраций и без объяснений автору, почему так случилось. Впрочем, и об издании статьи я узнал совершенно случайно. В настоящей публикации я пересмотрел ссылки, дополнил их и, конечно, предоставил все необходимые рисунки.

вой керамики, т.е. были мешаными. В юго-восточном углу нефа при зачистке земляного «пола» зафиксированы вбитые когда-то, а потом выгоревшие деревянные колья [15].

В верхней части засыпи доминировал материал позднеантичного-раннесредневекового времени, рассмотрению которого будет посвящена позднее специальная работа. Подобные находки происходили и из зачистки стратиграфического среза в восточной части квадрата II. В нижних слоях и в «траншее» преобладали фрагменты сосудов позднеклассического и эллинистического времени, представленные обломками амфор, чернолаковой, кухонной гончарной и простой столовой посуды. Среди индивидуальных находок необходимо назвать пирамидальное керамическое грузило, фрагменты «мегарских чаш», а также фрагмент стенки лепного сосуда кизил-кобинской культуры с врезным орнаментом. Там же был найден бронзовый наконечник стрелы.

В качестве массового материала необходимо, в первую очередь, охарактеризовать амфорную тару. В нижнем ярусе засыпи присутствовали только амфоры классического и эллинистического периодов без какой-либо примеси материалов более позднего времени. Среди них определялись находки следующих центров:

1. *Гераклея* (рис. 3, 1-8). По сохранившимся фрагментам горловин можно предположить, что они могли принадлежать амфорам *конического* типа вариантов II-2 и типа II-A по С.Ю. Монахову [Ср.: 9, Табл. 94, 6 и рис. 3, 1, 2; Табл. 97, 3 и рис. 3, 4], производимых в 70-30 гг. IV в. до н. э. [9, с. 136] и с 70-х гг. IV по рубеж III вв. до н. э. [9, с. 139] соответственно.

2. *Хиоса*, всего три фрагмента ручек (рис. 3, 9-11).

3. *Родос*, отнесенные к этому центру только предположительно, по глиняному тесту; найдено только четыре фрагмента ручек (рис. 3, 12-15). Они происходят из зачистки стратиграфического среза в кв. I, третьего слоя под полом в этом же квадрате и из нижнего слоя в кв. II. Характер этих находок не позволяет говорить что-либо определенное об их хронологии, тем более, что и в целом типология родосской амфорной тары, которая производилась на этом острове с конца IV по II в. до н.э. включительно, пока еще находится в стадии разработки [9, с. 113].

4. *Херсонес* (рис. 3, 16-20). К сожалению, сохранились только венцы амфор, нет клейменных ручек, не найдены и ножи. Чаще всего описанные в литературе комплексы с херсонесскими амфорами относят к последней четверти IV – первой трети III вв. до н. э. (См. напр.: 8, Табл. 207, 4; 209, 6, 7; 211; 212; 213, 1-5, 7, 8; 217; 218; 223].

В засыпи найдены также обломки изрядного числа амфор, тип которых однозначно определить сложно (напр.: рис. 4, 14-19). В качестве индивидуальной находки можно упомянуть еще фрагмент стенки амфоры, покрытой светлым ангобом (Херсонес?), на краю которого сохранились три плохо читаемых греческих буквы (рис. 3, 21). Этот фрагмент (обломок острака?) был найден в слое 1 под глинобитным полом.

Закljučая краткий разбор хронологического определения амфорной тары из нижних слоев в квадратах I и II, можно заключить, что эти слои (если определять их время только по амфорам) образовались в пределах первой половины - середины III в. до н. э.

Наиболее показательные и интересные находки полевого сезона 2006 г. – **чернолаковая керамика**. Практически вся она происходит из нижнего горизонта культурного слоя в квадрате I и представлена следующими типами находок.

1. *Тарелки (блюда)* с разнообразно оформленным краем на кольцевом поддоне следующих вариантов.

1.1. С валикообразным краем на кольцевом поддоне и со штампованным орнаментом на дне некоторых из них (рис. 5, 1-5). Снаружи на днище одной из тарелок имеется два граффити: ΔΔМ и ΙΔ (?) (рис. 5, 3). Такие тарелки были широко распространены по всему Северному Причерноморью. В отечественной научной литературе они описаны по материалам греческого керамического импорта на Нижнем Дону, где И.Б. Брашинским они были датированы с опорой на находки Афинской Агоры последней четвертью IV в. до н. э. [Ср.: 1, с. 63, табл. XXXVIII, 1-3 и 22, fig. 46, # 641]. Некоторые наши экземпляры могут датироваться и первой четвертью следующего столетия [22, fig. 46, ## 650, 652, 654]. Такие тарелки – массовый материал в раскопках базилики в Эфесе [21, taf. 9, A 46-52; taf. 10]. Можно привести аналогии и более позднего времени – из комплекса третьей четверти II в. до н. э. раскопок Неаполя Скифского [5, рис. 3, 23].

1.2. *Тарелки* с утолщенным, слегка отогнутым краем (рис. 6, 1-3). Массовый материал по всему Причерноморью и Восточному Средиземноморью. Например, одна из похожих тарелок происходит из базилики в Эфесе [21, taf. 15; 17, A 69, 70].

1.3. *Тарелки* с заостренным загнутым краем (рис. 6, 4, 5). Тарелка с Афинской Агоры, хотя полной аналогией ее не назовешь, датируется С. Ротрофф временем со 150 по 110 гг. до н. э. [22, fig. 47, # 688].

2. Глубокие тонкостенные *миски* с отогнутой закраиной (рис. 6, 7-10).

3. *Мисочки* с отогнутой краем на кольцевом поддоне и со штампованным орнаментом на внутренней стороне дна (рис. 7, 1-16). По С. Ротрофф это миски второй, эллинистической серии (вторая четверть III – середина II вв. до н. э.). Основная масса находок может быть отнесена к третьей четверти III в. до н. э. [22, fig. 59, ## 886, 888; fig. 60, # 911]. Миски похожих пропорций из некрополя у пос. Заозерный датируются Т.В. Егоровой второй и третьей четвертями III в. до н.э. [2, с. 145]; есть они и на городище «Чайка» [3, рис. 3]. Можно привести и многочисленные аналогии по раскопкам Эфеса [21, taf. 4, A 17; taf. 5, A 16, 19, 20; taf. 6, A 21-31] и Коринфа [19, pl. 3, ## 74, 79].

4. *Мисочки с загнутым краем* (рис. 8, 7-14; 9, 22, 23). В нашей серии сосудов есть как «мелкие», так и «глубокие» экземпляры. В качестве близких аналогий снова можно привести находки с городища «Чайка» [3, рис. 4] и из раскопок Эфеса [21, taf. 1, 2, 3 A 1-15], Коринфа [19, pl. 2] и Афинской Агоры [22, fig. 63, ## 1010, 1018, 1023].

5. *Канфары* с петлевидными ручками (рис. 7, 17-21). Их достаточно много в эллинистических слоях Причерноморья и Восточного Средиземноморья [См.: 21, taf. 24, B 18; taf. 25, B 19, 20]. Некоторые сосуды украшены орнаментом, выполненным белой накладной краской и врезными концентрическими линиями (рис. 8, 15-20). Наши находки по формам и орнаментации имеют точные соответствия с сосудами из Эфеса, опубликованными Вероникой Митзополис-Леон [21, taf. 30, B 33; taf. 34, B. 44, 48; taf. 39, 63, 64; taf. 40, B 65] и Коринфа, описанные Эдвардом Роджером [19, pl. 53, ## 399, 451, 453, 460]. В научной литературе этот тип чернолаковой аттической керамики получил название «керамики западного склона Афинской Агоры» [Ср.: 22, pl. 21]. Аналогичная группа сосудов из Елизаветовского городища продатирована в целом концом IV – началом III вв. до н. э. [1, с. 64-65, табл. XXXVIII, 9-16]. Эта же дата предложена для похожих находок из Западного Крыма [2, с. 144]. Два канфара из слоя разрушения Калос Лимена, продатированного II в. до н. э., опубликованы В.Б. Уженцевым [13, рис. 76, 1, 2]. Похожий канфар [5, рис. 3, 25] найден в слое пожара Южного дворца Неаполя Скифского, произошедшего в третьей четверти II в. до н. э. [5, с. 52].

6. *Сферические и цилиндрические канфары* (рис. 9, 5-7).

7. *Скифосы*. Их у нас совсем немного – всего два экземпляра (рис. 9, 24, 25). Оба – типичные образцы классического времени [Ср.: 1, с. 63, табл. XVI, 183-192; табл. XXX, 180-182].

8. *Днища* сосудов разного типа как уплощенные, так и на кольцевом поддоне (рис. 9, 8-20).

9. *Рыбные блюда* (рис. 8, 1-6; 10; 11). Их морфология, в том числе характер оформления поддонов, закраин и других деталей очень разнообразна. Такие блюда – распространенные находки в херсонесских городских слоях и на городском некрополе [11, рис. 4, 23-29]. Хронология типа – конец IV – конец II вв. до н. э. [11, с. 46]. Наши находки напоминают аналогичные эфесские [21, taf. 7, A 36, 38; taf. 8]. Елизаветовские рыбные блюда, опубликованные И.Б. Брашинским, в отличие от наших, более ранние, они относятся к первой половине IV в. до н. э. [1, с. 62, табл. XXXVII, 1-5]. Аналогии с афинской Агоры дают даты от 290 до 225-175 гг. [22, fig 51], и даже до конца II – начала I вв. до н. э. [22, fig. 51, # 732].

Интересна редкая находка небольшого фрагментированного *гуттуса*¹ с росписью белой накладной краской (рис. 12, 1, 2). Именно такие расписные гуттусы в Херсонесе до сих пор были неизвестны. Близкие по форме сосудики изготавливались в Афинах [22, part. 2, pl. 87, # 1195], где один из них по контексту находок датируется 175-150 гг. [22, part 1, p. 138]. Эту дату можно уточнить: подобным орнаментом украшались, как уже указывалось, самые разнообразные сосуды – канфары, скифосы, ойнохойи, крышки [23, fig. 5, 3-5, 10, 19; 2, рис. 1,

¹ Найден Валерием Стрижаком в восточном углу нефа.

6-9; 21, В 54-58, 118, 119, 142, 144]. Канфары с похожим накладным орнаментом с Афинской Агоры датируются временем с конца IV – начала III вв. (# 170) до середины (# 228) II вв. [22].

По общему облику и характеру находок (рис. 13) заметно, что чернолаковая керамика из слоев под базиликой «Крузе» должна быть отнесена ко времени позднее, чем комплексы некрополя Панское I [Ср: 10] и Елизаветовского городища [1]. Комплекс нашей керамики нужно отнести не к IV в. до н. э., хотя отдельные находки этого времени там и присутствуют. Судя по датировкам всей группы чернолаковой керамики (особенно поздних его образцов), можно заключить, что нижний горизонт культурного слоя под базиликой образовался в хронологических рамках не раньше середины - второй половины III в. до н.э. С учетом хронологических позиций амфорной тары, эту дату можно подкорректировать и определить как вторая-третья четверть III столетия до н. э. Нельзя совершенно исключить также конец III – середину II в. до н.э. Необходимо заметить, что описываемый керамический комплекс по основным параметрам напоминает засыпь эллинистической цистерны, открытой в ХСVII квартале Херсонеса, анализ комплекса находок которого позволил сузить дату его образования временем от конца первой четверти до середины III в. до н. э. (Подр. см.: 23, р. 193-199).

Близка, хотя и не идентична по морфологии и хронологии к этой группе керамических материалов **сероглиняная керамика с черным покрытием** (рис. 12, 3-14). Как нам удалось недавно показать, и на чем всегда настаивал М.И. Золотарев, это именно отдельная группа материалов, которую при обработке массового материала ошибочно относят к чернолаковой посуде, принимая ее за местное производство [17, с. 45-47; 18, с. 135-138]. Исходя из сказанного, представить эти находки тем более необходимо. Их в наших раскопках было совсем немного – всего 12 фрагментов следующих типов:

1. Блюдо с широкой горизонтально отогнутой закраиной (край обломан) (рис. 12, 11).
2. Миски с закругленным туловом и слегка отогнутой закраиной (рис. 12, 3-6, 8). У одной из небольших мисок (D 10) была петлевидная уплощенная вертикально расположенная ручка (сохранились места прилепа) (рис. 12, 3).
3. Миска (глубокое блюдо) с утолщенной валикообразной закраиной (D 24) (рис. 12, 9).
4. Тарелка с вертикальным (D 26) краем (рис. 12, 10).
5. Днища сосудов на кольцевом поддоне (рис. 12, 12-14).

Эти находки, как мы видим, являются дополнением к типичному «набору» форм сосудов сероглиняной керамики, чаще всего находимых в Херсонесе – кувшинов и рыбных блюд [18, рис. 3, 2, 3, 6; 8, 3, 8; 11; 20, р. 167-185].

В комплексе находок присутствовали также так называемые «мегарские» чаши (рельефная эллинистическая керамика), простая столовая гончарная посуда, бытовая толстостенная керамика типичных для слоев Херсонеса форм¹.

Подводя предварительные итоги раскопкам базилики «Крузе» в южном нефе в 2006 г., необходимо отметить, что полученные материалы позднеклассического и эллинистического времени наглядно свидетельствуют об интенсивных торгово-экономических связях Херсонеса с Грецией, что подтверждается и массовыми аналогичными находками с других частей городища.

Другие выводы несколько иного свойства. Анализ всего комплекса материалов (которые также готовятся к публикации) позволяет обоснованно заключить, что правый неф храма был сооружен на мощной подушке грунта, время образования которого можно пока отнести к V – середине VI вв. н. э. В свою очередь, эти слои ранневизантийского времени опирались на слои позднеклассического-эллинистического времени, самые поздние из которых могут быть продатированы временем от второй-третьей четверти III в. до н. э. до четвертой четверти III – начала – середины II вв. до н.э. К этому же времени относятся и другие подобные комплексы, открытые на херсонесском городище и на ближней и дальней хоре Херсонеса Таврического. Исторически это события сарматской экспансии в Северное Причерноморье и начала формирования Поздней Скифии в Крыму. Таким образом, мы видим, что эти этно-политические сдви-

¹ Эти находки будут описаны и учтены при полной публикации материалов.

ги отразились на археологическом материале, как самого Херсонеса Таврического, так и Западного Крыма в целом.

Источники и литература.

1. Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л, 1980. 268 с.
2. Егорова Т.В. Чернолаковая керамика из некрополя у поселка Заозерное // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. Часть 2. СПб., 2004. С. 143-152.
3. Егорова Т.В. Чернолаковые миски и солонки с городища «Чайка» близ г. Евпатории // Боспорские исследования. 2005. Вып. VIII. С. 218-237.
4. Егорова Т.В. Чернолаковая керамика с памятников Северо-Западного Крыма IV-II вв. до н.э. М. 2009. 256 с.
5. Зайцев Ю.П. Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара 1 Южного дворца Неаполя Скифского / Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I // Труды ГИМ. М., 1998. Вып. 102. С. 52-60.
6. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. 136 с.
7. Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Пилингер Р., Пюльц А., Ушаков С.В. Раскопки т.н. «Базилики Крузе» в Херсонесе (Украинско-австрийский проект) // ХСб. 2003. Вып. XII. С. 229-247.
8. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII-II веков до н. э. Саратов, 1999. 680 с.
9. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. Москва; Саратов, 2003. 352 с.
10. Рогов Е.Я., Тункина И.В. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I // Археологические Вести. № 5. 1996-1997. С. 159-175.
11. Стоянов Р.В. Расписная и чернолаковая столовая керамика из некрополя Херсонеса Таврического V-I вв. до н. э. // Боспорские исследования. 2005. Вып. VIII. С. 39-53.
12. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. 676 с.
13. Уженцев В.Б. Эллыны и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н. э. – II в. н. э.): Материалы по археологии Крыма. Симферополь, 2006. 248 с.
14. Ушаков С.В. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 2005 г. // Архив НЗХТ. Д. 3789.
15. Ушаков С.В. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса (базилика «Крузе») в 2006 г. // Архив НЗХТ. Д. 3868.
16. Ушаков С.В. Исследования в Северо-восточном районе Херсонеса в 2004-2005 годах // Археологічні дослідження в Україні 2004-2005 рр. Вип. 8. Київ-Запоріжжя, 2006. С. 368-371.
17. Ушаков С.В., Струкова Е.В. Сероглиняная керамика с черным покрытием из раскопок ХСVII квартала Херсонеса Таврического // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Сборник материалов XII Международной научной конференции. Ростов н/Д, 2007. С. 45-47.
18. Ушаков С.В., Струкова Е.В. Сероглиняная керамика с черным покрытием из раскопок ХСVII квартала Херсонеса Таврического // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Сборник статей по материалам XII Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2009. С. 125-138.
19. Edwards G. Roger. Corinth. Results of Excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Volume VII Part III. Corinthian Hellenistic Pottery. Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens, 1975. 341 p.
20. Handberg S., Stolba V.F., Ušakov S.V. Classical and hellenistic Grey Ware from the Western Crimea // Pontica. XLII. 2009. P. 167-185.
21. Mitsopoulos-Leon V. Die Basilika am Staatsmarkt in Ephesos. 1. Teil: Keramik hellenistischer und römischer Zeit. Schindler-Wien, 1991. 160 s., 220 taf.
22. Rotroff S.I. Hellenistic Pottery Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material // The Athenian Agora. Vol. XXIX. Part 1, 2. Princeton, New Jersey, 1997. 575 p., 148 pl.
23. Zolotarev M.I. A Hellenistic Ceramic Deposit from the North-eastern Sector of Chersonesos // Chronologies of the Black Sea Area in the period c. 400 – 100 BC. Edited by Vladimir Stolba and Lise Hannestad. 2005. P. 193-216.

Сокращения.

НЗХТ – Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
ХСб – Херсонесский сборник

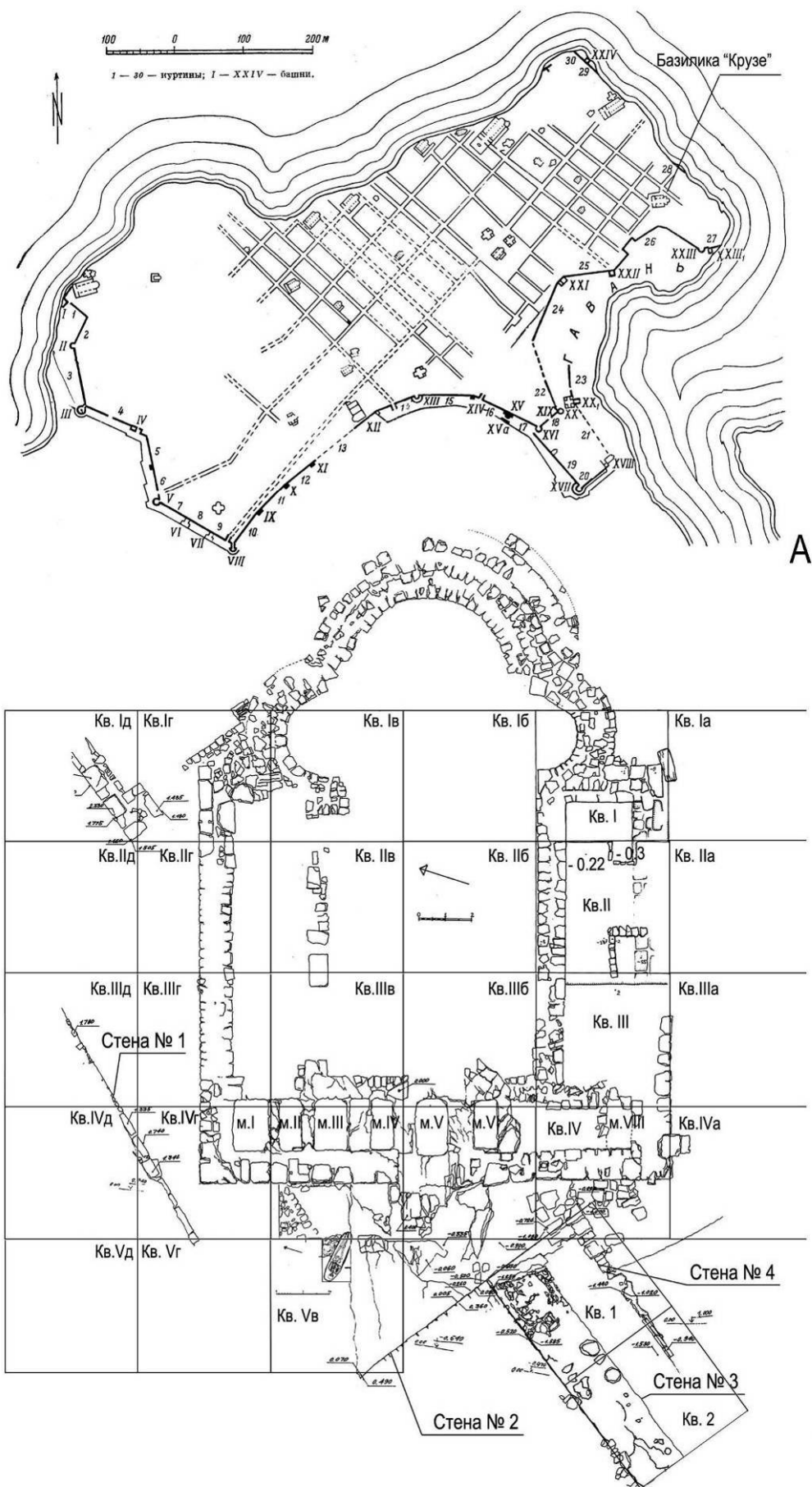

Рис. 1. Базилика «Крузе» в Херсонесе.
 А. Схематический план расположения базилики.
 Б. Генеральный план раскопок 2006 г.

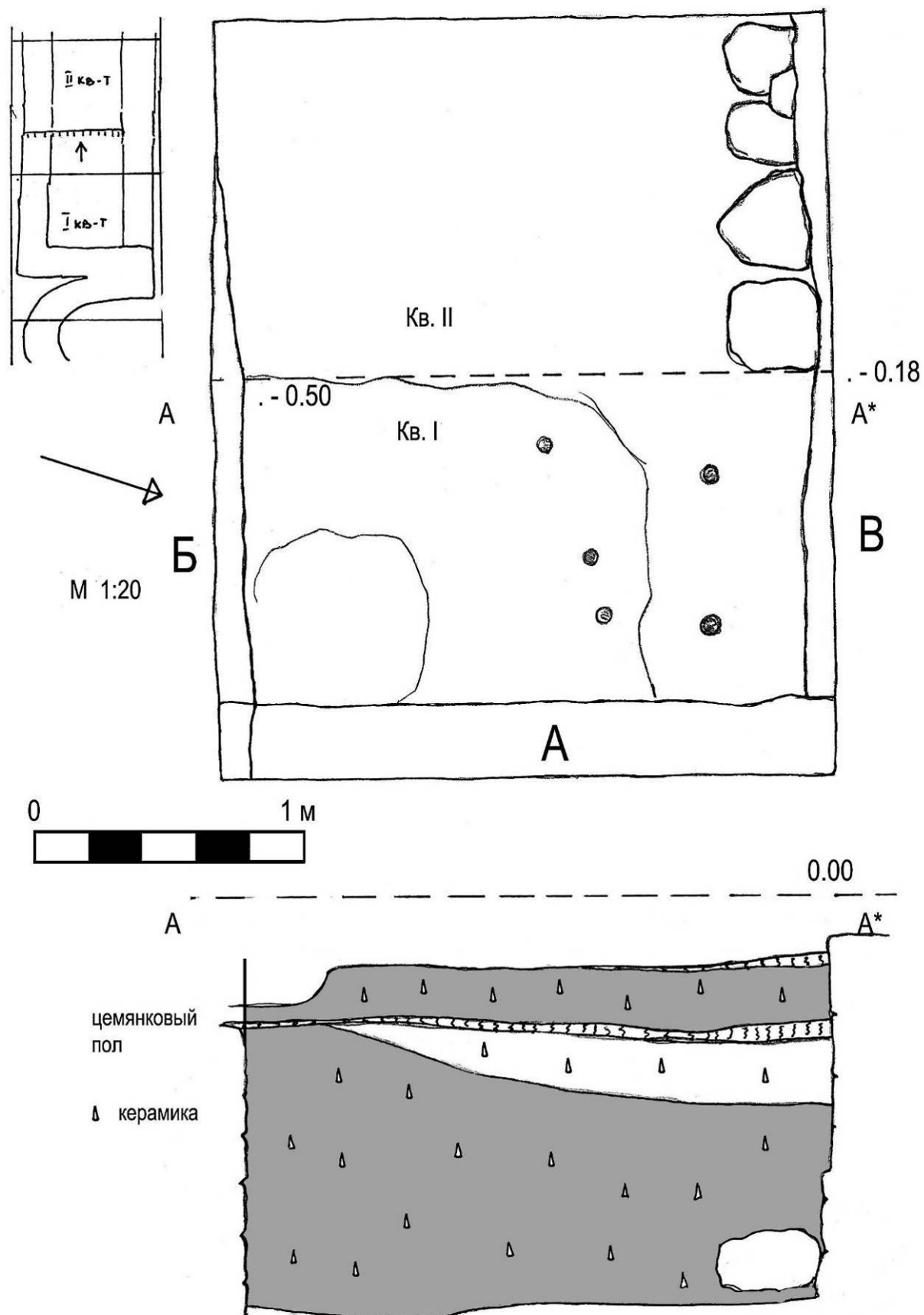

Рис. 2. Базилика «Крузе». Правый (южный неф). Стратиграфическая ситуация по границе квадратов I и II. А. План. Б. Разрез по линии А-А¹

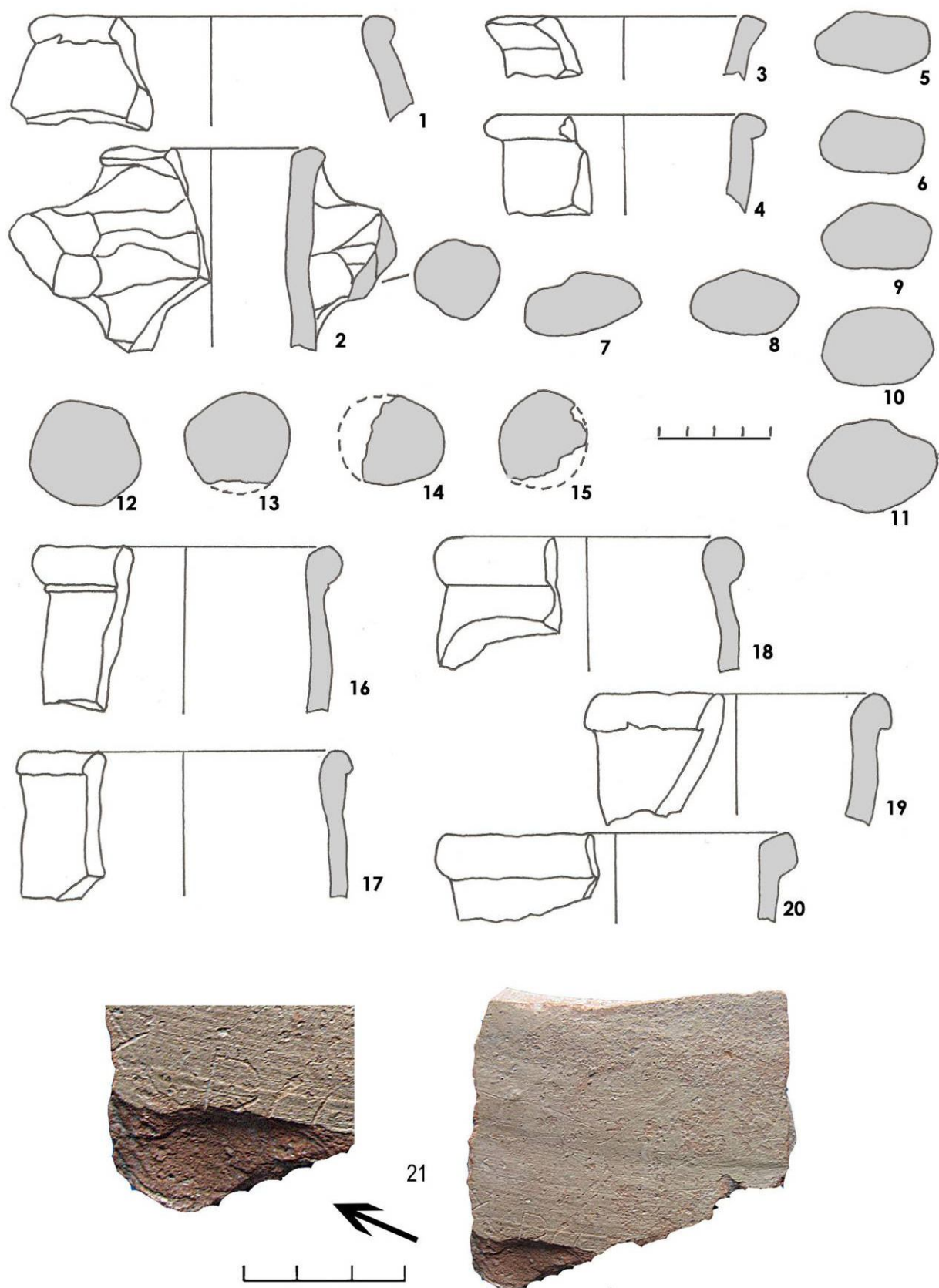

Рис. 3. Фрагменты амфор Гераклеи, Хиоса, Родоса и Херсонеса

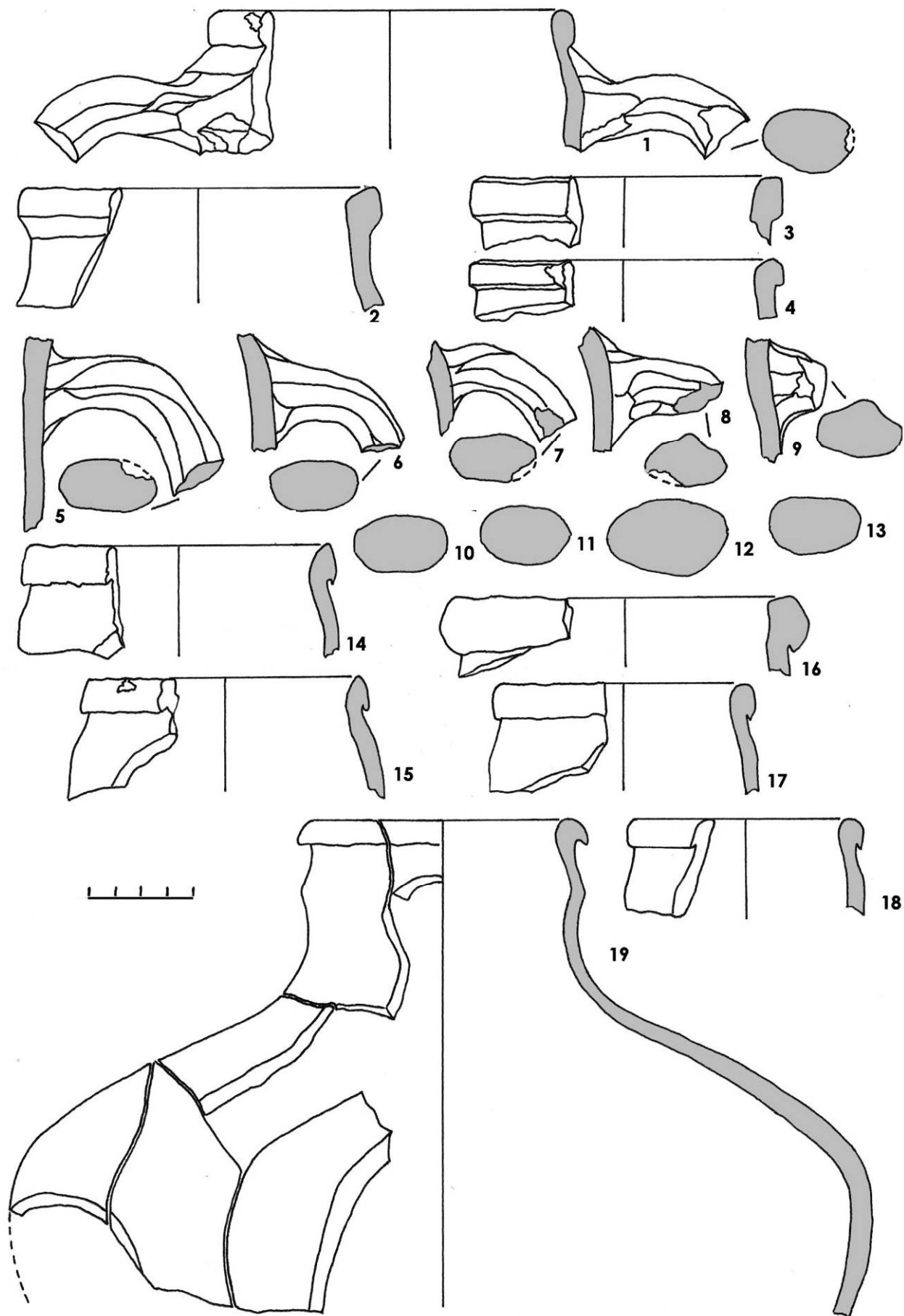

Рис. 4. Фрагменты амфор эллинистического времени

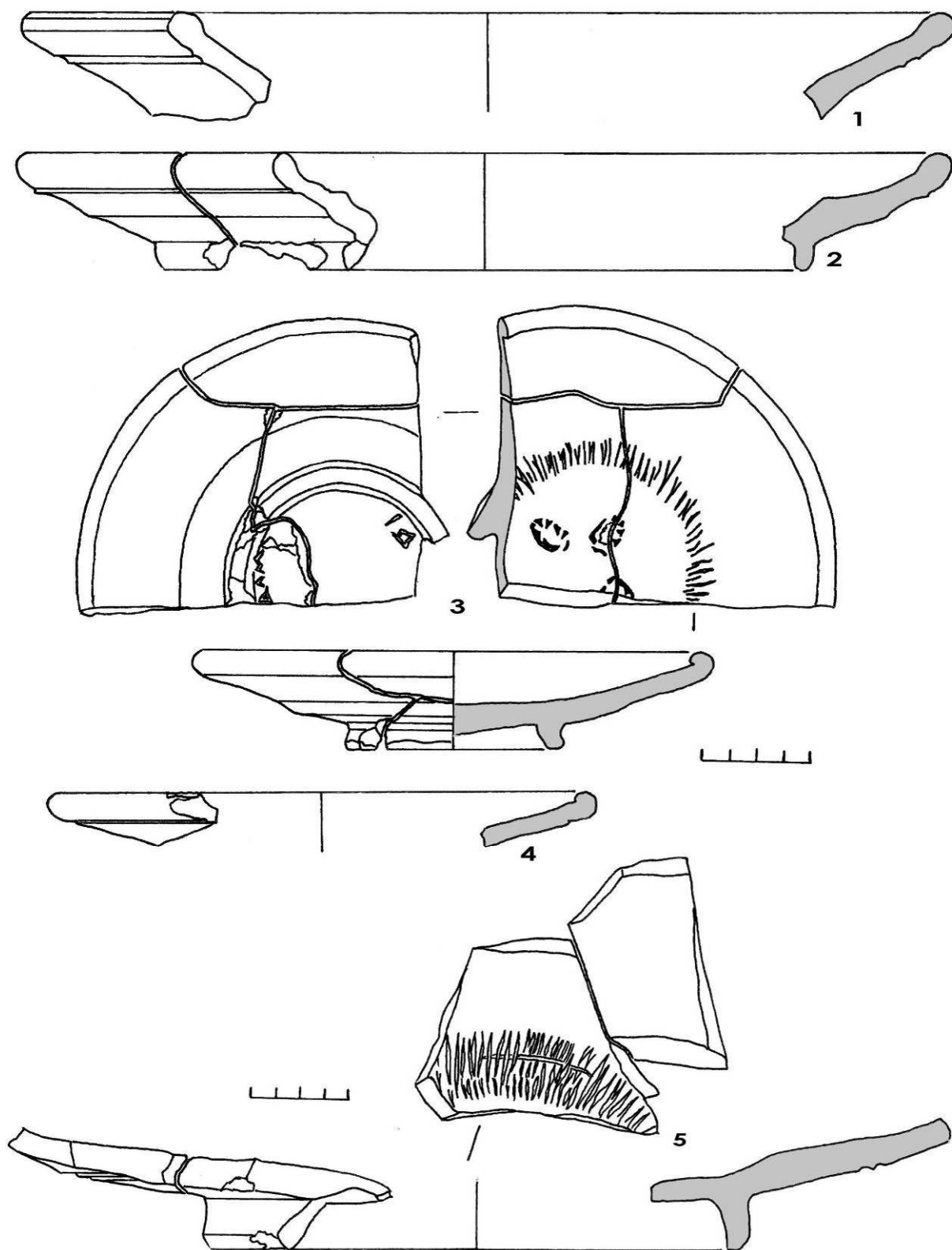

Рис. 5. Чернотаковые тарелки и блюда

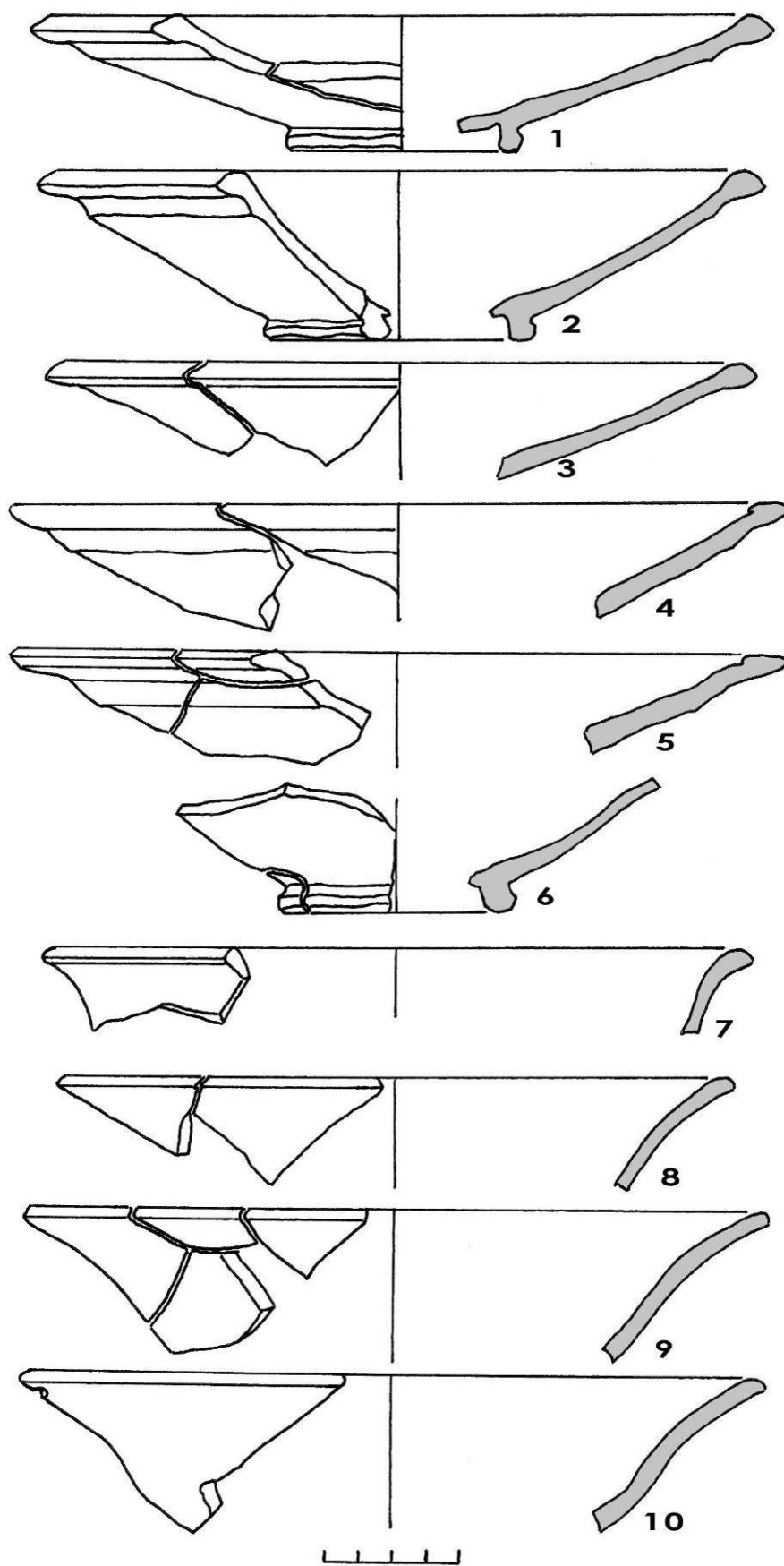

Рис. 6. Чернолаковые тарелки и миски

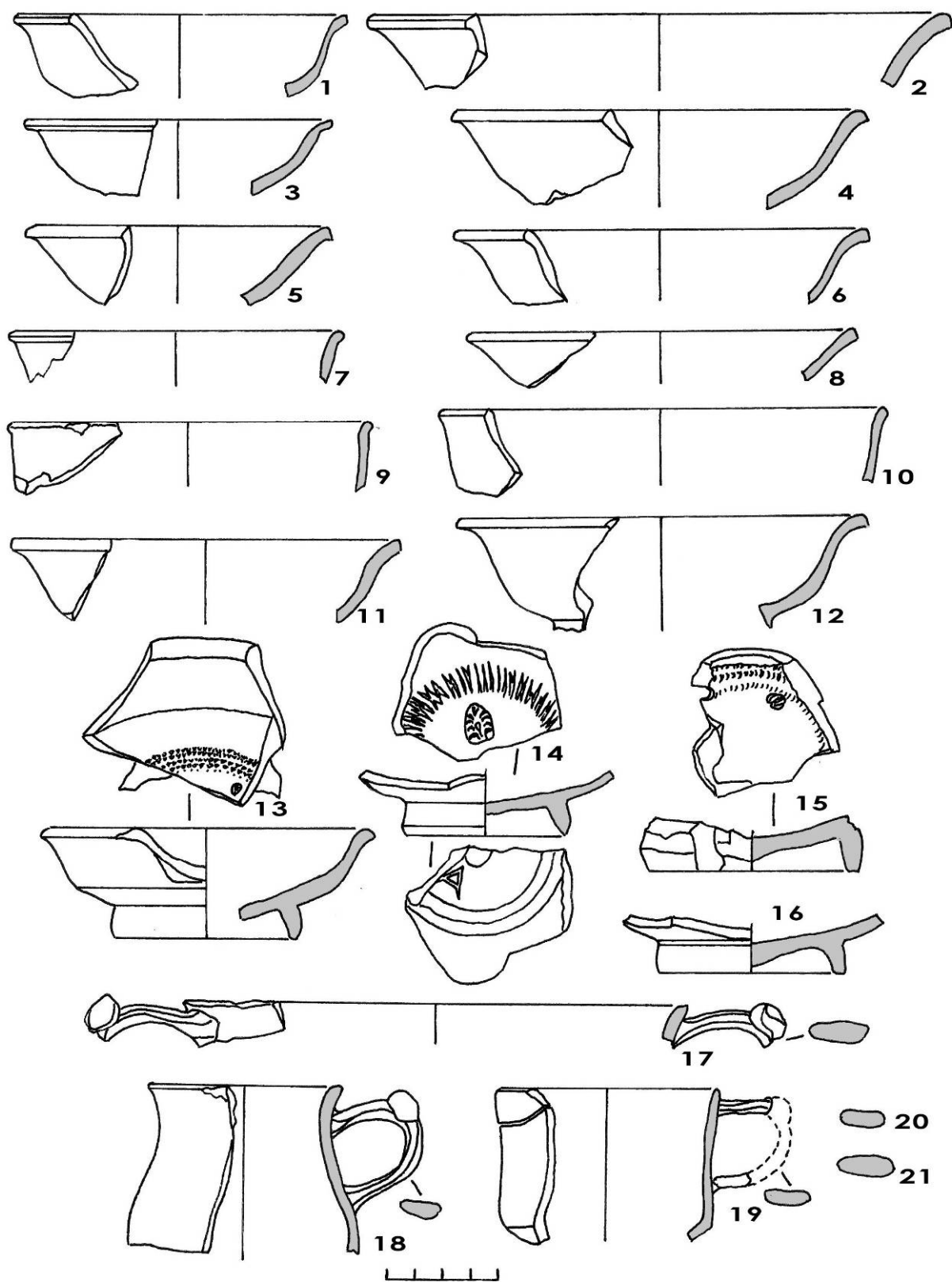

Рис. 7. Чернотаковые миски и канфары

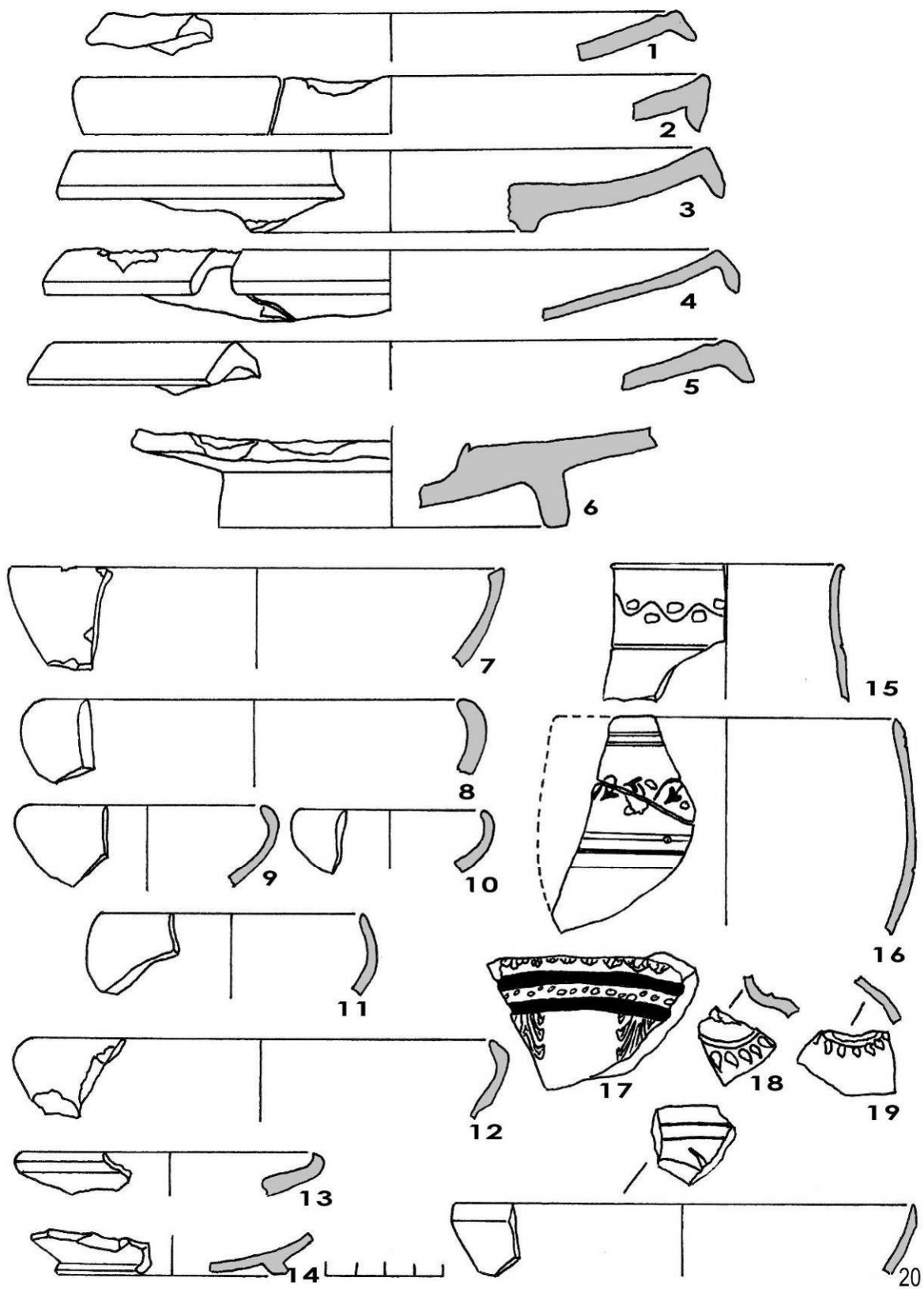

Рис. 8. Чернотаковые рыбные блюда, миски и канфары

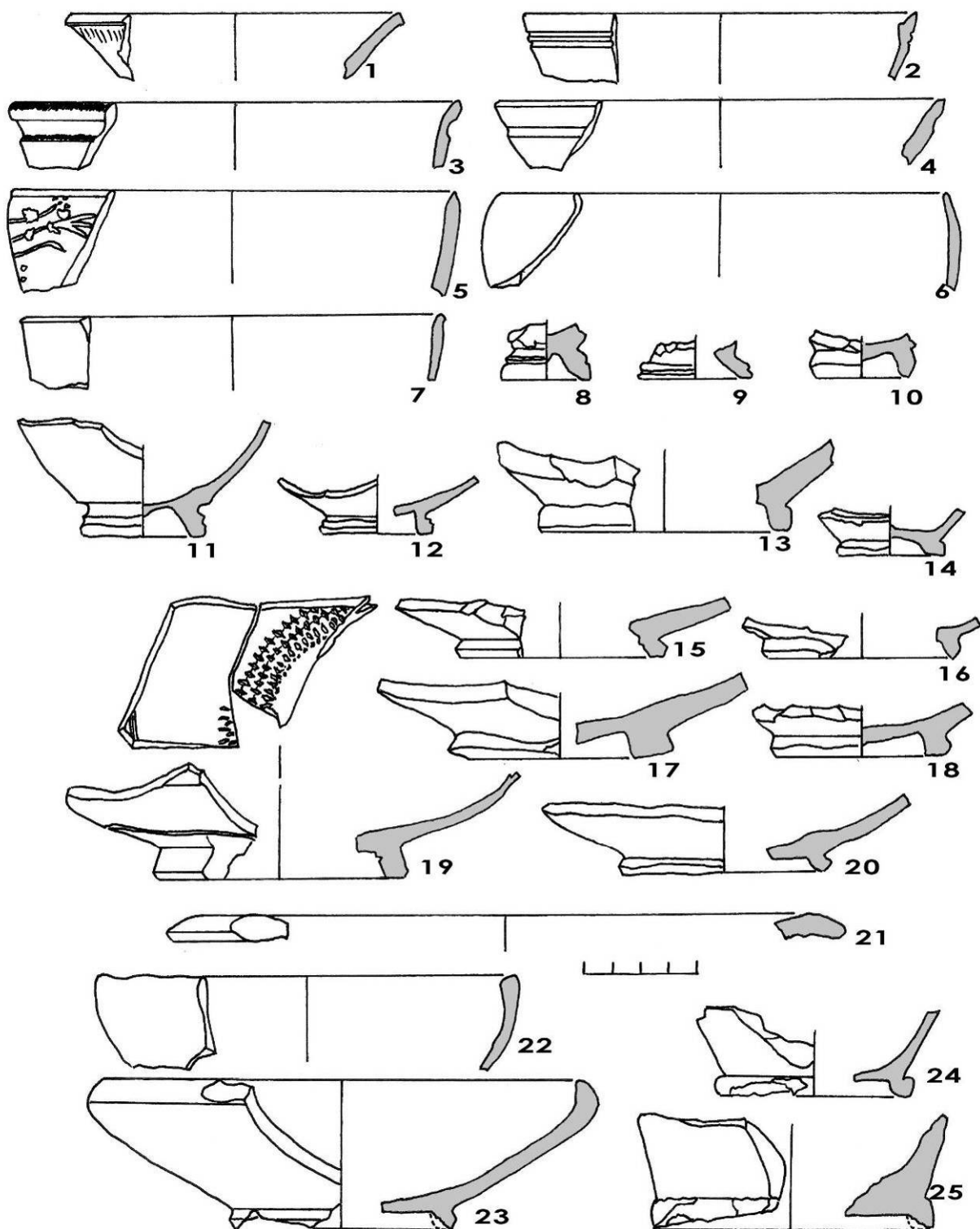

Рис. 9. Чернолаковая посуда разных типов

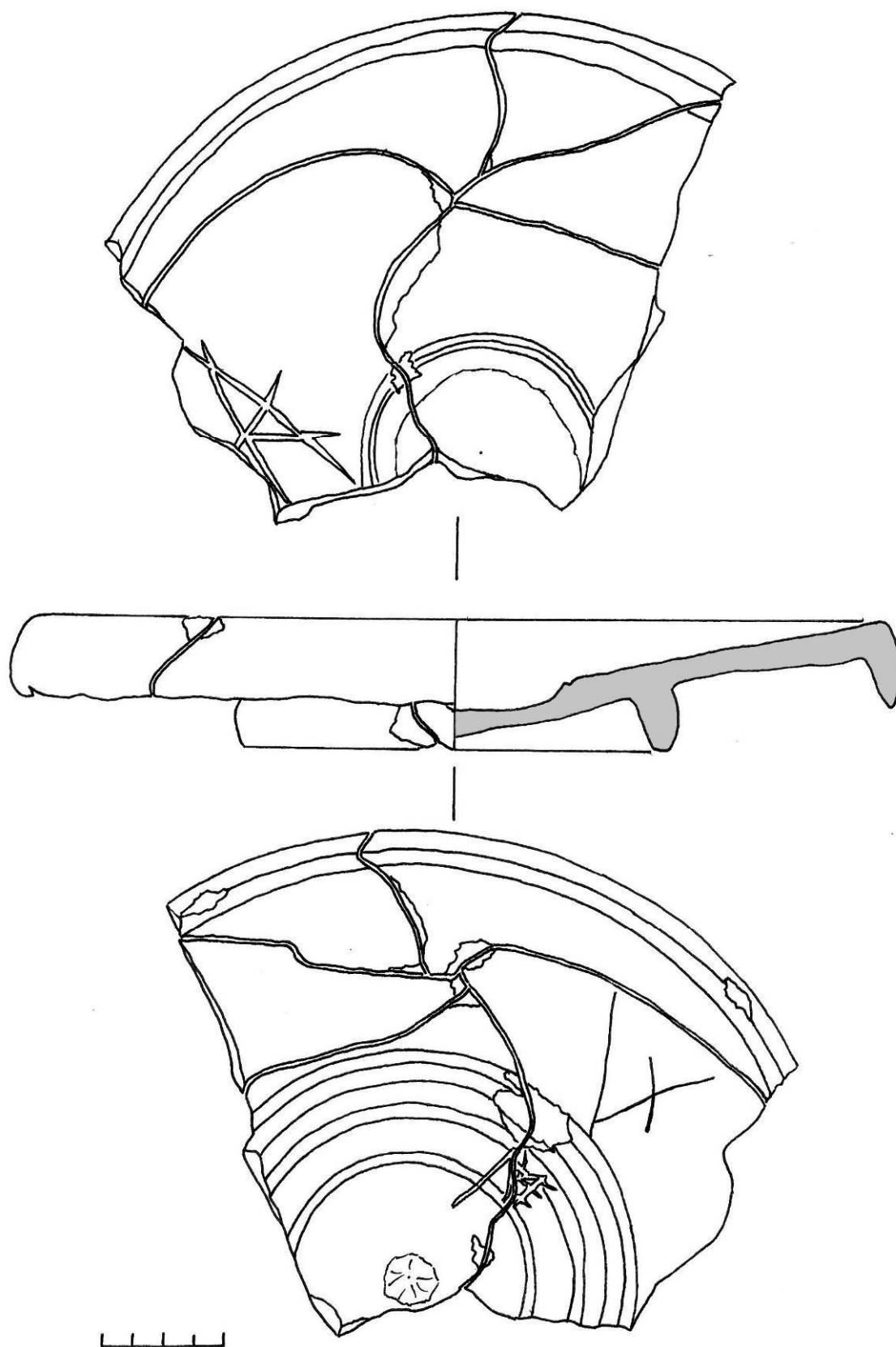

Рис. 10. Рыбное блюдо. Рисунок

Рис. 11. Рыбное блюдо. Фото

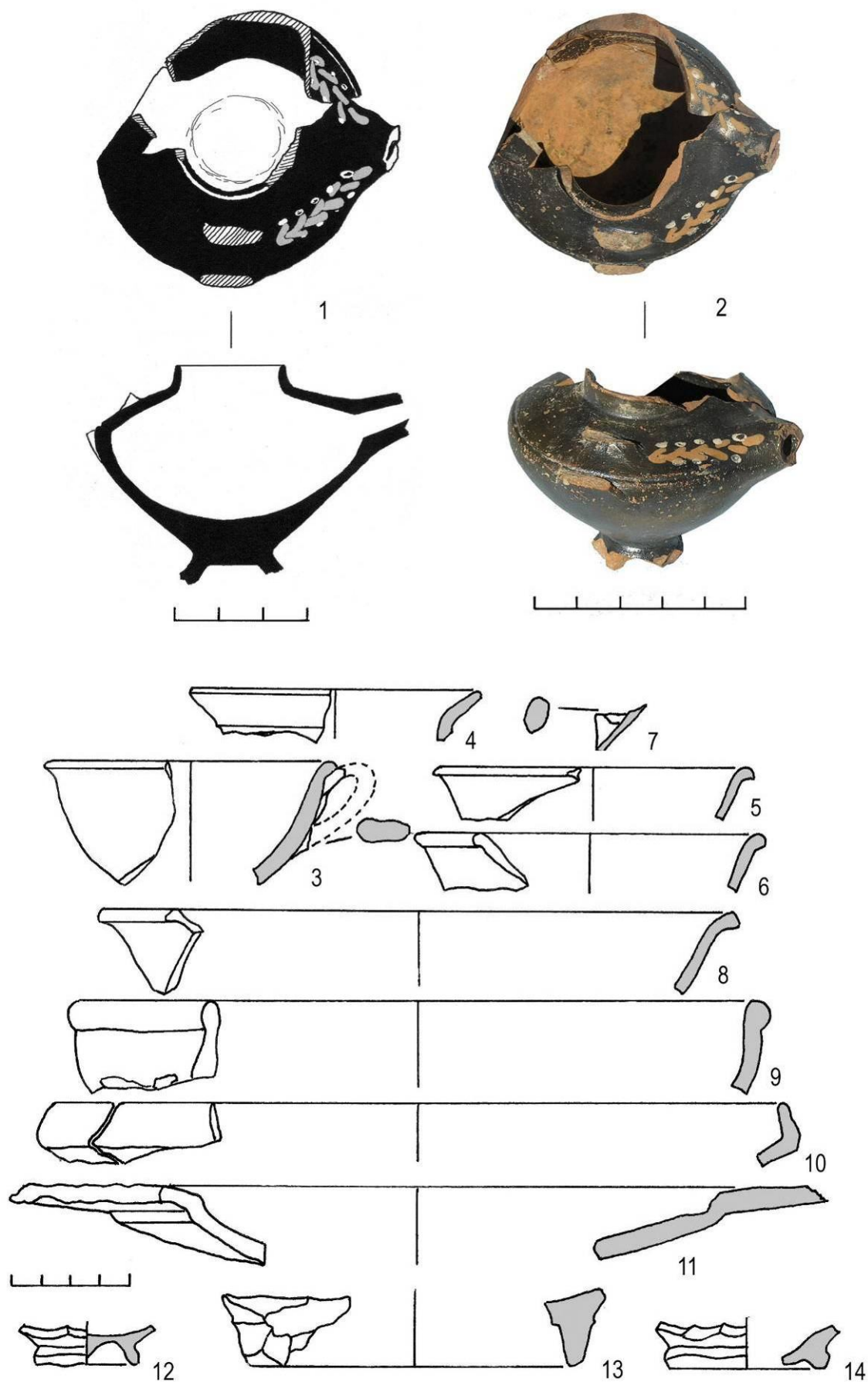

Рис. 12. Расписной гуттус и сероглиняная посуда с черным покрытием

Рис. 13. Образцы чернолаковых сосудов

IV

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

ГЕНУЭЗСКАЯ КРЕПОСТЬ КАЛИЕРА И ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ СЕЛЕНИЕ ОТУЗЫ В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

БОЧАРОВ С.Г.

Крымский филиал Института археологии НАН Украины

В этой работе мне хотелось бы проследить особенности в изменении историко-географической ситуации на территории Крыма XIII – XV вв., связанные со сменой государственной подчиненности (как византийские владения с греческим населением переходят под власть монголов, а затем генуэзцев). Проследить их не на обширном пространстве полуострова в целом, а на локальном отдельном примере небольшой горной долины Юго-Восточного Крыма – Отузской. Сегодня эта долина протяженностью 7,5 км находится на территории Феодосийского городского совета в 22 км западнее города Феодосии. Начинается от горы Курбанка на северо-западе и заканчивается у морского побережья на юго-востоке. С северо-востока ограничена горным массивом Кара-Даг, с юго-запада – хребтом Эчки-Даг, наибольшая ширина долины 1,9 км, наименьшая – 0,2 км (рис. 1).

В первой половине XIII в. в приморской части долины располагалось греческое селение Калиера, входившее в византийские владения в Восточном Крыму, с центром в городе Сугдее, и одноименную епархию. В настоящее время вся территория средневековой Калиеры находится под современными строениями пос. Курортное, где при земляных работах были выявлены участки культурного слоя с керамикой XIII-XV вв. (рис. 1, 1). Три плитовые могилы некрополя селения были исследованы в 1927 г. экспедицией Феодосийского краеведческого музея под руководством Н.С. Барсамова [3, л. 5-7 об.] (Рис. 1, 5). Неподалеку, в трех километрах севернее селения, на юго-западном склоне горы Святой горного массива Кара-Даг, в верховьях ущелья Гяур-Бах, располагался греческий монастырь св. Петра (название удалось установить по одному из актов Константинопольского патриархата) [8, с. 10] (Рис. 1, 3). Здесь в 1831 г. П.И. Кеппенот отмечены «остатки стены церковной» и монастыря [13, л. 179 об.], сегодня строения полностью затянута дерном, до проведения археологических исследований план монастыря установить сложно. От источника Гяур-Чокрак к монастырю был проложен водопровод.

Около середины XIII в. византийские владения в Юго-Восточном Крыму, включавшие город Сугдею и его сельскую округу (в том числе и селение Калиера), входят в состав Монгольского государства. В апреле 1249 г. в Сугдее монголами проводится перепись податного населения [19, с. 49].

Во второй половине XIII в. в северо-западной части долины в 6,0 км от моря и греческой Калиеры основано золотоордынское селение Отузы (современное название Щебетовка) (рис. 1, 2). Для темы нашего исследования особый интерес представляет участие в его основании переселенцев из сельджукской Малой Азии (вспомним постоянный интерес к изучению влияния сельджукизма в средневековом Крыму), что свидетельствует в пользу нерядового статуса этого населенного пункта и выделяет его из общего числа ордынских селений. И.Н. Бороздин считает Отузы «*татарским селением, тесно связанным со Старым Крымом, быть может, бывшего какой-то дачной местностью, летней резиденцией*» [6, с. 25]. На древнем сельском кладбище сотрудниками археологической экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму в 1926 г. зафиксированы три надгробных камня 1328, 1361 и 1380 гг. шейха Якуба Коннийского, Идриса сына Хаджи Яхьи Отузского, шейха Хаджи Яхьи сына Мухаммеда Иракского, а так же закладная плита фонтана, построенного Идрисом, сыном Хаджи Яхьи с датой 1358 г. [1, с. 17]. Как видим, обитатели Крымского Улуса Золотой Орды активно осваивают территорию долины, но в середине XV в. Отузы упоминаются в массариях Каффы уже в составе генуэзских владений [16, р. 255; 5, с. 30].

Когда же данная территория перешла под юрисдикцию Генуэзской республики? Мне представляется вероятной следующая последовательность событий. В 1356 г. венецианцам разрешается устроить корабельную пристань в бухте Провато [16. II, р. 24. № 14; 11, с. 156-157]. Через два года, в 1358 г., наместником Солхата Кутлуг Тимуром были подтверждены права венецианцев на Провато и разрешено использование гаваней Калитра (Калиера) и Солдаия для создания торговых поселений – факторий [16. II, р. 51. № 25; 10, с. 30]. С целью не допустить своих главных торговых конкурентов на ближайшие к Каффе земли Восточного Крыма, воспользовавшись заматней в Золотоордынском государстве, генуэзцы в 1365 г. захватывают Солдаию и ее сельскую округу [14, р. 161].

Тогда же под их власть переходит и Отузская долина, о чем свидетельствует акт ССXXXVI Константинопольского патриархата (1366 г.) о монастыре св. Петра, который располагался в пределах Каффы [2, с. 457], в Старой Гавани (Παλαιά Λιμὲνι), когда настоятелю Варлааму дана была охранная грамота о подчинении монастыря патриарху и невмешательстве митрополита Сугдейского и его клира в монастырские дела [14, I, s. 486-487]. В XIV в. Каффа образовывала отдельный церковный округ, подчинявшийся непосредственно Константинопольскому патриархату, и изменение политических границ повлекло за собой изменение церковной юрисдикции монастыря.

Затем, в начале 80-х гг. XIV в., во время длительного конфликта с Крымским улусом Золотой Орды, эта территория на незначительный срок возвращается под протекторат Солхата, что подтверждается десятидневной стоянкой венецианских галей в Провато в 1382 г. [12, с. 65]. Она была окончательно закреплена за коммуной Каффы после окончания Солхатской войны в 1387 г. [15, р. 15].

О необходимости постоянного контроля генуэзской колониальной администрации над этим регионом говорит тот факт, что для закрытия доступа к морю у селения Отузы и контроля над гаванью Калиера в последней четверти XIV в. здесь строится единственный в Восточном Крыму генуэзский замок [7, с. 90] (Рис. 1, 8).

Замок Калиера находится в центральной части побережья Отузской бухты на вершине каменистого приморского холма Кордон-Оба на территории пос. Курортное. По всему периметру территория крепости ограждена оборонительной стеной толщиной от 1,20 до 2,0 м. Куртины сложены из бутового камня на песчано-известняковом растворе. Размер крепостного полигона 85 - 56 м, площадь около 0,26 га. Археологические исследования замка проводились в 1928 - 1929 гг. [4, с. 165-169]. В ходе работ были открыты единственная башня-донжон размером 10,5 x 8,35 м (толщина стен 2,0 м), которая находилась на южном участке обороны и занимала господствующее положение во всем комплексе крепостных строений, и крепостная церковь размером 8,4 x 5,0 м, стены толщиной 0,8 м внутри были оштукатурены и покрыты фресковой росписью (рис. 2). Археологические исследования замка были продолжены в 2006 Восточно-Крымской (Феодосийской) экспедицией Крымского филиала Института археологии НАН Украины. В ходе археологических шурфовок удалось зафиксировать культурные напластования последней четверти XIV – XV вв., относящиеся ко времени существования замка [9, с. 4-9].

За три века ландшафт Отузской долины значительно изменился. Трижды меняется государственная принадлежность этой местности. В бывшей сельской периферии византийского города Сугдея возникает крупное золотоордынское селение, в котором проживали и выходцы из сельджукской Малой Азии. Венецианцы пытались организовать в бухте Калиера торговую пристань, генуэзцы не позволяют это сделать, и для контроля над гаванью возводится замок Калиера (рис. 3). В итоге долина досталась генуэзцам и до османского завоевания 1475 г. входила в кампанию (сельскую округу) Каффы.

Источники и литература.

1. Акчокраклы О. Старо-Крымские и Отузские надписи XIII – XV вв. // ИТОИАЭ. 1927. Т. 1(58). С. 5-18.
2. Антонин, архимандрит. Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к новороссийскому краю // ЗООИД. 1866. Т. IV. С. 445-474.
3. Барсамов Н.С. Отчет о раскопках в Отузах в 1927 г. // Научный архив ИИМК. СПб. Ф 2, оп. 1, 1928, д. 140, 23 л.
4. Барсамов Н.С. Археологические раскопки в Отузах 1927 и 1928 гг. // ИТОИАЭ. 1928. Т. 3. С. 165 – 169
5. Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. № 57. С. 1-136.
6. Бороздин И.Н. Из Отузской старины (Надгробие шейха Якуба из Коньи 729 г. Хиджры) // ИТОИАЭ. 1927. Т. 1(58). С. 24-26.
7. Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV – XV веков // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы международной научной конференции. Харьков. 2001. С. 89-90.
8. Бочаров С.Г. Монастыри Кампании Каффы // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность. Тез. Док. III Международной конференции по религиоведению. Севастополь. 2001. С. 9-10.
9. Бочаров С.Г. Отчет об археологический разведках на горе Кордон-Оба в 2006 году // Научный архив КФ ИА НАНУ. Инвентарная книга б. Инвентарный № 1113. Папка 1460. С.1-27.
10. Григорьев А.П. Золотоордынский город Ягнишехр // Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1994. Вып. 2. С. 28-38.
11. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Уведомление правителя Крыма Рамадана венецианским купцам в Ягнишехре (1356 г.) // Востоковедение. СПб. 1998. Вып. 36.Ф С. 156.
12. Карпов С.П. Путиями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII-XV вв. Москва. 1994. 158 с.
13. Кеппен П.И. Поездка к Отузскому Кале // Материалы для ближайшего познания горной части Крыма. Путевые заметки П.И.Кеппена. Том II. ПФА РАН. Ф. 30, оп. 1, д. 344. 225 л.
14. Balard M. La Romanie Génoise (XIII- début du XV e siècle). Roma, Genova.1978. Т. 1. 494 p.
15. Basso E. Il “ bellum de Sorchati” ed i trattati del 1380 - 1387 tra Genova e l’Ordo d’Oro // Studi genuensi. N. S. Genova. 1991. Vol. VIII. P. 11-26.
16. Desimoni C, Belgrano L.T. L’atlante idrografico del medio evo posseduto dal prof. T.Luxoro // ASLSP. Genova. 1867. Vol. V. 340 p.
17. Diplomatarium Veneto-Levanticum, siva Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia. A. 1351-1454 / Ed. By R. Predelli. Venetiis, 1899. Pars 2. 452 p.
18. Miklosich F., Müller J. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1860. Т. I. 543 s.
19. Νυσταζοπουλου Μ. Η ρν Ταυρικο ·ερσονσω πολις Σουγδαα. Αθηναί, 1965. 132 σ.

Сокращения.

ЗООИД –	Записки Одесского общества истории и древностей
ИИМК –	Институт истории материальной культуры
ИТОИАЭ –	Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК –	Известия Таврической ученой архивной комиссии
КФ ИА НАНУ –	Крымский филиал Института археологии Национальной Академии наук Украины
ЛГУ –	Ленинградский Государственный университет
ПФА РАН –	Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук
ASLSP –	Atti della Societa Ligure di Storia Patria

Рис. 1. План Отузской долины. 1 – селение Калиера. 2 – селение Отуз. 3 – монастырь св. Петра. 4 – монастырь св. Георгия. 5 – могильник на участке А.Т. Козинцева. 6 – могильник на участке Бариева. 7 – могильник на участке Гафарова. 8 – замок Калиера.

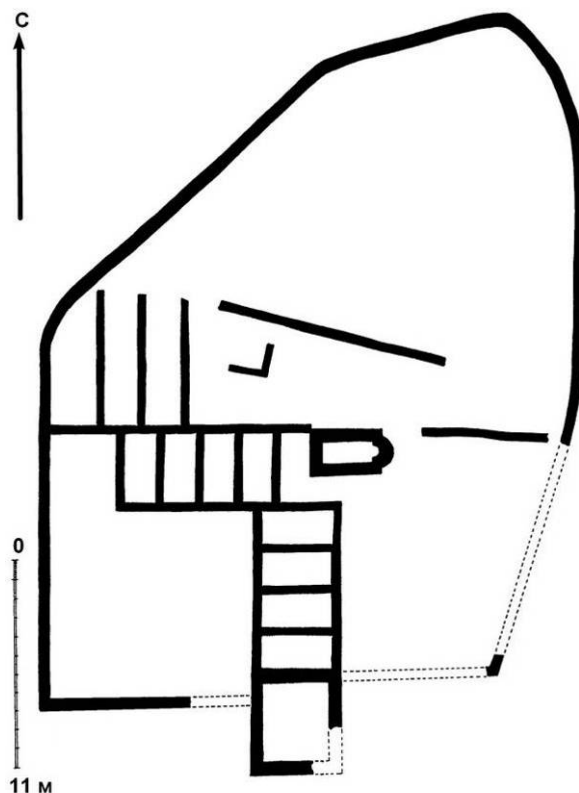

Рис. 2. План замка Калиера

Рис. 3. Реконструкция замка Калиера. Вид с юго-востока

К ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ ПЕЩЕРНОГО МОНАСТЫРЯ НА МЫСЕ АЙ-ТОДОР (ЧЕЛТЕР-КОБА)

ДНЕПРОВСКИЙ Н.В.

Издательство «Невская Лавра» (г. Санкт-Петербург)

Пещерный монастырь Челтер-Коба (ныне возобновлённый и освящённый во имя св. Феодора Тирона) в настоящее время является одним из наиболее хорошо изученных памятников монастырской скальной архитектуры в Крыму. Архитектуре этого пещерного комплекса и хозяйственной деятельности монастыря посвящены две содержательные работы В.Н.Даниленко [8, 9]. Что касается монастырского храма – как утверждают, самой крупной пещерной церкви Юго-Западного Крыма, – то он в полной мере введён в научный оборот Ю.М. Могаричевым [14, с. 77-79; 334-339]. До этого момента единственный известный план пещерной церкви Челтер-Кобы был составленный Эски-Керменской экспедицией (далее - ЭКЭ) ГАИМК (рис.1) [6, с.124, рис. 82].

В то же время судьба далеко не всегда была столь благосклонна и к данному памятнику, и к его исследователям.

Так, в постановлении Совета Народных Комиссаров об организации Музея пещерных городов от 19 октября 1937 г. упомянута лишь собственно «Сюйрень около 80 га», а это – площадь, занимаемая Сюреньским укреплением. Пещерный монастырь, находящийся за соседним мысом, в эту территорию явно не попадал [7, с. 9]. Нет его и на принадлежащей автору настоящей работы туристской карте Крыма 1940 г. выпуска, хотя все остальные «пещерные города» и сама Сюйреньская крепость на ней отмечены.

Между тем, к тому времени он уже был хорошо знаком советским учёным.

В протоколе 61-го заседания ТОИАЭ от 28 августа 1928 г. записано: *«Н.Л. Эрнст читает доклад «Новооткрытый пещерный город в Крыму», в котором описывает комплекс пещерных сооружений в балке Гор-гор-дере близ так наз. Сюреньской башины у дер. Кучук-Сюрень на Бельбеке. Несмотря на положение этого пещерного поселения в местности, сравнительно хорошо обследованной, оно оставалось до сих пор незамеченным и не упоминается в литературе, за исключением глухого намёка у Ю.А. Кулаковского. Докладчиком это место обследовано в связи с раскопками в Сюреньских пещерах. Он представляет чертежи обмеров пещер и фотоснимки и останавливается особенно на пещерном храме очень интересного типа. Докладчик полагает, что это поселение являлось пещерным монастырём, связанным с Сюреньским укреплением. Сравнивая его с каппадокийскими памятниками, он указывает на гораздо большую тщательность обработки и декорации последних.*

В прениях П.И. Голландский указывает, что в Каппадокии есть и простые пещерные храмы, но они не фигурируют в литературе.

Председатель подчёркивает, что описанный пещерный комплекс действительно был до сих пор неизвестен, и благодарит докладчика за введение в научный оборот нового памятника, являющегося, по-видимому, скитом или монастырьком» [18, с. 254-255].

Но благодарить было рано: до полноценного введения памятника в научный оборот было ещё далеко. Только через семь лет краткое описание пещерного комплекса (вместе с планом пещерного храма) появляется в литературе – в публикации Е.В. Веймарна и Н.И. Репникова «Сюйреньское укрепление». И снова – как в первый раз:

«В ближайшем соседстве с описанным укреплением осмотрен «пещерный город» – Чильтер-Коба (решетчатая пещера). Он не описывался до сих пор в литературе. Поселение расположено было к Ю.-З. от Кулле-Буруна, у обрыва скалы. Оно весьма характерно своим местоположением. Возникнув под отвесом мыса Ай-Тодор (святого Федора), достигающего здесь не менее 40 м отвесной высоты, поселение было прикрыто совершенно

от северных и северо-восточных ветров. Из глубокой балки Хор-Хор к месту поселка идет легкий подъем. В ближайшем соседстве с бывшим жильем имеются два источника. Один, довольно значительный, – в непосредственном соседстве с ним в наверхи балки, другой – за скалою «Серого лба». Пещеры поселения Чильтер-Коба расположены в три яруса. Понизу, вдоль основания всей скалы, идут довольно глубокие, вместительные естественные навесы-пещеры, высотой более роста человека. Будучи прекрасно укрыты от ветра и дождя, судя по обилию навоза (коровы и овцы), эти навесы-стойла и до наших дней служат убежищем пасущегося скота в жару и непогоду. Во второй ярус пещер ведут ступенчатые лесенки, нарубленные в камне. Все многочисленные пещеры, здесь находящиеся, – искусственные, довольно аккуратно вырубленные. Помещения их использовались как жилье, частично как склады. Над вторым ярусом поднимается терраса, составляющая третий ярус. Пещер здесь значительно меньше. Больших пещерных сооружений в поселении Чильтер-Коба нет, за исключением одного пещерного храма... Последний, однако, не является специально вырубленным в скале помещением. При устройстве его использовали большой естественный грот, приспособив его весьма примитивно дополнительной выборкой в скале. В пещерный храм ведет нарубленная ступеньками лесенка. По сторонам последней в полу и вдоль стен – обычные вырубные гробницы. В северной стене грота вырублены две усыпальницы. Вдоль длинных сторон помещения храма – низкие скамьи, вырубленные в целом камне. В восточных концах последних – два симметрично расположенных прямоугольных помещения, выбранных в стенах. В полу левого – вырубная гробница, а на стене правого высечет крест. Аналогичное же прямоугольное помещение выбрано в северной стене. Ныне оно завалено навозом. В алтарной части пещерного храма в полу имеется ряд вырубков, определяющих наличие здесь деревянных переборок. В стенах здесь же гнезда и ниши. Престол находится впритык со стеною. Основные пещерные сооружения описываемого поселения представляют неглубокие квадратные помещения, вырубленные в отвесе скалы. Около них в основании и на вертикалях на поверхности камня идут многочисленные вырубки, борозды и гнезда. Наличие последних с несомненностью определяет, что на террасах, занятых в древности поселением, были деревянные постройки. Сохранившиеся пещеры не являлись самостоятельным жильем или иным хозяйственным сооружением, а представляли лишь дополнение – дорубки к бывшему деревянному жилью в целях расширения площади его. В глубине балки, над последним естественным навесом в обрыве скалы, видны еще незначительные следы нескольких, ныне недоступных пещерок. Раньше к ним вела нарубленная на поверхности скалы лестница. След последней отчетливо виден. У подножья ограничивающего с запада балку Хор-Хор скалистого мыса Джениче-Бурун в скале вырублен ряд тарпанов для давки винограда» [6, с. 123-125].

Здесь примечательно, что имя Н.Л.Эрнста даже не упоминается. Не упоминается и монастырский характер комплекса. При этом здесь же впервые появляется топоним «Чильтер-Коба». Пещерный монастырь становится безликим «поселением», «возникшим под отвесом мыса Ай-Тодор». Однако у нас нет оснований видеть в этом «злой умысел», как нет и повода сомневаться в аутентичности материалов Е.В. Веймарна и Н.И. Репникова: в архиве ИИМК хранится белой чертеж, выполненный ЭКЭ и вошедший в публикацию [1, л. 3].

Но действительно ли это «пещерное поселение» «оставалось незамеченным» и не упоминалось в литературе?

Начнём с того, что же в действительности представляет собой пресловутый «глухой намёк» у Кулаковского. В своей известной книге «Прошлое Тавриды», вышедшей в 1906 г. (2-е издание – 1914 г.) он пишет: «Весьма вероятно, что к эпохе монашеской эмиграции (эпохи иконоборчества – Н.Д.) относится возникновение тех пещерных монастырей, остатки которых сохранились доныне в разных местах горного Крыма. Одни из них расположены на отдельных скалах, как то: Шулдан, Мармара близ деревни Шулю, Качи-Кальон, Тепе-Кермен, скала поблизости от Сюреньской башни (выделено мной – Н.Д.), другие находились в городах, а именно: Черкес-Кермен, Мангун-Кале, или поблизости от городского поселения, каковы пещеры в скалах Инкермана и на противолежащем склоне

Сапун-горы, а также в ущелье, ведущем к Чуфут-Кале, в предместье Бахчисарая Сала-чике (восстановленный в 50-х годах прошлого столетия Успенский монастырь)» [12, с.151-152]. Как видим, пещерный комплекс вблизи Сюйренского укрепления у Кулаковского имени собственного не имеет, как не имеет его и безымянная «скала».

Однако если мы обратимся к ещё более ранним источникам, то картина изменится. В одной из таких работ, посвящённых «пещерным городам», её автор Г.А. Караулов пишет: [11, с. 73]: *«Потом, – большим количеством криптов изрыты скалы: подле Ч у ф у т - к а л е, у Успенского монастыря, в урочище К а р а – к о б а, около деревни и горы А й-Т о д о р, у деревни Ш ю р ю...»*.

К сожалению, Караулов совместил в одной фразе деревню (ныне несуществующую) и «гору» Ай-Тодор. К тому же грамматически его фраза небезупречна и допускает различные трактовки. Это дало повод скрупулёзному и желчному А.Л. Бертъе-Делагарду написать: *«Караулов тоже только называет урочище Кара-коба в числе пещерных жилищ, уверяя, будто оно около деревни и горы Ай-Тодор, что совершенно неверно (7 верст западнее), а горы этого имени и вовсе неимеется (так в тексте – Н.Д.)»* [5, с. 237].

Путаница с этими двумя топонимами происходила и в дальнейшем.

Так, в знаменитом путеводителе Г. Москвича, выдержавшем множество изданий, читаем: *«С Мангуна можно удобно проехать верхом в Ялту, в Байдары и в Севастополь, не возвращаясь в Бахчисарай... В Байдары нужно ехать через деревню Ай-Тодор, а далее через лесистые холмы, по дороге, устроенной в 1787 г. для проезда Екатерины II и донныне удовлетворительно сохранившейся. Несколько в стороне от дороги, вблизи деревни Уркусты, расположен пещерный город со сталактитовой пещерой, по которой низвергается водопад, представляющий весьма красивое зрелище. Пещера эта называется Су-Атан-хоба»* [15, цит. по: <http://www.nashkray.kiev.ua/mos2.htm#22.1>]

Деревня Уркуста – это нынешнее село Передовое. Проведённые автором данной статьи опросы местных жителей, спелеологов, спасателей, археологов не дали никаких результатов – все единогласно утверждают, что пещерного города в этом районе нет. Водопад Суат-Кан (Суат-хан), действительно, существует на одноимённой речке Суат-Хан (Суаткан), левом притоке реки Бельбек вблизи села Богатое Ущелье. Это близко к бывшему селу Ай-тодор (но не к Передовому). Но пещерного города там, насколько известно, нет. Есть – в селе Родном – грот с водопадом («Мердвен-Тобе» или «Мердвен-Тубю»). Вблизи Уркусты-Передового есть одноимённая речка Уркуста, на одном из притоков которой, ручье Кобалар-су, имеется грот с водопадом (прозванный туристами «Козырёк»). Ещё один подобный грот с водопадом «Фатъма» расположен выше по течению. Однако пещерных городов и там нет. Нет о них упоминаний и в полевых материалах А.Л. Якобсона, проводившего в Передовом раскопки средневекового городища. Другая ближайшая пещера с водопадами – Жёлтая – находится уже на Ай-Петринской яйле, и пещерных комплексов, по словам Генерального директора Центра спелеотуризма «Оникс-Тур» А.Ф. Козлова, поблизости также нет.

По сведениям известного крымского краеведа и собирателя крымской топонимики И.Л. Белянского, пещера Су-Атан-Хоба – это как раз и есть грот под водопадом «Козырёк» (настоящее название – Нижний Кубалар), а легенда о пещерном городе возникла из-за расположенных поблизости небольших пещер Фатма-Коба и Чончорос-Куба [17, с.67-68].

Однако Г. Москвич обычно скрупулёзно проверял свои данные. Может быть, пещерный комплекс был уничтожен находящимся поблизости карьером или скрылся под водами Чернореченского водохранилища? Или находится на территории какой-нибудь войсковой части, до сих пор недоступной для посещения? Или это всего лишь миф?

Но вернёмся к «горе» Ай-Тодор.

Почти одновременно с Г.А. Карауловым о тамошних пещерах пишет известный художник и археолог Д.М. Струков: *«Две местности имеют названия, напоминающие св. Феодора: гора Ай-Тодор близ Арианды (Sic! – Н.Д.) и гора Ай-Тодор близ Мангуна. На обеих горах есть пещерные жилые помещения и остатки древних храмов»* [10, с. 64]. К сожалению, слово «остатки» вызывает, скорее, ассоциации с руинами наземных построек. О том, что храм на «горе близ Мангуна» является пещерным, Струков не упоминает. Ме-

жду тем, художник, несомненно, об этом знал, и в его архиве, ныне разбросанном по нескольким государственным учреждениям, имеются этому самые прямые подтверждения и более детальные указания: «Далее, в 6 верстах селение Шули, принадлежавшее учёному Палласу, от коего в 2 верстах в вершине скалы, называемой Кагель-Килисе (Шулдан – Н.Д.), есть древний пещерный храм... В 3 верстах от этого места скала, называемая Ай-Тодор, в которой между жилыми пещерными помещениями есть храм, также иссеченный в скале...» [16, л. 20]. Дословно повторяет последнюю фразу Струков и в другом документе [2, л. 16]. Тем не менее, ни в одном из этих описаний нет привязки пещерного комплекса к Сюреньскому укреплению, хорошо известному, по крайней мере, со времён П. Кеппена. В свою очередь, на карте последнего топоним Ай-Тодор не указан – присутствует лишь мыс Кулле-Бурун, на котором, собственно, и находится знаменитая башня...

Следовательно, у нас нет прямых доказательств личного знакомства Г.А. Караулова или Д.М. Струкова с пещерами на мысе Ай-Тодор.

Так всё же, был или не был известен этот пещерный монастырь исследователям до Н.Л. Эрнста, Е.В. Веймарна и Н.И. Репникова?

Мы полагаем, что нашли ответ на этот вопрос.

В архиве национального заповедника «Херсонес Таврический» нами обнаружен документ, который почему-то ранее не привлекал внимания учёных¹, хотя внесён в картотеку архива и доступен всем желающим (рис. 2). Это результаты обмеров, выполненных в 1916 г. М.И. Скубетовым. Тетрадь содержит кроки «пещерных сооружений Ай-Тодор-Коба» [3] и всего семь страниц чертежей – лист 27 (рис. 3), а также лицевая и оборотная стороны листов 32, 33 и 34 (рис. 4-9). Некоторые из крок опознаются достаточно легко. Так, хорошо узнаваемы привходовая (рис. 8, 9) и алтарная (рис. 6) части пещерной церкви. Другие листы требуют более внимательного подхода. Следующая тетрадь содержит обмеры «давлен под скалистым навесом в Кучук-Сюрень-Сюреньчик» (современное название – мыс Джаниче-бурун) [4].

Таким образом, из архивных материалов следует, что известным М.И. Скубетову названием пещерного комплекса было отнюдь не нейтральное «Челтер-Коба», а имеющее вполне ясный религиозный смысл «Ай-Тодор-Коба» – «Пещера святого Феодора».

Мы знаем даже точное время обследования. Титульный лист дела [3] гласит: «Ай-Тодор-коба. Член Таврической Учёной Архивной Комиссии М.И. Скубетов-Скубетов. Апреля 20 дня 1916 г.» На л. 27 дела изображён от руки упрощённый план расположения Сюреньской крепости, пещерного монастыря и тарапанов у мыса Джаныче-бурун (рис. 3). Над ним надпись: «Ай-Тодор-Коба. Съёмка с натуры пещерной церкви, и пещер служивших для жилья и других надобностей хозяйства. Апрель 20-го 1916 года. Село Фоти-сала, Тавр. губ. Ялт. уезда, Богат. вол.». Эту же дату несёт на себе один из черновых чертежей (л. 34). А на обороте л. 34 уже указано: «Сюреньчик. Мая 24 дня 1916 года». На листе 33 читаем: «Мая 26 дня, 1916, был дождь». Очевидно, работы в этот день не производились. Лист 32 помечен третьей датой: «Июня 5 дня 1916 года (Воскресенье)». Проведение до революции полевых работ в воскресный день уже само по себе достойно отдельного упоминания и, видимо, было связано с какими-то особенными обстоятельствами. Таким образом, можно утверждать, что исследования на мысе Ай-Тодор продолжались, по крайней мере, с 20 апреля (а с учётом обмеров тарапанов под мысом Джаныче-Бурун – как минимум, с 16 апреля) до 5 июня 1916 года. При этом полевые материалы отличались фантастической детализированностью и огромным количеством обмеров (рис. 4-9), по своей скрупулёзности намного превосходя упрощённый чертёж из архива ИИМК.

Следовательно, сведения о пещерном монастыре св. Феодора к 1928 г. отнюдь не ограничивались «глухим упоминанием» у Ю. Кулаковского. Этими сведениями в той или иной степени располагали Г.А. Караулов и Д.М. Струков, а М.И. Скубетов проводил на объекте полноценную топо съёмку, степень точности которой, возможно, не превзойдена и поныне. А к моменту начала работ ЭКЭ монастырь был изучен ещё и Н.Л. Эрнстом.

¹ В учётной карточке общей папки с рисунками Скубетова [архив НЗХТ, д. 134] мы обнаружили только одну учётную запись, причём есть все основания полагать, что исследователя интересовали не ай-тодорские, а херсонесские материалы М.И. Скубетова.

К сожалению, нам пока не удалось найти белой чертёж, выполненный М.И. Скубетовым. Да и кроки пещерной церкви в найденной нами тетради, по-видимому, неполны. Можно предположить, что две революции 1917 г. и последовавшие за этим политические катаклизмы прервали эту работу и оставили её незавершённой.

Удивительно здесь то, что председательствовал на упоминавшемся нами заседании ТОИАЭ (где заслушивали доклад Н.Л. Эрнста) А.И. Маркевич, который прекрасно знал М.И. Скубетова (и, в частности, выразил ему в своей публикации новооткрытого пещерного храма Георгиевского монастыря благодарность за выполненные чертежи). Мог ли он быть в курсе работ 1916 года? Нам это неизвестно. По крайней мере, в его картотеке, хранящейся в ИИМК, читаем лишь: «Кучук-Сюрень – развалины церкви и пещера с фресками. Караулов древнее Сюреньское укрепление и башня на Бельбеке. Новорос. календарь 1871г. и отд. бр.» [13, л.221]. То есть А.И. Маркевич ссылается на самые ранние источники, и притом, сведения его не вполне точны: как известно, фресками была расписана не пещерная церковь монастыря Челтер-коба, а храм, располагавшийся внутри Сюреньской башни. Ни о работах Эрнста, ни, тем более, об исследованиях Скубетова в картотеке ничего нет.

Несомненно одно: М.И. Скубетов, на 12 лет опередивший Н.Л. Эрнста, оставил нам не только документальное свидетельство своего приоритета в исследовании пещерного комплекса на мысе Ай-Тодор, но, быть может, и самое главное – подлинное имя святой обители: «Пещера святого Феодора».

Автор выражает глубокую признательность заведующей архивом НЗХТ Н.В. Красовской, старшему научному сотруднику архива Т.В. Диановой и научному сотруднику архива С.П. Сухининой за многолетнее всемерное содействие, которое они оказывают ему в его изысканиях.

Источники и литература.

1. Архив ИИМК, ф.1, д. 35 1872.
2. Архив ИИМК, ф. Р-1, № 121.
3. Архив НЗХТ Д. 134/6. Съёмки с натуры пещерных сооружений Ай-Тодор-Коба (кроки М.И.Скубетова). 1916 г.
4. Архив НЗХТ Д. 134/7. Съёмка давлен под скалистым навесом в Кучук-Сюрень-Сюреньчик (кроки М.И.Скубетова). 1916 г.
5. Бертье-Делагард А.Л.. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма. // Записки Одесского Общества Истории и Древностей, т. 14. Одесса, 1886.
6. Веймарн Е.В., Репников Н.И. Сюреньское укрепление. //Материалы Эски-Керменской экспедиции. ИГАИМК. М. – Л.,1935. Вып.117.
7. Герцен А.Г., Махнева-Чернец О.А. «Пещерные города» Крыма. Симферополь, 2006.
8. Даниленко В.Н. Монастырь Чильтер-коба: архитектурный аспект.//История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.
9. Даниленко В.Н. Монастырское хозяйство в Крыму//Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, «Таврия», 1994.
- 10.Жития святых Таврических (крымских) чудотворцев. Составил художник Д. Струков. М., 1878.
11. Караулов Г.А. Крымские пещерные города и крипты//ЗООИД, 1872, т.VIII, с. 39-108.
12. Кулаковский Ю.. Прошлое Тавриды. Киев, 2002.
- 13.Маркевич А.И. Материалы к легенде историко-археологической карты Крыма. «Л»-«С». Архив ИИМК, ф.32, №53.
- 14.Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.
- 15.Москвич Г.. Путеводитель по Крыму. С. - Петербург. 1913 г.
- 16.Рукописный отдел РГБ, ф.293, д.30/7.
- 17.Топонимика Крыма 2010. Сборник статей, посвящённых памяти И.Л. Белянского. Симферополь, 2010.
- 18.Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма. Симферополь, 2004.

Сокращения.

ГАИМК –	Государственная Академия материальной культуры
ИГАИМК –	Известия Государственной Академии материальной культуры
ИИМК –	Институт истории материальной культуры
НЗХТ –	Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
ТОИАЭ –	Таврическое общество истории, археологии и этнографии
ЭКЭ –	Эски-Керменская экспедиция Государственной Академии материальной культуры

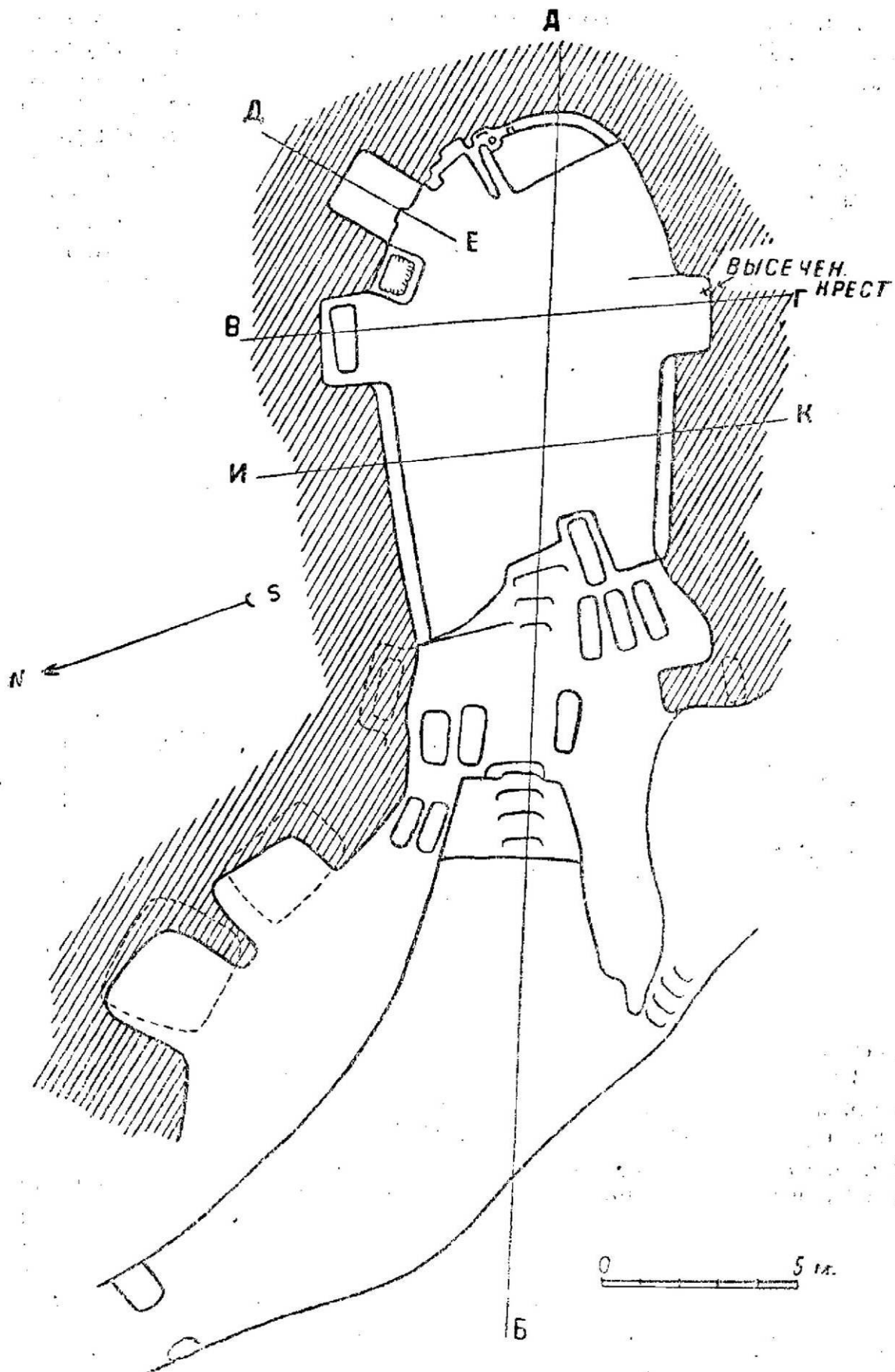

Рис. 1. Монастырь Челтер-коба.
План пещерного храма по Е. Веймарну и Н. Репникову [6, с. 124, рис. 82]

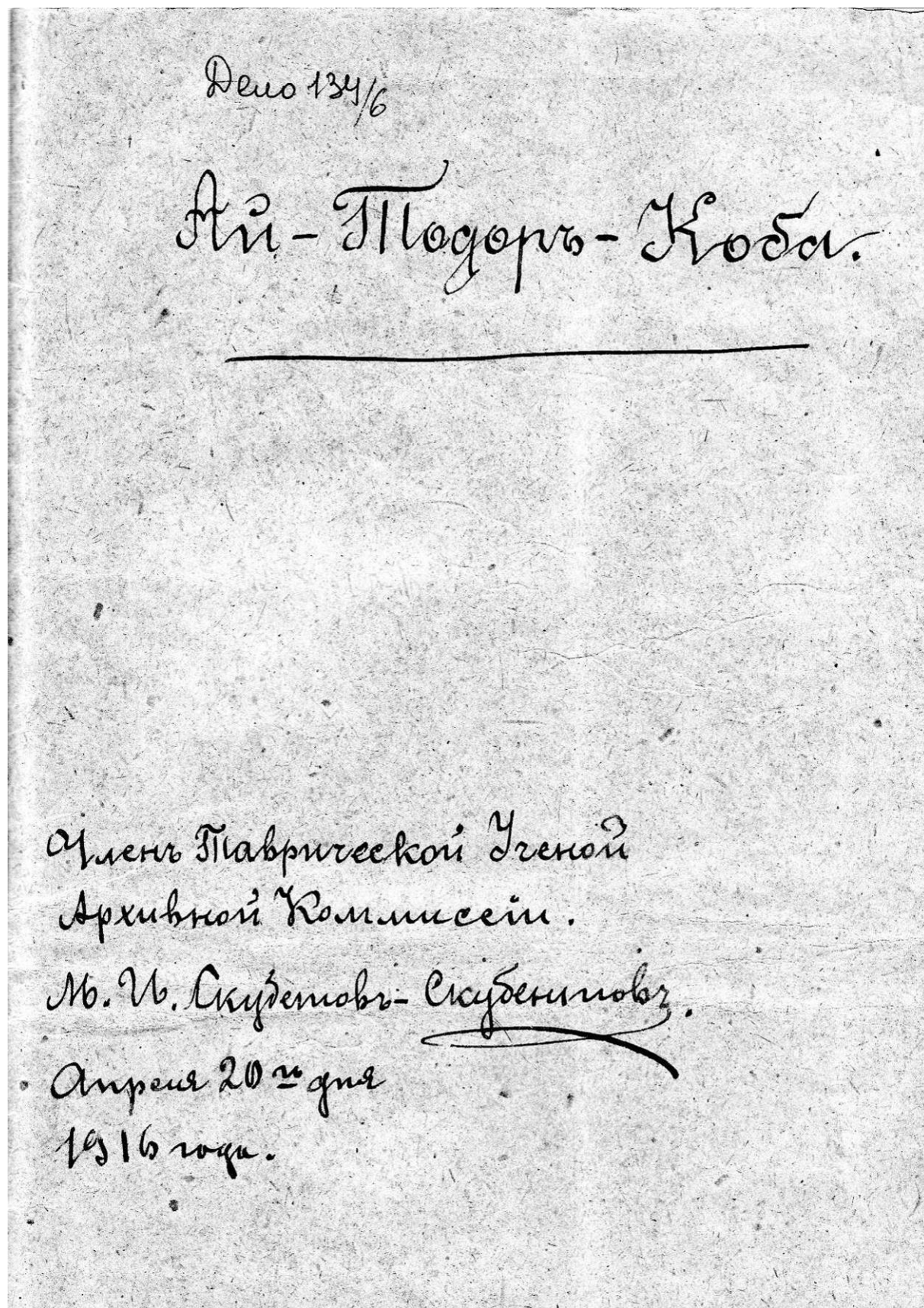

Рис. 2. Титульный лист тетради М.И.Скубетова с кроками обмеров пещерного комплекса Ай-Тодор-Коба [3, л. 26]

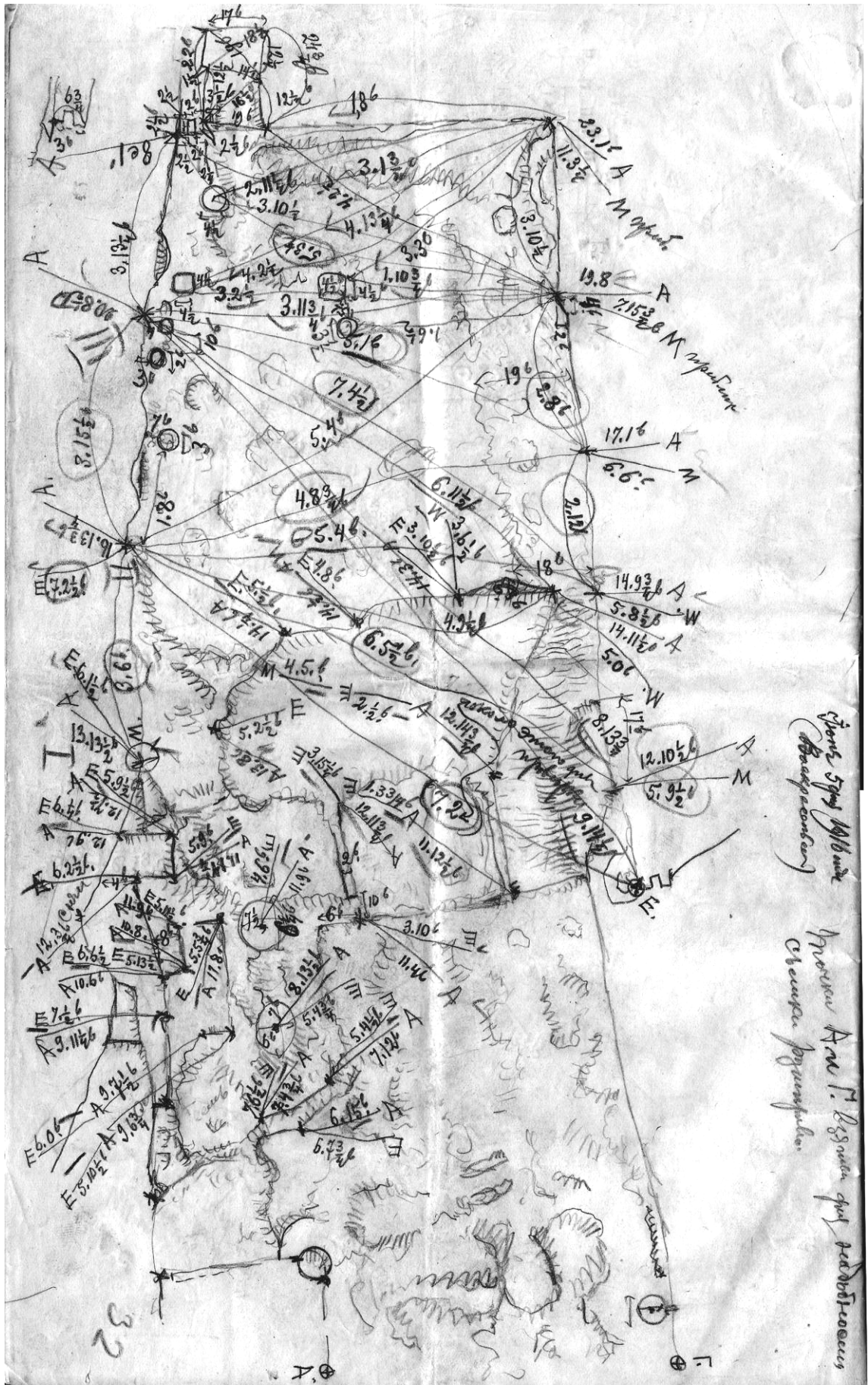

Рис. 4. Тетрадь М.И. Скубетова с кроками обмеров пещерного комплекса Ай-Тодор-Коба. [3, л. 32]

Рис. 7. Тетрадь М.И. Скубетова с кроками обмеров пещерного комплекса Ай-Тодор-Коба. Алтарная часть (?) [З, л. 33, оборот]

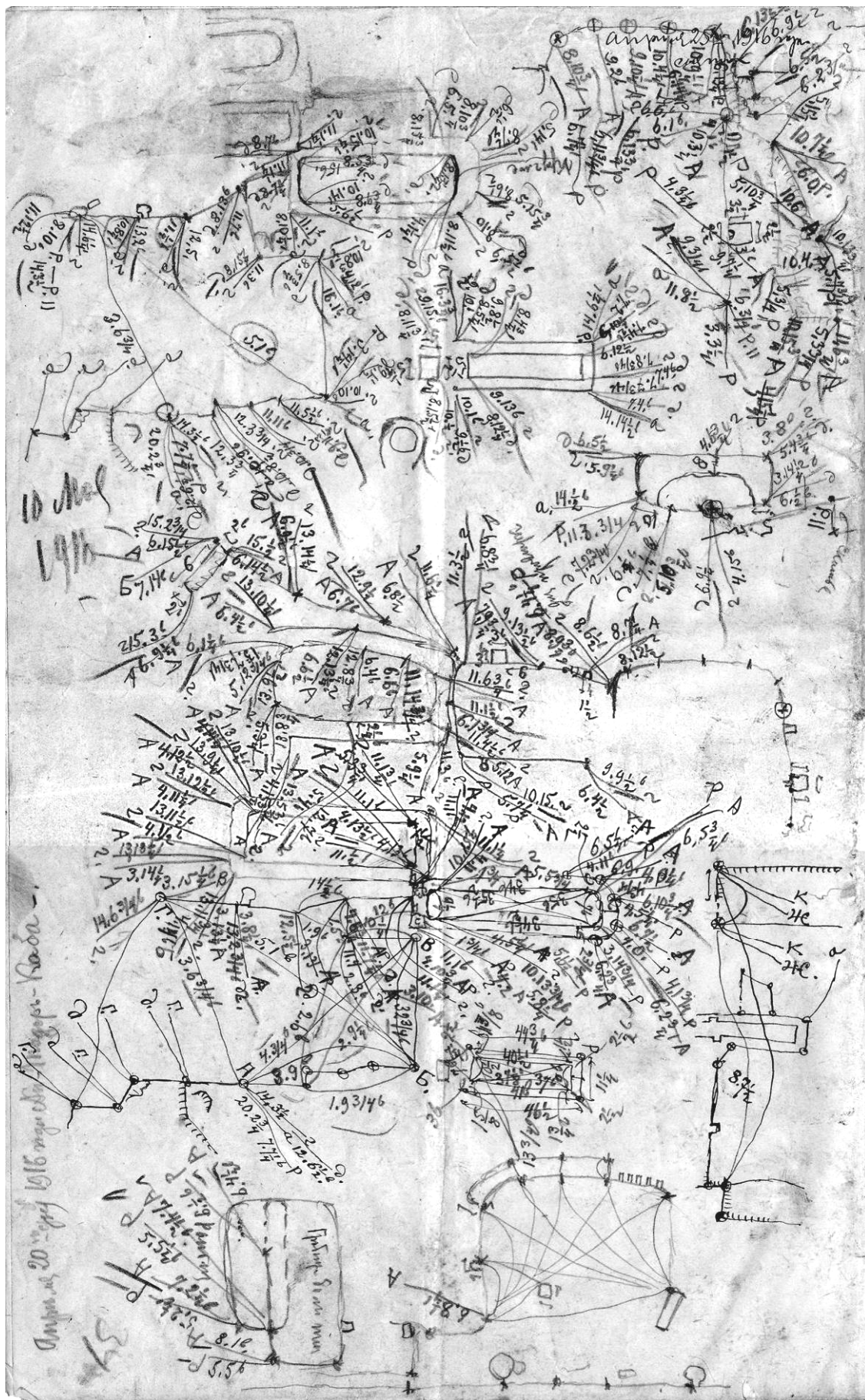

Рис. 8. Тетрадь М.И. Скубетова с кроками обмеров пещерного комплекса Ай-Тодор-Коба. Привходная часть пещерной церкви. Гробницы [3, л. 34]

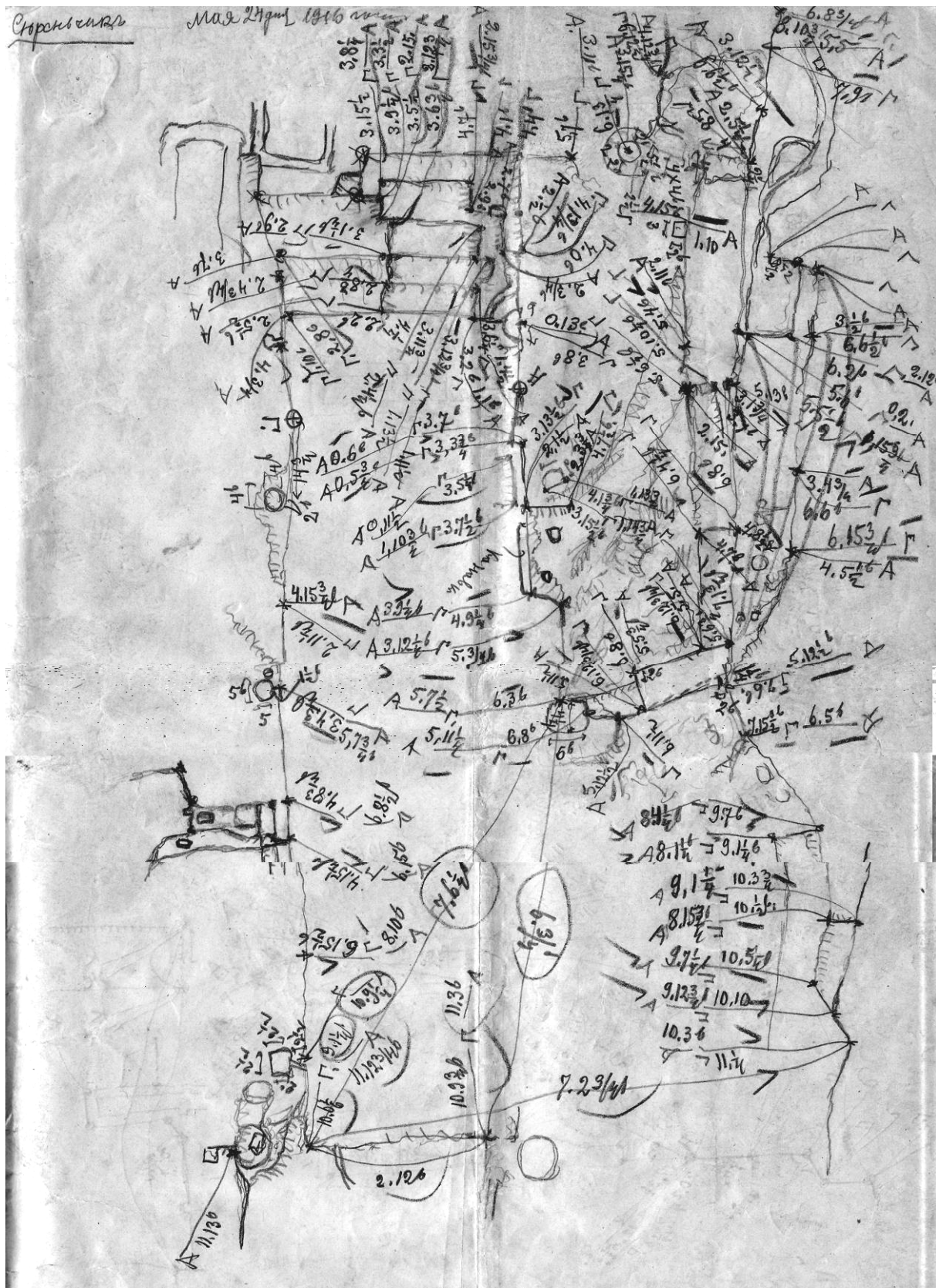

Рис. 9. Тетрадь М.И. Скубетова с кроками обмеров пещерного комплекса Ай-Тодор-Коба. Привходная часть пещерной церкви [3, оборот]

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ ЭСКИ-КЕРМЕНСКОГО «ПЕЩЕРНОГО ХРАМА У ГОРОДСКИХ ВОРОТ»

ДНЕПРОВСКИЙ Н.В.

Издательство «Невская Лавра» (г. Санкт-Петербург)

Традиционно «храм у городских ворот» на подъездной дороге Эски-Кермена рассматривается как кладбищенский.

«Без сомнения, это – кладбищенские часовни», – пишет о пещерных церквях на подъездной дороге Эски-Кермена Ю.М. Могаричев, аргументируя это «как большим числом расположенных рядом гробниц и усыпальниц», так и наличием наземных «часовен с окружающими их погребальными сооружениями» [11, с. 42]. Он также полагает [10, с. 61-63], что «Малый» храм у городских ворот был высечен в скале практически одновременно с «Большим храмом» (и, возможно, даже той же артелью), поскольку находит в планировке этих церквей больше сходства, чем различий.¹

Ещё большее внимание уделяет обоснованию этой точки зрения Н.Е. Гайдуков. Не соглашаясь с Ю.М. Могаричевым в отношении погребального назначения «Большого» храма, он, в то же время, пишет о «Малом» храме следующее: «Вероятнее всего, храм имел самостоятельное значение и не был связан ни с монастырским комплексом «большого пещерного храма», ни с храмом «Судилице», также расположенным по соседству. Другой вопрос, что это было за значение. Для понимания значения всего храма важно понять значение его южной «пристройки», выполненной в виде отдельного помещения, соединенного с основным объёмом церкви дверным проемом и имеющего в восточной части приподнятую «лежанку», а в западной – окно. Очевидно, что перед нами не просто склеп, а небольшой мавзолей, скрывающий остатки некоего чтимого усопшего. В основании южной конхи находится не полукруг, а опять-таки прямоугольная лежанка. Кроме того в самом храме в северной части имеется широкая лежанка, высотой около метра. Такая лежанка вполне могла использоваться при отпевании усопших. Три «лежанки» на такой небольшой храм – не слишком ли это много? В соответствии с этим и храм можно представить себе как кладбищенский» [4, с. 200].

Последние аргументы представляются нам чисто риторическими. Например, утверждение о том, что «такая лежанка вполне могла использоваться при отпевании усопших» с логической точки зрения необходимо требует продолжения – «а могла и НЕ использоваться». Совершенно не вытекает кладбищенский характер храма и из количества лежанок. Если ТРИ лежанки – это «слишком много» для не-кладбищенского храма, то, спрашивается, каково максимально допустимое их число для того, чтобы он ещё оставался таковым? К тому же в более поздней работе того же автора число лежанок редуцировано до ДВУХ², но и это приводится как аргумент в пользу погребального характера церкви. Интерпретация роли южного компартимента как «мавзолея» или мемории также снабжена риторическим «очевидно». О том, что «очевидностью» здесь и не пахнет, говорит хотя бы тот факт, что другие исследователи считали её кельей причетника или ризницей [11, с. 42]. Однако мы

¹ В нашей работе, посвящённых первоначальной литургической планировке триконхальных пещерных церквей Эски-Кермена, мы постарались обосновать свои сомнения в этом утверждении [9, с. 128-129]. Дальнейшие наши соображения по этому поводу мы излагаем в настоящей работе.

² «Ни алтарной преграды, ни престола в пещере не сохранилось. Однако ряд приспособлений свидетельствует о её назначении; это, с одной стороны, наличие двух полок в северной и юго-восточной частях храма, а с другой – оригинальное устройство для слива воды – водосток у порога. И то, и другое могло использоваться в обряде погребения. Таким образом, мы имеем дело со специальным погребальным или «кладбищенским» храмом» [5, с. 185]. Заметим, что о «южной пристройке» речь здесь уже не идёт. Что же касается сливного устройства, то к вопросу о его назначении мы ещё вернёмся.

согласны с Н.Е. Гайдуковым в том, что эта роль, действительно, требует осмысления и может оказаться ключевой в структуре храмового комплекса.

Итак, мы имеем три гипотезы о назначении южного компартимента храма: «мавзолей», ризница и келья причетника.

Следовательно, нам придётся поискать какие-либо аргументы в пользу каждой из упомянутых трёх интерпретаций или против неё, а, возможно, и сформулировать новое предположение. Для этого заново проанализируем устройство помещения.

Интерьер данного компартимента, на первый взгляд, предельно прост: в нём нет ничего, кроме «лежанки», окна и дверного проёма. Но это только на первый взгляд.

Прежде всего, современный посетитель храма обычно не обращает внимания на форму дверного проёма, ведущего в это помещение – просто потому, что зайти туда в настоящее время не составляет труда: нижняя часть этого проёма в наши дни разрушена. Очевидно, невниманию исследователей к этому вопросу на протяжении десятилетий способствовало и то, что на чертеже, выполненном ещё Эски-Керменской экспедицией (далее – ЭКЭ) в 30-е годы, форма этой разрушенной нижней части передана весьма произвольно (рис.1) – говоря конкретнее, она была сильно расширена по сравнению с действительностью. Поэтому создаётся впечатление, что здесь была обычная дверь. Однако нетрудно видеть, что в то время, когда дверной порог был цел, его высота в действительности составляла *не менее семидесяти* сантиметров (рис.2,3)! Причём стена с этим проёмом наклонена наружу, и уклон этот составляет для наружной, выходящей в храм, поверхности стены – 22 градуса, а для внутренней, выходящей в компартимент – 13-15 градусов (рис. 4). В то же время высота самого дверного проёма над этим порогом составляла всего один метр.

Подобные входы в Эски-Кермене характерны, скорее, для костниц, чем для «мавзолеев» с почитаемыми останками, доступ к которым должен быть максимально облегчён¹.

Столь же неудобным представляется применение данного помещения в качестве ризницы или кельи: ведь, согласно антропологическим данным, на протяжении девяти веков – с X по XIX вв. – средний рост мужчины составлял примерно 170 см. <http://www.utro.ru/articles/2007/05/25/650879.shtml>). Это хорошо согласуется с размерами двух лежанок из трёх, имеющих в храме (в том числе, и в рассматриваемом «отсеке»), а также, как мы увидим в дальнейшем, с размещением окна в южном компартименте. Если учесть, что высота ноги от стопы до промежности, согласно классическим пропорциям, равна половине роста человека, то она составляла всего лишь 85 см, и 70-сантиметровый порог был достаточно экстремальным препятствием, особенно для церковнослужителя в длинном облачении и, тем более, со священными предметами в руках.

Но и это ещё не всё. С *внутренней* стороны помещения вплотную к порогу примыкает ступенька высотой 23 см, в то время как с *наружной* стороны стены ничего похожего нет (рис.1, 2, 4). Создаётся впечатление, что компартимент максимально приспособлен *не* для того, чтобы удобно *проникнуть* в него (этому препятствует очень высокий и к тому же наклонённый навстречу порог), а для того, чтобы удобно его *покинуть*. Кроме того, наклонённая внутрь храма стена с необходимостью требовала, чтобы дверь из бокового отсека открывалась не в храм, а именно внутрь компартимента. Насколько же неудобно было открывать её *снаружи*, одновременно перелезая через порог! Зато у такой двери имеется и ряд больших, хотя и совершенно неожиданных для «мавзолея» преимуществ:

1. Высокий порог затруднял *внезапное* проникновение в помещение. А в неотопляемом храме он ещё и уменьшал приток туда холодного воздуха, который, как известно, всегда «сквозит» по ногам.
2. Дверь, начинавшуюся на высоте 0,7 м, сложнее выбить, чем начинающуюся от пола.

¹ У восточной калитки Эски-Кермена имеется вырубной мемориальный храм с усыпальницей, высота дверного проёма в который примерно такая же, как в «Малом» храме. Однако там эта малая высота по необходимости определяется самим расположением пола наоса храма относительно верхней поверхности скалы. В остальном же доступ к святым останкам максимально облегчён: вход в усыпальницу начинался от уровня пола, туда ведут тщательно вырубленные широкие ступени, а перед костницей, в которой, по-видимому, находились почитаемые останки, *снаружи* расположена приступочка (в отличие от *внутренней* приступочки в обсуждаемом помещении – см. далее).

3. Небольшой размер двери (по сути, наклонного люка) позволял сделать её более прочной при той же массе.

Правда, возникает вопрос о том, как запиралась подобная дверь. Никаких подрубок для закладного бруса в боковых стенах компартимента нет. Однако сразу же, как этот вопрос был поставлен, нашлось и его решение. Прямо напротив середины двери в южной стене, на 0,2 м ниже уровня потолка, обнаружилось небольшое углубление диаметром 0,13 м и глубиной 2 см с характерным «хвостом»-канавкой, идущим сверху-справа вниз-влево. Судя по всему, предыдущие исследователи не замечали его – как в силу малых размеров, так и вообще не предполагая, что «ризица» могла запираться *изнутри*. Мы установили в продольный паз дверного косяка линейку и использовали её как основание для опорной плоскости лазерного дальномера BOSH. Как и следовало ожидать, луч лазера попадает в углубление на южной стене, когда источник луча (дальномер) находится на 0,48 м ниже притолоки. Следовательно, брус, одним своим концом заведённый в углубление на стене, а другим концом упёртый в *середину* закрытой *изнутри* двери, оказывался строго *перпендикулярным* ей, т.е. *подпирал её наилучшим образом*. А, значит, есть основания предполагать, что компартимент предназначался не для *усопшего*, а для *живого* человека, которого максимально защитили от внезапного проникновения всеми доступными на тот момент средствами.

Столь же неожиданные выводы можно сделать при внимательном рассмотрении уже не дверного, а *оконного* проёма. Окно «храма у городских ворот» представляется нам поистине уникальным и не имеющим аналогов в известных нам пещерных сооружениях Горного Крыма. Между тем, ни в одном из литературных источников его описание нам не встречалось. Только Е.В. Веймарн в период своего участия в экскурсиях Севастопольского музея краеведения со свойственной ему скрупулёзностью зарисовал это окно (рис. 5) и записал: «В западной стене окно с двойной рамой в форме полукруглого колумбария» [2, л. 81], но не дал этой форме никакой интерпретации.

В действительности, никакой «рамы» окошко южного компартимента в настоящее время не имеет¹. Конструктивно оно выполнено таким образом, как если бы наружная стена помещения, выходящая на подъездную дорогу, была расслоена пополам, и наружный слой вместе с прорубленным окном был сдвинут вниз относительно внутреннего. Наклонилась при этом вниз, к дороге, и осевая линия визирования (рис. 1, 2). Высота подоконника в помещении – 1,37 м над уровнем пола, средняя линия визирования расположена на высоте 1,5 м над полом, что хорошо соответствует упомянутому нами ранее среднему росту наблюдателя в 170 см (длина лежанки в компартименте). Глубина внутренней ниши составляет 0,3 м, ширина – 0,33 м, высота – 0,3 м. Причём внутренняя оконная ниша имеет плавные, скруглённые формы, предохраняющие голову наблюдателя от травм при резких движениях (рис. 6). Она почти полусферическая. Наружная же половина окна, ярко выраженной полуцилиндрической формы, подобной отверстию русской печи, имеет прямой угол с задней стенкой и строго горизонтальную нижнюю грань, о чём говорит скапливающаяся на этой грани вода (рис. 7). Высота её подоконника над уровнем дороги – 1,15 м, высота верхней точки – 1,48 м. Глубина наружной ниши – 0,39 м, ширина – 0,47 м, высота – 0,33 м. Максимальная высота собственно смотровой амбразуры составляет всего 0,18 м, а с севера она ещё меньше.

На первый взгляд, гораздо практичнее и проще было бы вытесать просто цельный оконный проём, наклонённый к дороге. Кроме того, при *беглом* осмотре окно может показаться несколько бесформенным, вытесанным поспешно или неумело. Так, изнутри оно имеет существенно асимметричную форму (левая часть растёсана гораздо больше правой). Асимметрична и смотровая амбразура. Однако при *детальном* анализе выясняется, что существующая форма окна практически идеальна по следующим критериям:

1. Она является, в некотором смысле, прообразом современного танкового перископа: поразить через него наблюдателя копьём или стрелой *сверху* (с коня) практически невозможно. Рикошетом от наклонной нижней стенки окна – тоже: рикошет будет задержан наружной

¹ Как мы увидим далее, в наружной нише окна имеются следы для вставки деревянной конструкции, но Е.В. Веймарн писал вовсе не об этом.

нишей, имеющей прямоугольный профиль, чего не было бы при простой наклонной форме амбразуры¹. Сходные «ловушки» для пуль устанавливаются в современных тирах.

2. Окошко выходит на западную сторону, т.е., на закат. Однако, регулируя положение головы, наблюдатель может невозбранно следить за дорогой при *любом*, даже самом низком, положении Солнца: внутренняя ниша выполняет для него функцию защитного козырька. При этом амбразура обеспечивает вполне удовлетворительный сектор обзора. На фото рис. 8 прекрасно видна группа туристов, которым показывают своеобразного «лежачего полицейского», высеченного из скалы перед располагавшимися в этом месте промежуточными воротами (рис. 9).

3. Тот факт, что левая половина внутренней оконной ниши растёсана гораздо сильнее, чем правая (рис. 6), говорит о том, что приоритетным было заблаговременное наблюдение за теми, кто ещё только подходил по дороге к воротам. Причём собственно амбразура по вертикали сужается к правому краю, уменьшая вероятность поражения наблюдателя со стороны дороги при сохранении одинакового качества обзора дорожного полотна, поскольку последнее также зрительно сужается в этом направлении в соответствии с законами перспективы. Всего этого не увидел выполнявший обмеры храма А.В. Згурский, обмерные чертежи которого, в настоящее время хранящиеся в КРУБИКЗ, послужили основой для иллюстраций к публикациям Ю.М. Могаричева (рис. 2 и 4). Поэтому по изображению на рис. 4 восстановить функциональное назначение окна южного компартамента невозможно – оно просто кажется разрушенным природным воздействием.

4. Кроме того, внимательный осмотр внешней оконной ниши выявил в углу её северной (левой) стенки полукруглое углубление, хорошо заметное на фото рис. 7. По-видимому, в нишу могла вставляться какая-то заглушка или ставенка. Извлечь её снаружи было невозможно – не за что зацепиться, равно как и выбить внутрь: она упиралась в скальную стенку. Не исключено и наличие здесь деревянной оконной рамы (возможно, затянутой сеткой или решёткой, чтобы скрыть наблюдателя).

Таким образом, анализ конструкции оконного и дверного проёмов бокового помещения приводит нас к хорошо обоснованному, хотя и несколько неожиданному для церковного сооружения выводу:

С технической точки зрения, инженерное решение элементов южного компартамента «пещерного храма у городских ворот» делает его идеально приспособленным для наблюдательного пункта, в котором условия наблюдения за дорогой, а также скрытность и защищённость наблюдателя от внезапного нападения были доведены до возможного в то время совершенства.

Впрочем, неожиданным такой вывод может показаться только для современного человека. «Следует также принять во внимание, что монастыри, находившиеся за городскими стенами, как правило, служили одновременно передовыми сторожевыми крепостями – *фрурами*», – пишет С.Б. Сорочан [16, с. 170]. Что же касается мемориально-погребального характера данного компартамента, то в силу вышеизложенного, это представляется нам маловероятным. К тому же, если бы он действительно предназначался для погребения «особо чтимого усопшего», то все ритуальные нюансы должны были бы выдерживаться особенно тщательно. Почему же, в таком случае, «лежанка» (которая в этом случае становится погребальной нишей-локулой) была вырублена по оси «север-юг», а не головой на запад, как предписывает христианский погребальный обряд? В то же время, в соответствии с современными медицинскими представлениями, *живому* человеку, действительно, желательно во время отдыха ориентировать своё тело именно *вдоль* магнитного меридиана.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос, не является ли пещерный «храм у городских ворот» всего лишь переделкой ранее существовавшей у городских ворот пещеры, имев-

¹ Непонимание этого принципа уже в новейшее время привело к тяжёлым потерям командного состава от рикошетов в Цусимском бою: боевые рубки русских кораблей из самых лучших побуждений были «защищены» от прямых попаданий *обтекаемыми* броневыми козырьками. Но японцы применили не классические бронебойные, а фугасно-осколочные снаряды. Козырьки же *изнутри* оказались такой формы, что они буквально собирали осколки японских снарядов и рикошетом «перенаправляли» их через смотровую щель внутрь рубки, убивая и калеча находившихся там офицеров.

шей дозорно-оборонительный характер, в соответствии с новыми задачами? Очевидно, что полностью исключить такое предположение нельзя. В частности, хорошо заметно, что пол в алтарной абсиде вырублен гораздо грубее, чем в остальной части храма, и граница этого пола ясно просматривается (рис. 10). Возможно, абсида была врублена в уже существовавшее помещение. Однако это может быть связано и с тем, что алтарная часть была несколько приподнята над наосом за счёт настланного пола и, в таком случае, находившийся под этим настилом «чёрный» пол просто не требовал аккуратной выделки. Заметим также, что в алтарной абсиде потолок слегка повышен относительно потолка наоса – особенность, которую особо отмечал еще Бертье-Делагард, считая её характерной именно для крымских пещерных храмов. Конха при этом переходит как бы в подобие небольшого очень плоского купола. Ничего подобного мы не встречаем в боковых компартиментах. Не встречаем мы этой особенности и в «Большом» пещерном храме на подъездной дороге. Таким образом, описываемые нами особенности «Малого» храма, в совокупности с рассмотренными нами ранее [9, с. 128-129] особенностями их литургической планировки, никак не позволяют нам согласиться как с утверждением Ю.М. Могаричева о том, что данные храмы имеют больше сходства, чем различий, так и с его предположением об их высекании одной артелью. Вместе с тем, следует отметить, что не только «наблюдательный пункт», но и весь интерьер пещерной церкви был тщательно продуман. Об этом говорят и сознательно оставленный при вытёсывании абсиды монолитный престол (сохранявшийся вплоть до 30-х гг. XX в.), и столь же добросовестно изготовленное сточное устройство у порога храма, не имеющее аналогов в других пещерных помещениях. К его рассмотрению мы сейчас и перейдём.

Интерпретации этого уникального элемента интерьера также достаточно многочисленны. Приведём некоторые из них:

Н.И. Репников: *«В северной стене самого храма вырублена широкая лежанка с изголовьем в восточном конце. Над лежанкой, на уровне потолка, начинается вырубленный водоотлив, который, спускаясь, идет по поверхности стены к порогу двери, где упирается в своеобразный приемник для стока воды, попадавшей в пещерный храм сверху, по поверхности скалы. Этот приемник вырублен в полу, подковообразной формы, прорезан сетью канальцев, которые направляются к пробитому в толще порога отверстию. Через него вода выводилась к стоку – желобу, проходившему в основании обрыва скалы»*¹ [14, с. 36]. *«В полу храма к югу от алтарного полукружия – вырубная гробница с заплечиками для плиты покрытия. Около нее в полу у порога вырублен подковообразной формы приемник, прорезанный сетью канальцев. Он принимал в себя дождевые воды, затекавшие по поверхности скалы на потолок храма. Вырубленный на северной стене желобок отводил их в приемник. Из последнего под порогом пробито отверстие, выводившее затечную воду в водобег третьего марша дороги»* [15, л.118].

С.В.Харитонов: *«Непосредственно у дверного порога в полу храма искусно высечено подковообразное углубление с канавками для отвода воды (проникавшей в храм сверху, по поверхности скалы, возможно, через разрушенный дверной проём)»* [17, с. 65; 18, с. 72].

Ю.М. Могаричев: *«В западной части пола церкви у входа имеется вырубка подковообразной формы. Не исключено, что это остатки тарапана, который могли соорудить после прекращения функционирования церкви. По крайней мере, подобные случаи в Крыму известны»* [10, с. 61; 11, с. 42]. Причём, если здесь эта версия сформулирована только как предположение, то в более поздних работах этого же автора, посвящённых «пещерным городам» Крыма, она подаётся уже как установленный факт: *«В западной части пола церкви у входа имеются остатки тарапана, который могли соорудить после прекращения функционирования церкви»* [12, с. 110; 13, с. 138-139].

¹ Первым из известных нам указаний на данное устройство, а, точнее, на его часть, является запись Е.В. Веймарна из материалов Севастопольского музея краеведения: *«Пещера № 89.... Вход – пролом более двух метров ширины – с запада. Прежде была дверь посредине западной стены (на это указывают обломки скалы с частями дверной коробки). ... Добавление. В первом отделении над скамьёй в северной стене, от ее верха, в северо-западном углу идет вверх желобок шир. 8 см»* [2, л. 81] (см. рис. 12). О водосборнике в целом он не упоминает, следовательно, пещера в то время не была расчищена – на это же указывает запись о том, что высота скамьи над полом составляет 26 см, в то время как сейчас её высота 50 см. Следовательно, в то время пол пещеры был засыпан грунтом на высоту 24 см, скрывая водосборное устройство.

А.А.Гуськов: «У входного порога оригинальная деталь, нигде более не встречающаяся: в полу вырублено полукруглое углубление с декоративной насечкой и сточным отверстием на улицу. Это напоминает ванну для омовения ног, а такая процедура очень редко использовалась в христианских храмах» [6, с. 119].

Н.Е. Гайдуков: «В западной части церкви у самого входа было вырублено подковообразное углубление с насечкой в форме «ёлочки». Из этого углубления пробито отверстие, ведущее прямо на дорогу. Ю. Могаричев считает это углубление «остатками тарапана», но, конечно, это никакой не тарапан (глубина устройства минимальна), но дренажное приспособление для отвода воды, которое, пока храм функционировал, было скрыто под полом» [4, с. 200]. Мы также упоминали работу этого же автора, где упоминается «оригинальное устройство для слива воды – водосток у порога», которое «могло использоваться в обряде погребения». В личной переписке с автором данной статьи Н.Е. Гайдуков детализировал эту версию: «Погребальные храмы в их нынешнем состоянии характеризуют устройства для вывода воды. Это могла быть только вода с покойника. Единственная вода в храме, которую нельзя использовать, вода с покойника» (электронное письмо Н.Е. Гайдукова от 18.09.2010). На тот момент у автора не было серьёзных аргументов против такой интерпретации, и позднее эта точка зрения нашла отражение в нашей совместной работе [6, с. 21]: «При общем дефиците воды в Крыму только вода от омовения покойника не могла быть использована вторично, поэтому в таких храмах имеется устройство для отвода воды. Такой храм среди пещерных храмов юго-западной Таврики есть только один – это храм у городских ворот на городище Эски-Кермен». Однако внимательное изучение памятника заставило автора настоящей статьи в дальнейшем прийти к иной точке зрения, которая будет изложена ниже.

Согласно теории вероятности (на которой базируется и теория информации), с формальной точки зрения полная вероятность всех возможных объяснений для данного факта всегда равна единице, т.е. 100%. Значит, чем больше альтернативных (несовместимых) объяснений находится для данного факта, тем меньше процентная доля вероятности того, что именно это объяснение справедливо. Так, если устройство работало под полом, то оно никак не могло собирать воду, льющуюся с потолка, или использоваться в обряде погребения. Если оно собирало воду с потолка, то не могло находиться под полом. Если устройство представляло собой водосборник, то оно не могло быть тарапаном, и наоборот. Поэтому для начала попытаемся уменьшить количество альтернативных версий, увеличивая, таким образом, вероятность оставшихся.

1. «Помывочная» версия, несмотря на свою экстравагантность, в последнее время получает значительное распространение среди экскурсоводов, среди которых много крымских татар, для которых естественно снимать обувь при входе в мечеть. Соответственно, данная гипотеза широко доводится и до сведения экскурсантов, чему автор настоящей статьи был свидетелем. Насколько нам известно, «такая процедура в христианских храмах» используется только в Страстной Четверг и отнюдь не у входа в храм. Чин омовения ног совершается в воспоминание о том, как Сам Спаситель омыл ноги Своим ученикам. Этот чин не имеет никакого отношения к процедуре вхождения в храм. Следовательно, с использованием подмены понятий, анализ православного храма производится в рамках совершенно отличной от Православия социокультурной парадигмы. Поэтому нам представляется крайне маловероятным такое объяснение *привходового* устройства храма в Эски-Кермене. В пользу этой малой вероятности говорит и отсутствие аналогов такому устройству. Если бы оно имело не техническое, а литургическое значение, такие аналоги обязательно существовали бы. Попутно заметим, что сетка дренажных канальцев отнюдь не является «декоративной насечкой».

2. Столь же экстравагантной (после дополнительного изучения памятника) нам представляется версия об отведении воды с тела покойного: такое устройство следовало бы делать *сбоку* от входа (что технически вполне реально), а не *прямо перед* ним, поскольку при его нынешнем расположении и достаточно больших размерах (около 0,8 м) каждый входящий в храм и выходящий из него должен был бы неизбежно вступать в «мёртвую» воду.

3. Мы согласны с Н.Е. Гайдуковым в том, что не выдерживает критики и версия об остатках тарапана (винодавильни). Любой тарапан имеет два основных элемента: давящую площадку и суслоприёмник. Последний в данном случае отсутствует полностью (притом, что

остальная часть устройства выполнена исключительно тщательно). Сточное отверстие из храма выводится прямо в узкий и мелкий водосток (рис. 11), вырубленный в скале вдоль подъёмной дороги. Высота сточного отверстия над дном водостока составляет всего 9 см. Это полностью исключает применение данного устройства в качестве тарапана.

4. Предположение Н.Е. Гайдукова о «дренажном приспособлении для отвода воды, скрытом под полом» опровергается одной существенной деталью, тоже отсутствующей на плане из книги Могаричева, но хорошо видимой как на плане ЭКЭ (рис. 11), так и на фотографии (рис. 13). Это пологий широкий бортик, *огораживающий* ванночку. Такой бортик не способствовал бы, а, напротив, *препятствовал* сбору воды с пола помещения.

5. Версия об устройстве «для стока воды, попадавшей в пещерный храм сверху, по поверхности скалы», несмотря на её внешнее правдоподобие, нуждается в более детальном анализе.

Н.И. Репников пишет о том, что «вырубленный на северной стене желобок отводил» «дождевые воды, затекавшие по поверхности скалы на потолок храма», в «подковообразной формы приемник, прорезанный сетью канальцев». Достаточно внимательно рассмотреть упомянутый желобок (рис. 14), чтобы понять, какие именно воды он отводил: прямо над лежанкой в стене имеется водоносная трещина (рис. 15). Следовательно, никакого отношения к «водам, затекавшим по поверхности скалы на потолок храма» этот желобок не имеет. Да они и не могли туда затекать: даже при разрушенном дверном проёме свод храма нависает над входом, а вода, как известно, *вверх* не течёт. Поэтому упомянутый ещё Е.В. Веймарном, а затем и Н.И. Репниковым желобок на северной стене является отдельным (притом вполне заурядным) устройством, совершенно не нуждающемся для своего существования в подковообразном приёмнике.

В чём же, в таком случае, состояло назначение этого приёмника, вызвавшее его уникальный внешний вид? Для того чтобы найти ответ на этот вопрос, рассмотрим устройство более детально с инженерной точки зрения.

Прежде всего, отметим ещё одну мелкую на первый взгляд, но, в действительности, очень важную неточность современного плана церкви (рис. 4) по сравнению с планом ЭКЭ (рис. 11). Речь идёт о форме «ванночки». Её южные обводы имеют отнюдь не полукруглую форму: они в точности повторяют контуры расположенной рядом с ней в полу вырубной гробницы, причём между «ванночкой» и гробницей оставлен аккуратный бортик (рис. 13), чтобы вода не затекала в могилу. Следовательно, если даже принять допущение о том, что «храм у городских ворот» был переделан из оборонительного сооружения, есть все основания утверждать, что водосборное устройство было выдолблено в полу уже *после* возникновения гробницы, а, значит, и храма. Другими словами, выполнять функции «галошницы» для военных это приспособление не могло.

На первый взгляд, относительно позднее происхождение водосборника работает в пользу предположения С.В. Харитоновой о его использовании «для отвода воды, проникавшей в храм сверху, по поверхности скалы, возможно, через разрушенный дверной проём». Но не будем торопиться с выводами. Дело в том, что, несмотря на относительно большой диаметр водосборника, он не в состоянии собрать с пола всю воду, разбрызгивающуюся при стекании сверху воды в виде *струи*. Автор настоящей статьи целенаправленно присутствовал в этой церкви во время ливня – в течение буквально считанных минут пол храма был залит водой. Гораздо проще было бы организовать над входом (пусть даже разрушенным) защитный козырёк, что обычно и делалось в пещерных сооружениях Крыма (многочисленные подрубки над дверными проёмами тому подтверждением). Кроме того, воду с поверхности скалы весьма эффективно (практически на 100%) и, что самое главное, без брызг, собирает и отводит повешенная на эту скалу материя. Этим приёмом широко пользуются по сей день, и нет сомнения, что он был известен издавна. Далее, ширина устройства практически полностью соответствует ширине дверного проёма, не выходя за его пределы. Поэтому версия о разрушении этого проёма в период работы водосборника представляется нам более чем сомнительной. Наконец, удивительная тщательность, с которой выполнено водосборное устройство, никак не указывает на его временный, «суррогатный» характер. Достаточно сказать, что для создания бортика, огораживающего водосборник, потребовалась подтёска пола на значитель-

ной площади вокруг него, и она была выполнена с необыкновенной аккуратностью – кажется, что нивелировка производилась по всей поверхности церковного пола. Следовательно, объём работ был значительным, а качество – высоким. Это с неизбежностью приводит к вопросу: почему вместо этого не был столь же обстоятельно отремонтирован сам дверной проём, над ним не был установлен защитный козырёк или хотя бы не была повешена на скалу вышеупомянутая материя?

Как мы уже говорили, предыдущий анализ приводит нас к выводу об исключительной продуманности элементов интерьера данного храма. Допустим, что и в данном случае строители хорошо знали, что делали. Тогда попытаемся посмотреть на водосборное приспособление именно с этой точки зрения: а в каком случае *только такое устройство* было *необходимо* для решения стоявшей перед обитателями помещения задачи, и *какая* это была задача? Для этого обратим внимание на следующее.

Первое. Известняк исключительно хорошо смачивается водой, и при попадании на него относительно большой массы жидкости на водной основе она быстро и равномерно стекает по наклонной плоскости, оставляя лишь слегка влажную поверхность камня. Так, в частности, устроены тарапаны. Однако водосборник эски-керменской церкви дополнительно зачем-то снабжён сетью дренажных канавок.

Второе – это размеры водосборника. Будучи по ширине практически в точности равен дверному проёму, он простирается вглубь храма на 0,8 м, а далее огорожен пологим бортиком.

С учётом этих моментов мы видим *единственный* тип влаги, для сбора которой данное устройство подходило идеально. Это – *конденсат*. Именно *эта* вода будет образовываться в зоне дверного проёма, где тёплый воздух контактирует с холодным. Только *эта* вода может оказаться как непосредственно на полу, так и на своде *выше* дверного проёма, и притом *на самых маленьких выступах* этого свода, в силу чего она будет не *стекать* по нему, а *капать с него произвольным образом*. Именно *эту* воду сложнее всего собрать с помощью закреплённой на скале тряпки (во-первых, её на потолке надо как-то закрепить, а во-вторых, обладая теплоизоляционными свойствами, она просто переместит зону конденсации глубже в помещение). И, наконец, именно для обеспечения быстрейшего слияния капель и удаления *этой* – капельной – влаги нужны промежуточные миниатюрные канавки-водостоки. Нужны они были и в том случае, если для уменьшения разбрызгивания капель в подковообразную выемку укладывался поглощающий материал, например, ткань или солома.

Но откуда же брался конденсат в «храме у городских ворот»? Чем именно этот храм так существенно отличался от остальных, что в нём пришлось создавать подобное «оборудование»?

В одной из предыдущих своих работ мы попытались показать, что на определённом этапе своего существования комплекс городских ворот Эски-Кермена послужил основой для создания общежительного монастыря, подчинявшегося Студийскому уставу [8, с. 158-159]. В соответствии с дисциплинарной частью этого устава «храм у городских ворот» (а именно, ворот «Б» по классификации Е.В. Веймарна [3, с. 11]), превращённых во «внешние врата» обители, исключительно хорошо подходил для размещения *трёх* привратников этих врат. Наличие *трёх* лежанок, а также специально оборудованного и защищённого наблюдательного помещения при храме, по нашему мнению, является убедительным подтверждением данного предположения. А наличие устройства, собирающего влагу, конденсирующуюся на потолке у входа при дыхании *постоянно* размещённых в *небольшом* и *неотапливаемом* помещении *трёх* людей (ибо никаких следов очага в нём не найдено), заставляет *дополнительно* усомниться в том, что эти лежанки предназначены для усопших.

Разумеется, мы не можем игнорировать такой элемент интерьера храма, как вырубная гробница в его полу. Как уже говорилось, водосборное устройство было выдолблено позднее упомянутой гробницы. Это, вкуче с наличием сторожевого помещения при храме и чётко видимой на полу границей алтарной абсиды, позволяет ставить вопрос о различных этапах существования данного пещерного помещения, например, «оборонительная пещера – погребальный храм – монастырская церковь внешних врат». Если это так, то встанет вопрос о датировании этих этапов, в частности, о существовании сооружения в период функционирования Эски-Кермена как крепости.

В целом же, инженерный подход к анализу пещерного «храма у городских ворот» показывает полное отсутствие в нём «случайных» элементов и демонстрирует высочайший для своего времени уровень технических знаний у создателей этого поистине уникального памятника крымского скального зодчества.

Фото автора.

Источники и литература.

1. Архив ИИМК, ф.Р-I, д.119а.
2. Архив КРУБИКЗ, ф. 10а, д. 9.
3. Веймарн Е.В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена (опыт реконструкции) // История и археология средневекового Крыма. М., 1958.
4. Гайдуков Н.Е. Сакральное пространство и литургические устройства в доиконоборческих пещерных храмах Юго-Западной Таврики // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., «Индрик», 2006.
5. Гайдуков Н.Е. Христианская топография окраины городища Эски-Кермен в Юго-Западном Крыму // Спелеология и спелестология: развитие и взаимодействие наук. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Набережные Челны, 2010.
6. Гайдуков Н.Е., Днепровский Н.В. Типология и структура комплексов, включающих пещерные храмы юго-западной Таврики // Пещерные церкви и монастыри Византии и Руси. Материалы международной научно-практической конференции. Саранск, 2011.
7. Гуськов А.А. Атлас пещерных городов Крыма. Путешествие к строителям и обитателям пещер. Харьков, 2007.
8. Н.В. Днепровский. Культурный комплекс у южных ворот Эски-Кермена // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. III. Севастополь – Тюмень, 2011.
9. Н.В. Днепровский, В.А. Шкурдода. К вопросу о первоначальной литургической планировке триконхальных пещерных церквей Эски-Кермена // Лаврский альманах. Спецвыпуск 9. Дослідження монастирських пещерних комплексів. К., 2010. С. 124-143.
10. Ю.М. Могаричев. Пещерные церкви в районе подъездной дороги Эски-Кермена // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.
11. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.
12. Могаричев Ю.М. «Пещерные города» в Крыму. Симферополь, 2005.
13. Могаричев Ю.М. Крым. «Пещерные города». Киев, 2010.
14. Н.И. Репников. Подъемная дорога Эски-Кермена // Материалы Эски-Керменской экспедиции. ИГА-ИМК. М.-Л., 1935. Вып. 117.
15. Репников Н.И. Материалы к археологической карте Юго-Западного Нагорья Крыма. Архив ИИМК, Ф.1, д. 9, 10.
16. Сорочан С.Б. О византийском принципе перенесения сакрального пространства на примере херсонского храма Богородицы Влахернской // Древности. Харьков, 2009. Вып. 8.
17. Харитонов С.В. Древний город Эски-Кермен. СПб, 2004.
18. Харитонов С.В. «Пещерные города» Крыма. СПб – Одесса – Симферополь, 2005.

Сокращения.

ГАИМК –	Государственная Академия материальной культуры
ИГАИМК –	Известия Государственной Академии материальной культуры
ИИМК –	Институт истории материальной культуры
КРУБИКЗ –	Крымское республиканское учреждение «Бахчисарайский историко-культурный заповедник»
ЭКЭ –	Эски-Керменская экспедиция Государственной Академии материальной культуры

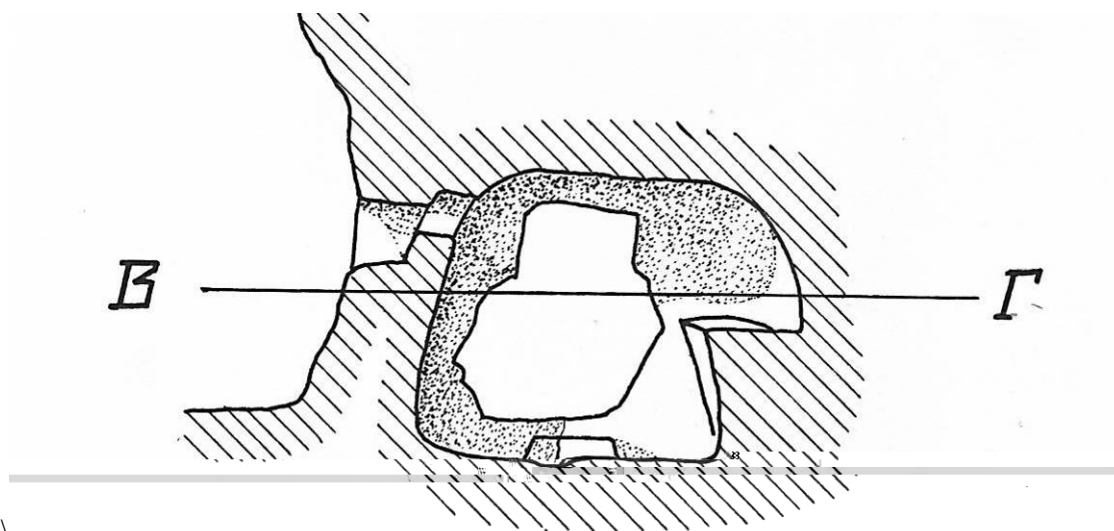

Рис. 1. Разрезы южного компартимента «пещерного храма у городских ворот» по материалам ЭКЭ [2, л. 22]

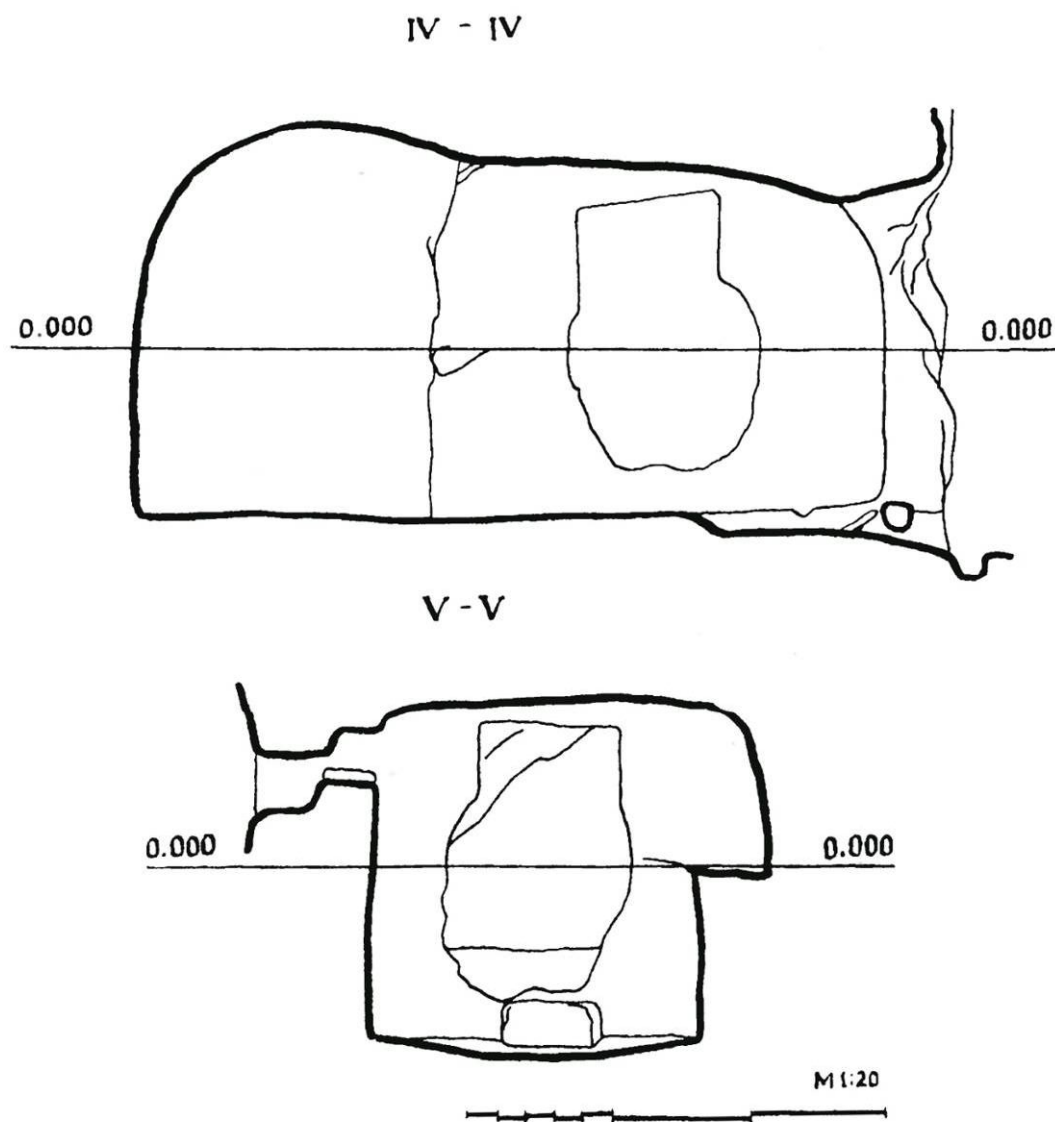

Рис. 2. Разрезы южного компартимента «пещерного храма у городских ворот» по Ю.М. Могаричеву [11, с. 236]

Рис. 3. Дверной проём южного компартиента «пещерного храма у городских ворот». Вид из наоса храма

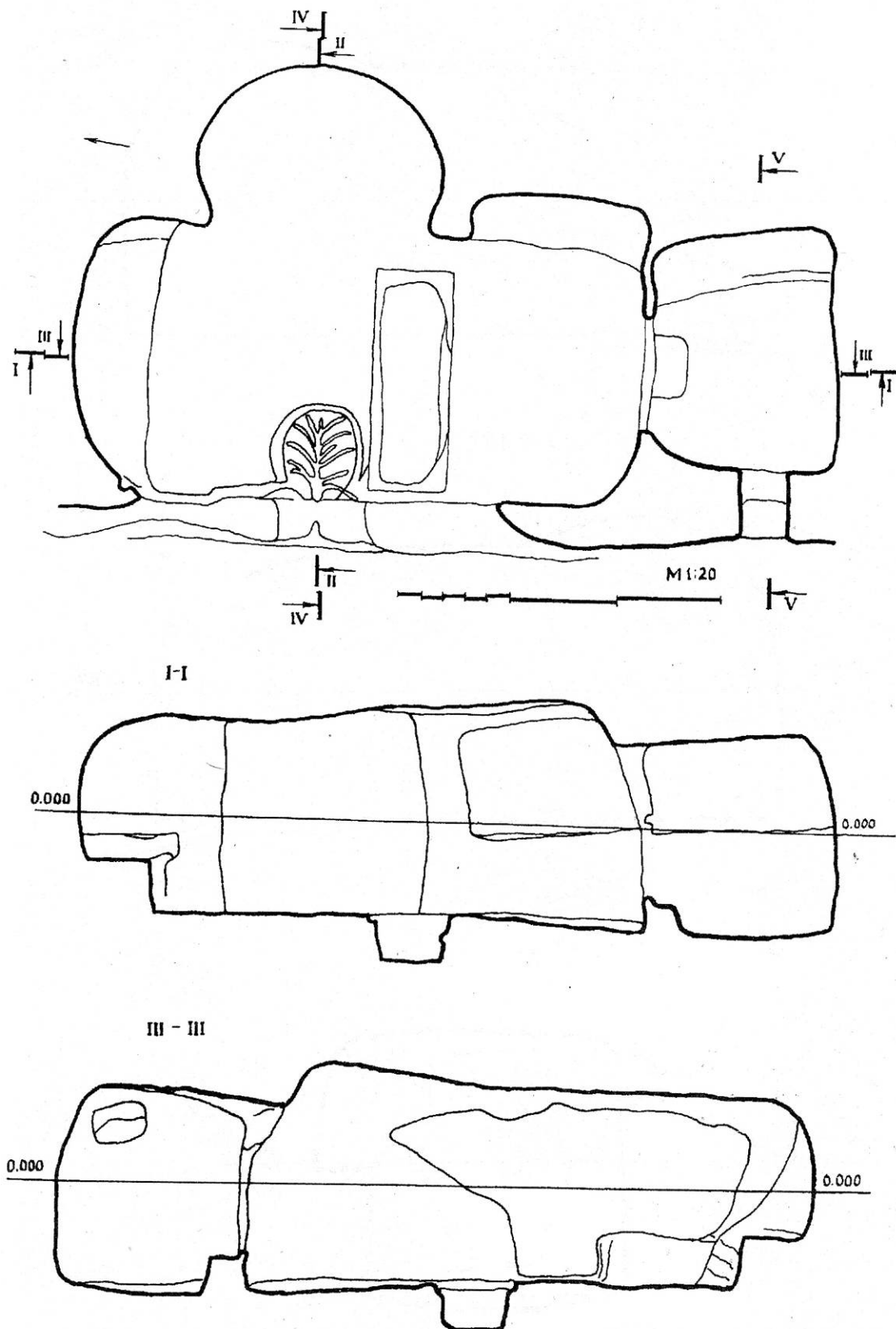

Рис. 4. План и разрезы «пещерного храма у городских ворот» по Ю.М. Могаричеву [11, с. 235]

Рис. 5. Окно южного компартимента «пещеры №89» по нумерации Севастопольского музея краеведения («пещерного храма у городских ворот»). Рис. Е.В. Веймарна [2, л. 81]

Рис. 6. Окно южного компартимента «пещерного храма у городских ворот». Вид изнутри. Форма оконной амбразуры существенно отличается от изображённой на рис. 4

Рис. 7. Окно южного компартимента «пещерного храма у городских ворот». Вид снаружи

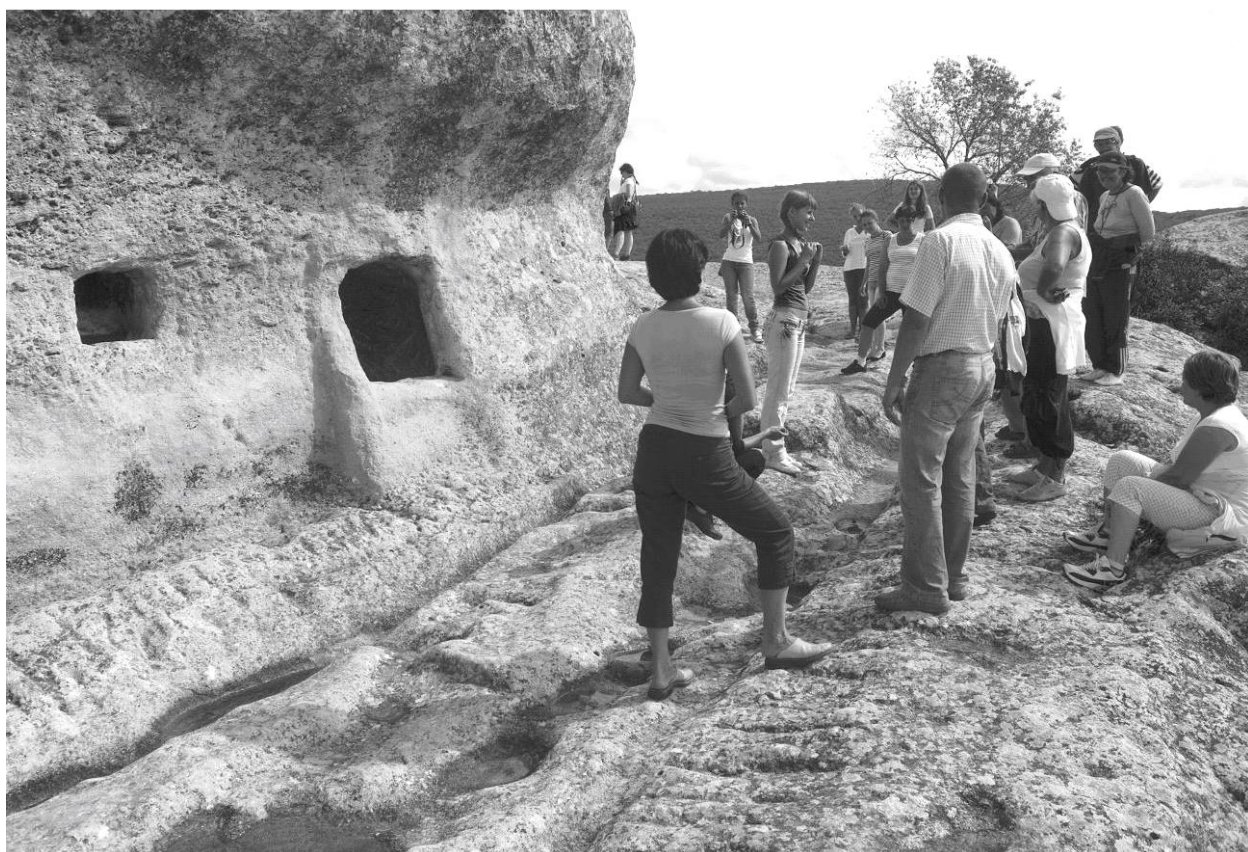

Рис. 8, 9. Сектор обзора из окна «пещерного храма у городских ворот»

Рис. 10. Абсида «пещерного храма у городских ворот»

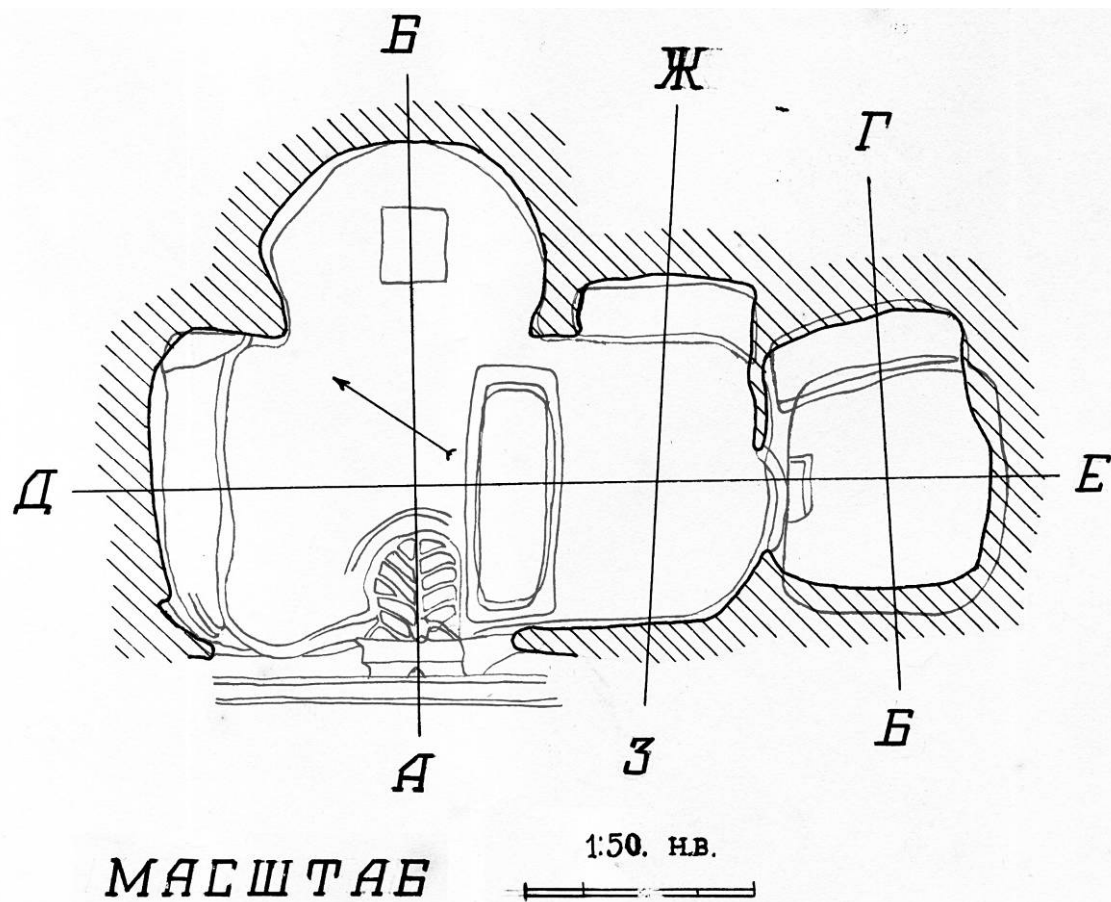

Рис. 11. План «пещерного храма у городских ворот» по материалам ЭКЭ [1, л. 22]

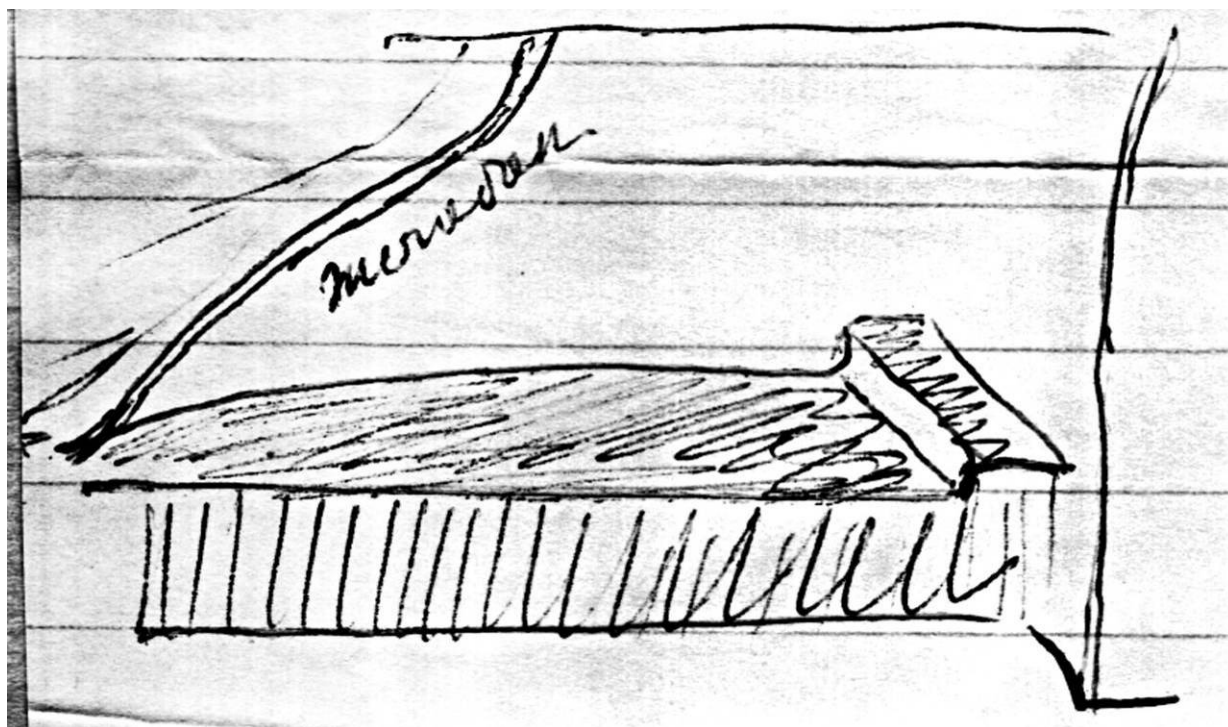

Рис. 12. Желобок над северной лежанкой «пещеры № 89» по нумерации Севастопольского музея краеведения («пещерного храма у городских ворот»).
Рис. Е.В.Веймарна [2, л. 81]

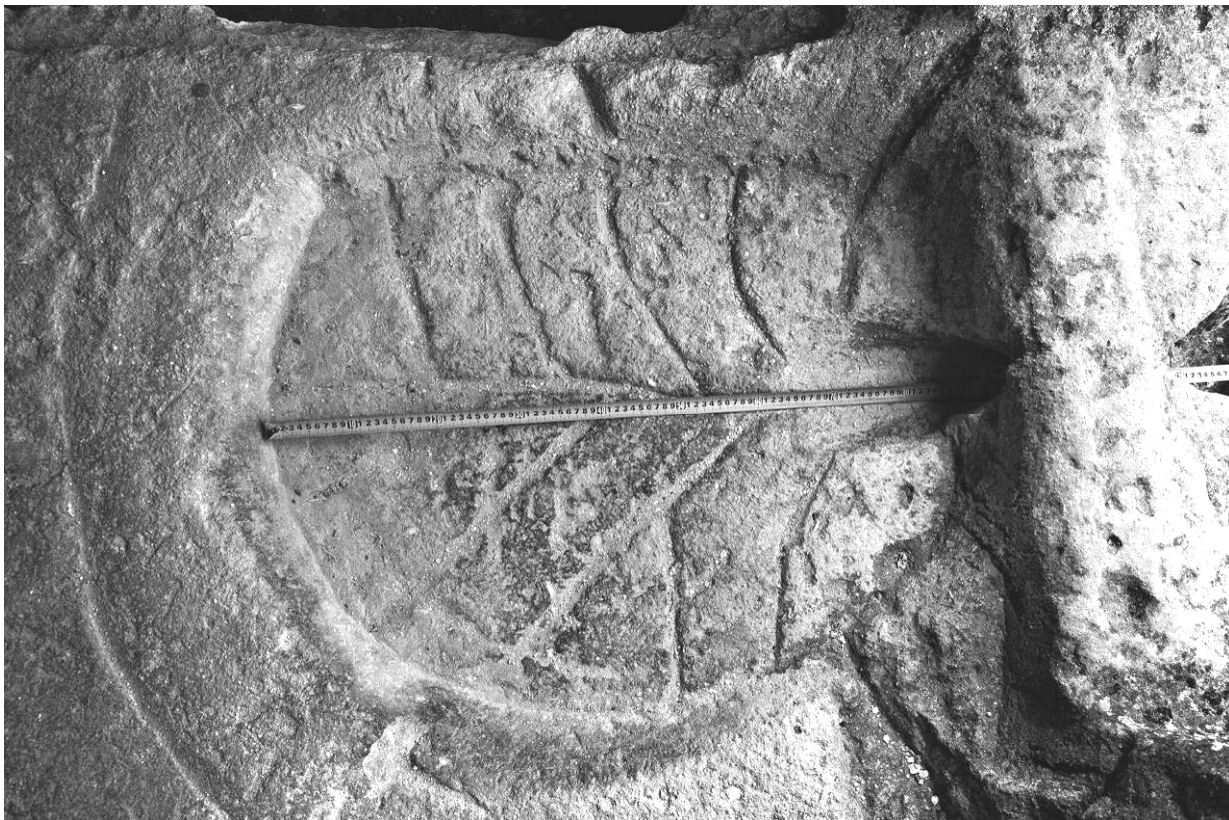

Рис. 13. Водосборник у порога «пещерного храма у городских ворот»

Рис. 14. Водоотводный желобок на северной стене «пещерного храма у городских ворот»

**Рис. 15. Водоносная трещина над северной «лежанкой»
«пещерного храма у городских ворот»**

3D РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОДЗЕМНОГО ХРАМА НА ГЛАВНОЙ УЛИЦЕ В ХЕРСОНЕСЕ СРЕДСТВАМИ GOOGLE SKETCHUP 8 PRO (С НАЗЕМНЫМ ХРАМОМ НАД НИМ И ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ПЛАНИРОВКОЙ)

КАРНАУШЕНКО Э.Н., КАРНАУШЕНКО А.Д.

Исследователи (г. Севастополь)

Памятник, носящий название Пещерный храм на главной улице располагается в III квартале Херсонеса, в северо-восточной его части.

Трудность в изучении данного объекта состоит в том, что кроме архитектурной формы, выветрившейся от времени, и остатков фундамента наземных построек, другой материал отсутствует. Несмотря на то, что памятник представляет собой немалый интерес, он слабо изучен.

Скажем кратко об истории исследования Подземного храма. Его первые раскопки были произведены Одесским обществом истории и древностей в 1883 и 1884 гг., причем, чертежи, сделанные при раскопках, достаточно схематичны, а описания слишком обобщены. В 1908 – 1910 гг. Р.Х. Лепером было произведено исследование данного объекта. В 1980-1984 г. Херсонесской экспедицией Института археологии АН СССР под руководством С.А. Беляева были произведены исследования, включающие расчистку храма, архитектурные обмеры, сделанные студентами-практикантами МАРХИ, а также дополнительные обмеры.

С момента обнаружения подземного храма он был воспринимаем не более чем погреб. Определение пещерного храма погребом сохранялось за ним в течение всего XIX и начала XX вв. Однако наличие апсиды в восточной части и повторяющая ее апсида в наземном строении, а также наличие в западной части вырубленных в скале ступенек, указывает на то, что перед нами – культовое христианское сооружение. Возможно, подземный храм вызывает аналогии с римскими катакомбами, где совершали богослужения первые христиане, и позволяет интерпретировать это помещение как храм первых христиан Херсонеса. Такое объяснение назначения храма довольно популярно и вошло во многие путеводители. Более правдоподобным выглядит объяснение функционального назначения памятника, данное К.Э. Гриневичем при издании им в третьем Херсонесском сборнике материалов раскопок III квартала Херсонеса, произведенных Р.Х. Лепером в 1910 – 1912 г. [3, с. 77-78]. Гриневич предполагает, что первоначально подземный храм представлял собой цистерну, которая впоследствии была сильно углублена и расширена. В мягкой скале была вырублена апсида и ниша для раки с мощами. С особым вниманием отнесся к памятнику А.Л. Якобсон в монографии «Раннесредневековый Херсонес» [4, с. 191-192]. Он предполагает, что это – мавзолей-мартирий ранне-средневекового времени, возможно, V в.

В пользу функционирования памятника в качестве храма не ранее V в. говорят выводы, сделанные С.В. Ушаковым и Е.В. Струковой при рассмотрении памятника в соотношении с расплощенным рядом винодельческим комплексом. В статье «Позднеантичный винодельческий комплекс в Северо-восточном районе Херсонеса Таврического (III квартал)» говорится: *«Так или иначе, трудно представить, что это значительное культовое сооружение могло существовать одновременно с производственными помещениями винодельни. Можно было бы предположить, что винодельческий комплекс, занимавший весь восточный угол третьего квартала, относился к позднеантичному времени, а в V веке, как предполагал первоначально автор раскопок М.И. Золотарев или, по крайней мере, в первой половине следующего, VI столетия, но не как не в VIII в. он прекратил свое функционирование»* [2]. С нашей точки зрения можно осторожно предположить начало функционирования Подземного храма с VI в., а наземной церкви – в период зрелого средневековья.

На основе имеющихся материалов мы представляем 3D реконструкцию Пещерного храма на главной улице с наземным храмом над ним и литургической планировкой. За основу построения наземного храма был взят Генплан северо-восточного района, III квартала, раско-

пок 1978 г. (по М.И. Золотареву). За основу 3D реконструкции Подземного храма были взяты иллюстрации к статье «Пещерный храм на главной улице Херсонеса», опубликованной С.А. Беляевым в сборнике «Византия и Русь» [1]. В данной статье выдвигаются обоснованные предположения, которые у нас не вызывают сомнений. Первое: что подземный храм был сделан на месте рыбозасолочной цистерны, второе: храм является памятником раннехристианской архитектуры, третье: наземная церковь была построена позднее, возможно, в поздневизантийский период.

Согласны мы и с выводом автора, который, в свою очередь, ссылается на мнение А.Л. Якобсона, что церковь существовала, прежде всего, как мавзолей-мартирий. Эта функция храма имеет ключевое значение и объясняет необычность постройки. Возможно, храм существовал, как пещера, где совершал свои подвиги священномученик Василий и где впоследствии были положены его мощи. Предполагаемый саркофаг с мощами, скорее всего, располагался в нише в юго-западном углу подземного храма. Сам храм делился на две части, западную с нишей для мощей и восточную с алтарной апсидой. В алтарной апсиде располагался престол, скорей всего, вход в алтарь перегородивала невысокая алтарная преграда. Очень убедительна реконструкция Беляевым лестницы, ведущей в храм, разделяющейся на два пролета, которую мы и постарались изобразить на своей реконструкции, и археологическое обоснование которой приводится в вышеупомянутой статье.

Также в статье предполагается наличие свода над подземным храмом, выстроенного из плинфы, чему автор находит материальное подтверждение при раскопках и обследовании храма во время экспедиций ИА АН СССР 1980, 1984 и 1986 гг. Не опровергая его заключения по поводу свода, мы выдвигаем предположения, что такой свод мог существовать до постройки верхнего храма. Ведь в статье Беляева говорится, что все, кто писал о подземном храме, согласны в одном: верхний храм возник значительно позже, скорее всего, в поздневизантийский период. Итак, свод, возможно, был до построения верхнего храма.

Но если сверху был воздвигнут новый храм, то естественно могло возникнуть желание объединить эти два пространства. Во-первых, по соображениям сакрального характера. Если внизу располагался храм-мартирий, как почитаемая в городе святыня, то верхний храм был построен ради него. Причем верхний храм намеренно должен был возвышаться над соседними строениями, указывая на священное место. Во-вторых, если сверху была крыша верхнего храма, то какая надобность была в перекрытии над нижним храмом? Наоборот, отсутствие перекрытия над нижним храмом позволяло проникать в нижний храм свету и свежему воздуху, льющемуся из окон верхнего храма. Причем окна в верхнем храме должны были максимально пропускать свет. Для этой же цели ограды в верхнем помещении, скорее всего, были сделаны в виде решеток. В-третьих, как это видно на объекте и как сказано в статье С.А. Беляева, вход в подземный храм был не с улицы, а из помещения верхнего храма.

Таким образом, при богослужении в нижнем храме люди могли находиться и наблюдать службу как внизу, так и сверху, подобно тому, как стоят люди на хорах. Некоторые аналогии для подземного храма мы можем найти в подземных помещениях Храма Гроба Господня, Храма Рождества Христова в Вифлееме, Храма Вознесения на Елеонской горе, Храма Семи отроков в Эфесе. Среди этих храмов наибольшее соответствие с подземным храмом на главной улице Херсонеса можно видеть в храме Вифлеема, где есть подземный обход (амбулаторий) и на первом этапе было «окно» вниз.

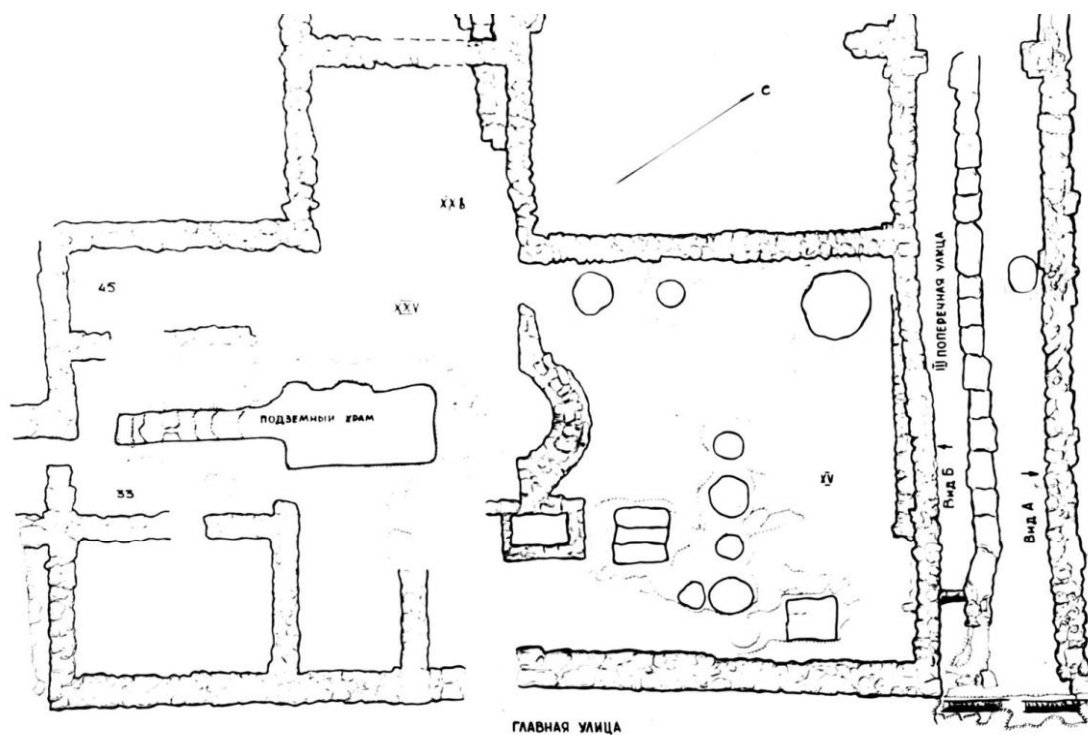
Итак, мы представляем модель храма на последнем этапе его существования без заметных внутренних противоречий. Модель не претендует на полное отображение действительности, но предполагает возможное устройство храмового комплекса с учетом литургического функционирования.

Источники и литература.

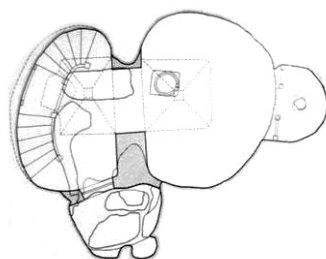
1. Беляев С. А. «Пещерный храм на главной улице Херсонеса» // сборник «Византия и Русь», Сост. Т.Б. Князевская. М.: Наука, 1989. С. 26-55.
2. Ушаков С.В., Струкова Е.В. Позднеантичный винодельческий комплекс в Северо-восточном районе Херсонеса (III квартал) // «Кондаковские чтения - II». Проблемы культурно-исторических эпох. Материалы II Международной научной конференции. Белгород: БГУ, 2008. С. 151-157.
3. Херсонесский сборник. Вып. III.
4. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА 63. М.;Л., 1959

Рис. 1. Подземный храм на главной улице. Современный вид

Генплан. Северо-восточный район. III квартал. Раскопки 1978 г.

Реконструкция пещерного храма. План. Из статьи С. А. Беляева «Пещерный храм на главной улице Херсонеса»

Рис. 2. Планы Подземного храма

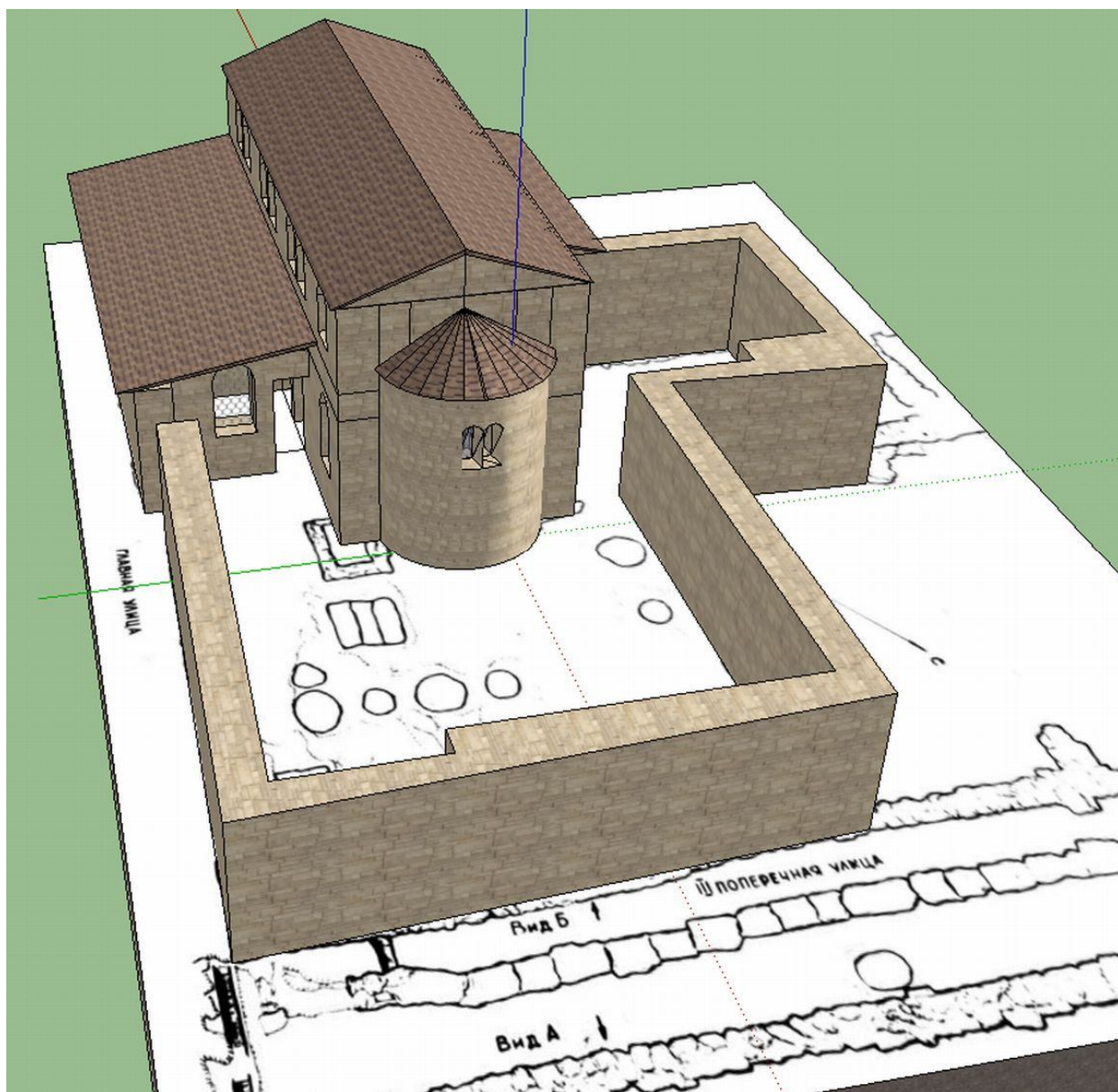

Рис. 3. Реконструкция наземного сооружения Подземного храма. Вид с юго-востока

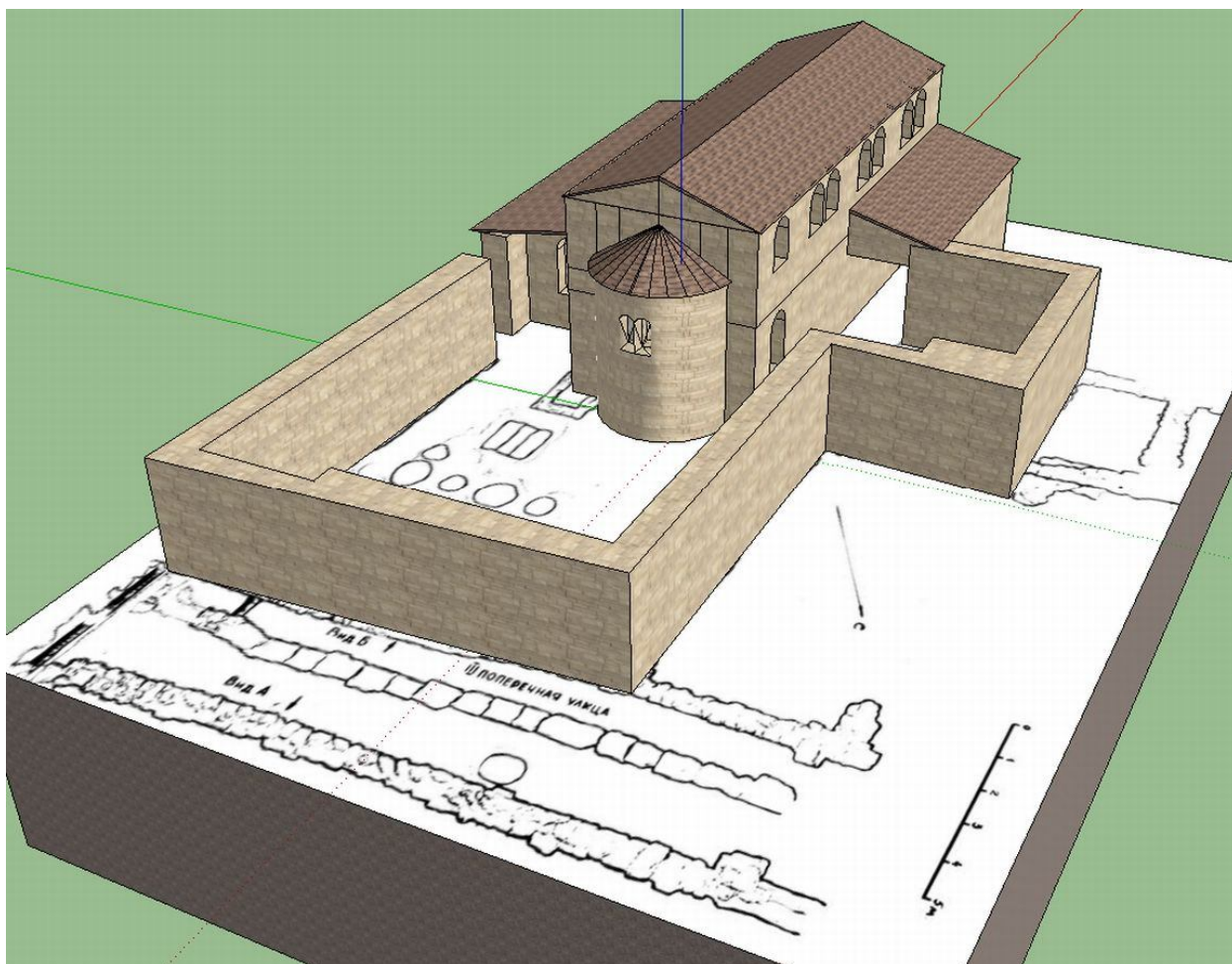

Рис. 4. Реконструкция наземного сооружения Подземного храма. Вид с северо-востока

Рис. 5. Интерьер верхнего храма. Вид от западных дверей

**Рис. 6. Интерьер Подземного храма.
Вид из конхи апсиды на лестницу, ведущую в нижний храм.**

СРЕДНЕВЕКОВАЯ СТРОИТЕЛЬНАЯ КЕРАМИКА ХЕРСОНЕССКОГО ГОРОДИЩА: ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

МОИСЕЕВ Д.А.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

Средневековая строительная керамика является одним из наиболее массовых видов археологических находок. Однако, на данный момент, в отличие от других групп материала, её изучение на Херсонесском городище далеко от той стадии, когда она превратится в надёжный хроноиндикатор¹. Ещё одной проблемой является отсутствие систематизации всех её технологических и морфологических видов. Единственным относительно изученным и типологизированным комплексом можно считать позднесредневековую строительную керамику [21, с. 34-96]. Херсонесские находки средневизантийского и ранневизантийского времени известны из ряда публикаций [21, с. 156-159; 22, с.13-33; 29, с. 25-28, 64-70, 93-108]. Однако общего (системного) впечатления о технологии и морфологии нет. Не существует также морфологического и технологического свода всего ассортимента средневековой строительной керамики. Кроме этого, существует проблема разграничения позднеримской и ранневизантийской черепицы, которые обычно представлены в рамках одного археологического комплекса (сказывается технологический «пограничный» характер материала этого времени).

С целью разрешения данных проблем, а также апробации на «живом» материале рабочей технологической типологии (разработана во время работы с фондовыми материалами НЗХТ), был обработан комплекс строительной керамики из средневековых слоёв Базилики Крузе, исследованных в 2011 г. Херсонесской экспедицией КФ ИА НАНУ, НЗХТ и Филиала МГУ в г. Севастополе под руководством кандидата исторических наук С.В. Ушакова.

Для создания «рабочей» технологической типологии средневековой строительной керамики Херсонеса была использована строительная керамика из раскопок²:

- С.Г. Рыжова в кварталах VIII, IX и X Херсонесского городища [22, с. 15-16, 18-19; 23, с. 9, 18; 24, с. 10, 14, 17, 21, 37; 25, с. 6-7];
- В.Е. Рудакова – храма на Баклинском городище;
- Е.А. Паршиной – производственного комплекса Ласпинской бухты [17, с. 67-69];
- С.Б. Сорочана в Цитадели Херсонесского городища [29, с. 16, 122-125];
- И.А. Антоновой в Цитадели Херсонесского городища [1, с. 243-247, 288-289];
- Т.Ю. Яшаевой – храма на м. Безымянный [31, с.481-493];
- Л.А. Рыжовой – гончарной печи на Радиогорке [26, с. 2-3, 6-7];
- Г.Д. Белова – XVII и XVIII кварталов Херсонесского городища [2, с. 109-159; 3, с. 160-238].

Апробация рабочей типологии в полевых условиях произведена на материале из раскопок Базилики Крузе в 2011 г.

Автор выражает благодарность за возможность использования материала Л.А. Рыжовой, Т.Ю. Яшаевой, С.Г. Рыжову, С.В. Ушакову, С.Б. Сорочану.

Методология.

Строительная керамика была классифицирована, исходя из технологических принципов. Критериями классифицирования стали плотность, промученность глиняной фор-

¹ О расхождении в хронологии черепицы см. работы А.Л. Якобсона [34, с. 25, 28, 66-70, 94-107, 147-154], Е.А. Паршиной [16, с. 78], Т.А. Симоновой [32, с. 104], А.И. Романчук [22, с. 20-21, 24-25, 55-56, 65, 68-72, 74-75, 82, 86, 93], И.А. Завадской [6, с. 292-293].

² В работе не рассмотрены комплексы из раскопок Е.Ю. Клёниной и А.И. Романчук т.к. разрешения на использование в публикации материалов из их раскопок получено не было.

мовочной массы, состав визуально определяемых примесей в глиняном тесте, т.е. характер скола черепка. За основу типологии была взята технологическая классификация А.И. Романчук [21, с. 42-46].

В типологию вошли **группы** (критериями для их выделения являлись плотность, промученность глиняной формовочной массы, состав визуально определяемых примесей в глиняном тесте – т.е. общие сходные признаки) и **подгруппы (также могут называться в тексте вариантами)** (незначительные отличия уникальных комбинаций технологических особенностей между собой, при сохранении общих свойств технологической группы; к таким «особенностям» относятся комбинация, концентрация и характер примесей, ангоб и др.).

Группы и подгруппы в историческом плане представляют продукцию производственных комплексов. Группы – это продукция одного условного (объединённого географическим принципом) «производственного центра». В рамках этого центра сохранялись общие принципы и традиции изготовления строительной керамики. В этот условный «производственный центр» могло входить несколько мастерских. Они могли существовать в рамках одного или двух и более хронологических периодов. Т.е. группа – это условное объединение нескольких ремесленных центров по близким технологическим чертам производимой ими продукции. Подгруппы же представляют собой продукцию уникальных мастерских, которые существовали короткий промежуток времени.

Типология.

Первая группа (рис. 1, I). Тесто изделия красноглиняное плотное, прочное, хорошо промешанное с примесью извести, покрытое светлым ангобом. Группа относится полностью к позднесредневековому периоду¹. Выделяемые внутри неё подгруппы характеризуют отдельные более узкие хронологические этапы в жизни позднесредневекового Херсона. Аналогична I группе по А.И. Романчук [21, с.42-43], I группе Т.И. Симоновой [28, с. 107] и группе Херсонесского теста И.А. Завадской [6, с. 304] (табл. 1).

Вторая группа (рис. 1, I). Тесто изделия красноглиняное рыхлое, прочное, хорошо промешанное с примесью извести и шамота. Группа относится к средневизантийскому и позднесредневековому периодам. Аналогична II группе А.И. Романчук [21, с. 43], II группе Т.И. Симоновой [28, с. 107], II группе по В.Е. Науменко [9, с. 325], II группе по Д.А. Моисееву [7, с. 177] и III, IV группам по И.А. Завадской [6, с. 301-304].

Третья группа (рис. 1, I). Тесто изделия красноглиняное плотное, прочное, хорошо промешанное с примесью известняка, шамота, толченой гальки, железистых частиц. Группа относится к средневизантийскому и позднесредневековому периодам. Аналогична III группе А.И. Романчук [21, с. 43], III группе Т.И. Симоновой [28, с. 108], I группе по В.Е. Науменко [9, с. 325], I группе по Д.А. Моисееву [7, с. 177] и I, II группам по И.А. Завадской [6, с. 295-301] (табл. 1).

Четвёртая группа. (рис. 1, I) Тесто изделия оранжево- или светлоглиняное, хрупкое, рыхлое, плохо промешанное с примесью известняка, шамота. Группа относится к ранне-византийскому периоду. Аналогична III группе раннесредневековой черепицы по А.И. Романчук [21, с.21-22].

Пятая группа (рис. 1, I). Тесто изделия красноглиняное плотное, хорошо промешанное с примесью большого количества извести, песка. Относится к раннесредневековому периоду. Была выделена впервые при обработке комплекса строительной керамики из средневековых слоёв Базилики Крузе. Аналогий автору не известно.

¹ Полагаем, что в контексте херсонесской археологии более уместен термин не «позднесредневековый», к сожалению, используемый в ряде публикаций, а «поздневизантийский», т.к. именно об этом периоде (1204-1453 гг.) идет речь. История и археология позднего Херсонеса не выходит за верхнюю временную границу данного периода. В период позднего средневековья, традиционно отождествляемого в отечественной историографии с ранним новым временем (XVI – пер. пол. XVII вв.), Херсонес как поселение не существовал и пребывал в руинах. Соответственно, ни строительной активности, ни керамического производства на его территории в этот период не было (прим. ред.).

Шестая группа (рис. 1, I). Тесто изделия светлоглиняное хрупкое, рыхлое, плохо промешанное с примесью известняка, шамота, дресвы, кварцевого песка (большое содержание), железистых частиц. Группа относится к позднесредневековому периоду. Возможно, является импортной. Аналогична IV группе Т.И. Симоновой [28, с. 108].

Седьмая группа (рис. 1, I). Тесто изделия красноглиняное прочное, рыхлое, плохо промешанное с примесью известняка, шамота, покрытого светлым ангобом. Группа относится к средневизантийскому периоду. Аналогична III группе по В.Е. Науменко [9, с. 325], III группе по Д.А. Моисееву [7, с. 177].

Восьмая группа (рис. 1, I). Тесто изделия красно-, оранжево- либо светлоглиняное рыхлое, прочное, хорошо промешанное с примесью извести, шамота, толченой гальки (включения чёрного цвета), железистых частиц, песка. Группа относится к ранневизантийскому и позднесредневековому периодам. Возможно, является импортной. Была выделена впервые при создании рабочей технологической типологии. Аналогий автору не известно.

Хронология.

Всего выделено три периода бытования строительной керамики Херсонеса в средневековье: ранневизантийский период (IV-VI вв.), средневизантийский период (IX-X вв.) и поздневизантийский период (XII-XIII вв.). Уточним, что это лишь первая попытка связать все известные технологические группы в одну типологию и разграничить их хронологически. Вероятно, строительная керамика может стать и более точным хроноиндикатором – разработка хронологии подгрупп позволит решить эту проблему.

Раннее средневековье.

Раннесредневековый материал изучен на основе анализа структуры ассортимента строительной керамики из раскопок Базилики Крузе 2011 г. (а именно из засыпи цистерны). Кроме этого раннесредневековый материал был обнаружен в фондовых материалах из раскопок С.Г. Рыжова и И.А. Антоновой. У последних он происходит из позднесредневековых комплексов и является вторично использованным.

Четвёртая группа (рис. 1, I). Внутри группы подгрупп выделить не удалось. Единственные зафиксированные различия внутри материала – цветовые. Это может быть объяснено различными температурами обжига, колебавшимися вследствие ремесленного характера труда мастеров. Также это говорит о том, что группа представлена одной уникальной мастерской (в отличие от других). Известна из комплекса засыпи цистерны в центральном нефе Базилики Крузе (процентное соотношение с другими группами комплекса представлено на графике), а также других раннесредневековых слоёв участка. Встречается в фондовых коллекциях в качестве вторично использованного материала: из вымостки полов помещения 5 и 6 Цитадели Херсонеса (И.А. Антонова) [1, с. 243-247, 288-289] и из раскопок X квартала Херсонеса (С.Г. Рыжов) [22, с. 15-16, 18-19; 23, с. 9, 18; 24, с. 10, 14, 17, 21, 37; 25, с. 6-7].

Пятая группа. Внутри группы подгрупп выделить не удалось. Это говорит о том, что группа представлена уникальной мастерской (в отличие от других). Выделена на материале из засыпи Цистерны из Центрального нефа Базилики Крузе (раскопки 2011 г.).

Восьмая группа (рис. 1, I) относится к ранневизантийскому и позднесредневековому периодам. До обработки комплекса из засыпи Цистерны, по фондовой рабочей типологии, группы встречались только в позднесредневековых слоях. Их выделение в раннесредневековом слое требует корректировки предварительной атрибуции. Присутствие в раннесредневековой засыпи этой группы нельзя объяснить случайной примесью позднего материала (не единичность и систематичность таких находок говорит об этом) (рис. 1, II). С другой стороны, маловероятно, чтобы черепица использовалась в строительных целях почти целое тысячелетие, и при этом группа продолжала бы составлять существенную часть комплекса. Так, в поздних комплексах, античная (к примеру, римская) строительная

керамика не представляет какого бы то ни было процента археологически целых форм, в отличие от рассматриваемых групп. Кроме этого VIII группа изготовлена «лицевым» способом [7, с. 183-184]. Такой вид производства характерен для материальной культуры Херсонесского городища в античное время и, с наступлением средневековой эпохи, вытесняется «тыльным» [21, с. 22-21]. К примеру, группы IV и V уже производятся именно так, сохраняя при этом некоторые особенности «лицевого» способа (такие как оформление нижних углов подпилами, а не коленчатыми изгибами). Отметим, что А.И. Романчук группу не выделяла.

Перед тем как перейти к описанию строительной керамики следующего периода, сделаем ещё несколько замечаний о технологических особенностях раннесредневекового комплекса.

Как говорилось выше, существует проблема разделения технологически близкой позднеантичной и раннесредневековой строительной керамики. Подавляющее большинство комплекса (рис. 1, III) составляют группы теста, обыкновенно связываемые с эллинистическим и римским временем. Наиболее крупными группами являются виды теста с большой примесью пироксена и так называемое «римское» тесто. Суть проблемы заключается в том, что черепица, технологически близкая к «пироксенному» и «римскому» тесту, известна из раннесредневековых и средневизантийских комплексов, расположенных, правда, не на территории Херсонесского городища.

Черепица из раскопок укрепления А-ХІХ представлена группами, изготовленными с применением пироксена в качестве примеси и близкой к т.н. «римскому тесту». Представляла собой технологически однородный завал кровли. Допустить, что при её сооружении использовался вторичный материал практически невозможно – вероятно, перед нами технологический ассортимент строительной керамики Мангупского городища раннесредневекового времени [4, с. 421-422; 5, с. 322-325, 328-330]. Таким образом, эти группы и в Херсонесе могут относиться к раннему средневековью. Кроме этого, имеются археологические свидетельства, что черепица, изготовленная из теста, близкого т.н. «римскому», производилась и в средневизантийский период. Имеется в виду строительная керамика из раскопок гончарной печи VIII – X вв. в районе Радиогорки [18, с. 69-70; 26, с. 2-3 18-19]. Эта черепица также не может быть вторично использованной: способ её производства уже тыльный, что исключает её античное происхождение [7, с. 183-184].

Таким образом, в комплексе строительной керамики, обыкновенно определяемой античным временем, существует группа материала раннесредневекового времени. Поиск путей его выделения необходимо решить в будущем.

Средневизантийский период.

Ассортимент строительной керамики этого периода на территории Херсонесского городища изучен недостаточно хорошо. По большей части судить о составе комплекса черепицы в это время мы можем, благодаря корреляции данных с синхронными комплексами из раскопок на других городищах и селищах Юго-Западного Крыма.

Средневизантийских слоёв в этом полевым сезоне на Базилике Крузе открыто не было. Находки групп этого времени были встречены в качестве вторичного материала в поздних слоях.

Материал периода известен из раскопок С.Б. Сорочана в Цитадели Херсонесского городища [29, с. 16, 122-125]. Более средневизантийской строительной керамики с территории городища в фондах НЗХТ найти не удалось. Из памятников, находящихся вне городища, отметим: храм на м. Безымянный (Т.Ю. Яшаева) [31, с. 483], поселение на г. Гасфорта (О.Я. Савеля) [26, с. 3-13], производственный комплекс в Ласпинской бухте – г. Ильяз-Кая – (Е.А. Паршина) [17, с. 67-69], базилика на Баклинском городище (В.Е. Рудаков).

Вторая группа (рис. 1, I). Комплексов этого времени с группой на территории городища неизвестно. Подгруппы средневизантийского периода выделяются в качестве примеси в позднеантичных слоях. За границей Херсонеса группа достаточно хорошо распространена, что находит своё отражение в фондовых коллекциях НЗХТ. Место произ-

водства локализовать пока невозможно. Средневизантийские варианты группы известны на поселении на г. Гасфорта [26, с. 7, 9-10], поселения у производственного комплекса на г. Ильяз-Кая [17, с. 67-69].

Третья группа (рис. 1, I). На территории Херсонеса варианты группы встречаются достаточно редко (С.Б. Сорочана раскопки 2003 г.¹) [31, с. 16, 122-125]. Однако в фондах НЗХТ хранятся находки из раскопок ремесленного комплекса на г. Ильяз-Кая, где локализовано производство двух подгрупп **III группы**. Это и тот факт, что группа превалирует в средневизантийских слоях Мангупского городища [7, с. 177-179], даёт нам возможность отнести её производственный центр к горным районам Юго-Западного Крыма. Группа также встречена при раскопках храма на м. Безымянный (Т.Ю. Яшаева) [31, с. 483], базилики на Баклинском городище (В.Е. Рудаков), поселения на г. Гасфорта (О.Я. Савеля) [26, с. 7, 9-10]. Все эти памятники относятся к рассматриваемому периоду.

Седьмая группа (рис. 1, I). Бытует только в средневизантийское время. Хотя процент найденных фрагментов из раскопок Базилики Крузе небольшой, а в фондах она вообще не обнаружена, мы можем с уверенностью относить её к данному периоду. Она известна на синхронных памятниках горной части Юго-Западного Крыма. Кроме этого, локализовано место производства данной строительной керамики. Однако археологических раскопок на месте ремесленного центра (балка ручья Суаткан) не было произведено, и уточнить дату бытования этой группы черепицы мы не можем [19, с. 180].

Позднее средневековье.

Комплекс этого времени изучен лучше всего (рис. 1, IV) [21, с. 34-96, 163-167]. В его состав входят пять групп, притом только одна из них бытует лишь в это время. Это первая группа.

Первая группа (рис. 1, I). Всего известно 6 вариаций группы. Наиболее многочисленной является Подгруппа Б (рис. 12). Остальные пять подгрупп относительно малочисленны. Это может говорить о внутригрупповом хронологическом разделении и о том, что Подгруппа Б – наиболее поздняя. Центр производства группы неизвестен. Но существует предположение, что он является херсонесским и гибнет вместе с городищем. В феодоритских слоях Мангупского городища (XV в.) группа не встречается [8, с. 231; 10, с. 4-15; 11, с. 3-9; 12, с. 7-10; 13, с. 4-5, 13-14; 14, с. 6-7; 15, с. 8-10, 13], а в синхронных позднесредневековых слоях разрушения Эски-Кермена она присутствует как незначительная «примесь» [6, с. 304]. Автор публикации строительной керамики позднесредневекового Эски-Кермена, И.А. Завадская, также предполагает херсонесский вариант происхождения группы. [6, с. 304]. Как говорилось выше, группа является наиболее распространённой в позднесредневековых комплексах Херсонесского городища. Такие же результаты продемонстрировал позднесредневековый слой из раскопок 2011 г. Базилики Крузе. В фонды попали изделия из этого теста из раскопок С.Г. Рыжова в VIII-X кварталах [22, с. 15-16, 18-19; 23, с. 9, 18; 24, с. 10, 14, 17, 21, 37; 25, с. 6-7] и Г.Д. Белова в XVII и XVIII кварталах Херсонесского городища [2, с. 134; 3, с. 207, 209, 211, 217, 219, 221].

Вторая группа (рис. 1, I). Хотя известны и средневизантийские варианты группы, но подавляющее их число всё-таки принадлежит позднему средневековью. Центр изготовления неизвестен. Но, вероятнее всего, он находился в горной части Юго-Западного Крыма, т.к. данная группа хорошо известна в позднесредневековых слоях Эски-Кермена [6, с. 301-304]. Кроме этого, она не исчезает с гибелью Херсонеса – группа присутствует и в слоях XV в. Мангупского городища [10, с. 4-15; 11, с. 3-9; 12, с. 7-10; 13, с. 4-5, 13-14; 14, с. 6-7; 15, с. 8-10, 13]. Центр, производивший строительную керамику этой группы в средневизантийское время, вероятно, находился там же – в горной части Юго-Западного Крыма. Группа менее распространена, нежели первая. Изделия позднесредневековых подгрупп из фондов НЗХТ происходят из раскопок С.Г. Рыжова в VIII-X кварталах [26, с. 3-7], И.А. Антоновой

¹ Черепица из раскопок С.Б. Сорочана является вторично использованной и происходит из позднесредневекового слоя [31, с. 16].

помещений 5 и 6 Цитадели [1, с. 243-247, 288-289] и Г.Д. Белова в XV, XVII, XVIII кварталах Херсонесского городища [2, с. 134; 3, с. 207, 209, 211, 217, 219, 221].

Третья группа (рис. 1, I). Группа представлена в поздневизантийских слоях Херсонеса намного более выразительно, нежели в средневизантийских. Место производства также следует искать в горной части Юго-Западного Крыма – по сравнению со средневизантийским временем оно вряд ли сильно изменилось. В позднесредневековых слоях Эски-Кермена и Мангупа доля находок такого типа немного выше, нежели в Херсонесе [8, с. 231; 6, с. 295-301]. Кроме этого, как и вторая группа, она продолжает производиться и после гибели Херсонеса (является массовым материалом слоёв эпохи княжества Феодоро на Мангупском городище)¹. Менее распространена нежели первая и вторая. Позднесредневековые находки из фондов НЗХТ происходят из раскопок И.А. Антоновой помещений 5 и 6 Цитадели [1, с. 243-247, 288-289] и Г.Д. Белова в XVII и XVIII кварталах Херсонесского городища [2, с. 134; 3, с. 207, 209, 211, 217, 219, 221].

Шестая и восьмая группы (рис. 1). О VIII группе шла речь при описании ранне-средневекового комплекса. В позднесредневековое время VI группу нельзя рассматривать отдельно от VIII (морфологическая близость находок). Вероятно, перед нами импортная строительная керамика. На это указывает её способ производства (лицевой). Кроме раскопок Базилики Крузе группа известна в материалах из раскопок С.Г. Рыжова в VIII-X кварталах [22, с. 15-16, 18-19; 23, с. 9, 18; 24, с. 10, 14, 17, 21, 37; 25, с. 6-7], И.А. Антоновой помещений 5 и 6 Цитадели [1, с. 243-247, 288-289].

В ходе исследования были выделены группы, которые представляют продукцию условных ремесленных производственных центров и определена их общая хронология. Всего на протяжении средневековья Херсонес использовал продукцию не менее восьми таких центров. Особую сложность представляет тот факт, что некоторые комплексы существовали достаточно долго и их продукция известна, к примеру, как в средневизантийский период, так и в позднесредневековый. Это, в свою очередь, подталкивает к выделению в группах их вариантов – подгрупп, которые уже относятся непосредственно к одной локальной мастерской и производят продукцию только в рамках одного периода. Также, в ходе исследования впервые была выделена новая раннесредневековая группа (V-я), а также подтверждено бытование в это время IV-й группы. Учитывая недостаточную изученность раннесредневековой черепицы Херсонеса, в ходе данного исследования мы получили достаточно интересные результаты. Также, была обозначена проблема импорта строительной керамики в Херсонес в раннее и позднее средневековье, разрешение которой дело будущих исследований.

Источники и литература.

1. Антонова И.А. Раскопки Северного фланга обороны средневекового порта: Отчёт объединённой экспедиции Херсонесского государственного музея, Уральского государственного университета, Харьковско-го государственного университета в 1964 году // НА НЗХТ. Д. № 1060. 218-293 л.
2. Белов Г.Д., Якобсон А. Л. Квартал XVII (раскопки 1940 г.). // МИА. 1953. № 34. с. 109-159.
3. Белов Г.Д., Стрелецкий с.Ф. Якобсон А. Л. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.). // МИА. 1953. № 34. с. 160-238.
4. Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп) // МАИЭТ. Симферополь. 2006. Вып. XII. Ч. 2. с. 371-494.
5. Герцен А.Г. Манаев А.Ю. Демир-Капу в системе оборонительных сооружений Мангупа // МАИЭТ. Симферополь. 2005. Вып. XI. с. 314-345.
6. Завадская И.А. Серии с ремесленными знаками из Эски-Кермена (по материалам раскопок 2003-2005 гг.). // МАИЭТ. Симферополь. Вып. 14. 2008. с. 291-315.
7. Моисеев Д.А. Археологический комплекс строительной керамики IX-X вв. из раскопок поселения в Лагерной Балке (Мангуп). // Древности. Харьков. 2011. с. 172-190.
8. Мыц В. Л. Загородный храм и некрополь Мангупа // Античная древность и средние века. Свердловск. 1984. Вып. 21: Античная и средневековая идеология. с. 57-66.
9. Науменко В.Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь. 1997. Вып. 1. с. 324-340.

¹ См. публикации И.А. Завадской черепицы Эски-Керамена [6], В.Л. Мыцом Крестообразного храма Мангупа [8] и отчёты Мангупской археологической экспедиции об исследовании Цитадели городища [10; 11; 12; 13; 14; 15].

10. Отчёт об археологических исследованиях Мангупского городища 1995 г. // Архив археологического музея ТНУ им. В.И. Вернадского. 169 л.
11. Отчёт об археологических исследованиях Мангупского городища 1998 г. // Архив археологического музея ТНУ им. В.И. Вернадского. 195 л.
12. Отчёт об археологических исследованиях Мангупского городища 1999 г. // Архив археологического музея ТНУ им. В.И. Вернадского. 182 л.
13. Отчёт об археологических исследованиях Мангупского городища 2001 г. // Архив археологического музея ТНУ им. В.И. Вернадского (архивное дело). 389 л.
14. Отчёт об археологических исследованиях Мангупского городища 2002 г. // Архив археологического музея ТНУ им. В.И. Вернадского (архивное дело). 583 л.
15. Отчёт об археологических исследованиях Мангупского городища 2003 г. // Архив археологического музея ТНУ им. В.И. Вернадского (архивное дело). 755 л.
16. Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики. // Феодальная Таврика. Киев. 1974. с. 56-94.
17. Паршина Е.А. Савеля О.Я. Отчёт севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1991 г. // НА НЗХТ. Д. № 3068. 268 л.
18. Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко с.М. Гончарные центры Таврики VIII-X вв. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ. 2001. с. 52-81.
19. Шрег Р. К вопросу изучения освоения округа Мангупа и Эски-Кермена в эпоху Великого переселения народов и средние века с точки зрения археологии поселения и окружающей среды // МАИЭТ. Симферополь. Вып. 15. 2009. с. 174-195.
20. Романчук А.И. Раннесредневековая строительная керамика Херсонеса // ВВ. 1976. Том 37. с. 156-159
21. Романчук А.И. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург. 2004. 169 с.
22. Рыжов с. Г. отчёт о раскопках IX квартала в северном районе Херсонеса в 1982 г. // НА НЗХТ. Д. № 2346. 47 л.
23. Рыжов с. Г. отчёт о раскопках X квартала в северном районе Херсонеса в 1996. // НА НЗХТ. Д. № 3299. 69 л.
24. Рыжов с. Г. отчёт о раскопках IX квартала в северном районе Херсонеса в 2000 г. // НА НЗХТ. Д. № 3484. 73 л.
25. Рыжов с. Г. отчёт о раскопках в IX квартале северном районе Херсонеса в 2001 г. // НА НЗХТ. Д. № 3526. 28 л.
26. Рыжова Л.А. Отчёт об охранных раскопках гончарной печи на Радиогорке (Северная сторона, г. Севастополь) в 1974 г. // НА НЗХТ. Д. № 2286. 10 л.
27. Савеля О.Я. Отчёт о полевых исследованиях Севастопольской охранно-новостроечной археологической экспедиции Херсонесского госзаповедника в зонах новостроек г. Севастополя в 1982 г. // НА НЗХТ. Д. № 2324. 45 л.
28. Симонова Т.И. Метки на черепице кровли дома XIII – XIV вв. // АДСВ. Античные традиции и византийские реалии. Свердловск. 1980. с. 104-120.
29. Сорочан с.Б., Крутова, Т.Н. Отчёт о консервационно-археологических работах на территории «Цитадели» Херсонеса в 2003 г // НА НЗХТ. Д. № 3626. 28 л.
30. Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л. 1979. 164 с.
31. Яшаева Т.Ю. Хазаро-булгарский храм в предместье Херсона. // Ethnic contacts and cultural exchanges north and west of the Black sea from the Greek colonization to the ottoman conquest. Iași. 2005. С. 481-493.

Сокращения.

- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА – Материалы по истории и археологии СССР
НА НЗХТ – Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический»

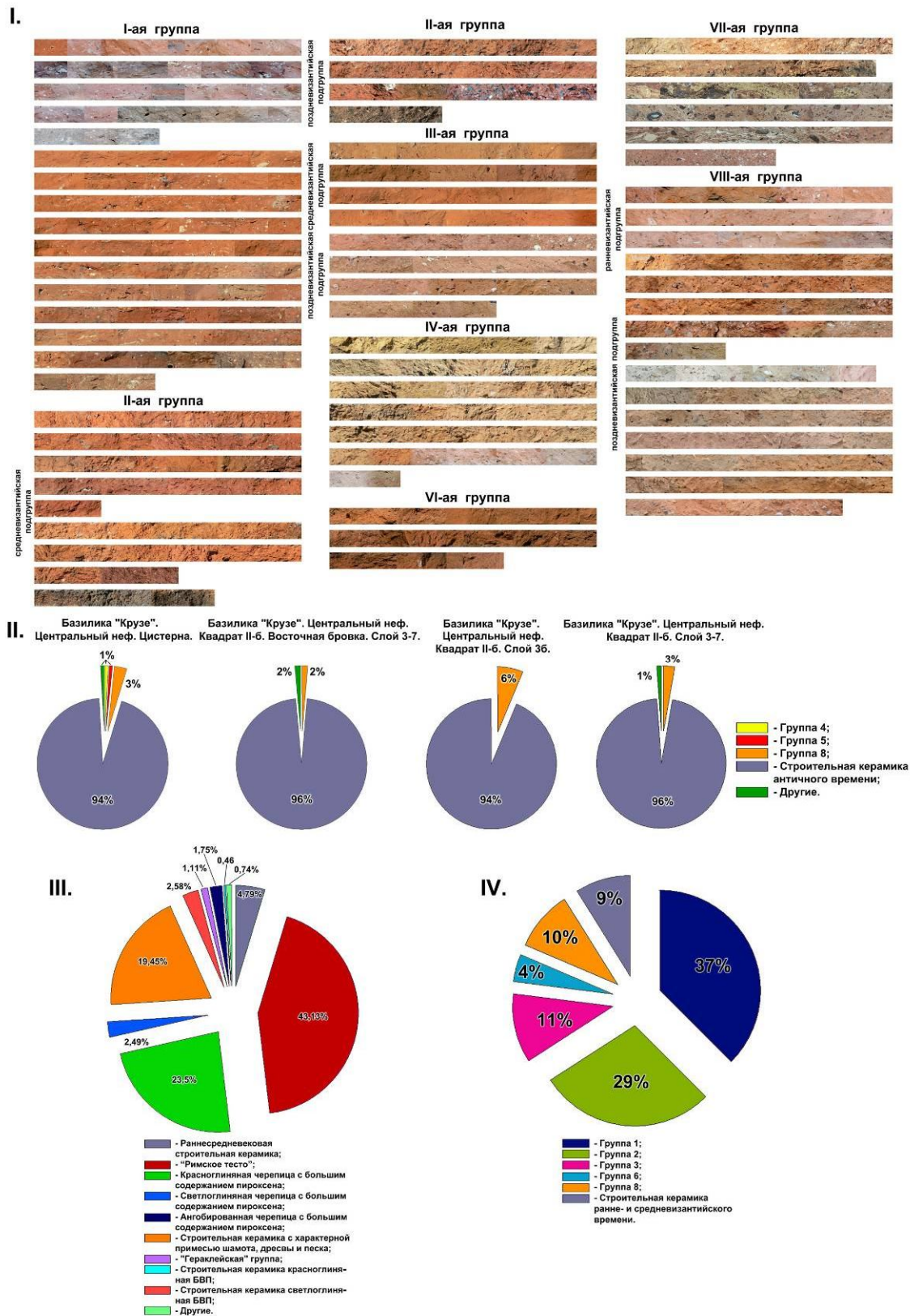

Рис. 1.

- I. Группы теста строительной керамики Херсонесского городища: сколы.
- II. VIII группа в раннесредневековых комплексах из раскопок Базилики «Крузе» в 2011 г.
- III. Структура «античной» части комплекса засыпи цистерны в центральном нефе Базилики «Крузе».
- IV. Структура поздневизантийского комплекса строительной керамики (по поздним слоям из раскопок Базилики «Крузе» в 2011 г.)

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ПРИБРЕЖНЫЕ УЧАСТКИ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ СТЕНЫ ХЕРСОНЕСА КАК ИСТОЧНИК ПО СЕЙСМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ (ПО ДАННЫМ РАСКОПОК И.А. АНТОНОВОЙ 1964-1967 ГГ.)¹

ХАПАЕВ В.В.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Одной из наиболее остро обсуждаемых в историографии проблем истории средневекового Херсона на сегодняшний день является вопрос о причинах и датировке его разрушения в X или XI вв. Несмотря на то, что эта дискуссия ведется уже более полувека, ее накал не ослабевает.

Приведу лишь два новейших примера. В 2009 г. сейсмолог, д.ф.м.н. А.А. Никонов опубликовал статью «Следы разрушительных землетрясений в Херсонесе и окрестностях в римское время и в раннем средневековье» [10], изначально (до 2000 г.) создававшуюся в соавторстве с И.А. Антоновой, но законченную исследователем самостоятельно со значительным [10, с. 14] (в 5) раз увеличением текстового объема. В указанной статье А.А. Никонов, в частности, стремится доказать, что Херсон был разрушен в середине XI в. в результате 9-бального землетрясения с эпицентром, располагавшимся в Черном море к западу от Гераклеийского полуострова [10, с. 33 и сл.]. Предложена даже точная датировка этого события – 10 июня 1041 г. (на основании весьма смелой трактовки византийских письменных источников) [10, с. 31-32]².

Среди аргументов в пользу своей гипотезы А.А. Никонов приводит и результаты раскопок Юго-Восточного приморского участка оборонительной стены Херсонеса, которые велись под руководством И.А. Антоновой в составе Объединенной экспедиции в 1964 и 1965 гг., а затем самостоятельно в 1966 г. [2; 3; 4]. Автор, в частности, отмечает: *«Показателен характер и масштаб разрушений, в первую очередь, капитальных сооружений. Представляется примечательной, хотя на первый взгляд и малопонятной, история возведения городских стен на западном берегу Карантинной бухты [Антонова, 1976, 1996]³. В X-XI вв. вся линия обороны переносится с запада на восток, следуя вдоль новых очертаний береговой линии бухты (т. е. вслед за отступившим морем). Но вскоре, «не позднее конца XI — начала XII вв. вся вновь выстроенная приморская линия перестраивается от нижних рядов лицевой кладки предшествующего строительства» [Антонова, 1976. С. 5]⁴. Быстрое относительное понижение уровня моря (воздымание суши) на этом участке должно было иметь серьезные и экстраординарные геологические причины. Не связано ли это с подготовкой сильного близкого землетрясения, как это нередко бывает и хорошо известно сейсмогеологам? И вполне возможно именно с ним связывать перестройку от основания (!) большого участка оборонительной линии, всего за несколько десятилетий до того возведенной. Заметим, что как раз восточный меридиональный участок стены, к тому же возведенной на рыхлых водонасыщенных*

¹ Посвящаю эту статью памяти выдающегося исследователя Херсонеса **Инны Анатольевны Антоновой**, внесшей огромный вклад в мое (и не только мое) профессиональное становление. Материалы археологических отчетов, анализируемых в настоящей статье, мне, тогда еще студенту исторического факультета, И.А. Антонова показывала и комментировала в 1989-1991 гг., когда я только начинал изучение сейсмической истории Крыма. Выражаю благодарность многолетнему генеральному директору Национального заповедника «Херсонес Таврический» Л.В. Марченко за разрешение повторно ознакомиться с материалами отчетов в 2004 г. Со словами глубокой признательности обращаюсь также к руководителю Херсонесской экспедиции НЗХТ, КФ ИА НАНУ и Филиала МГУ в г. Севастополе С.В. Ушакову за бесценные консультации и помощь при работе с археологическими источниками (автор).

² Подробное оппонирование этой гипотезе см. в: [29].

³ Имеются в виду [7; 9] библиографии настоящей статьи.

⁴ Имеется в виду [7, с. 5] библиографии настоящей статьи.

грунтах, должен был больше всего пострадать от землетрясения с очагом в море к западу от Херсонеса» [10, с. 36].

Как видно из приведенной цитаты, А.А. Никонов при изучении археологической ситуации на юго-восточном участке оборонительной стены Херсонеса использовал две небольшие публикации И.А. Антоновой, а не ее весьма подробные и, на мой взгляд, образцово выполненные отчеты о раскопках.

Доказательная база сейсмической истории позднеантичного и раннесредневекового Херсонеса, представленная А.А. Никоновым в вышеназванной статье, подвергается острой критике. Первая критическая публикация была осуществлена И.А. Завадской в 2010 г. [15], вторая – автором этих строк в 2011 г. [29]. Поскольку статьи создавались независимо друг от друга, контраргументы обоих оппонентов А.А. Никонова во многом совпали, хотя выводы сделаны прямо противоположные: И.А. Завадская продолжает отрицать сейсмические причины разрушения Херсонеса и датировку этого события XI веком и настаивает, что причиной постигшей город катастрофы стал Корсунский поход князя Владимира, который исследовательница датирует 988 (989) годами [15, с. 480]. Однако, суммируя множество аргументов против сейсмической гипотезы, она практически не приводит доводов в пользу своей точки зрения – о разрушении города князем Владимиром. Этот вывод исследовательницы как бы «вытекает» непосредственно из отрицания гипотезы о сейсмических причинах разрушения города. В качестве «сторонников» своей точки зрения И.А. Завадская привлекает А.Л. Бертье-Делагарда [11] и Б.Д. Грекова [14], которые полагали, что Владимир поступил с городом «беспощадно»¹. И.А. Завадская вторит им: «... достаточно узкие хронологические рамки этого события, устанавливаемые по монетнымкладам², позволяют говорить о походе на Корсунь (Херсон) киевского князя Владимира в 988 (989) г. как о вполне вероятной причине гибели значительной части городских кварталов. Напряженная многомесячная осада, сопровождавшаяся стойким сопротивлением горожан, взятие города в результате предательства (а не добровольной сдачи), а также варварский обычай грабежа захваченных территорий, которым, безусловно, не брезговала русская дружина в то время³, не могли не иметь разрушительных последствий... определить более точные масштабы которых нам еще предстоит» [15, с. 480].

В отличие от И.А. Завадской, автор этих строк убежден в сейсмических причинах разрушения Херсона и в том, что это произошло не в конце X, а в первые годы XI в., в пользу чего постарался привести все возможные аргументы [28]. Поэтому, моя критика в адрес А.А. Никонова касалась не самой гипотезы, а ее доказательной базы [29].

Однако, археологическая ситуация на юго-восточном и северо-восточном приморских рубежах херсонесской обороны в статье [29] не анализировалась, т.к. представляет собой отдельную и весьма сложную задачу, которую И.А. Антонова, на мой взгляд, решила не до конца. Поэтому, считаю необходимым вернуться к полученным ею в ходе раскопок данным и изучить их повторно, спустя без малого полвека, с учетом новых знаний по археологии средневекового Херсона, накопленных с тех пор.

* * *

Припортовый участок обороны, изучавшийся И.А. Антоновой в 1964-1966 г., имеет сложную и насыщенную строительную историю [6, с. 103-112]. Здесь обнаружены многочисленные свидетельства разрушительного воздействия природных факторов. Причем,

¹ Подробные комментарии точки зрения А.Л. Бертье-Делагарда, на которого ссылается Б.Д. Греков, см. в публикации в нашем сборнике: [30].

² И.А. Завадская не приняла во внимание мои публикации [27; 28, с. 11-12], в которых доказывалось, что так называемые «клады» с бронзовыми херсоно-византийскими монетами IX-X вв. имели очень низкую номинальную стоимость, представляли собой повседневные расходные суммы или розничную торговую выручку и были не спрятаны, а утеряны горожанами в момент катастрофы. А потому, служить аргументом в пользу гипотезы о разрушении Херсона князем Владимиром они не могут.

³ Ни один письменный источник применительно к Корсунскому походу об этом не сообщает, поэтому, данное утверждение является полностью голословным.

наиболее масштабные разрушения датируются именно X-XI вв. (куртины 25, 37-39, башни XXII и XXV) (см. рис. 1).

За время изучения городища к исследованию припортовых оборонительных сооружений обращались дважды: К.К. Косцюшко-Валюжинич в 1892-1905 гг. и И.А. Антонова в 1964-1966 гг. Материалы раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в данном районе доступны лишь в виде кратких заметок в Отчетах императорской археологической комиссии [18; 19; 20; 21; 22; 23]. И.А. Антоновой, по материалам работы ее отряда в 1964-1966 г., составлены подробные отчеты [2; 3; 4]. Основные итоги исследований были опубликованы ею в обзорной статье [6]. Однако значительная часть материала, отраженного в отчетах, осталась неизданной.

Припортовый участок оборонительной линии расположен на пологом склоне холма, спускающегося к Карантинной бухте [2, л. 219-220; 6, с. 102-103]. В соответствии с правилами фортификации, оборонительные стены здесь должны были находиться как можно ближе к воде, чтобы отсутствовал плацдарм для возможной высадки неприятеля [6, с. 110; 115]. В связи с тем, что в результате т.н. Корсунской регрессии уровень моря на этом участке в средневековую эпоху постепенно понижался, херсонским фортификаторам приходилось возводить новые участки оборонительной линии, максимально придвигая их к урезу воды Карантинной бухты [8, с. 22-23].

Строительная история данного участка реконструируется следующим образом [2, л. 222-241; 3, л. 198-238; 4, л. 38-39; 54-55; 6, с. 103-112] (см. рис. 2). До III-IV вв. (времени выделенного И.А. Антоновой I строительного периода) территория порта была ограждена стеной, следы которой выявлены К.К. Косцюшко-Валюжиничем на территории монастырского виноградника [18; 20; 6, с. 114-115]. Однако на сегодняшний день оборонительная система эллинистического времени в районе 24 и 25 куртин не прослеживается.

Далее, в первом строительном периоде (по терминологии И.А. Антоновой), датированном III-IV вв., возводятся 25 и 26 куртины. Во второй период (втор. пол. V-VI вв.) в месте их соединения строят первоначальную башню XXII. В третий период (VI-VII вв.) 25 и 26 куртины разбирают до нижних рядов кладки (данных, которые позволили бы утверждать, что стены рухнули, при раскопках не выявлено), и на их фундаменте возводят новые стены. После этого данный участок обороны без перестроек просуществовал несколько столетий. Не ранее VIII в. первоначальная башня XXII сносится до нижних рядов кладки, и на ее месте возводят новую башню, значительно больших размеров (IV строительный период).

И.А. Антонова отмечает, что поскольку цокольный ряд кладки башни IV периода лишь на 7-10 см. ниже цоколя примыкающей к ней 25 куртины V периода, между возведением башни и перестройкой стены не могло пройти много времени. В связи с этим, исследовательница полагает более вероятной датой строительства новой башни XXII конец IX – начало X вв. [6, с. 106]. Однако технология кладки облицовки башни принципиально отличается от примененной на 25 куртине в последующий период. Кладка башни – кордонная [2, л. 230], а куртины V периода – квадратная [2, л. 233] (см. рис. 3, 4). Кроме того, при возведении башни и перестройке куртины использовался разный камень – прочный сарматский известняк в IV периоде и мягкий инкерманский камень в V периоде [2, л. 233].

Вскоре после сооружения новой башни XXII, возможно, в рамках одной строительной программы, полностью перестраивается 25 куртина, а в башне возводят опорные столбы, вероятно, для крепления крестового свода. При этом 26 куртина не претерпевает существенной реконструкции (за исключением шестиметрового участка, примыкающего к башне XXII), и кладка III строительного периода продолжает существовать в этой куртине на дневной поверхности до конца истории города, и далее до наших дней [31, с. 111-112; 2, л. 227-228; 232-234] (см. рис. 5).

И.А. Антонова отмечает, что характер кладки в V строительном периоде – очень аккуратный: квадратные блоки облицовки тщательно обработаны и уложены правильными рядами [3, л. 217] (см. рис. 4, 6). Исследовательница датирует V строительный период по монетным находкам временем не ранее 40-х гг. X в.: самые поздние монеты, обнаруженные в строительной траншее стены V периода и в слое времени ее функционирования – херсонско-византийские, с монограммой «ΚΩ». И.А. Антонова, вслед за А.В. Орешниковым, относит эти монеты к 944-945 гг. [3, л. 353-392 (опись монет); 6, с. 107]. В настоящее время эти монеты

датируются более ранним временем. В.А. Анохин относит их к началу правления Константина Багрянородного (913-919 гг.), И.В. Соколова предлагает еще более узкую датировку – 919-920 гг. [1, № 400; 25, табл. 9 № 5].

Таким образом, V строительный период, по монетным находкам, можно отнести к концу первой – началу второй четверти X в. Проверка данной датировки по керамическому материалу затрудняется тем, что типология средневековой византийской тарной керамики в середине 60-х гг. прошлого века была разработана еще очень слабо. В четвертом (по определению И.А. Антоновой) слое с внутренней стороны 25 куртины, который исследовательница связывает с периодом строительства стены V периода (по остаткам строительного раствора, аналогичного примененному в кладке этого времени, и отёсу камня), самыми поздними автор отчета [3, л. 297] считает амфоры класса 24 по классификации А.И. Романчук, А.В. Сазанова и Л.В. Седиковой (далее РСС) [24, с. 50-52, табл. 20-22].¹ В настоящее время амфоры этого типа датируются в широких пределах: VII – нач. IX вв. [33, р. 92].

Однако в том же слое обнаружены и немногочисленные фрагменты белоглиняной поливной посуды, измельченные до такого размера, что их атрибуция оказалась невозможной. Слой 4 с внутренней стороны 25 куртины хронологически мало отличим от нижележащего слоя 5. В нем также встречены амфоры класса 24 РСС и немногочисленные фрагменты белоглиняной поливы. В отличие от вышележащего слоя, здесь обнаружены обломки кувшинов с плоскими ручками 41 РСС², датируемые в пределах середины IX – начала XII вв. [33, р. 97]. Слой 5 – самый нижний, в котором обнаружена белоглиняная поливная керамика. Учитывая, что толщина выделяемых И.А. Антоновой слоев – 10-15 см., слои 4 и 5 со схожим набором керамики хронологически неотличимы один от другого [3, л. 297-299].

Учитывая вышесказанное, V строительный период, вероятно, не выходит за рамки середины X в., а скорее всего, относится к концу его первой трети.

Самыми поздними монетами в слое времени функционирования 25 куртины V периода являются монеты Романа II [3, л. 265]. Снизу он перекрыт горизонтально лежащими плитами отмоксти стены V периода. Сам этот слой (третий по терминологии отчета), связываемый с функционированием стены V периода, очень тонок (8-10 см.). Содержащаяся в нем керамика аналогична описанной для слоев 4 и 5 [3, л. 295-296].

Выше находится слой разрушения, причем, не столько 25 куртины, сколько лежащих выше по склону усадеб.³ Этот слой представляет собой относительно толстую засыпь (25-35 см.), появившуюся уже после разрушения 25 куртины, т.к. она лежит не только с городской стороны куртины, но и на ее оставшейся после разрушения выровненной поверхности, и продолжается ниже по склону. Самыми поздними в этом слое являются впервые появившиеся в стратиграфии данного участка амфоры типов 1-2,1Р (по В.В. Булгакову)⁴ [3, л. 293], датируемые второй половиной X в. В отчетах Объединенной экспедиции такие амфоры упоминаются как «ранний вариант II типа (амфор грушевидной формы) с ручками, не поднимающимися над горлом» [6, с. 110].

На основании вышеизложенного, И.А. Антонова пришла к выводу, что «стена эта существовала недолго. Через относительно короткое время она была разобрана в связи с реконструкцией всей системы оборонительных сооружений порта» [6, с. 107].

Однако есть основания сомневаться в целенаправленном характере сноса стены V периода. Свидетельством этого является слой розового строительного раствора толщиной 10-12

¹ Тип XIV по [26], тип VII по классификации отчетов Объединенной экспедиции [2, л. 251-252], тип 24 по [33].

² Тип IX по терминологии отчета, тип XX по [26].

³ Городские усадьбы, синхронные пятому и более ранним строительным периодам, вплотную к 25 куртине не примыкали. В период функционирования 25 куртины с ее внутренней стороны находилась улица для военных передвижений (promerium) [4, л. 55].

⁴ Тип 1,1Р по В.В. Булгакову отличается: «возвышающимся над ручками воронкообразным горлом. Корпус амфор имеет обратноколоколовидные очертания, лишен грушевидного перегиба, ручкам свойственно уплощение». Венчик – «массивный, часто приобретающий обратно-остевидное окончание» [12]. Аналогий типу 1,1Р в классификации РСС нет. Тип 2,1Р по В.В. Булгакову отличается «возвышающимся над ручками воронкообразным горлом. Корпус амфор имеет обратноколоколовидные очертания, лишен грушевидного перегиба, ручкам свойственно уплощение». Венчик – «массивный, с линейным окончанием» [12]. Этот тип аналогичен классу 43 РСС (вариант «б» (ранний)) [24, с. 68-70, тамбл. 34, 52]. В.В. Булгаков датирует амфоры обоих типов торой половиной X в. [12].

см. с внешней стороны 25 куртины, находящийся на уровне разрушения стены и отходящий от нее в направлении моря на 14-14,5 м. [3, л. 259-260]. Выше лежит слой пожарища, аналогичный обнаруженному с внутренней стороны куртины и продолжающий его [3, л. 256-258; 291-293]. Для этого слоя характерны следы горения, обилие кровельной черепицы, фрагменты обгорелой белоглиняной поливной керамики и обломки амфор, самыми поздними из которых являются кувшины с плоскими ручками (наличие амфор типа 1-2, 1Р по В.В. Булгакову в отчете не отмечено) [3, л. 256-258].

Всё это даёт возможность предположить катастрофический характер разрушения стены (точнее, ее опрокидывание вперед и вниз по склону) одновременно с другими постройками Херсона в начале XI в. После этого камень из раската был выбран для возведения новой стены (37 и 38 куртин VI строительного периода), а слой оставшегося на земле раствора был засыпан при разборе завалов в кварталах, лежащих выше по склону.

Схожая картина обрушения оборонительной стены выявлена при раскопках укрепления Фуна в горном Крыму. В.П. Кирилко связывает его с 8-9 балльным землетрясением 1423 г. [16, с. 49-59]. Исследователь описывает это следующим образом: «...часть куртины на протяжении 13,5 м. опрокинулась наружу. О ее падении именно плашмя свидетельствует слой деструктированного известкового раствора, образовавшийся после выборки камня из завала для дальнейшего использования. Характерной чертой данного отложения является его толщина (около 0,25-0,30 м.), практически неизменная по всей площади залегания. Расстояние от стены до края слоя – 7,50-8,00 м.» [16, с. 50]. Разница в толщине слоя раствора в Херсонесе и на Фуне может быть объяснена по-разному. С одной стороны, кладка стены Фуны – бутовая, а 25 куртины V периода – квадратная [2, л. 233]. Соответственно, в херсонесской стене количество раствора должно быть относительно меньшим. Возможно, раскат херсонесской стены оказался больше (14 метров против 8 на Фуне). Возможно также, что в Херсонесе слой уплотнен хождением при выборке камня. Во всяком случае, для аналогичного слоя, отмеченного с внешней стороны 37 куртины (о нем см. ниже) И.А. Антонова такое наблюдение сделала: «поверхность слоя, ровная и плотная, создавала впечатление утоптанного основания, поверхности, по которой ходили» [3, л. 283].

Таким образом, картина разрушения 25 куртины позволяет высказать предположение, что она была руинирована, а не разобрана. Продолжение строительной истории припортового участка крепостной ограды дает дополнительные подтверждения данному тезису.

После разрушения 25 куртины (и, возможно, 24 и 22 – информации об этом нет), конфигурация оборонительных стен была здесь принципиально изменена: к внешнему, юго-западному, углу башни XXII пристроили короткую, длиной 10 метров, 37 куртину, заканчивавшуюся вновь построенной полукруглой башней XXV, от которой в южном направлении возвели 38 куртину. Она завершалась новыми «морскими воротами», фланкированными башнями XXVI и XXVII. Между башней XXVII и башней XX₁ выстроили плавно изогнутую внутрь 39 куртину (23 по терминологии А.Л. Якобсона [31, с. 108]), усиленную тремя небольшими башенками [3, л. 223-225; 6, с. 107]. Таким образом, в городскую черту было включено 1,5 га новой территории, ранее представлявшей собою морское дно [8, с. 22-23] (см. рис. 1).

Оборонительная линия VI строительного периода просуществовала очень недолго и, так же как 25 куртина, претерпела катастрофическое разрушение. Между слоем, связанным со строительством, и слоем разрушения стен VI периода, отсутствуют какие-либо напластования, связанные с функционированием стен этого времени¹ [3, л. 280-281; 4, л. 15-16].

37 куртина рухнула вперед и вниз в сторону бухты, о чем свидетельствует слой розового строительного раствора, лежащий с ее внешней стороны на уровне сохранившихся нижних рядов их кладки, а также слой мусора, лежащий на сохранившихся камнях кладки 37 куртины у башни XXII [3, л. 280, 283] (см. рис. 7). По характеру находок он аналогичен слою разрушения с внутренней и внешней стороны 25 куртины. То есть, после разрушения 37 куртины VI периода и возведения стены VII периода, в городских кварталах выше по склону продолжался

¹ «Все наблюдения свидетельствуют о том, что первоначально построенная оборонительная стена и башни, не подвергаясь перестройке, восстановлены без значительного изменения направления стены и местоположения башен. Стена и башни практически были возведены заново... Причины, по которым были предприняты столь значительные по объему работы на значительном протяжении оборонительной линии, пока не ясны. Это тем более кажется странным, что хронологически сколько-нибудь значительного разрыва между VI и VII периодами строительства не ощущается. Промежуток между этими работами едва ли составлял 100 лет» [4, л. 15-16].

разбор завалов и очистка территории под новое строительство¹. Башня XXV также была разрушена и впоследствии возведена заново, с изменением ее формы с полукруглой на прямоугольную [3, л. 234-235]. Слой разрушения 38 и 39 куртин не обнаружен, т.к. они находятся на уровне моря и частично им затоплены.

Незначительные сохранившиеся остатки кладки VI периода носят следы спешки: при ее возведении применялся камень разных размеров: от крупных квадратов до мелкого бута. Несмотря на очень плохую сохранность стен VI периода, данный факт был зафиксирован в кладке башни XXV и 39 куртине [2, л. 241; 4, л. 12]. Это отличает стены VI периода от аккуратной квадратной облицовки 25 куртины V периода. В то же время, кладка стен V и VI периодов выполнена на одинаковом строительном растворе – известковом, с примесью толченой керамики, придавшей ему характерный розовый оттенок [2, л. 270; 3, л. 280, 283; 4, л. 12]. В известковом растворе VII периода был использован иной наполнитель – мелкий гравий [4, л. 12; 6, с. 111]. В одном месте стен VII периода (облицовка внутренней стороны 39 куртины) в качестве связующего раствора использована глина².

Для определения времени существования стен VI периода И.А. Антонова изучила материал из помещения, пристроенного к внутренней стороне 37 куртины и западной стене башни XXII, оказавшейся тогда в городской черте. Исследовательница назвала его «помещение 3» [3, л. 258; 6, с. 110]. Это усложнило понимание археологической ситуации на данном участке, т.к. изучавший его в конце XIX в. К.К. Косцюшко-Валюжинич называл «помещением 3» городскую постройку, находившуюся в поздневизантийский период с внутренней (северной) стороны башни XXII [2, л. 242] (см. рис. 8). Чтобы избежать возможной путаницы, в настоящей статье открытое И.А. Антоновой помещение с западной стороны башни XXII именуется «помещением 3-а». Так же оно обозначено на плане участка (см. рис. 2).³

Помещение 3-а, по свидетельству И.А. Антоновой, могло возникнуть только после возведения 37 куртины VI периода, так как до этого данная территория находилась за городской чертой. Оно погибло вместе с 37 куртиной VI периода, т.к. куртина VII периода была пристроена не к юго-западному, а к юго-восточному углу башни и прошла над помещением 3-а (см. рис. 2) [3, л. 259].

В помещении 3-а обнаружен следующий археологический материал [3, л. 258-259]. Кувшины с плоскими ручками (41 РСС), «*франкий вариант II типа (амфор грушевидной формы) с ручками, не поднимающимися над горлом*» (1-2, 1Р по В.В. Булгакову [12]), сильно обгоревшие фрагменты расписного белоглиняного блюда с геометрическим орнаментом, обломки белоглиняных тарелок, покрытых желтой и зеленой поливой, железные кружки непонятного назначения, железное кольцо, 60 обломков оплавившегося стекла, обломки черепицы, и 15 монет, в том числе: Василия I, Льва VI и Александра, Романа I, Константина VII и Романа II, и 2 монеты с монограммой L на аверсе и гладких на реверсе [3, л. 259, 362-363 (опись монет)]. Такие монеты И.В. Соколова относит к XIII в. [25, табл. XII, № 9], а В.А. Анохин не атрибутирует. Учитывая, что между монетами Константина VII и Романа II (948-959 гг.) и монетами с монограммой «ро» - очень большая временная дистанция (не менее 100 лет, а скорее всего, намного больше), они в данном слое являются, видимо, примесью сверху. Появление этой примеси было возможно, поскольку 37 куртина VII строительного периода перекрыла помещение 3-а не полностью: открытым остался его северо-восточный участок треугольной фор-

¹ «5 и 6 слой содержали огромное количество амфор VII, VIII и IX типов (24 РСС, 42 РСС и 41 РСС. – В.Х.). Только в пятом слое число фрагментов амфор VII и VIII типов было более полутора тысяч. Было определено, что эти слои перекрывают фундамент оборонительной стены шестого строительного периода и что характер их аналогичен характеру засыпи с внешней стороны 25 куртины у западной стены XXII башни» [3, л. 287].

² «Прослежена интересная особенность тыльной стороны оборонительной стены на этом участке: панцирной облицовочной кладкой, ограничивающей бутовую, является стена из двух по толщине камней, сложенных не на известии, а на глине. При этом наружный камень этой стены является облицовочным камнем куртины. Это хорошо прослеживается на всём сохранившемся участке стены от XXVII до XXVIII башни и, возможно, было вызвано использованием для облицовки относительно мелкого камня. Описанная кладка являлась облицовочной и для лестничного марша на боевую дорожку куртины» [4, л. 8].

³ На сохранившихся в отчетах И.А. Антоновой планах помещение 3 («3-а» по нашей терминологии) с южной стороны башни XXII не обозначено. На плане 1964 г. отмечено «помещение 3» по нумерации К.К. Косцюшко-Валюжинича, пристроенное к северной (городской) стене башни XXII [2, рис. 385; 3, рис. 250; 4, табл. VI]. Поэтому, в настоящее время можно отметить лишь местоположение, но не контуры помещения 3-а.

мы (см. рис. 2). Какие из монет найдены под стеной VII периода, а какие – перед нею (в границах помещения 3-а) в отчетах не указано.

Поэтому, учитывая наличие в слое обломков грушевидных амфор типа 1-2,1P (по В.В. Булгакову) и отсутствие амфор более поздних форм, белоглиняной поливной керамики GWW III и GWW IV по Дж. Хейсу, импортной красноглиняной поливной керамики с тонкой врезной линией, разрушение 37 куртины VI периода и помещения 3-а датируется, вероятно, не позднее первой половины XI в.

И.А. Антонова отмечает наличие слоя горения на полу помещения 3-а. Однако стоит обратить внимание, что с внешней (северной) стороны этого помещения слой горения намного мощнее (20 см против нескольких сантиметров в помещении) [3, л. 257-258]. Поэтому, возможно, что данный слой образовался в помещении до его постройки, в процессе уборки городской территории после ранее случившейся катастрофы. Ниже слоя разрушения под помещением 3-а находится слой розового раствора, прослеженный до стен 25 куртины и, видимо, появившийся вследствие ее разрушения. Какого-либо материала данный слой не содержит [3, л. 259-260].

Стены VII строительного периода возведены почти повсеместно на месте разрушенной оборонительной линии VI периода. Исключение составляет восточный участок 37 куртины, который в VII периоде был пристроен не к юго-восточному, а к юго-западному углу башни XXII, перекрыв тем самым остатки помещения 3-а (см. рис. 2, 9). И.А. Антонова полагала, что пристройка куртины VI периода к юго-восточному углу башни XXII представляла собой фортификационную ошибку, т.к. при этом боевой оставалась только одна, восточная стена башни. Она превращалась, таким образом, в отрезок куртины и переставала быть боевой башней. В 1999 г. И.А. Антонова высказала предположение, что это вызвано появлением в западной стене башни сейсмической трещины и утратой доверия херсонитов к прочности данного сооружения [34, с. 9]¹. Пристройка куртины VII периода к юго-западному углу башни, по мнению, И.А. Антоновой, преследовала цель исправить фортификационную ошибку и сделать пригодной для ведения боя также часть южной стены башни [6, с. 110-111].

Не оспаривая данной гипотезы, следует высказать еще одно соображение, которое могли брать в расчет херсонские фортификаторы. Поскольку трещина в западной стене башни не была отремонтирована, эту стену следовало «подпереть», чтобы предотвратить ее дальнейшее разрушение. Стена VI периода этой цели служить не могла. А 37 куртина VII периода, короткая, упирающаяся во вновь построенную и, соответственно, исправную башню XXV, могла выполнить роль контрфорса для поврежденной стены башни XXII.

И.А. Антонова обращает внимание на уникальный для Херсонеса строительный прием, примененный при возведении 37 и 38 куртин VII периода. С внутренней стороны они облегчены возведением арок [6, с. 111-112], над которыми на 37 куртине (по мнению И.А. Антоновой) располагалась боевая дорожка, а на 38 куртине – лестница на башню XXV (см. рис. 9, 10). Данный строительный прием применялся на стенах Константинополя со времен Комнинов [32, с. 40] (см. рис. 11). Это делало стены более легкими, устойчивыми и, возможно, не только экономило строительные материалы, на что указывала И.А. Антонова [3, л. 236-237], но и уменьшало нагрузку на слабый песчаный грунт, на котором возводились стены и башни на данном участке.

Стены и башни на берегу Карантинной бухты было невозможно построить на прочном скальном основании: скала в этом месте находится под многометровой толщей песка [2, л. 239]. Кроме того, оборонительные сооружения возведены здесь на склоне холма, полого вхо-

¹Трещина была выявлена И.А. Антоновой в 1964 г. в кладке западной стены башни XXII (рис. 20). В настоящее время трещина прослеживается только в кладке внешней облицовки западной стены башни. Фотографий трещины в отчете И.А. Антоновой о раскопках не сохранилось. Первоначально исследовательница считала ее результатом просадки грунта: «Обращает на себя внимание широкая трещина, раскалывающая всю западную стену башни посередине ее длины. Видимо, это результат просадки грунта. Возможно, что именно это привело в дальнейшем к необходимости сооружения опорных столбов, принявших на себя основную тяжесть крестового свода» [2, л. 231], но позднее стала трактовать как сейсмическую. Наглядной иллюстрацией того, как выглядят сейсмические трещины в оборонительных башнях, сохранившихся на полную высоту, могут служить следы сейсмических повреждений оборонительной системы Константинополя (см. рис. 18, 19).

дящего в воду бухты [2, л. 229]. Куртина 25, а впоследствии 37-39 и прибрежные башни строились на современном им уровне моря, фактически в полосе приобоя [6, с. 115].

Поэтому, для укрепления основания фундаментов стен, херсонскими строителями в разное время проводились следующие мероприятия.

1. Под фундаментом стен башни XXII IV строительного периода выложен деревянный ростверк [2, л. 229].

2. На песчаный грунт при строительстве стен VI периода насыпалась глиняная «подушка» (вместо ростверка) [3, л. 225-226]. Аналогичный прием был применен в раннем средневековье при возведении башни XXII II строительного периода [6, с. 104].

3. Под фундамент башни XXVI и пристройки к ней забито 90 хорошо сохранившихся (к моменту раскопок) деревянных свай, а под фундамент восточной части башни уложены 12 мраморных колонн, поверх которых лежали 10 широких плах. Устройство фундамента второй воротной башни (XXVII) осталось неисследованным, т.к. башня затоплена морем [3, л. 232].

При возведении стен VII строительного периода, на вновь возводимых куртинах, был сменен строительный раствор: вместо розовой цемянки с примесью толченой керамики повсеместно использован белый известковый раствор с добавлением мелкого гравия [2, л. 240; 3, л. 235; 4, л. 12; 6, с. 111].

Таким образом, припортовый участок оборонительной линии Херсонеса можно считать наиболее уязвимым к воздействию природных факторов: морских волн, просадок грунта, сейсмических ударов. Понимая это, херсонские фортфикаторы опробовали здесь самые разные приемы укрепления крепостных сооружений. Однако, как показала строительная история 25 и 37-39 куртин, башен XXII и XXV, эти усилия не в полной мере оправдались.

На основании вышеизложенного, возможна следующая реконструкция строительства и разрушений оборонительных стен на припортовом участке в X-XI вв. В первой половине X в., в связи обветшанием раннесредневековых стен, построенных в V-VI вв., были выстроены новая большая башня XXII и 25 куртина. На 26 куртине произведен ремонт. Во время катастрофы, постигшей город в начале XI в., 25 куртина рухнула, а примыкающая к ней западная стена башни XXII треснула. В связи с тем, что город оказался без крепостной ограды на одном из наиболее уязвимых участков, была в спешном порядке выстроена новая оборонительная линия (куртины 37-39, башни XXV-XXVII и, видимо, XX₁). Однако новые стены простояли недолго, возможно, лишь до середины XI в. и, в свою очередь, рухнули. Причиной обрушения может быть низкое качество строительства и слабость грунта, на который опирались стены. Но, в первую очередь, вероятно, разрушительное действие оказала морская вода, т.к. новая оборонительная линия была выстроена на уровне моря, вплотную к урезу воды.

Можно также осторожно предположить, что разрушение стены вызвано сейсмическими причинами. Именно так полагала И.А. Антонова. Впервые эта гипотеза была высказана ею еще в 1966 г. [4, с. 39]. Затем исследовательница развила его в 1999 г. В этот период И.А. Антонова связала с землетрясением и трещину в башне XXII, и загадочное захоронение, обнаруженное ею в засыпи башни XXV: «В башне XXV найден костяк женщины с младенцем, заваленный очень большими камнями обрушившейся башни» [34, с. 9] (см. рис. 12). То есть, И.А. Антонова полагала, что землетрясением вызвано разрушение стен VI строительного периода.¹ Тогда же, при обрушении башни, погибли и женщина с ребенком.

Однако вышеприведенный тезис не подтверждается материалами отчета исследовательницы об обстоятельствах данной находки. Захоронение совершено в мягком насыпном грунте под полом башни XXV VII периода, и в составе этой засыпи были найдены амфоры поздних типов, бытовавших в Херсоне в XII-XIII вв., красноглиняная поливная керамика, остатки черепицы последнего периода жизни города [2, л. 275-277]. В засыпи погребения обнаружены 7 монет IX-X вв. (от Василия I до Василия II с монограммами «Василий-деспот»), 3 монеты с монограммой «В» и 12 монет с монограммой ђ [13, л. 409-411, № 457-480]. Таким образом, ясно, что погребение не имеет отношения к гибели башни XXV VI строительного периода, а было совершено во время функционирования башни VII периода, или даже после ее разрушения.

¹ Эта же точка зрения отражена в статье [10, с. 36].

О наличии больших камней, якобы заваливших погребенных, в отчете не говорится. Наоборот, подчеркивается, что северо-западный угол башни, где было совершено погребение, «...не был занят каменной кладкой. Мягкая насыпная земля шла здесь на глубину 60 см., вплоть до песка, который лежит на уровне моря...» [3, л. 275].

Погребение, судя по описанию И.А. Антоновой, приведенному в отчете, носит не катастрофический, а криминальный характер: «Костяк женщины и маленького ребенка лежали в неправильном положении, ноги резко подогнуты в коленях, позвоночник также изогнут, лежащий на левой стороне череп закинут назад. Погребение было как бы затихнуто в щель между двумя большими камнями, северной и западной стенами башни. Они и определили характер его положения. Сохранившийся анатомический порядок размещения костей указывает на то, что здесь было закопано тело, а не сброшены кости. Костяк ребенка лежал между камнем и скелетом женщины» [3, л. 275].

На основании вышесказанного, связывать разрушение стен VI периода с катастрофой, постигшей Херсон в начале XI в., видимо, нет оснований. Хотя нельзя исключать, что землетрясения слабой силы, возможно, афтершоки более раннего разрушительного толчка, способствовали тому, что стены VI периода относительно быстро пришли в негодность и, по крайней мере, на ряде участков, рухнули.¹

Данные о перестройках припортовой крепостной ограды Херсона дополняются материалами изучения 28-30 куртин оборонительной стены, построенных в Северо-Восточном районе над береговым обрывом. Их изучением И.А. Антонова занималась в 1967 г. Результаты этих исследований остались неопубликованными.

Данный участок оборонительных стен находится на вершине берегового клифа, нижняя часть которого подмывается морем, в результате чего вышележащая скала лишена опоры и нависает над линией прибоя. Время от времени, в результате сильных штормов и, возможно, сейсмических потрясений, в море обрушиваются крупные фрагменты скалы (см. рис. 14). Большая часть прибрежной оборонительной стены Северо-Восточного, Северного, и Западного районов городища, по этой причине, уже давно рухнула в море и недоступна исследованию. Остались лишь небольшие участки трех куртин (28, 29 и 30), находящиеся менее чем в метре от обрыва (см. рис. 15).

Изучавшая данные сооружения И.А. Антонова выяснила следующее.

1. 28 куртина построена не ранее X в. В слое, который И.А. Антонова связывает с его строительством, с внешней стороны стены обнаружены амфоры класса 24 РСС и 42 РСС, кувшины с плоскими ручками 41 РСС, белоглиняная поливная керамика. В составе слоя обнаружены монеты Василия I и Романа I с монограммой имени императора ϞϚ [5, л. 24]. Для возведения 28 куртины строителям пришлось снести недавно построенное (не ранее IX в.) монументальное здание, аналогичное куртине по характеру раствора. Оборонительную линию возвели поверх его стен, снесенных до одного уровня [5, л. 36-37].

2. 28 куртина строилась в большой спешке: без забутовки (только панцири облицовки с двух сторон в технике квадратной кладки) [5, л. 11], с применением двух видов раствора одновременно: белого с добавлением гальки и розового с примесью керамики (последний представлен в стене «пятнами») [5, л. 12-13, 29, 53-а]. 28 куртина была построена без учета планировки района, местоположения его улиц и усадеб [5, л. 53] (см. рис. 1). Скорее всего, это оказалось возможным, т.к. ранее существовавшие постройки оказались разрушенными к моменту возведения стены.

3. Поскольку 28 куртина опирается на скалу, а не на фундаменты более ранней крепостной ограды, то стена прежде находилась к северо-востоку от существующей (и учитывала планировку улиц), но рухнула в море вместе с частью берегового обрыва и прилегавших к этой стене построек, обрывки стен которых обнаружены с внешней стороны 28 куртины (см. рис. 15). Именно этим была вызвана спешная постройка новой стены, просуществовавшей до конца истории города [5, л. 53].

¹ С возведением стен и башен VII периода, видимо, связана «надпись Льва Алиата», датированная 1059 годом, которая была найдена у юго-восточного припортового участка оборонительной стены, близ Башни XXI [20, с. 88; 17, с. 16-17].

4. И.А. Антонова предположила, что одновременно с постройкой 28 куртины была укреплена в нижней части береговая скала: промоины заделаны скальными обломками, скрепленными цемянковым раствором [5, л. 28] (см. рис. 16).

5. Обстоятельства возведения 29 и 30 куртин И.А. Антонова реконструирует иначе. Они построены на скале, в технике квадратной кладки, с применением большого количества розового известкового раствора, в котором встречаются идентифицируемые фрагменты кувшинов с плоскими ручками (41 РСС). Забутовка между рядами облицовки здесь, в отличие от 28 куртины, применялась (см. рис. 17) [5, л. 54-58; 63-64].

6. И.А. Антонова пришла к выводу, что 29 и 30 куртины построены в X в. (датировка по кувшинам с плоскими ручками), ранее 28 куртины, в плановом порядке, хотя и в связи с обрушением берега и исчезновением старой стены [5, л. 64-65]. Строительный раствор, примененный при возведении данных куртин, визуально аналогичен использованному в 25 куртине V периода.

Таким образом, есть основания полагать, что возведение 29 и 30 куртин (и, возможно, ныне исчезнувшей башни XXIV между ними) осуществлено в X в., в рамках одной строительной программы с возведением 25 и ремонтом 26 куртины V строительного периода. Постройка 28 куртины, осуществленная поверх разрушенного здания IX-X вв., проводилась в спешке, после постигшей город катастрофы, в начале XI в., одновременно с возведением стен VI строительного периода на припортовом участке. Однако, в отличие от последних, 28 куртина просуществовала до конца истории города.

Источники и литература.

1. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в.н.э.). К.: Наукова думка, 1977. 176 с.
2. Антонова И.А. Отчет о раскопках северного фланга обороны средневекового порта // НА НЗХТ. Д. 1160. Отчет Объединенной экспедиции ГХМ, УрГУ, ХГУ о раскопках в Херсонесе в 1964 г., л. 218-293.
3. Антонова И.А. Раскопки портовой линии обороны средневекового Херсонеса // НА НЗХТ. Д. 1189. Отчет Объединенной экспедиции ГХМ, УрГУ, ХГУ о раскопках в Херсонесе в 1965 г., л. 196-314.
4. Антонова И.А. Оборонительные сооружения // НА НЗХТ. Д. 1606. Отчет о раскопках портового квартала и оборонительных сооружений Херсонеса в 1966 г. Ч. II, л. 1-55.
5. Антонова И.А. Отчет о раскопках и зачистках 28, 29 и 30 куртин восточной оборонительной линии Херсонеса в 1967 году // НА НЗХТ. Д. 1848, 70 л.
6. Антонова И.А. Оборонительные сооружения херсонесского порта в средневековую эпоху // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 102-118.
7. Антонова И.А. К вопросу о хронологии оборонительного строительства в средневековом Херсонесе / И. А. Антонова // АДСВ. 1976. Вып. 13. С. 3-8.
8. Антонова И.А. Рост территории Херсонеса (по данным изучения оборонительных стен) // АДСВ. 1990. Вып. 25. С. 8-25.
9. Антонова И.А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса: проблемы датировки // ХСб. 1996. Вып. VII. С. 101-130.
10. Антонова И. А., Никонов А.А. Следы разрушительных землетрясений в Херсонесе и окрестностях в римское время и в раннем средневековье // Очерки по истории христианского Херсонеса. СПб.: Алетейя, 2009. С. 14-51.
11. Бертъе-Делагард А.Л. Как Владимир осаждал Корсунь // ИОРЯС. 1909. Т. 14. Кн. 1. С. 241-307.
12. Булгаков В. В. Византийские амфоры IX-XIV вв.: основные типы [Электронный ресурс] // Восточноевропейский археологический журнал. 2000. № 4(5). Режим доступа к журн.: <http://archaeology.kiev.ua/journal/040700/bulgakov.htm>.
13. Гилевич А.М. Опись монет // НА НЗХТ. Д. 1160. Отчет Объединенной экспедиции ГХМ, УрГУ, ХГУ о раскопках в Херсонесе в 1964 г., л. 401-412.
14. Греков Б.Д. «Повесть временных лет» о походе Владимира на Корсунь // Изв. ТОИАЭ. 1929. Т. 3 (60). С. 99-112.
15. Завадская И.А. Катастрофа в Херсоне в конце X-XI вв.: критика гипотезы о землетрясении // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 456-487.
16. Кирилко В.П. Крепостной ансамбль Фуны 1423-1475 гг. К.: Стилос, 2005. 269 с.
17. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб.: Тип. Имп. АН, 1896. 143 с., 13 табл.
18. ОАК за 1892 год [Электронный ресурс] / Отчет императорской археологической комиссии за 1892 год // ... Многоуважаемый Карл Казимирович... К. К. Косцюшко-Валюжинич и его отчеты в Императорскую археологическую комиссию. Режим доступа: <http://www.kostsyushko.chersonesos.org/1892/1892.php?year=1892>
19. ОАК за 1894 год [Электронный ресурс] / Отчет императорской археологической комиссии за 1894 год // ... Многоуважаемый Карл Казимирович... К. К. Косцюшко-Валюжинич и его отчеты в Императорскую археологическую комиссию. Режим доступа: http://www.kostsyushko.chersonesos.org/1894/1894_text.php

20. ОАК за 1895 год [Электронный ресурс] / Отчет императорской археологической комиссии за 1895 год // ... Многоуважаемый Карл Казимирович... К. К. Косцюшко-Валюжинич и его отчеты в Императорскую археологическую комиссию. Режим доступа: http://www.kostsyushko.chersonesos.org/1895/1895_text.php
21. ОАК за 1903 год [Электронный ресурс] / Отчет императорской археологической комиссии за 1903 год // ... Многоуважаемый Карл Казимирович... К. К. Косцюшко-Валюжинич и его отчеты в Императорскую археологическую комиссию. Режим доступа: <http://www.kostsyushko.chersonesos.org/1903/1903.php?year=1903>
22. ОАК за 1904 год [Электронный ресурс] / Отчет императорской археологической комиссии за 1904 год // ... Многоуважаемый Карл Казимирович... К. К. Косцюшко-Валюжинич и его отчеты в Императорскую археологическую комиссию. Режим доступа: <http://www.kostsyushko.chersonesos.org/1904/1904.php?year=1904>
23. ОАК за 1905 год [Электронный ресурс] / Отчет императорской археологической комиссии за 1905 год // ... Многоуважаемый Карл Казимирович... К. К. Косцюшко-Валюжинич и его отчеты в Императорскую археологическую комиссию. Режим доступа: <http://www.kostsyushko.chersonesos.org/1905/1905.php?year=1905>
24. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. 110 с.
25. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л. : Искусство, 1983. 175 с.
26. Средневековые амфоры Херсонеса / [И. А. Антонова, В. Н. Даниленко, Л. П. Ивашута и др.] // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 81-101.
27. Хапаев В.В. Херсонесские монетные «клады» рубежа X-XI вв. как исторический источник: новая интерпретация // Херсонесский колокол: сборник научных статей, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности В.Н. Даниленко. Симферополь: СОНАТ, 2008. С. 362-368.
28. Хапаев В.В. Візантійський Херсон у другій половині X – першій половині XI століть: проблема руйнування міста: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук: спец. 07.00.02 «Всесвітня історія». Дніпропетровськ, 2010. 20 с.
29. Хапаев В.В. Гипотеза А.А. Никонова о разрушительном землетрясении 1041 г.в Крыму: к вопросу о достоверности источниковой базы // МАИАСК. Вып. III. Севастополь-Тюмень, 2011. С. 275-303. Режим доступа: <http://www.msusevastopol.net/downloads/MAIASK1.pdf>
30. Хапаев В.В. Стаття А.Л. Бертъе-Деллагарда «Как Владимир осаждал Корсунь»: текст и комментарий [Электронный ресурс] // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск V. Серия А. Античность и средневековье. [Избранные материалы VIII Международной научной конференции «Лазаревские чтения»] / Под общей редакцией В.И. Кузицина. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2011. С. 214-259. Режим доступа : <http://www.msusevastopol.net/downloads/prich2011/prich-a.pdf>
31. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. №. 63. 364 с.
32. Mayer-Plath B., Schneider A. Die Landmauer von Konstantinopel. Berlin: W. De Gruyter & Co., 1943. Teil II. 1943.
33. Sazanov A. Les amphores de l'antiquité Tavrider et du moyen age : continuité ou rupture? Le cas de la mer noire // La Céramique Médiévale en Méditerranée. Actes du VIe congrès de l'AIECM² (Aix-en-Provence, 1995). Aix-en-Provence: Narrations Ed., Aix, 1997. P. 87-102.
34. Антонова И.А. Следы сильных землетрясений в Херсонесе // Фундаментальные и прикладные проблемы мониторинга и прогноза стихийных бедствий: тез. докл. Севастополь, 1999. С. 9.

Сокращения.

АДСВ –	Античная древность и средние века
Изв. ТОИАЭ –	Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИОРЯС –	Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
МАИАСК –	Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма
МАИЭТ –	Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии
МИА –	Материалы по истории и археологии СССР
НА НЗХТ –	Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический»
ХСб –	Херсонесский сборник

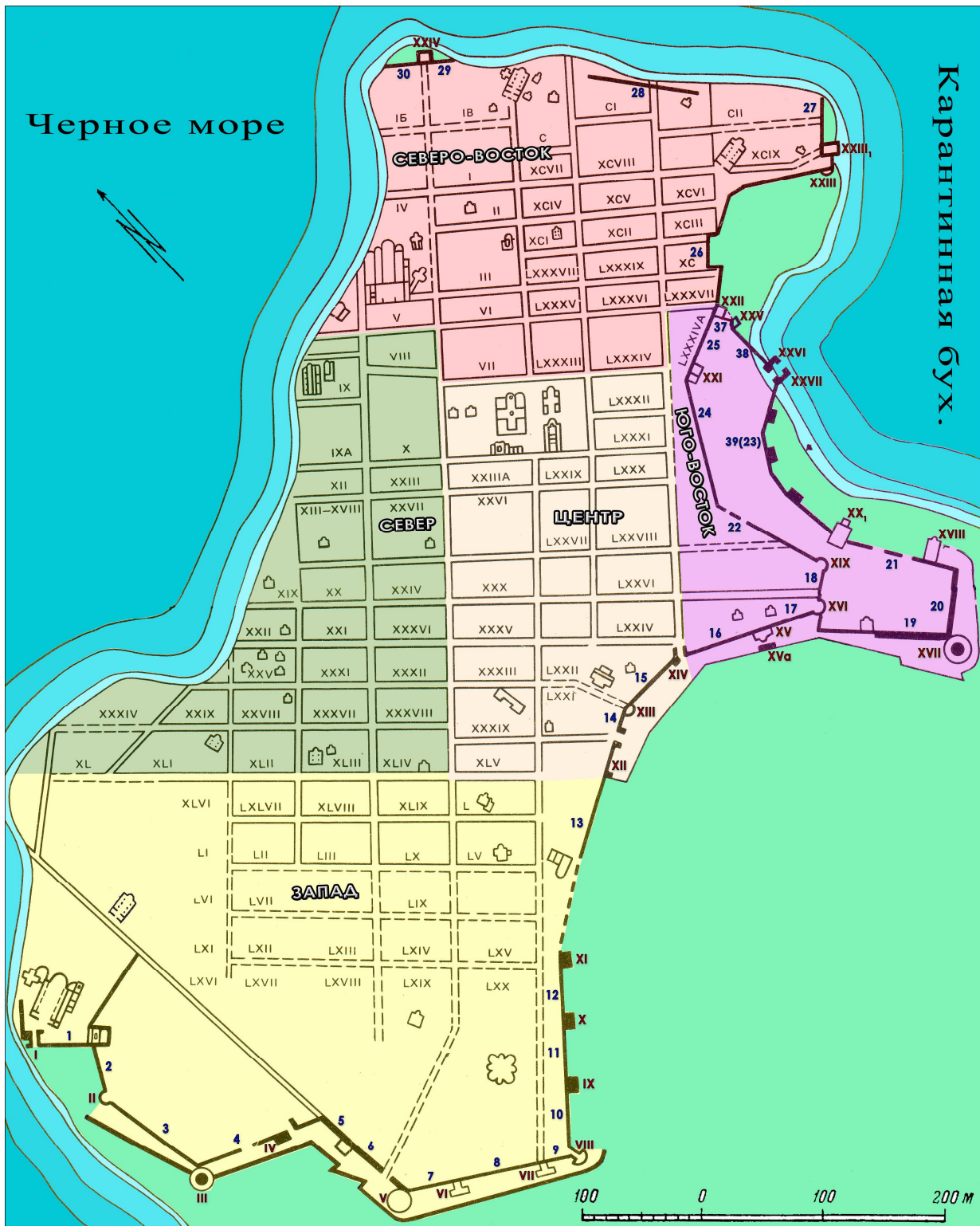

Рис. 1. Условно выделенные районы, нумерация кварталов и оборонительных сооружений Херсонеса

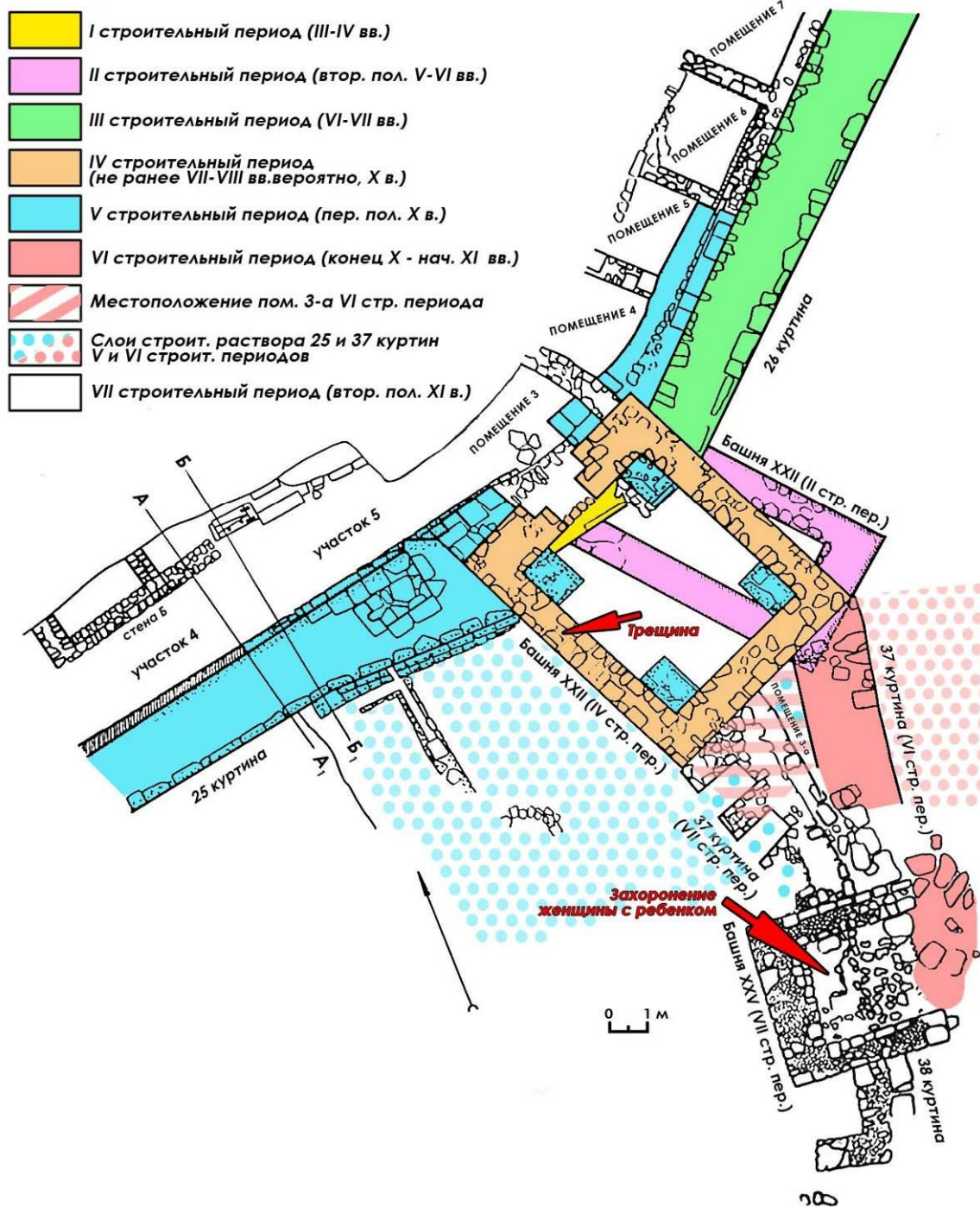

Рис. 2. Строительная история башни XXII и прилегающих куртин.
Чертеж на основе: [2, рис. 385; 4, табл. VI, VII]

Рис. 3. Кордонная кладка наружной облицовки башни XXII IV строительного периода (восточная стена, снято с востока) [2, рис. 393]

Рис. 4. 25 куртина V строительного периода. Квадровая кладка наружной облицовки. Справа – стык с башней XXII [3, рис. 270]

Рис. 5. 26 куртина III строительного периода (VI-VII вв.). Квадровая кладка внутренней облицовки. Современное состояние. Снято с севера. Фото автора

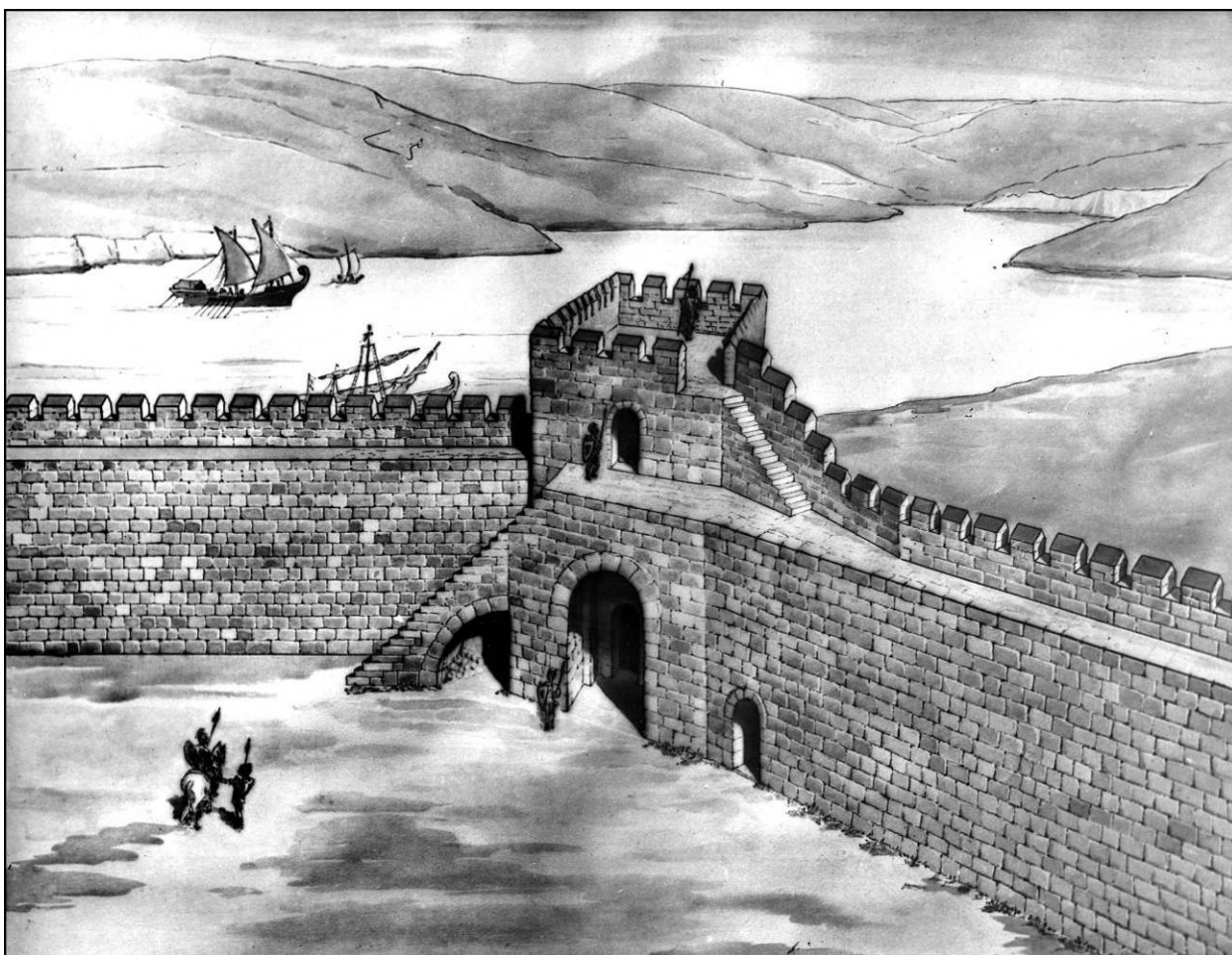

Рис. 6. Башня XXII IV строительного периода, 25 и 26 куртины V строительного периода. Реконструкция И.А. Антоновой, рис. А.Ф. Снежкиной (из фотоархива автора)

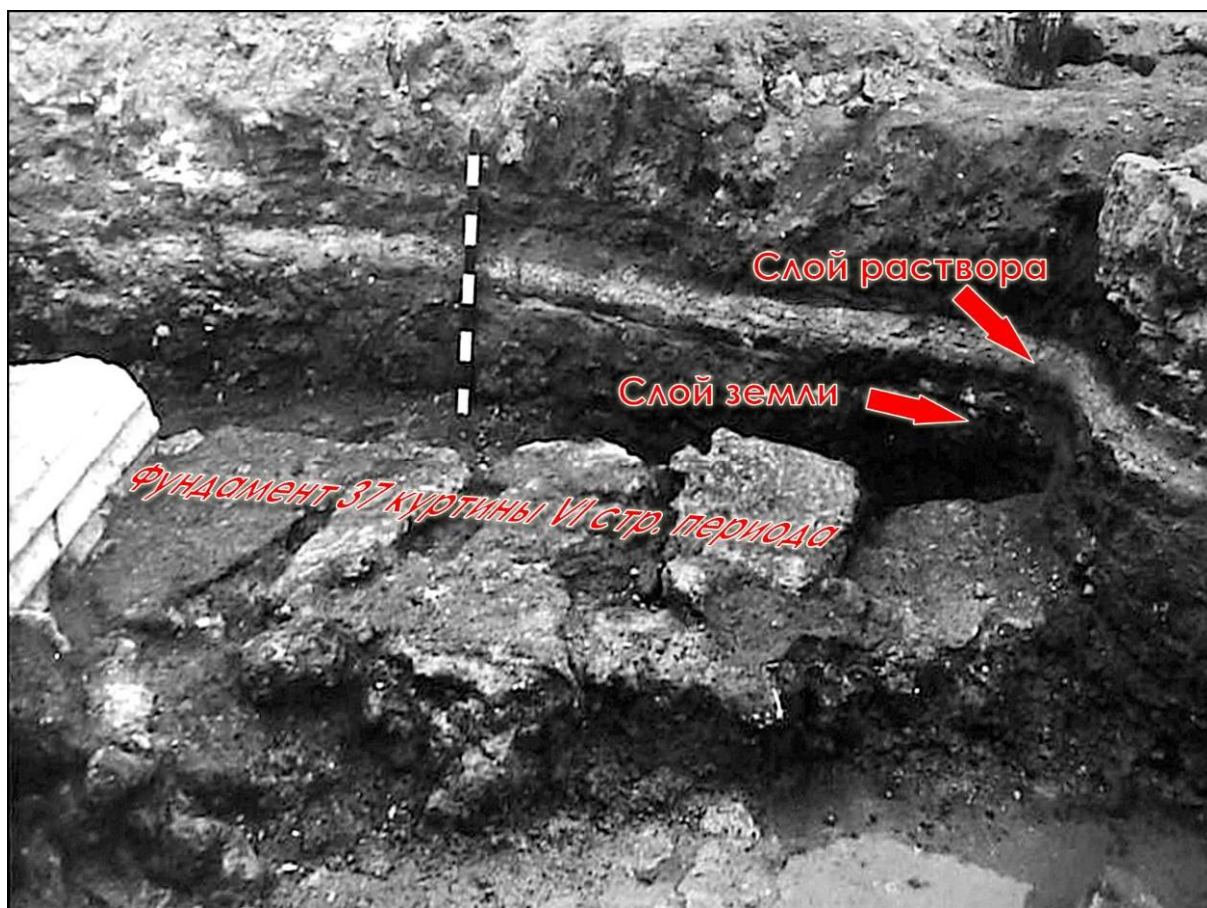

Рис. 7. Слой строительного раствора в восточном борту раскопа у фундамента 37 куртины VI строительного периода [Антонова, 1964. – Рис. 407]

Рис. 8. Башня XXII, 25, 26 куртины и помещения последнего периода существования Херсонеса. Копия с плана К.К. Косцюшко-Валюжинича (авторская нумерация помещений сохранена) [19, рис. 71]

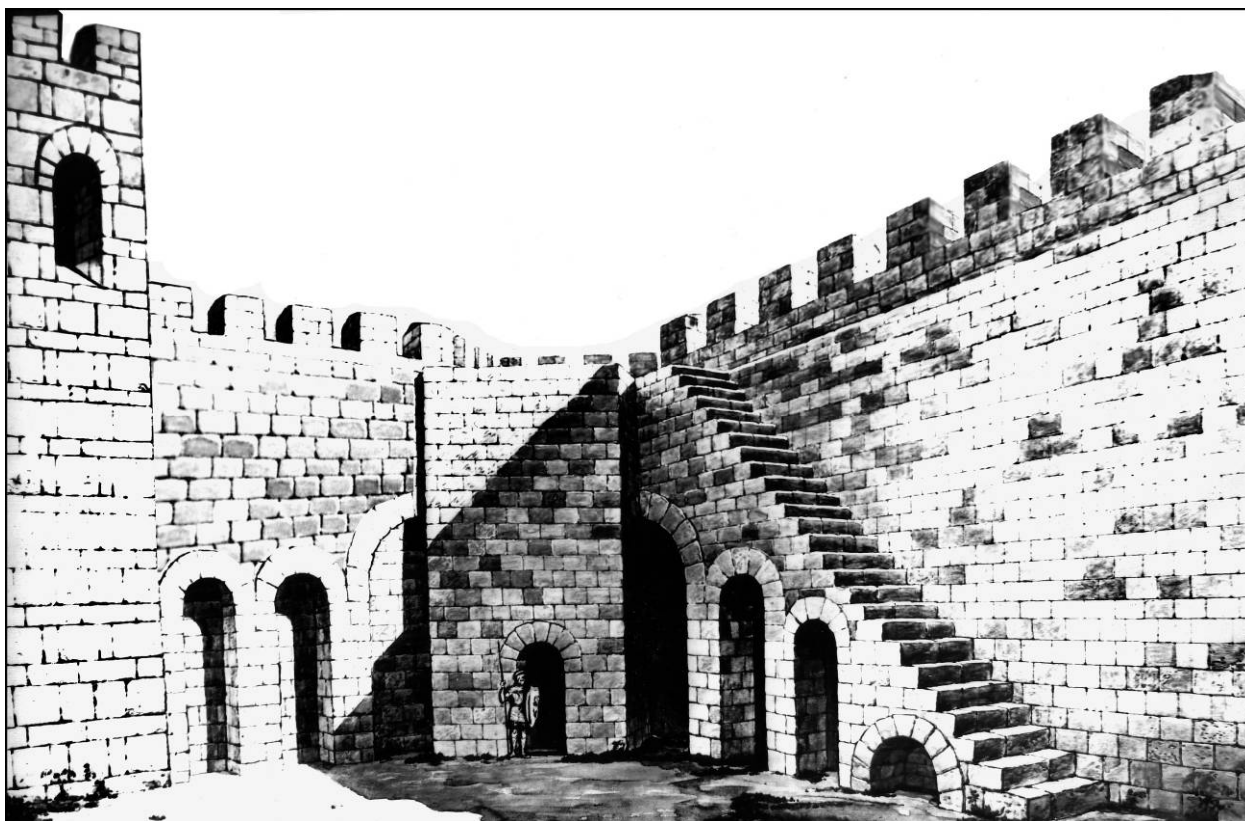

Рис. 9. Куртины 37 и 38, башня XXV VII строительного периода. Слева - башня XXII. Реконструкция И.А. Антоновой, рисунок А.Ф. Снежиной (из фотоархива автора)

Рис. 10. Основания арок 37 куртины VII строительного периода. Снято с запада [3, рис. 301]

Рис. 11. Арочные конструкции комниновского периода в протейхизме «Стены Феодосия». Константинополь. Район Белградских ворот

Рис. 12. Захоронение женщины с ребенком в башне XXV [2, рис. 435]

Рис. 13. 28 куртина над береговым обрывом, нависающим над морем. Современное состояние. Фото 2002 г. (из личного фотоархива М.И. Золотарева)
Справа внизу – рис. И.А. Антоновой [5, с. 2]

Рис. 14. Внешний ряд облицовки 28 куртины [5, рис. 17]

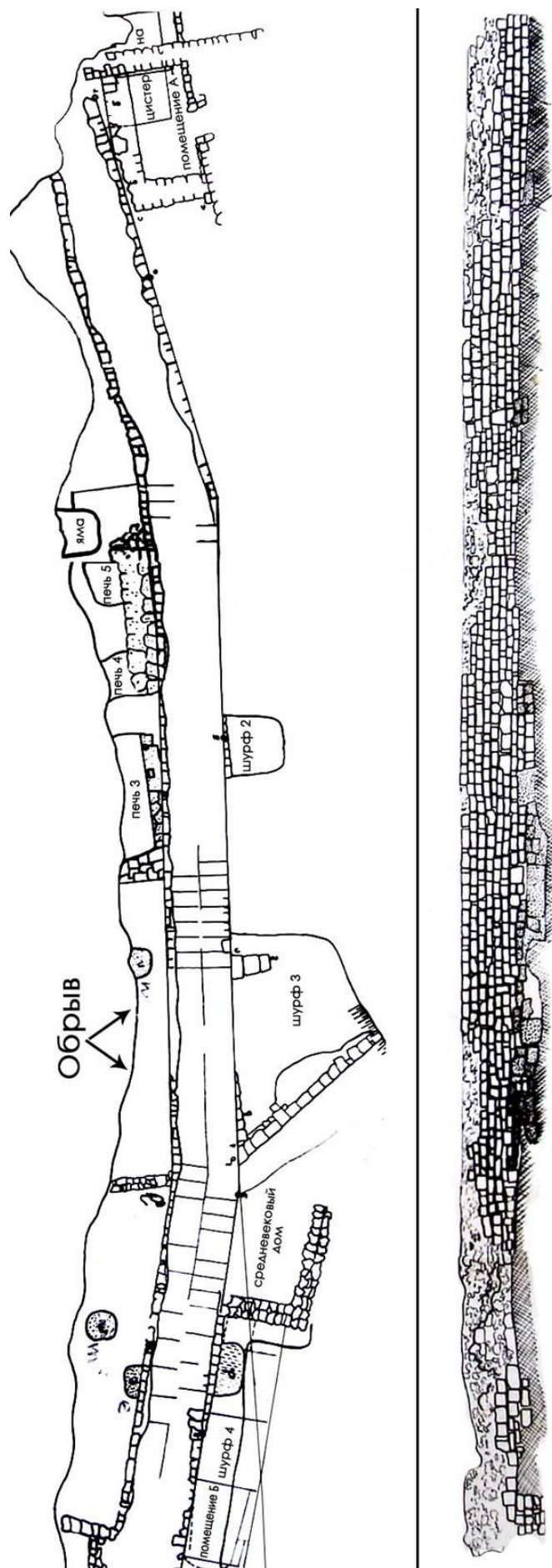

Рис. 15. План раскопа и фасировка внешней стороны 28 куртины [5, табл. II]

Рис 16. Средневековая заделка лакун в скале под 28 куртиной [5, рис. 36]

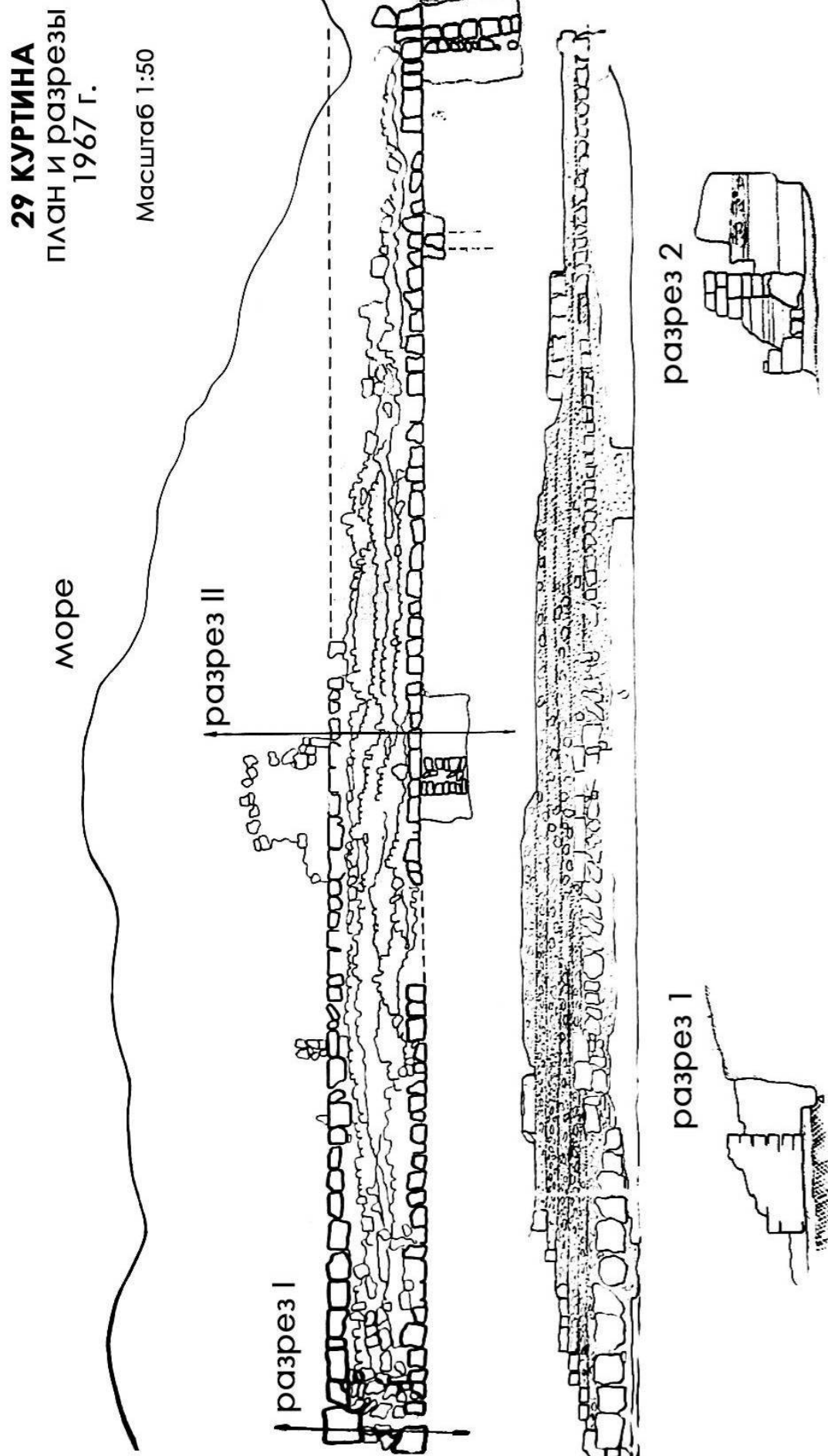

Рис. 17. 29 куртина. План, разрезы и фасировка внешней стороны [5, табл. V]

Рис. 18. Башни южного фланга «Стены Феодосия» (южнее Золотых ворот) со следами сильного сейсмического воздействия. Стамбул. 2007 г. Снято с северо-востока (фото автора)

Рис. 19. Башни южного фланга «Стены Феодосия» (Стамбул) со следами сильного сейсмического воздействия. Снято с запада (фото автора)

Рис. 20. А. «Ядро» башни XVII крепостной ограды Херсонеса (III в. до н.э. – III в.н.э.). Северо-восточный угол, примыкающий к 19-й куртине (фото автора).

Сейсмический удар разорвал камень (слева) и раздвинул его (справа).

Б. Трещина в западной стене Башни XXII IV строительного периода (IX-X вв.), обнаруженная И.А. Антоновой. Современное состояние. Снято с запада. Фото автора

К КАТАЛОГУ БАХЧИСАРАЙСКИХ НАДПИСЕЙ: СТРОИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ МЕЧЕТИ МОЛЛА-МУСТАФА¹

ЧОРЕФ М.М.

Тюменский государственный университет

Из множества квартальных мечетей² Старого Бахчисарая к настоящему времени уцелели лишь единицы. Однако на ул. Севастопольской сохранились две джамии. К сожалению, их история практически не известна. Мы знаем только то, что одна из них – Молла-Мустафа (рис. 1), ныне датируется XVIII в., а вторая – Исми-хан (рис. 2, 3), расположенная чуть ближе к Бахчисарайскому дворцу-музею, по рассказам местных жителей, ранее была караимской кенассой³. Комплексное обследование этих памятников никогда не проводилось. В последние годы джамии ул. Севастопольской были реставрированы. Молла-Мустафа перестроили с использованием современных материалов, а Исми-хан покрыли новой крышей, но не укрепили ее ветхие стены, в результате чего процесс ее разрушения значительно ускорился (рис. 2).

Нам остается только посетовать на сложившуюся ситуацию. Ведь эти памятники крайне интересны. Даже несмотря на неумелую реставрацию, сохранились отдельные аутентичные элементы, которые, как нам кажется, могли бы быть интересны как историкам, интересующимся культовой архитектурой, так и эпиграфистам. К примеру, стоит обратить внимание на ложный южный вход в Исми-хан (рис. 2,1, 3,1). Заметим, что отнюдь не в каждом здании Старого Бахчисарая можно увидеть богато украшенный, но изначально заложенный портал. Однако известно, что подобные ложные входы устраивали в российских синагогах XIX-XX вв., которые по разным причинам нельзя было зарегистрировать в качестве культовых зданий (рис. 3,2,4). Официально эти молельни считались частными домами. Действительно, непосвященному было довольно трудно определить их назначение. Ведь у них был богато украшенный парадный ложный вход с южной стороны, т.е. там, где войти в синагогу было бы невозможно, так как только в этой части здания располагался *שֵׁן הַקֹּדֶשׁ* – «Святой ковчег», в котором хранились свитки Торы (рис. 3,2,4). Подтверждает наше предположение и план здания – квадратного в сечении, с большой двухъярусной комнатой, стены которой на уровне второго этажа были обрамлены широкими и некогда прочными балконами из досок, опирающимися на бревна и огороженные перилами. На них во время молитвы находились женщины, наблюдающие за службой, проводимой мужчинами этажом ниже. О том, что в здании была синагога, говорит и наличие в круглых окнах второго этажа следов витражей с шестиконечными звездами (рис. 2,2).

Как видим, информация местных жителей вполне достоверна. Позволим себе только несколько замечаний, как нам кажется, позволяющих уточнить важные моменты атрибуции этого здания. Дело в том, что жители Бахчисарая в XIX в. навряд ли знали греческое слово *συναγωγή* – «синагога, дом собрания». Зато им были знакомы созвучные ивритские термины *בֵּית מִדְּרָשׁ* или *בֵּית מִשְׁכָּן*, имеющие то же значение и достаточно хорошо распространенные в местной иудейской и караимской среде. Но только ортодоксальные евреи в Российской империи подвергались систематическим религиозным преследованиям и были вынуждены скрывать

¹ Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность И.В. Волкову, оказавшему неоценимую помощь в переводе этой надписи.

² По данным П.С. Палласа, в кон. XVIII в. в Бахчисарае была 31 мечеть [3, с. 29, Л 16 об.]. К середине XIX в. город вырос и их количество увеличилось. Так, по А.В. Терещенко, в нем уже было ок. 40 мечетей [4, с. 85].

³ Первая мечеть была поставлена на учет решениями исполкома Крымского облсовета № 284 от 2.05.1979 г., а вторая – исполкома Крымского облсовета № 164 от 15.04.1986 г., причем, как кенасса. Соответствующие учетные документы готовились Управлением архитектуры и градостроительства и к настоящему времени не сохранились (информация предоставлена сотрудником Республиканского комитета Автономной Республики Крым по охране культурного наследия В.Г. Зарубиным).

от властей свои молитвенные дома. Полагаем, что Исми-хан первоначально была синагогой раввинистов¹, построенной в первой половине XIX в.² и по каким-то неизвестным нам причинам переданной мусульманам. А так как в 1944 г. национальный состав населения Бахчисарая кардинально изменился, то в памяти народной сохранились только смутные сведения о первоначальном назначении этого строения. Местные жители знали только то, что в этом доме некогда находилась кенасса, а именно так большинство крымчан называет молитвенные дома караимов.

Однако обратимся к эпиграфическим памятникам. Их в мечетях на удивление много. Дело в том, что пол Исми-хан в свое время был выложен обломками надгробных плит с мусульманского кладбища. Причем, судя по следам подтески, их клали текстом вниз³. Хотя это и сберегло отдельные фрагменты эпитафий, но ломка камня для предания нужной формы сделала их практически нечитаемыми⁴. Зато почти цела мраморная закладная плита, размещенная над входом в Молла-Мустафа. У нее отбит только верхний левый угол, в котором, к счастью, не было текста. Начнем с этой плиты изучение неизданных эпиграфических памятников г. Бахчисарая.

Сразу же заметим, что у нас нет никаких оснований считать, что эта плита изначально украшала вход в Молла-Мустафа. Ведь здание не раз перестраивалось. К примеру, его минарет мог быть построен не ранее конца XVIII в. Тем же временем следует датировать и типично барочные пятигранные окна ее второго этажа [8, р. 360, 364]. В тоже время закладная плита была высечена в 1600 г. Попытаемся прояснить это обстоятельство, проанализировав сам текст.

Заинтересовавшая нас плита представляет собой блок серого мрамора размером 39 на 25 см (рис. 4). Ее поверхность хорошо подтесана и отшлифована. На лицевой части плиты хорошо виден четырехугольный картуш со скругленными верхними углами, в который вписана пятистрочная низкорельефная надпись с четырьмя линиями-разделителями:

<p>و الخيرات و الحسنات صاحب قنتمير و تعمير ططار ترزی روحلر یچون فاتحه عبد الطیف ۱۰۰۹ سنة</p>	—	<p>«Владыка и сокровищ, и совершенств, портной Кантемир, а строил Татар, раб Ордена⁵. Душам их – Фатиху. 1009 года».</p>
--	---	---

Текст выполнен шрифтом сулюс. Буквы переданы толстой ровной линией. Прослеживается особенность почерка мастера. Заметно, что он не выбирал фон из кружков букв و, ه, ق, م, ر, ف. В надписи отсутствуют огласовки и прочие дополнительные знаки, что впрочем, характерно для средневековой крымской мусульманской эпиграфики.

¹ По свидетельству А.В. Терещенко, представители этой религиозной общности проживали в Бахчисарае уже в первой половине XIX в. [4, с. 84–85]. У них был и молитвенный дом [4, с. 85]. Предполагаем, что он находился в здании современной Исми-хан.

² Несмотря на то, что выяснение этого обстоятельства не является нашей основной задачей, мы не можем обойти его стороной. Наша датировка здания основывается не только на факте выкладки ее полов поздними мусульманскими надгробиями XVIII–XIX вв., опись которых мы готовим, но и, собственно, архитектурными особенностями самого здания. Начнем с того, что у Исми-хан нет минарета. Очевидно и то, что его не было изначально. Кроме того, стены здания сложены из хорошего тесаного камня на известковом растворе, что, опять-таки не характерно для крымско-татарской кладки XVI–XVIII вв. Сам же ложный портал выполнен в классическом стиле. Обратим внимание хотя бы на изящные полуколонны и изысканные, но простые до безупречности обрамления высоких окон первого этажа. Поэтику здания только подчеркивают безукоризненные пояса. Столь же совершенны и круглые окна второго этажа. Вообще, складывается впечатление, что строили Исми-хан с учетом европейских строительных норм первой половины XIX в.

³ Сам факт использования мусульманских надгробий для выкладки пола, как нам кажется, убедительно опровергает гипотезу об изначально устройстве мечети в здании современной Исми-хан.

⁴ В настоящее время большая часть этих плит хранится в КРУ БИКЗ.

⁵ Обоснование перевода фразы عبد الطیف будет приведено ниже.

Надпись представляет собой сочетание арабских и тюркских слов. К последним можно отнести имена донаторов и слова تعمیر – «строил» и یچون – «душам». Все почетные прозвища, эпитеты и благопожелания приведены на языке Корана.

Из текста первой строки надписи следует, что один из донаторов именовал себя صاحب و الخیرات و الحسنات – «владыка и сокровищ, и совершенств». Эти определения не только подчеркивают благочестие и богатство жертвователя, но и свидетельствуют о его высоком положении в обществе. Очевидно, что именно он выделил средства на богоугодное дело, т.е. создал вакф. Однако донатор не принадлежал к родовой или служилой знати. Из второй строки надписи мы узнаем, что он был تَرزى – «портной» [1, с. 100] и звали его قنتمیر – «Кантемир». Очевидно, что жертвователь гордился своей профессией и считал ее престижной, раз уж приказал упомянуть о ней. Полагаем, что он занимал влиятельное положение в цехе бахчисарайских портных. Заметим, что сам факт участия Кантемира свидетельствует об усилении влияния торгово-ремесленной верхушки в жизни средневекового крымско-татарского общества, что, безусловно, должно быть увязано с относительным процветанием экономики государства. Вернее всего, именно этими обстоятельствами и следует объяснять временное улучшение монетной стопы серебра крымского чекана при Гази Гирае II (1588-1596, 1596-1607).

Но вернемся к нашей надписи. Далее по тексту упоминается Татар¹, построивший богоугодное здание на средства Кантемира. О нем в надписи куда меньше сведений. Так как прославляющие его эпитеты в надписи отсутствуют, то он, очевидно, не принадлежал к элите. Можно даже предположить, что Татар был простым наемным работником, выполнившим поручение первого донатора. Ведь в тексте прямо сказано, что он строил на деньги Кантемира. Но, в таком случае, почему его упомянули в надписи? Заметим, что даже имена величайших архитекторов средневекового Востока не известны на закладных плитах их строений. Считаем, что поднятый нами вопрос достаточно важен и заслуживают тщательного рассмотрения.

К счастью, у нас достаточно информации для поиска ответа на него. Дело в том, что мы пока еще не истолковали весьма примечательную фразу عبد الطیف. Конечно, ее можно вовсе не переводить, посчитав одним из множества вновь выявленных средневековых татарских имен, образованных от мусульманских эпитетов. Или трактовать его как «раб призрака» или «раб видения». ² Также допустимо предполагать, что Татар был связанным какими-то обязательствами с общиной аравийского г. Таифа³. А если учесть то обстоятельство, что слово переводится и как «часть, доля» [9, р. 1905], то таинственного строителя можно вовсе посчитать если не рабом, то, в любом случае, зависимым человеком. Уж очень многозначно слово طیف и совершенно однозначно трактуем термин عبد. Однако мы все же попробуем установить смысл выражения عبد الطیف.

Начнем с того, что наличие определенного артикля ال говорит о том, что заинтересовавшее нас слово представляет собой некоторое общеизвестное понятие, если и нуждавшееся в уточнении, то исключительно для конкретизации. И, действительно, в лексиконе образованного жителя средневекового Ближнего Востока в то время обязательно присутствовало слово طیف – «группа, сообщество, организация», а именно так называли суфийские общины. А именно их члены и именовали себя «рабами Ордена»⁴. Полагаем, что упомянутый в надписи Татар был суфием.

Перейдем к последним словам текста. Речь идет о фразе روحلر یچون فاتحه. Перевести ее можно только как «душам их – Фатиху». Понятно, что речь идет о благопожеланиях, содержащихся в первой, «открывающей» суре Корана. Упоминания о ней традиционно размещали как в посвячительных надписях, так и в средневековых эпитафиях [2, с. 504–507, № 10–25]. В тексте указана и дата завершения строительства. Его завершили в 1109 г.х.

¹ У нас нет никаких оснований трактовать слово ططار как указание на национальность строителя. Дело в том, что подобного рода обозначения не известны в мусульманской письменной традиции. Заметим, что однозвучные имена и фамилии известны у крымских татар.

² Т.е. читать его как طیف [9, р. 1905-1096].

³ Арабографическое написание – فئ اطل ا.

⁴ Мы принимаем трактовку термина Tā'ifas, предложенную Д.С. Тримингэмом [10, р. 67-105].

Но что же за сооружение воздвигли Кантемир и Татар? Полагаем, что это было важное здание, очевидно, культовое, располагавшееся если не на месте, то поблизости от современной джамии Молла-Мустафа. Иначе не было бы смысла размещать старую закладную плиту над входом во вновь возведенное здание. Вернее всего, донаторы построили мечеть.

Заметим, что нас не должно удивлять отсутствие в тексте надписи очевидного упоминания мечети. Дело в том, что подобного рода сведения отсутствуют на закладных плитах ряда джамий Востока. Известны они и в Крыму. К примеру, на закладной плите Биюк-Джами, размещенной ныне над входом в баню Сары-Гюзель, выбиты только имена донатора Сахиб Гирая I (1532-1551) и его предков [6, с. 472-480]. О назначении здания можно узнать только из текста.

Таким образом, разобрав надпись над входом в Молла-Мустафа, нам удалось установить предназначение и дату возведения здания, построенного Кантамиром и Татаром. Очевидно, что оно изначально было мечетью, посещаемой местными суфиями. Сам факт ее возведения донаторами, как было установлено, не относящимися татарской знати, свидетельствует об усилении влияния исламизированного городского населения, выразителем интересов которого стало мусульманское духовенство, в т.ч. и мистики-суфии. Заметим, что именно эту картину в Крыму наблюдал Эвлия Челеби [7, с. 51, 572, 605, 606, 607, 619-620, 623, 643-644, 647, 666, 676-677, 680-681, 687, 688, 692-697]. Полагаем, что подобные новации стали возможны только в результате усиления османского влияния в регионе. Возможно, что именно с этим обстоятельством следует увязывать и одновременное проникновение в Северное Причерноморье крупной монеты турецкого чекана¹. Однако поиск ответа на этот вопрос уж слишком сильно уводит нас от темы нашего исследования. Надеемся, что в ближайшее время нам удастся выявить эпиграфический материал, исследование которого позволит найти ответ на поставленный вопрос.

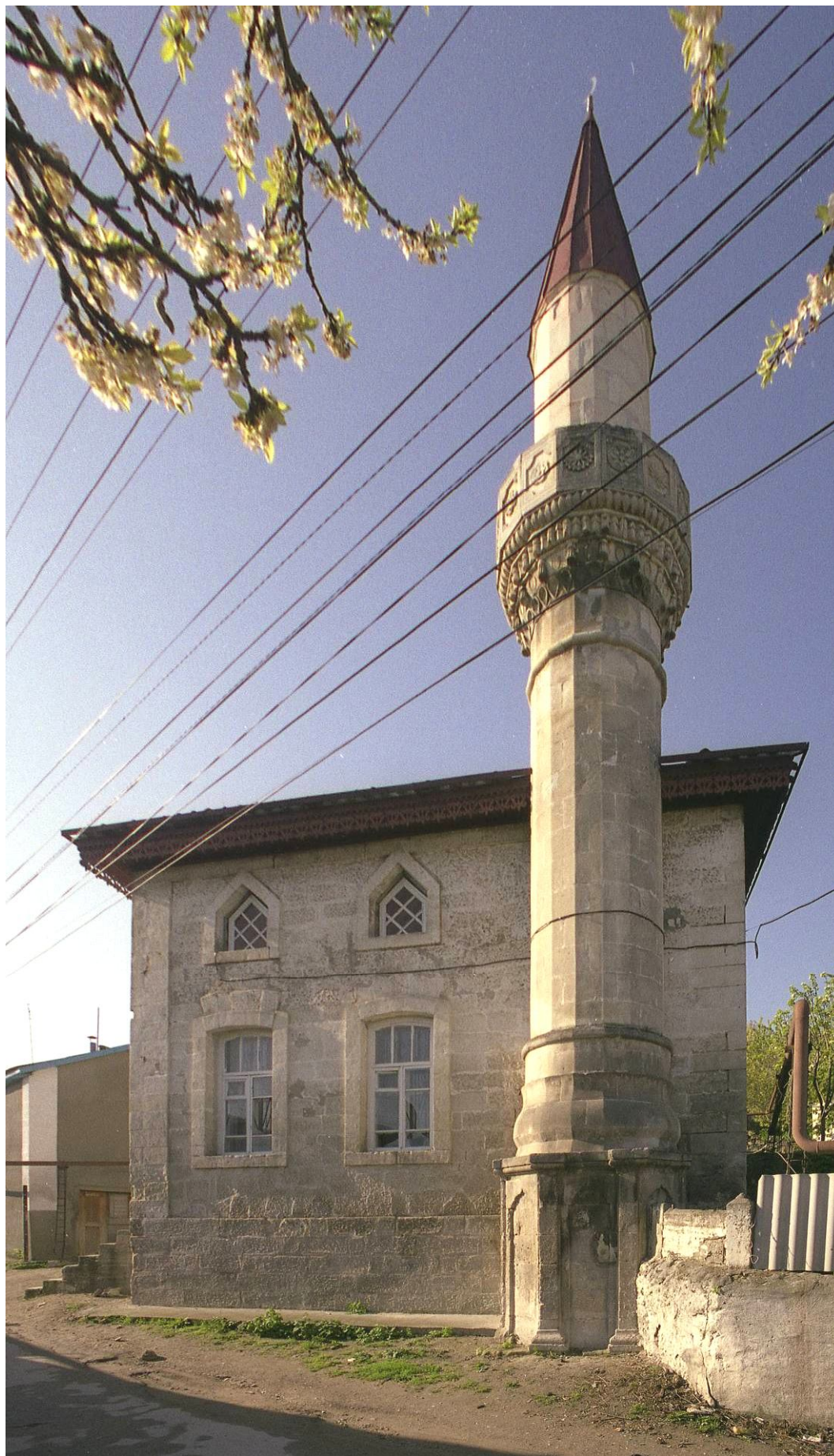
Источники и литература.

1. Баранов Х.К. Большой арабско-русский словарь. М., 2006. Т. I.
2. [Борзенко А., Домбровский Ф.М., Кузьмин В.П., Негри А.Ф.] Бахчисарайские арабские и турецкие надписи // ЗООИД, 1848. Т. II.
3. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-94 гг. // Научное наследие. М., 1999. Т. 27.
4. Терещенко А. Очерки Новороссийского края. IV. Некоторые местности Южного Крыма // ЖМНП, 1854. Ч. LXXXIV.
5. Чореф М.М. К вопросу об обращении иностранной монеты в Крыму в XVI-XIX вв. // МАИАСК, 2011. Вып. III.
6. Чореф М.М. Строительная надпись над входом в Сары-Гюзель // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Київ, 2010.
7. Evliya Celebi. Seyahatnamesi. İstanbul, 1928. Cilt. VII.
8. Freely J. A History of Ottoman Architecture. Boston, 2011.
9. Lane E.W. An Arabic-English Lexicon. In eight part. Beirut, 1968. P. V.
10. Trimingham J.S. The Sufi Orders in Islam. Oxford, 1971.

Сокращения.

ЖМНП –	Журнал Министерства народного просвещения.
ЗООИД –	Записки Одесского общества истории и древностей.
КРУ БИКЗ –	Крымское Республиканское учреждение «Бахчисарайский историко-культурный заповедник».
МАИАСК –	Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма.

¹ Нам удалось проследить это по кладам [5, с. 359-362].

**Рис. 1. Мечеть Молла-Мустафа, современное состояние
(фотография Н.В. Днепровского)**

1

2

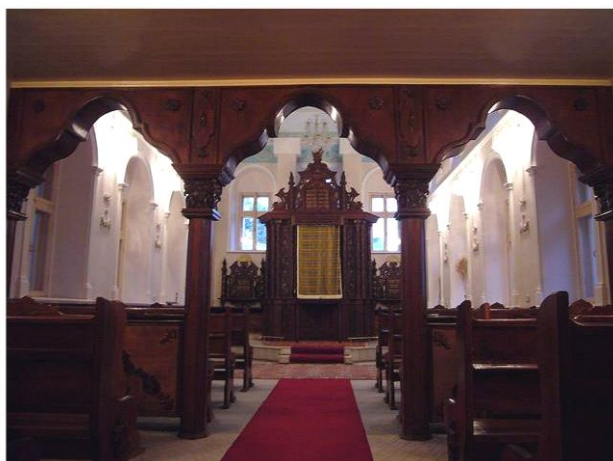
Рис. 2. Мечать Исми-хан
1 – вид с юга (фотография Н.В. Днепровского); 2 – вид с запада

1

2

3

4

Рис. 3. К вопросу о наличии ложного южного портала в синагогах Восточной Европы
 1-ложный южный вход в Исми-хан; 2-синагога на Подоле (Киев), вид с юга;
 3-малая караимская кенасса г. Евпатории, вид на ארון הקודש. В южной стене этого здания
 нет ложного входа. 4-ארון הקודש-4 синагоги на Подоле (Киев)

Рис. 4. Закладная надпись из мечети Молла-Мустафа

V

НУМИЗМАТИКА

«ВАРВАРСКИЕ» ПОДРАЖАНИЯ РИМСКИМ МОНЕТАМ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ И МОЛДОВЫ

Анохин О.В.

Государственный архив Черновицкой области

«Варварские» подражания – это монетовидные имитации римских монет. Особенностью, отличающей большинство подражаний от монет официального римского чекана, является карикатурность изображения и ошибки в написании легенды, а то и вовсе бессмысленный набор букв и символов. Но все они, в общем, соответствуют стилю монет официального римского чекана – расположению бюста императора на аверсе и персонификации на реверсе.

Непосредственная близость к границам Римской империи, влияние её провинциальной культуры, отсутствие собственной денежной единицы, послужило причиной того, что платёжным средством у так называемых «варварских» народностей, населявших в то время территорию Украины и Молдовы были римские монеты, о чём свидетельствуют их многочисленные клады [3, с.12]. Они использовались в товарно-денежных операциях не только во внешней торговле, но и во внутреннем обращении [1, с. 58]. Недосток оборотных монет, а позже начавшийся в начале III в.н.э. [6, с.147] кризис в Римской империи, прекращение эмиссии полноценной серебряной монеты и уменьшение притока римских монет на эти территории, привело к появлению потребности компенсировать их подражаниями местного чекана.

Находки «варварских» подражаний римским монетам на территории Украины и Молдовы можно разделить на три группы:

1. Подражания Пшеворской культуры, которые имитировали денарии Римской республики. Места основных находок: Ивано-Франковская, Львовская и Тернопольская область. Предположительное время чеканки: II-I вв. до н.э. Изготавливались из серебра и бронзы, плакированной серебром (рис. 1).

2. Подражания Черняховской культуры, которые имитировали ауреусы, денарии и антонинианы Римской империи. Места основных находок: Винницкая, Волынская, Житомирская, Ивано-Франковская, Киевская, Кировоградская, Львовская, Николаевская, Одесская, Полтавская, Ровенская, Тернопольская, Харьковская, Хмельницкая, Черкасская, Черновицкая области и Молдова. Предположительное время чеканки: II-IV вв. Изготавливались из золота, серебра, бронзы, плакированной серебром и бронзы, плакированной золотом (рис. 2).

3. «Таманские денарии» [7, с. 33] которые получили своё название благодаря месту чеканки – Таманскому полуострову Краснодарского края России, имитировали денарии Рим-

ской империи. Ещё одно название данных подражаний - "денарий с типом идущего Марса". Ранние подражания изготавливались из высокопробного серебра и были довольно схожи по стилю с денариями официального чекана, постепенно изображения деградировали, а также изменялся состав металла от серебра к билону, а от него к бронзе. Место основных находок: Крым. Предположительное время чеканки: III-IV в. Изготавливались из серебра, билона и бронзы (рис. 3).

Подражания из разных металлов имели различное предназначение.

Подражания из серебра использовали по прямому назначению – как денежное средство. Очень часто в кладах с римскими монетами находят подражания. Это указывает на то, что носители «варварских» культур не делали разницы между монетами официального римского чекана и подражаниями. К примеру, в кладе римских имперских денариев, найденном в 2003 г. в Винницкой области [4, с. 7-10], среди учтённых и описанных 88 монет, было выявлено 11 подражаний. Это также подтверждает описание клада римских республиканских денариев, найденного в 2009 г. возле с. Почапы Золочевского района Львовской области [5, с. 164-168], в котором среди 35 монет было выявлено 8 подражаний. Как украшения подражания из серебра практически не использовали, отверстия среди них имеют только единицы. Так, из 159 подражаний из серебра только 2 имеют отверстия и 1 припаянное ушко для использования его в виде подвески. В основном они изготавливались из высокопробного серебра, известно лишь одно подражание из билона.

Подражания из золота или бронзы, плакированной золотом, по моему мнению, в основном, использовались лишь как украшения. На 35 подражаниях из золота только 3 не имеют отверстий, а среди 48 подражаний из бронзы, плакированной золотом, все 100% имеют отверстия или приделанные ушки для использования их в виде подвесок. Довольно часто среди них попадаются одноштемпельные, которые находят на значительных расстояниях одно от другого.

На рис. 4 можно увидеть одноштемпельные подражания, найденные в Винницкой, Волынской и Житомирской областях. Известно ещё три подражания данного штемпеля, найденные в Винницкой и Житомирской областях, все они тоже имеют отверстия.

Известны находки плакированных золотом подражаний, где в отверстиях сохранилась плакировка, что говорит о том, что у них сначала делалось отверстие, а только потом наносилось золотое покрытие. На рис. 5 – подражание, найденное в Тернопольской области, на котором сохранились остатки плакировки в отверстиях.

На рис. 6 – подражание, найденное в Хмельницкой области. По остаткам плакировки можно увидеть, что сначала было припаяно ушко подвески, а только потом наносилась плакировка.

Отверстие или ушко на подражаниях, практически всегда расположено над бюстом. Получается, что «варвары» заботились об эстетическом виде украшения и оно предназначалось для ношения на видном месте (см. рис. 7).

В это же время у монет официальной римской чеканки, найденных на поселениях Черняховской культуры, отверстия расположены в произвольном месте (см. рис. 8).

Массовость находок подражаний на территориях поселений Черняховской культуры в Украине и Молдове [2], в том числе частые находки одноштемпельных образцов, в отличие от единичных находок подражаний на территориях других стран Центральной и Северной Европы, говорит о том, что есть все основания отнести их к местной чеканке.

В таблице № 1 указано распределение находок варварских подражаний в разрезе по областям Украины и в Молдове.

Источники и литература.

1. Брайчевский М. Ю. Римская монета на территории Украины // Киев, 1959. 244 с.
2. Галерея варварских подражаний римским монетам. [Электронный ресурс] // Сайт «Галерея варварских подражаний римским монетам». Режим доступа: <http://barbarous-imitations.narod2.ru>
3. Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР. // САИ, вып. Г4-4, 1961. 135 с.
4. Кузьменко О. Клад римских денариев // Справочно-информационный журнал "Нумизматика и Фалеристика", 2006 год № 3. С. 7-10

5. Пивоваров С., Онищук Я. Клад Римских республиканских монет из с. Почапы в верховьях Западного Буга. // Археологические исследования Львовского университета. 2009, вып. 12. С. 164-168
6. Сергеев И. Римская Империя в III веке нашей эры // Харьков, 1999, 223 с.
7. Сергеев А. Я. Таманский денарий // Седьмая всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 1999. С. 33-34.

Сокращения.

САИ – Свод археологических источников

Таблица 1. Расположение находок подражаний

Область находок подражаний	Подражания из золота	Подражания из серебра	Подражания из бронзы (в т. ч. плакированные)
Винницкая область	5	44	14
Волынская область	1	8	1
Днепропетровская область	-	-	-
Донецкая область	-	-	-
Житомирская область	1	3	5
Закарпатская область	-	-	-
Запорожская область	-	-	-
Ивано-Франковская область	-	1	1
Киевская область	4	13	6
Кировоградская область	1	-	1
Луганская область	-	-	-
Львовская область	-	11	-
Николаевская область	1	1	-
Одесская область	-	2	1
Полтавская область	1	1	1
Ровненская область	1	10	-
Сумская область	1	-	1
Тернопольская область	3	3	8
Харьковская область	-	3	-
Херсонская область	-	-	-
Хмельницкая область	1	21	10
Черкасская область	7	1	1
Черниговская область	-	-	-
Черновицкая область	1	4	2
АР Крым	1	-	1
Молдова	1	8	4
Область находки неизвестна	4	16	2
Общее количество	34	150	59

Рис. 1. (подражания Пшеворской культуры)

Рис. 2. (подражания Черняховской культуры)

Рис. 3. («Таманские денарии»)

Рис. 4. (одноштемпельные подражания)

Рис. 5. (остатки плакировки в отверстиях)

Рис. 6. (остатки плакировки на ушке подражания)

Рис. 7. (расположение отверстий на подражаниях)

Рис. 8. (расположение отверстий на монетах официальной римской чеканки)

Рис. 9 Подражания из золота: 1,2 – ауреусу Антонина Пия, 3 – ауреусу Марка Аврелия. 4 - ауреусу Фаустины II, 5 - ауреусу Коммода, 6 – ауреусу Песциния Нигера, 7 – ауреусу Септимия Севера, 8 – ауреусу Каракаллы, 9 – ауреусу Александра Севера, 10 – ауреусу Проба.

Рис. 10. Подражания из серебра: 1 – денарию Траяна, 2 – денарию Адриана, 3 – денарию Антонина Пия, 4 – денарию Фаустины I, 5 – денарию Марка Аврелия, 6 – денарию Фаустины II, 7 – денарию Луция Вера, 8 – денарию Луциллы, 9 – денарию Коммода, 10 – денарию Септимия Севера.

Рис. 11. Подражания из бронзы: 1 – денарию Адриана, 2 – ауреусу Антонина Пия, 3 – денарию Фаустины I, 4-6 – ауреусу Марка Аврелия, 7, 8 – ауреусу Проба, 9 - ауреусу Максимиана, 10 – ауреусу Диоклетиана

«NON DEFICIT ALTER AUREUS», ИЛИ К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ ТАВРИДЫ В ПЕРВЫХ ВЕКАХ НОВОЙ ЭРЫ

ЧОРЕФ М.М.

Тюменский государственный университет

Нумизматические памятники античной Таврики попали в поле зрения ученых еще в XVIII в. Стараниями многих поколений исследователей было зафиксировано огромное количество кладов и единичных находок. В середине XX в. начался научный анализ материала. Первым занялся этой проблемой В.В. Кропоткин. Выход в свет его монографии «Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры» [28] стало подлинным событием научной жизни. В этой книге были приведены итоги многолетнего изучения нумизматических памятников региона, сведения о которых были заранее кодифицированы им в [26; 27]. Важным достижением ученого стало формулирование постулата о различии в составе денежных масс, обращавшихся на варварской и романизированной территориях. Причем В.В. Кропоткин основывался не только на археологическом материале, но и на свидетельствах римских историков. Развивая идеи М.Ю. Брайчевского [14; 15] и ссылаясь на Публия Корнелия Тацита и Диона Кассия Кокцеана, ученый доказал, что раз дальние соседи римлян предпочитали полноценную монету, в первую очередь, серебро, то подданным империи приходилось довольствоваться низкопробными деньгами [28, с. 22]¹. По собранным В.В. Кропоткиным данным, активное проникновение денария на рынки Восточной Европы началось при Нероне Клавдии Цезаре (Нерон) (54–68 гг. н.э.), испытало пик при Антонинах и фактически завершилось при Северах [28, с. 27]. В.В. Кропоткин объяснял это явление падением стопы римского серебра в III в. н.э. В порче монеты он видел и причину редкости кладов позднейших монет имперского чекана.

Примечательно и то, что ученый попытался объяснить появление варварских подражаний римскому золоту и серебру. Ученый справедливо заключил, что варвары Восточной Европы, столкнувшись с нехваткой полноценной монеты имперского чекана, были вынуждены наладить на местах эмиссию собственных подражаний. Его гипотезы о месте и обстоятельстве появления в обращении отдельных серий таких имитаций остаются актуальными и до сих пор.

Однако наука не стоит на месте. В последние годы вышли в свет монографии К. Преды, Е.С. Столярика и С.Ю. Сапрыкина, посвященные анализу состава денежного обращения отдельных регионов Восточной Европы: исторической Дакии, Северо-Западного Причерноморья и Юго-Западного Крыма [37; 42; 48; 90]. Сведения о кладах и отдельных находках античных монет на территории Восточной Европы регулярно появляются в печати² [8, с. 155-170; 9, с. 145-154; 10, с. 171-174; 11, с. 14-16, 19, 36; 12, с. 110-143; 13, с. 95-97; 17, с. 19-52; 18, с. 202-205; 22, с. 108-127; 23, с. 70-76; 25, с. 74-102; 32, с. 46-51; 33, с. 82-86; 33, с. 50-63; 34, с. 45-46; 35, с. 56-61; 37, с. 125-133; 38, с. 15-35; 39, с. 164-168; 46, с. 133-144; 47, с. 534-549; 59]. Наши представления о нумизматике региона постоянно меняются. Выявленные обстоятельства позволяют по-новому взглянуть на монетное обращение не только варварских территорий Восточной Европы, но и романизированной Таврики. Причем, если вопрос трактовки единичных находок римских монет на варварских территориях Восточной Европе уже достаточно полно освещен К.В. Мызгиным [33, с. 50-63; 34, с. 45-46; 35, с. 56-61], то кладам в последние годы, к сожалению, практически не уделяется должного внимания. Наиболее точно это отношение к монетным сокровищам было сформулировано вышеупомянутым украинским исследователем: «...клады не могут играть серьезной роли», так как «являясь, по сути, спрятанным богатством, монеты, оставленные в кладах, тщательно отбирались их хозяевами» [33, с. 52]. Как ви-

¹ Считаю своим долгом сделать только маленькую поправку: заинтересовавший В.В. Кропоткина и его последователей пассаж приведен у Диона Кассия Кокцеана не в LXXXII, а в LXXVIII книге его «Ρομαϊκή» (Δίον ὁ Κάσσιος, LXXVIII, 14:3,4), от которой, кстати, дошло только восемьдесят βιβλία.

² Отметим только те из них, которые по разным причинам оказались в поле нашего зрения.

дим, К.В. Мызгин настаивает на лишении крупных нумизматических памятников всякой исторической ценности. Нам же подобная точка зрения видится несколько опрометчивой. Ведь любая монета, в том числе бронзовая, а, тем более, золотая, могла являться «богатством». Естественно, с исторической и нумизматической точек зрения тоже. Чтобы наилучшим образом проиллюстрировать и обосновать этот тезис, приведем наши соображения по поводу атрибуции ряда кладовых комплексов Таврики первых веков н.э.

Первым делом выделим периоды обращения групп монет¹, использовавшихся жителями региона в интересующую нас эпоху. Известно, что римляне влияли на политическую ситуацию в Северном Причерноморье еще до Митридатовых войн (89-84, 83-81, 74-63 гг. до н. э.) [30, с. 23-40; 79, р. 137-152]². Однако в то время их золото и серебро в регионе фактически³ не использовалось. Дело в том, что монеты Республики так и не стали мировыми деньгами. Они были неудобны при расчетах, так как римляне золото практически не чеканили⁴, а свои денарии выпускали по стопе, не соответствующей весовым характеристикам, принятым в государствах Передней Азии и Понта. Да и проба римского серебра постоянно варьировалась⁵. Как следствие, в провинциях Республики продолжалась эмиссия привычных населению денежных знаков, причем с сохранением традиционного стиля оформления⁶. Римская валюта в тот период использовалась за пределами Италии разве что в пограничной зоне, населенной варварами, к тому времени еще не наладившими собственную эмиссию, да в районах дислокации легионов⁷. Только во времена Императора Цезаря Августа⁸ (27 г. до н.э. – 14 г. н.э.) монетные дворы всего Средиземноморья перешли к выпуску ауреуса и денария – основных единиц италийской системы, а также их фракций. К ним привязывали курсы всех остальных денежных единиц Средиземноморья. Так, драхма родосской системы, ставшая со времен «сына бога Юлия» основным платежным⁹ средством римского Востока, была приравнена к $\frac{3}{4}$ денария. Однако для крупных сделок серебряная монета была не слишком удобна. Жители империи предпочитали использовать куда более компактное и полноценное золото¹⁰. Тем более что в тот период недостатка в нем не было – его чеканили в столице и важнейших провинциальных центрах. Используя сложившуюся конъюнктуру, цари Боспора¹¹ сначала под римским контролем [53, с. 107-110; 54, с. 25-28], а потом и самостоятельно эмитировали статеры, превышающие по весу римские ауре-

¹ На данном этапе исследования предлагаем сконцентрировать внимание исключительно на анализе крупнейших номиналов рассматриваемых денежных систем.

² Речь идет о надписи, изданной Р.Х. Лепером и В.В. Латышевым (IOSPE I², 402).

³ Если не считать, конечно, свидетельством обратного подражания золоту и серебру Республики кельтской работы, крайне редко находимые на территории Украины. Правда, район их изготовления пока еще не установлен [8, с. 155, 170, Табл. I,7].

⁴ Так, золотые в 20 (ок. 1,1 г), 40 (ок. 2,25 г) и 60 (3,34 г) ассов были выпущены в 211-207 гг. до н.э. [92, р. 76, № 3,4,5]. Ауреусы весом ок. 10,7 г чеканили римские магистраты и полководцы [92, р. 76-77, № 6-20]. В ранней Республике (217-216 гг. до н.э.) били и собственные статеры, а также их фракции [92, р. 75, № 1,2]. Правда, они весили в лучшем случае ок. 7 г при норме 8,2-8,5 г для одноименных золотых чеканки эллинистических государств.

⁵ Дело в том, что для монетного дела Республики была присуща регулярная эмиссия неполноценной монеты. К примеру, порча денария началась уже во II в. до н.э. Выпуски неполноценных денег шли на удовлетворение требований сторонников популяров. Апогеем государственного фальшивомонетчества стала эмиссия медных плакированных серебром денариев с зазубренным гуртом, проводимая мариянцами во время борьбы с Луцием Корнелием Суллой. Только к концу I в. н.э. римскую валюту удалось на время стабилизировать [36, с. 84-85]. Однако гражданские войны 40-30 гг. до н.э. привели к выбросу в обращение огромной массы неполноценной монеты.

⁶ Римские квесторы, провинциальные наместники и полководцы были вынуждены эмитировать подобные деньги для Афин, Крита, Македонии и территорий бывшего Пергамского царства [36, с. 90].

⁷ Хотя не только гражданские лица, но и солдаты предпочитали драхмы денариям (Ἀπλιανός, Ρωμαϊκόν ἐμφολίον, В-Е').

⁸ В современной историографии его принято именовать Октавианом Августом, что, с нашей точки зрения, совершенно недопустимо. Ведь его называли Цезарем Октавианом, т.е. октавиевым, не настоящим, только враги с легкой руки Марка Туллия Цицерона. Заметим, что ни на монетах, ни в текстах надписей этого императора Октавианом никогда не именовали. Куда вернее называть его Гаем Октавием Цезарем Августом, как это делал Гай Светоний Транквилл, или Императором Цезарем Августом, т.е. с учетом почетных прозвищ, полученных им после победы над Марком Антонием и Клеопатрой VII (51-30 гг. до н.э.).

⁹ Правда, в Кесарее Каппадокийской чеканили драхму, эквивалентную денарию, в Александрии Египетской выпускали биллонные монеты по особой стопе (ее тетрадрахма была равноценна денарию), да и в Антиохии на Оронте били серебро традиционного аттического веса.

¹⁰ Вопрос об узаконенной фальсификации римского серебра рассмотрим ниже.

¹¹ О других эмиссиях золота в клиентальных Риму царствах мы не знаем.

усы [21, с. 56, Табл. 33; 53, с. 107-110; 54]. При Тиберии Юлии Цезаре¹ (Тиберий) (14-37 гг. н.э.) золото стали бить и в Херсонесе [55, с. 88-89, рис. 2,2; 68, р. 42]. Время обращения всех этих монет мы выделяем в первый период, который назовем эпохой денария–статера.

Однако кризис рабовладельческого хозяйства, усугубленный нарастающим натиском варваров, дестабилизировал обстановку и вызвал порчу монеты. В начале III в. н.э. денарий чеканили уже из биллона. Римские власти, пытаясь стабилизировать ситуацию, выпустили в 214/5 г. н.э. новые монеты – т.н. антонинианы², весившие в 1,5 больше стандартных денариев³. Их изготавливали из того же низкопробного сплава. Вскоре они потеснили денарий, но со временем совершенно обесценились – их стопа понижалась даже быстрее, чем в I-II вв. н.э. портили денарии. Однако в Таврике известны клады и единичные находки т.н. антонинианов. Очевидно, что эти монеты, являясь важным средством платежа, могли образовывать и сокровища. Тем более что к середине III в. н.э. из обращения практически исчезла золотая монета римского чекана – она стала основным объектом тезаврации. А редкие выпуски ауреусов «солдатских императоров» практически не поступали на рынок, так как представляли собой донативы для раздачи войскам.

Нехватка полноценной монеты государственного чекана привела к возникновению в ряде провинций незаконных эмиссионных центров. Известно, что в ряде регионов империи лили подражания денариям I-II вв. н.э. Римская Таврика не стала исключением. Кроме того, в ее приграничной зоне ходили варварские подражания золоту и серебру римского чекана. Так, в Северо-Восточном Причерноморье обращались т.н. «таманские денарии» – варварские имитации римского серебра второй половины II в. н.э. Очевидно, что ближайшие соседи Рима, привыкшие использовать его ходячую монету, были вынуждены тогда начать эмиссию подражаний для нужд своего рынка. Понятно, что и денежное обращение Боспора и Римской Таврики их также усваивало. Полагаем, что эти суррогаты могли цениться за содержащийся в них драгоценный металл. В то же время, государственная эмиссия на Боспоре не прекратилась. Правители царства продолжали чеканить статеры. Однако сложность обстановки привела к обвальному

¹ Гай Светоний Транквилл именуется его Тиберием Клавдием Нероном, т.е. тем именем, которое он носил до усыновления Императором Цезарем Августом.

² Насколько нам известно, это название было позаимствовано из «Scriptores Historiae Augustae». Правда, там оно, как правило, использовалось для обозначения золотой монеты. Так, «золотые антонинианы» жаловали Луцию Домицию Аврелиану (SHA. Divus Aurelianus, IX,1, XII,1) и Марку Аврелию Пробу (SHA. Probus, IV, 1). Судя по тексту, они могли быть медальонами, а не просто ходячей монетой крупнейшего номинала. Подтверждает нашу гипотезу и то, что «серебряные антонинианы» упомянуты в «Scriptores Historiae Augustae» лишь единожды (SHA. Firmus, Saturninus, Proculus et Bonosi XV,1), да и то при описании событий времен позднейших узурпаций второй половины III в. н.э., когда экономика и финансы империи находились на грани краха. Кстати, это единственный известный случай их массового выпуска. Получается, что авторы хроник под антонинианами имели в виду не полноценную ходячую монету, а медальоны–жетоны из драгоценных металлов, предназначенные, как правило, для раздачи полководцам, но, в крайнем случае, выдававшиеся и войскам. Следовательно, у нас нет никаких оснований называть антонинианами биллонную римскую монету. Однако мы продолжим использовать этот термин, так как он привычен современным историкам и нумизматам. Надеемся, что в ближайшее время нам удастся установить номинал этой самой ходовой римской монеты III в. н.э.

³ К настоящему времени нет единой точки зрения по вопросу об их номинале [85, р. VI, VII]. Хотя в них часто видят двойные денарии, однако вес этих монет не позволяет считать их таковыми. Заметим, что именно весовые характеристики позволяют прояснить причины выпуска т.н. антонинианов, первоначальный регион их обращения и соответствие с иными платежными средствами империи. Но для начала нужно абстрагироваться от тривиальных представлений о римской монетной системе. Как известно, на востоке империи эмитировали т.н. кистофор – тетрадрахму по родосской стопе. Его теоретический вес составлял ок. 10,2 г. и он был эквивалентен трем денариям весом в 3,41 г. Заметим, что средний антониниан содержит ровно в половину меньше серебросодержащего сплава. В таком случае, у нас есть все основания считать его дидрахмой родосской системы и, в тоже время, монетой в полтора денария. Полагаем, что его стали чеканить для восточных провинций империи с целью наилучшим образом увязать римскую и местные валюты, а этого, очевидно, и стоило бы ожидать от императора Марка Аврелия Севера Антонина (Каракаллы), официально провозглашавшего себя новым Александром и готовящегося в то время к завоеванию Парфии. Следовательно, у нас есть все основания отвергнуть недоказуемую нумизматическую спекуляцию об антониниане как о монете с изначально принудительным курсом в два денария. Заметим, что мы не можем трактовать корону на голове императора априори как обозначение номинала. Ведь на денариях, ауреусах и их фракциях (имеются в виду квинарии) правителя изображали в лавровом венке. Следовательно, и лучевая корона могла иметь иное значение, кроме практически общепринятого указания на монетное достоинство. Полагаем, что у римлян бытовали обозначения номинала золота и серебра, не встречающиеся на меди, бронзе и аурихалке, нам, к сожалению, неизвестные. Этот вопрос требует дополнительного исследования.

ухудшению стопы всех денежных знаков, обращавшихся в регионе. К концу III в. н.э. варвары чеканили денарии из меди, плакированной свинцом или оловом [43, с. 11, 18-19; 44, с. 33-34], а цари Боспора стали бить свои «золотые» из бронзы, содержащей крайне незначительные примеси драгоценных металлов [51, с. 85]. Период обращения т.н. антонинианов, варварских денариев и боспорских статеров мы выделяем во второй этап.

С конца III по начало VI вв. н.э. в денежное обращение Таврики продолжала поступать привозная римская монета и варварские подражания ей местного чекана. Однако боспорские статеры не потеряли своего значения. Полагаем, что их роль в обращении в начале V в. н.э. даже усилилась. Статеры III-IV вв. н.э. находят даже в кладах, содержащих византийское золото первой половины VI в. н.э. [2, с. 565-571, № 114, Табл. 226]. Очевидно, что они оставались привычным средством платежа. Считаем, что это явление можно объяснить дефицитом разменных денег римского чекана в V в., выпуску которых правители империи из-за сложной внутри- и внешнеполитической обстановки не уделяли должного внимания [36, с. 213, 216-271]. Полагаем, что сохранение в обращении боспорских статеров, активное насыщение его варварскими подражаниями при относительном доминировании римской монеты может послужить основанием для выделения третьего этапа.

Период денария–статера (I – первая половина III в. н.э.)

В это время римский серебряный денарий был основной валютой Средиземноморья. Его активная эмиссия, проводимая монетными дворами столицы империи, крупнейших провинциальных городов и центров дислокации крупных воинских соединений [89; 96; 98], позволяла насытить обращение необходимым количеством ходячей монеты. Продолжали выпускать свои деньги наместники провинций, клиентальные цари и правительства автономных полисов. В частности, монетное производство сохранилось на Боспоре и в Херсонесе. В них под контролем римских властей чеканили не только разменную бронзу, но также серебряную и золотую монету регионального образца. Так, к настоящему времени выявлены херсонесские драхмы¹ (рис. 1,4) и статеры Тиберия Юлия Цезаря (рис. 1,3), Тиберия Клавдия Друза (Клавдий) (41-54 гг. н.э.), Тита Флавия Веспасиана – сына (Тит) (79-81 гг. н.э.), Тита Флавия Домициана (81-96 гг. н.э.), Марка Кокцея Нервы (96-98 гг. н.э.), Марка Ульпия Нервы Траяна (98-117 гг. н.э.) и Публия Элия Траяна Адриана (117-138 гг. н.э.) [45, с. 437-441, № 1-15; 55, с. 88-92, рис. 2,2,6]. В то же время на Боспоре золотая эмиссия отмечала все изменения на римском властном Олимпе [6, с. 81-133, табл. 12-39; 49; 50]. И, хотя серии статеров этого государства весьма многочисленны и, безусловно, являются ценнейшим историческим памятником, нам все же куда интереснее монетное дело Херсонеса. Дело в том, что, как мы уже писали, поступление в обращение его драхм и статеров практически всегда совпадало с периодами активизации римского военного присутствия в регионе [55, с. 76-120]. Не случайно на этих монетах помещали не только изображения императоров, но и их жреческие инсигнии – литуусы [55, с. 81]. О важности эмиссии говорит обязательное размещение на реверсе золота и серебра полисного чекана даты выпуска по х.э. Однако можем ли мы считать какой-либо из этих элементов оформления обозначением номинала? Сразу же заметим, что этот вопрос не был вызван праздным интересом. Дело в том, что к настоящему времени выявлены медные монеты, оформленные в духе херсонесских статеров. Речь идет о меди, датированной 128 и 133 гг. х.э. На позднейшей из них сохранились следы золочения [45, с. 441, № 12]. Понятно, что с ее атрибуцией особых сложностей не возникает. Эту монету справедливо считают древней фальшивкой. Но как быть с медью 128 г. х.э.? Мнения современных нумизматов по поводу ее атрибуции разделились. Часть их, вслед за В.А. Анохиным, видят в ней тривиальный ассарий [7, с. 152, Табл. XVI,247]. В тоже время, если В.А. Сидоренко считает эту монету поддельным статером [45, с. 441, № 12], то Н.А. Фролова и Н.Г. Новиченкова обходят вопрос ее атрибуции стороной, акцентируя внимание только на меди 133

¹ К настоящему времени известно всего два экземпляра херсонесских драхм римского времени. Они были выпущены при Тиберии Юлии Цезаре. Редкость их находок и очевидная непродолжительность эмиссии не дает оснований отнести сам факт их обращения к отличительным признакам первого периода. Информация о находках драхм Тиберия Юлия Цезаря и фотография публикуемого нами экземпляра были любезно предоставлены Е.Я. Туровским.

г. х.э. [52, с. 231]. Нет единства взглядов и на природу этих подделок. Если В.А. Сидоренко полагает, что описанные им медные монеты 128 и 133 гг. х.э. были выпущены официально и предназначались для расчетов с варварами [45, с. 443], то Н.А. Фролова и Н.Г. Новиченкова считают медь 133 г. х.э. продукцией частных фальшивомонетчиков [52, с. 231]. Как следствие, к настоящему времени сложилась парадоксальная ситуация – единственным бесспорным критерием для выделения херсонесских статеров остается состав сплава, использованного для их изготовления, причем элементы монетного типа вовсе не учитываются. Мы находим эту проблему крайне важной и попытаемся изложить наши соображения по поводу ее разрешения.

Первым делом сформулируем постулаты, без обсуждения которых, как нам кажется, найти ответ на искомый вопрос будет крайне затруднительно. Очевидно, что мы не можем и предположить, чтобы на херсонесском монетном дворе схожими штемпелями из меди и золота били монету близкого размера и веса, но разных номиналов¹. Нет у нас и оснований считать, что античные фальшивомонетчики могли заниматься «сочинительством», как это делают их современные собратья. Несомненно и то, что они не разрабатывали дизайн уникальных монет. Ведь им нужно было выпускать как можно более точные копии денег, хорошо известных и привычных населению. В таком случае получается, что если все заинтересовавшие нас монеты оформлены в одном стиле и абсолютно аутентичны, то они, безусловно, являются статерами государственного чекана вне зависимости от материала, из которого были изготовлены.

Если эти рассуждения хоть в малой степени верны, то у нас есть основания перейти к ранее предложенной методике иконографического анализа [55, с. 76-120]. Очевидно, что основным элементом оформления аверса херсонесских статеров является уверенно определимый портрет императора в лавровом венке. Как правило, изображение правителя обрамлялось демотиконом $\text{X}\epsilon\rho\sigma\omicron\nu\eta\sigma\iota\tau\acute{\omicron}\nu$ в разных сокращениях. Хотя это обстоятельство не является решающим. Дело в том, что на лицевых сторонах золотых статеров № 13, 14 и 15 по каталогу В.А. Сидоренко легенды отсутствуют, что, однако, не дает оснований считать их ассариями [45, с. 441, № 13,14,15]. Нет ее и на медной позолоченной монете, изданной этим же исследователем [45, с. 441, № 12]. Куда более важными признаками являются императорские инсигнии. Они присутствуют на аверсе всех статеров. К ним, в первую очередь, стоит отнести лавровый венок, увенчивающий голову правителя на всех крупнейших херсонесских монетах и уверенно определимый литуус, отсутствующий только на статере Тиберия Юлия Цезаря [55, с. 88-89, рис. 2,2; 67, р. 42].

Обратим внимание еще на одно важное обстоятельство. Судя по известным на данный момент экземплярам херсонесских золотых, монетки не придавали большого значения развороту головы правителя, хотя, как правило, ориентировали ее влево. В тоже время на разменной монете выбивали портреты императоров, развернутые вправо.

Однако перейдем к заинтересовавшей нас медной монете Марка Ульпия Нервы Траяна 128 г. х.э. (рис. 1,5). Очевидно, что ее аверс оформлен в стиле ординарных статеров. Хорошо виден бюст императора в лавровом венке вправо, а перед ним заметен литуус. Правда, легенды как будто нет. А она присутствует на известных нам золотых статерах этого же правителя [45, с. 440-441, № 9, 11]. Впрочем, не будем придавать этому большого значения – слабо процарапанная на штемпеле надпись² могла оттиснуться на медной монете, но позже разрушиться. В любом случае, не будем делать поспешных выводов. Дело в том, что схожим образом оформлена лицевая сторона меди, изображение которой приведено на рис. 1,6. На ней, правда, вместо литууса была выбита лавровая ветвь. Это очевидное различие. Учтем и то, что этот символ присутствует на аверсе херсонесских тетрассариев I-III вв. н.э. (рис. 1,8). Правда, мы должны сделать поправку на одно важное обстоятельство: мастерство резчиков херсонесского монетного двора в изучаемый период уже было крайне низким. Вполне возможно, что на лицевой стороне заинтересовавшей нас меди мог быть изображен литуус. В любом случае, мы не можем полагаться только на анализ изображений аверса.

¹ К слову заметим, что сами физические параметры монет убедительно опровергают предположение В.А. Анохина. Дело в том, что ординарные ассарии крупнее и тяжелее заинтересовавший нас меди.

² Наш анализ технологии изготовления чеканов для монетного двора Херсонеса римского времени приведен в [55, с. 76-120]. Полагаем, что наиболее квалифицированные мастера вырезали портреты правителей, а надписи и фигуры Девы размещали их менее опытные коллеги.

Приступим к изучению реверса монеты, изображенной на рис. 1,5. Самым заметным элементом его оформления, безусловно, является изображение Девы. Вокруг него размещены лигатура, в которой принято видеть сокращение имени божества, а также обозначение даты выпуска. Иных эмиссионных символов мы не выявили. Заметим, что если эта аббревиатура известна и на обычной меди различных номиналов, то указания на дату выпуска встречаются только на золотых статерах, уникальных драмах и на заинтересовавший нас меди 128 и 133 гг. х.э. Именно это обстоятельство мы и считаем ключевым. Полагаем, что к херсонесским статерам следует относить не только золотые, но и все медные монеты, изготовленные по технологии, используемой на денежном дворе Херсонеса, на реверсе которых различимо обозначение даты выпуска по городской эре. А все остальные выпуски из недрагоценных металлов, даже того же размера и веса, следует считать ординарными ассариями.

Теперь попытаемся прояснить вопрос об эмитенте и обстоятельствах поступления этих монет в обращение. Начнем с того, что сам факт широкого хождения неполноценных херсонесских статеров свидетельствует о том, что их эмиссия была санкционирована не только полисными властями, но и Римом. Безусловно, она проходила официально. Об этом, кстати, говорит и само размещение на монетах изображений правителей и даты эмиссии. Полагаем, что эти монеты били для нужд региональной торговли, а не для выплаты дани варварам, как считает В.А. Сидоренко¹ [45, с. 446]. В связи с этим мы вынуждены заметить, что вывод уважаемого исследователя, с нашей точки зрения, ошибочен. Во-первых, в период эмиссии статеров в Херсонесе и в его округе базировался значительный контингент римских войск, размещенный для защиты его жителей. Следовательно, у горожан не было необходимости откупаться от варваров. Понятно, что столкновения с ними были, но ведь римляне не зря разместили в самом городе и на Южном берегу свои гарнизоны, и не случайно Боспору было поручено защищать Херсонес. Во-вторых, то обстоятельство, что описанные В.А. Сидоренко монеты были найдены на территории хоры и за ее пределами, с нашей точки зрения, как раз таки и не может служить веским доводом в пользу теории уважаемого нумизмата. Мало того, оно убедительно ее опровергает. Варвары, безусловно, предпочитали подлинную монету. Очевидно, что они могли бы со временем распознать поддельные херсонесские статеры и в дальнейшем отдавали бы предпочтение римским или боспорским деньгам. Однако этого не произошло. Их эмиссия отнюдь не закончилась при Марке Ульпии Нерве Траяне – нам известно херсонесское золото чекана Публия Элия Траяна Адриана [45, с. 441, № 13-15]. Получается, что в статерах ценили отнюдь не металл. Вернее всего, херсонесские монеты являлись своего рода кредитными деньгами. Полагаем, что сама длительность их эмиссии свидетельствует не только о востребованности обращением, но и о высокой степени развития торговли региона в I-II вв. н.э., а также об экономическом влиянии этого полиса на жизнь таврических варваров.

Заметим, что фальшивые золотые выпускали и на Боспоре. На рис. 1,9 приведено изображение очень интересной медной монеты², выпущенной при Реметалке (131-154 гг. н.э.) в 429 г. б.э. (132/3 г. н.э.). Судя по использованным штемпелям, она являлась официально сфальсифицированным статером. Причем крайне интересно то, что ее выпустили задним числом. Обратим внимание на золотые этого правителя (рис. 1,9,11). Хорошо заметно, что портреты Реметалка на фальшивой монете 429 г. б.э. и подлинной 447 г. б.э. (150/1 г. н.э.) – схожи, а на настоящем золотом 429 г. б.э. выбито куда более молодое лицо, что, собственно и оставалось ожидать от первых эмиссий только что пришедшего к власти молодого государя. Это явление не может быть случайным. Полагаем, что имеем дело с попыткой выпустить в обращение поддельную монету привычного и предпочитаемого населением вида – старого образца, которую, очевидно, считали более высокопробной³. Однако оригинальные штемпели к тому времени не сохранились, и для выпуска фальшивки использовали новый чекан аверса позднейшей монеты

¹ Странно, но чуть выше ученый доказывал, что их выпускали исключительно для торговли варварами [45, с. 443].

² Монета была продана на аукционе, проведенном компанией «Classical Numismatic Group, Inc». Данные о ней были получены из каталога «Mail Bid Sale 84 (05.05.2010)». Номер лота 589 [101].

³ На данный момент мы еще не нашли убедительное объяснение этому явлению. Но, основываясь на том факте, что на аверсе поддельного статера 429 г. б.э. отсутствуют изображения дубинки Геракла, стрелы (судя по пропорциям, это не копье) Аполлона, меча Ареса или же трезубца Посейдона, мы смеем предположить, что причиной его выпуска стало недоверие населения к монетам с этими эмиссионными символами.

Рематалка. Следом подобной махинации стал и бронзовый позолоченный статер¹ Котиса III (227-233 гг. н.э.), приведенный на рис. 1,12. Для того чтобы удостовериться в том, что он был выбит подлинными штемпелями, сравним его с изображением полноценного золотого этого же царя (рис. 1,13).

Мы отдаем себе отчет в том, что наши выводы наверняка будут поставлены под сомнение. И для того, чтобы обосновать их как можно лучше, рассмотрим характер обращения другой довольно крупной группы неполноценной монеты, хорошо известной и в Таврике² – т.н. «лимесных денариев»³ (рис. 1,15,17-20). Напомним, что их изготавливали из биллона или даже посеребренной бронзы, используя подлинные штампы римских денежных дворов. Сразу же заметим, что в современной нумизматике сосуществуют несколько теорий, объясняющих их появление в обращении. Часть ученых, учитывая ареал хождения подобных монет⁴, полагают, что они представляли собой кредитные деньги местных эмиссий, используемые для расчетов в приграничной зоне [69, р. 31-42; 70, р. 119-57]. В то же время их оппоненты видят в лимесных денариях неполноценные деньги провинциального чекана⁵ (рис. 2,1-5) или даже варварские подделки, обращавшиеся на границах империи при попустительстве римских властей. По крайней мере, в каталоги подлинных римских монет их не включают [92; 93; 94]. Нам же эта ситуация видится несколько проще. Как мы уже писали, римские монетарии уже в эпоху Республики освоили виртуозные технологии фальсификации денег. Понятное дело, что и при императорах они это делать не разучились. В качестве примера приводим на рис. 1,14 изображение безусловно подлинного, но, в то же время субэратного денария Публия Элия Траяна Адриана. Хорошо видно, что со временем его серебряное покрытие облупилась, обнажив медное ядро. Столь же качественно был изготовлен медный посеребренный денарий Марка Ульпия Нервы Траяна (рис. 1,15). Он совершенно идентичен полноценной монете этого же правителя (рис. 1,16). Понятно, что римские монетчики сделали все, чтобы их продукция производила вид полноценных денег. И, вероятно, эти денарии обращались достаточно долго. У нас есть все основания полагать, что процент подобного рода подделок был достаточно велик, и отнюдь не все они к настоящему времени разоблачены⁶. Следовательно, если т.н. «лимесные денарии» были выбиты подлинными штемпелями, то они представляли собой ординарный государственный фальсификат. Именно этим обстоятельством можно объяснить присутствие их в обращении и относительную редкость вкладах – население старалось тезаврировать только полноценную монету.

Кстати, приведем наши соображения по поводу их ареала. Как уже было ранее установлено, в результате денежных реформ происходит вытеснение ранее всех прежних средств платежа к границам государства-эмитента. Это явление хорошо прослеживается на позднерим-

¹ Монета была продана фирмой «Münzen & Medaillen GmbH (DE)» на аукционе «Auction 20 (10.10.2006)». Номер лота 167 [100].

² Сведения об этих монетах, найденных в Юго-Западном Крыму, были сообщены нам крымским исследователем А.В. Якушечкиным.

³ Правильнее было бы их называть *moneta nigri* (лат. «черная монета»). Дело в том, что их чеканили из биллона, а перед выпуском в обращение отбеливали – химическим способом (нагревая в поваренной соли) удаляли с поверхности медь. В результате такие денарии приобретали вид полноценных серебряных. Однако со временем покрытие из драгоценного металла стиралось, и медь снова проступала на поверхности. В результате ее окисления монеты темнели, т.е. становились «черными».

⁴ Считаю, что это обстоятельство вовсе не должно учитываться. Наши пояснения см. ниже.

⁵ Их могли и отливать. К примеру, в Англии, у Вала Адриана, довольно часто находят формы для литья копий денариев II-III вв. н.э. Самая ранняя из известных нам находок была сделана в 1697 г. неподалеку от г. Лидса. В 1821 г. в той же местности случайно обнаружили еще несколько форм. Известны и монеты, отлитые с их помощью [74].

⁶ Во время работы в фондах КРУ БИКЗ нам не раз приходилось видеть субэратные денарии и антонинианы, хранящиеся в коллекции музея. Но, как ни странно, на апробации эти монеты показывали немисливо высокую 1000-ю пробу, совершенно невероятную для античности. И это, естественно, бездумно заносилось в описи. Дело в том, что на апробацию брали металл с поверхности монеты, а не с гурта, даже если он «светил» медью. Убедить коллег в ошибочности этой методики нам, к сожалению, не удалось. Так что сейчас каждый желающий при наличии соответствующего разрешения может ознакомиться в КРУ БИКЗ с т.н. антонинианами, выбитыми не из биллона, как следовало бы ожидать, а из «чистого серебра» (sic!), опубликовать их и, тем самым, попытаться в корне изменить существующие представления, к примеру, о финансовом кризисе в Римской империи в середине III в. н.э. Правда, основываться исключительно на результатах этих апробаций, с нашей точки зрения, было бы крайне опрометчиво.

ском и ранневизантийском нумизматическом материале из Таврики [57, с. 140-148; 58, с. 332-339]. Следовательно, введение в оборот т.н. антонинианов должно было отбросить к границам Рима денарии, оставшиеся к тому времени в обороте. Таким образом, у нас есть все основания считать «лимесные» монеты, повторяюсь, выбитые подлинными чеканами – последними денариями, вытесняемыми из обращения т.н. антонинианами.

Но, ad rem. Обратим внимание на клады денариев, образовавшиеся в интересующий нас период. Рассмотрим только наиболее интересные с нашей точки зрения¹. Начнем с относительно небольшого сокровища (59 экз.), найденного у с. Прибрежное в 1958 г. По данным, собранным В.В. Кропоткиным, в его состав входили разновременные золотые (2 экз.)² и серебряные (57 экз.) монеты – денарии римского чекана. Самая ранний из них был выпущен при монетарии Публии Клодии Турринусе, отвечавшем за денежное производство в 42 г. до н.э.³ [92, р. 163, № 491, 492]. Основная же масса денариев была выпущена при Императоре Цезаре Августе (34 экз.). Куда меньше было монет Тиберия Юлия Цезаря (10 экз.), Гая Цезаря Германика (Калигула) (37-41 гг. н.э.) (1 экз.), Тиберия Клавдия Друза (1 экз.) и Нерона Клавдия Цезаря (1 экз.). Позднейшие денарии несут на себе имена Тита Флавия Веспасиана: отца⁴ (69-79 гг. н.э.) (7 экз.) и сына (1 экз.) [26, с. 65, № 617]. Определив монеты, ученый датировал клад 81 г. н.э. И против этого трудно что-либо возразить.

Однако вопросы все же остаются. Дело в том, что в кладе оказались монеты, выбитые по разным монетным стопам и в обращении совместно не участвовавшие [36, с. 109, 118]. Как уже давно было выяснено, при ближайших преемниках Императора Цезаря Августа из него выпадают республиканские денарии⁵, а при Нероне Клавдии Цезаре были, в свою очередь, тезаврированы выпуски первых Юлиев–Клавдиев – их вытеснило облегченное золото и серебро этого правителя [36, с. 109, 118]. Как видим, сокровище из с. Прибрежное не могло быть кладом моментального накопления. Стоит основываться и на том факте, что его большая часть была составлена на рубеже н.э., одна оно дополнялось при Флавиях, т.е. его комплектация заняла более ста лет. Заметим, что это совершенно неординарно – уж очень он невелик. Определенно, это сокровище не могло быть ни выручкой торговца, ни сбережением легионера⁶. Ведь совершенно очевидно, что ни у того, ни у другого не появилось бы мысли схоронить свое сбережение на варварской территории, оставляемой на неизвестное время. Зато у нас есть все основания предполагать, что в случае эвакуации они наоборот сделали бы все возможное, чтобы забрать сокровище с собой. Да и установленный период сбора монет многократно превышал срок торговой экспедиции или солдатской службы. Вообще, настораживает сам факт слабого присутствия в кладе монет Нерона Клавдия Цезаря. Ведь именно при нем наблюдался пик имперского влияния в регионе, именно с его политикой стоило бы связывать размещение римского отряда. Однако, как видим, факты говорят о другом. По логике вещей, в Прибрежном был найден клад, собранный местными варварами, периодически участвовавшими в торговле с Римом. Причем, судя по отсутствию медной монеты, они еще не воспринимали деньги как средство платежа. Их привлекал драгоценный металл, очевидно, выполнявший у них исключительно функцию сокровища и хранившийся максимально долго. Вернее всего, клад принадлежал предводителю небольшого рода.

Есть у нас предположения и об обстоятельствах выпадения комплекса из обращения. Заметим, что в сокровище отсутствуют монеты Тита Флавия Домициана (81-96 гг. н.э.). И это не может быть случайностью. Предполагаем, что клад был сокрыт вследствие роста напряженности в регионе, приведшему к Дакийским войнам 86-88 гг. н.э. Но он не мог сформироваться в годы конфликта – как мы уже писали, в нем нет денариев последнего Флавия. Таким образом,

¹ Эту практику мы будем использовать и в дальнейшем. Полагаем, что в одной статье не может быть приведен анализ всех крупных нумизматических памятников античной Таврики.

² Они остались у находчика и не были изучены.

³ Почему-то в «Кладах римским монет на территории СССР» указано, что он чеканил монету в 38 г. н.э., когда, как мы помним, Республика уже не существовала [26, с. 65, № 617].

⁴ В современной историографии его принято именовать Веспасианом.

⁵ Причиной стала фиксация веса денария на уровне 3,9 г., произошедшая по окончании Гражданских войн. Прежняя монета, не отличавшаяся высокопробностью и стабильностью веса, была вытеснена с рынка.

⁶ Очевидно, что у нас нет оснований ожидать появления других носителей античной цивилизации в Северной Таврике в тот период. О возможности выпадения из обращения кладов римских солдат см. ниже.

мы можем датировать Прибрежненский клад первыми пятью годами правления Тита Флавия Домициана.

Этими же причинами стоит объяснять и слабое присутствие монет преемников Императора Цезаря Августа. Ведь именно в 30-40 гг. н.э. произошла миграция языгов на запад, к Дунаю [29, с. 31].

В таком случае, у нас есть все основания приписать это сокровище к группе недавнего и неаланского варварского населения, вернее всего – местных скифов-земледельцев, в первой трети I в. н.э. втянувшихся в торговлю с западнопонтскими городами¹, но в 30-40 гг. н.э. оттесненных в Таврику. Сокровище же сокровища, безусловно, следует увязывать с активизацией даков. Как видим, у нас есть все основания считать сокровище из с. Прибрежное ценнейшим историческим памятником².

Перейдем к не менее интересному нумизматическому комплексу из с. Репино, изданному В.А. Сидоренко. Он привлек наше внимание потому, что, фактически, является позднейшим сокровищем периода денария–статера. Сразу же отметим, что автор привел исчерпывающие сведения о месте его обнаружения. Ученый написал, что клад был обнаружен неподалеку от скифского городища [47, с. 534]. Далее, определив монеты, он датировал сокровище правлением Марка Аврелия Антонина Гелиогабала (218-222 гг. н.э.). Подметил ученый и то, что денарии Северов (а их в кладе абсолютное большинство) практически не изношены, следовательно, не участвовали в обращении. Все это дало В.А. Сидоренко основания предполагать, что изданный им монетный комплекс является сбережением легионера [47, с. 542-543, 545], сокрытым в первой трети III в. н.э. Ученый справедливо увязал приток позднейших денариев с усилением римского влияния. Однако у нас все же остается ряд вопросов³. Во-первых, сама сохранность позднейших монет отнюдь не свидетельствует об их активном участии в обращении, чего, собственно и следовало бы ожидать от денег легионера, при Северах жившего в своем доме в канаве и получившего право на обзаведение семьей. Во-вторых, клад из с. Репино был найден у варварского поселения. Следовательно, даже если римляне и проникали в его округу, то, очевидно, не с целью схоронить клад. Нет у нас и оснований считать, что подобные сокровища могли быть сокрыты в казарме (?), как считает исследователь, в которой, по его мнению, в тот период дислоцировалась воинская часть (?)⁴ [47, с. 542]. Ведь куда логичнее прятать сбережения в укромном уголке, чем в самом посещаемом месте на территории многолюдного лагеря, причем, у всех на виду. Если, правда, в этом возникала необходимость. Дело в том, что в римской армии практиковалась передача солдатами жалования на хранение специальным казначеям. Известны даже восстания, предводители которых черпали средства из таких солдатских касс (Suet. Domitianus, 7). Следовательно, у легионеров не было необходимости хранить средства в казарме или прятать поблизости. Они держали свои сбережения у ответственного лица, совершенно не опасаясь за их сохранность. Так что это сокровище априори не могло принадлежать римскому военнослужащему.

Полагаем, что заинтересовавшие В.А. Сидоренко Репинский и Балаклавскийклады денариев сформировались куда позднее вывода римских гарнизонов из сельской местности Юго-

¹ Отсутствие в сокровище монет Боспора и Херсонеса не может быть случайным. Полагаем, что его первоначальные владельцы не попали в зону экономического влияния этих государств. В то же время значительный процент монет Императора Цезаря Августа убедительно свидетельствует о начале формирования клада в период усиления римского влияния в регионе. Вернее всего, это событие можно увязать с Балканской кампанией (6-10 гг. н.э.), проведенной Тиберием Юлием Цезарем против восставших иллирийцев и паннонийцев. Полагаем, что значительный приток римской валюты в регион в тот период позволил местным варварам начать составление клада.

² Заметим, что не мы разработали эту методику. Ее испокон веков применяют нумизматы при изучении крупных монетных собраний. В частности, мы узнали о ней из работ великого российского археолога, историка и нумизмата Г.А. Федорова-Давыдова.

³ Понятно, что не стоит акцентировать внимание на досадных ошибках в именах императоров. Очевидно, что Авла Вителлия (69 г. н.э.) переименовал в таинственного Вителлия [47, с. 539] не автор статьи, а неосведомленный наборщик. Стоит обратить внимание разве что на попытку выделить в самостоятельные правители Юлию Мамену – мать Марка Аврелия Антонина Севера Александра (222-235 гг. н.э.) – так его именовали на монетах [86, р. 71]. Действительно, властная женщина помогала управлять империей своему добродушному сыну. Однако она ему не наследовала. Следовательно, у нас нет никаких оснований выделять период ее самостоятельного правления.

⁴ У нас нет оснований и рассуждать о существовании, назначении и плане этого здания и дискутировать вопрос о времени размещения в нем гипотетического римского гарнизона до проведения раскопок.

Западной Таврики. Вернее всего, их сокрыли варвары, выбрав для этой цели давно заброшенные развалины. А выпали эти монеты только потому, что представляли собой *Realkapital* в эпоху повсеместного распространения т.н. антонинианов. Ведь не случайно в описанных В.А. Сидоренко кладках нет ни одной монеты этого номинала, хотя Марк Аврелий Север Антонин и Марк Аврелий Антонин Гелиогабал их активно чеканили. Да и солдаты наверняка бы использовали именно эту монету¹. Не удивительно и отсутствие в кладе т.н. «лимесных денариев» – владелец сокровища ценил в монете только металл. А *propos*, заметим, что иных следов присутствия римлян в районе с. Репино, кроме денариев, найденных местным жителем, и поясного среднелатенского крючка² (а именно этим, очевидно, и является гипотетическая римская «застежка военного пояса»³ [47, с. 543]) [19, рис. 28], не считая фрагментов керамики, встречающейся в Юго-Западном Крыму повсеместно, так и не найдено. Полагаем, что сокрытие клада было связано с первой фазой расселения германских племен, приведшей к «Скифским войнам» [41; 49, с. 139-152; 60]. То, что сокровище состоит только из римских монет – в нем нет ни одного подражания, дает нам возможность отнести его к сбережениям местных варваров, давно уже втянувшихся в торговлю с *Rex Romana* и не испытывающих того дефицита платежных средств, от которого страдали менее развитые германские соседи с Севера и Запада. Вернее всего, клад, являвшийся сокровищем местного скифского рода, был схоронен в 230-х гг. н.э.⁴

Обратим внимание на сокровища из Восточной Таврики. По данным, собранным авторами «Корпуса боспорских кладов античных монет», в регионе в интересующий нас период было сокрыто тридцать два клада, содержащих ходячую (*sic!*) монету. Причем известны сокровища, состоящие исключительно из разменной меди. К примеру, только в Керчи были обнаружены клады ассариев⁵ Митридата III (VIII) (39-45 гг. н.э.) [2, с. 297-298, № 66, 67] и сестерциев Реметалка [2, с. 303, № 69]. Сам факт их выпадения из обращения свидетельствует о стабильности экономической ситуации в регионе⁶. Ведь население ценило даже разменную монету. Однако уже в начале III в. н.э. общий кризис античного мира докатился и до Боспора. Население приступило к активной тезаврации золота и электра местного чекана. До середины III в. н.э. выпали из обращения кладки статеров 160-204 гг. из Нимфея [2, с. 311-312, № 72] и II-III вв. из Панти-

¹ Мы вынуждены акцентировать внимание на этом моменте, так как уважаемый крымский исследователь полагает, что легионерам в первой трети III в. платили жалование исключительно в денариях, т.к. армия была «невосприимчива к новому номиналу» [47, с. 545]. Далее, ученый пишет, что в тот период «антонинианы предназначались не для подразделений регулярной армии, а для федератов» [47, с. 545]. Понятно, что это обосновывает его атрибуцию Репинского и Балаклавского кладов. К сожалению, В.А. Сидоренко не указал источник этой информации. В то же время, нам известно, что т.н. антониниан изначально служил основным средством пропаганды имперской политики [1, с. 123, 135, 136-137, 141, 148, 149, 191, Табл. 2, 3], в частности, прославлял армию и декларировал ее верность императорам [86; 90]. Да и выпускали их в куда большем количестве, чем денарии. Так что у нас нет никаких оснований полагать, что серебро только этого номинала в первой трети III в. н.э. остается основным средством для расчетов с армией.

² Определение В.Е. Еременко. Не стоит удивляться тому, что пятнадцатисантиметровые ременные застежки так и не найдены в Херсонесе. Ведь они не могли быть свойственны военному делу римлян, очевидно, не желавших травмировать себя подобными приспособлениями. Ведь они неплохо знали пряжки практически современного типа [1, Fig. 62, 118].

³ У нас есть все основания считать ее застежкой-скрепой, правда, не римской. Заметим, что это изделие не могло быть и составной частью фибулы [4].

⁴ Заметим, что к аналогичным выводам, правда, на материале из Восточного Причерноморья, пришел Г.Ф. Дундуа. Ученый заключил, что сокровища, состоявшие из разновременных серебряных монет, могли быть схоронены местным варварским населением, на тот момент, находящимся на начальной стадии освоения законов денежного обращения [16, с. 67].

⁵ Конечно, их выпадение из обращения можно объяснить катаклизмами, вызванными римским вторжением на Боспор в 44/5 г. н.э. Но, в таком случае, почему прятали именно медь наименьшего номинала? Полагаем, что не стоит связывать сокрытие кладов ассариев с бурными событиями конца правления Тиберия Юлия Митридата III (VIII) (39-44 гг. н.э.). Ведь, как известно, тогда военные столкновения произошли не в Таврике, а на территории Синдики. Так что если бы пантикапейцы, опасаясь за будущее, и схоронили свои сокровища, то им ничто не мешало бы отрыть их снова и пустить в оборот. Вернее всего, кладки ассариев представляли собой тривиальные сбережения бедных горожан, сделанные в период обращения меди Тиберия Юлия Митридата III (VIII), по непонятным причинам схороненные навеки своими владельцами.

⁶ Клады привозного серебра и местных статеров в это время выпадали только на восточной границе государства [2, с. 304-311], что, как нам кажется, свидетельствует об остроте конфликта между Боспором и соседствующими с ним варварскими племенами региона. Только там жить было небезопасно.

капея [2, с. 331, 333, № 82, 84]. Полагаем, что причиной их сокрытия стало изменение стопы статера при Тиберии Юлии Савромате II (174-210 гг. н.э.) и его ближайших наследниках, превратившей его в низкопробную электровую монету. Но не случайно в этих кладах отсутствуют римские деньги – население верило в свою валюту и отдавало ей предпочтение. А это, с нашей точки зрения, свидетельствует о социальной стабильности – судя по кладовым монетам, состав общества не менялся. Полагаем, что активное проникновение германцев на территорию Боспора в тот момент еще не наблюдалось.

Однако подведем итоги. Как видим, основным критерием для выделения варварского клада является его содержимое. Только нероманизированные жители Таврики могли скрывать в него полноценные, в первую очередь, серебряные монеты, выбитые по разным стопам. Римляне, боспоряне и основательно воспринявшие античную культуру аборигены Восточной Таврики, видевшие в деньгах в основном средства платежа, не были столь разборчивы. Они хранили только ходячую монету. Только в случае кризиса они скрывали деньги прежних эмиссий, в которых видели реальные ценности. Заметим, у нас нет данных об обнаружении на полуострове подобных сокровищ до начала III в. н.э. Очевидно, что мирная, стабильная обстановка не побуждала население панически прятать монетные клады.

Итак, если наши рассуждения верны, то в I – в начале III вв. н.э. в Таврике обращалась как региональная монета, чеканившаяся по местным стандартам, так и, собственно, имперские деньги столичного и провинциального чекана. Причем их клады красноречиво свидетельствуют о процветании торговли и высокой степени романизации и эллинизации местного варварского населения. Судя по монетным находкам, жители Тавриды активно сотрудничали не только с Херсонесом и Боспором, но и с полисами Северо-Западного Причерноморья. Причем их взаимоотношения были довольно мирными. Само же выпадение кладов свидетельствует о катаклизмах, сотрясавших варварский мир, а также о финансовых проблемах, возникающих у античных государств. Так, образование позднейших из них, безусловно, объясняется проникновением в Юго-Западную Таврику новых, нероманизированных племен, финансовым кризисом на Боспоре и ростом напряженности в Причерноморском регионе.

Период т.н. антониниана–статера–«таманского денария»

Тяжелейший кризис, охвативший империю в 250-х гг., привел не только к выводу войск из неприоритетных регионов. Повсеместно сжимается сфера денежного обращения. К тому же полноценные монеты: ауреусы и денарии I – нач. III вв. н.э. стали объектами тезаврации. Эмиссия провинциального серебра также затихла. В начале третьей четверти III в. н.э. прекратилась чеканка разменной меди в квазиавтономных городах. В итоге каналы денежного обращения оказались переполненными массой низкопробных т.н. антонинианов, покупательная способность которых неудержимо падала. Подданные империи и варвары, привыкшие к римской монете как к основному средству платежа, искали всевозможные ее заменители. Распространились фальшивые литые монеты, которые изготавливали из биллона в кустарных условиях (рис. 2, 1-7). Вернее всего, именно этими обстоятельствами стоит объяснять и активизацию эмиссии боспорских статеров. Расширился и регион их обращения. С середины III в. н.э. они ходили и в Юго-Западной Таврике. Однако и их не хватало. В обращение поступили варварские подражания, из которых в Таврике самыми известными были т.н. «таманские денарии». Однако и эти валюты не смогли стабилизировать финансовый рынок. Ведь так и не была преодолена причина, ввергнувшая империю и зависящие от нее государства в хаос и обвалившая курс денег их чекана – военные расходы не покрывались налоговыми поступлениями. К концу периода т.н. антониниан совершенно обесценился и был вытеснен из обращения монетами Луция Домиция Аврелиана (270-275 гг. н.э.), а боспорский статер и «таманский денарий» стали чеканить из меди.

О напряженности ситуации в регионе, в первую очередь, говорят клады. Самый ранний из них, Долининский (119 экз.), был издан А.Г. Герценым и И.С. Пиоро [40, с. 81-90; 78, р. 178]. Сокровище хранилось в глиняном горшке и состояло из монет, стеклянного сосуда и серебряной фибулы¹. В клад выпали только т.н. антонинианы. Самые ранние были выпущены при

¹ Характерна для Пшеворской культуры [77, Abb. 98,3]. Подобные фибулы встречаются на территории Западной (Волынская и Ровенская обл.) и Восточной Украины (Полтавская обл.) [11, с. 52-55].

Марке Аврелии Севере Антонине – 2 экз.¹ [40, с. 84, № 1,2; 78, р. 178]. Большую часть монет отчеканили от имени Марка Антония Гордиана Пия (Гордиан III) (238-244 гг. н.э.) – 56 экз. Несколько хуже представлены Марк Юлий Филипп (Филипп I Араб) (244-249 гг. н.э.) – 38 экз., Марк Юлий Север Филипп (Филипп II Младший) (247-249 гг. н.э.) – 2 экз. и Марция Отацилия Севера – 6 экз. Довольно много монет Гая Мессия Квинта Траяна Деция (Траян Деций) (249-251 гг. н.э.) – 11 экз., Квинта Геренния Этруска Мессия Деция (Геренний Этруск) (251 г. н.э.) – 4 экз. и Аннии Купрессении Гереннии Этрусциллы – 1 экз. Проанализировав комплекс, ученые атрибутировали его как варварское сокровище, образовавшееся в результате грабежа римских владений на Дунае, и датировали его началом второй половины III в. н.э. [40, с. 83]. Мы полностью поддерживаем их точку зрения². Ученые описали клад, схороненный вандалами-переселенцами, участвовавшими в «Скифских войнах».

Однако на территории Таврики находят не только варварские клады. В восточной части полуострова был обнаружен ряд монетных сокровищ³, обстоятельства формирования и сокрытия которых мы попытаемся установить, используя апробированную выше методику.

Начнем с достаточно раннего сокровища⁴ (рис. 2,8-15), состоящего только из т.н. антонинианов, найденного в пос. Войково в 1962 г. [2, с. 385, № 81]. В него выпало всего восемь монет: Юлии Мезы – 1 экз., Марка Юлия Филиппа – 1 экз., Квинта Геренния Этруска Мессия Деция – 1 экз., Гая Валента Гостилиана Мессия Квинта (Гостилиан) (251 г. н.э.) – 1 экз., Гая Вибия Афиния Требониана Галла (Требониан Галл) (251-253 гг. н.э.) – 2 экз., Гая Вибия Волузиана (251-253 гг. н.э.) – 1 экз. и Публия Аврелия Лициния Валерия Валериана (Валериан I) (253-260 гг. н.э.) – 1 экз. Позднейшая монета датируется 256 г. н.э. [2, с. 385]. По мнению авторов, она и определяет время выпадения клада. Ученые полагают, что он был схоронен вследствие очередного всплеска напряженности на Боспоре в результате «Скифских войн» [2, с. 385].

Заметим, что определение монет – безупречное. Однако, к сожалению, издатели не уделили внимания выяснению этнической принадлежности владельца клада. Попытаемся сделать это самостоятельно. Для этого, первым делом, определим круг вопросов, ответы на которые помогут нам установить искомую информацию. Нам нужно объяснить, во-первых, малочисленность монет в кладе, во-вторых, отсутствие в нем ощутимых пиков по императорам, в-третьих, собственно его состав. Как помним, в кладе нет боспорских монет. Зато восемь римских, выпавших из него, разнятся по древности на тридцать лет. Все это, очевидно, должно быть как-то объяснено.

¹ К сожалению, В.А. Сидоренко счел возможным датировать одну из них (какую – из его текста непонятно) правлением Марка Аврелия Антонина Гелиогабала [47, с. 545]. Мы же в свою очередь считаем необходимым поддержать атрибуцию А.Г. Герцена и И.С. Пиоро, так как на аверсе монет, отнесенных ими к правлению Марка Аврелия Севера Антонина, отлично видны узнаваемые портреты этого правителя. Допускаем, что крымского нумизмата смутила легенда аверса первой монеты в описи. Напомним, что на лицевой стороне первой из них явственно читается: «IMPCMAVRANTONINVS AVG» («Imperator Caesar Marcus Aurelius Antoninus Augustus») – «Император Цезарь Марк Аврелий Антонин Август» [40, с. 84, № 1; 77, р. 178]. Действительно, подобные надписи известны и на монетах Марка Аврелия Антонина Гелиогабала. Правда, эта легенда приводилась на них несколько в иной форме. Известны написания «IMPCAESMAVRANTONINVS AVG» и «IMPCMAVRANTONINVS PFAVG» [86, р. 28]. Также нет у нас оснований относить к правлению Марка Аврелия Антонина Гелиогабала вторую монету из описи клада. Ведь этот правитель не был Германским, тогда как на аверсе монеты из Долинного читается «ANTONINVS PIVS AVGGERM» («Antoninus Pius Augustus Germanicus») – «Антонин Пий Август Германский» [40, с. 84, № 2; 77, р. 178].

² С той же уверенностью мы отвергаем заключение В.А. Сидоренко, трактующего этот клад как сбережение римского федерата [47, с. 545]. Заметим, что ученый пришел к такому выводу, развивая свою идею о выплате жалования денариями, а федератам – исключительно антонинианами. Чтобы не повторяться, заметим только, если при анализе финансового положения Рима в первой трети III в. н.э. дискуссия еще гипотетически возможна, то к середине этого столетия денарий уже в принципе не мог иметь какого-либо особого значения. Заметим, что со времен Марка Юлия Филиппа его практически не чеканили. Нам известно всего три их разновидности, к слову, крайне редких [94, р. 156, № 8980-8982]. Хотя в то же время т.н. антонинианы выпускали в изобилии. Как видим, идет речь о вытеснении одной денежной единицы другой. При Гае Мессии Квинте Траяне Деции т.н. антонинианы стали бить уже из денариев начала III в. н.э. [95].

³ Перечислим и проанализируем комплексы без очевидного учета времени их выпадения из обращения. На данном этапе исследования считаем куда более целесообразным разобраться с причинами их образования и с принципами формирования.

⁴ Мы ничего бы и не узнали об этом сокровище, если бы М.Г. Абрамзон, Н.А. Фролова, А.В. Куликов, Т.Н. Смекалова и О.А. Иванина не установили обстоятельства его обнаружения и первоначальный состав [3, с. 86-88, 94-101].

Приступим к поиску ответов на поставленные вопросы. Сама малочисленность монет может быть объяснена только тем, что их владелец, очевидно, не являлся богатым человеком, причем, он наверняка не был связан с торговлей или походами на юг, т.е. не принимал участие в набегах «скифов». Следовательно, он не был варваром. То, что он собирал только т.н. антонинианы говорит не столько о его политических симпатиях, сколько о неверии в стабильность боспорской валюты. Допускаем, что владелец сокровища из Войково копил римскую монету, в которой видел не только средство платежа, но и драгоценный металл, дефицит которого ощущался в тот период на боспорском денежном рынке.

Примечательно и то, что т.н. антонинианы из сокровища были выпущены в соответствии с различными монетными стопами. Следовательно, ходить одновременно они не могли. Получается, что владелец собирал их довольно долго. Но он, очевидно, изымал их в период обращения, т.е. когда они еще служили платежным средством. Только этим можно объяснить отсутствие пиков по императорам. В таком случае, клад должен был составляться не менее тридцати лет.

Основываясь на этих постулатах, попытаемся датировать сокровище. Очевидно, что раз оно не является кладом быстрого накопления, то дата выпуска позднейшей монеты не позволит нам получить искомую информацию. Полагаем, что нам куда важнее определить период, в который все эти монеты могли быть тезаврированы, т.е. установить время проведения ближайшей денежной реформы или иного серьезнейшего сотрясения общественной жизни. И, действительно, найти ответ на поставленный вопрос не составляет труда. В последний год правления Публия Аврелия Лициния Валерия Валериана (260 г. н.э.) стопа римского серебра упала так, что менялы отказывались принимать «священную монету августов» как фальшивую [24, с. 368]. Возможно, что именно эти обстоятельства и подвигли владельца не пополнять свое сокровище новыми деньгами. Не случайно большая часть сокрытых монет была отчеканена в 250-х гг. н.э. – они еще могли ходить на рынке. Сама же их малочисленность говорит о величине инфляционных ожиданий по отношению к ходячей боспорской монете, что, в свою очередь, говорит об остроте социальных конфликтов, сотрясавших это царство в период «Скифских войн».

Но что за событие побудило сокрыть столь небольшое сбережение? Полагаем, что это должен быть столь серьезный кризис, фактически, катастрофа, в момент которой владелец восьми т.н. антонинианов решил, что рушится сам его мир. Такое событие было только в том же 260-м г. н.э., когда Публий Аврелий Лициний Валерий Валериан оказался в персидском плену, а Восток империи разоряли персы и сотрясали войны между претендентами на престол. Казалось, что рушится сам *Rex Romana*. На основании этого мы датировем клад 260-м г. н.э. и приписываем его небогатому боспорянину, сокрывшему в нем свои небольшие сбережения на черный день в момент острейшего кризиса его эпохи.

Не менее интересен, с нашей точки зрения, и Пантикапейский клад, найденный в 1954 г. В него выпали т.н. антонинианы двенадцати правителей Рима: Юлии Домны – 1 экз., Марка Антония Гордиана Пия – 10 экз., Марка Юлия Филиппа, его жены и сына – 15 экз., Гая Мессия Квинта Траяна Деция и семьи – 9 экз., Гая Вибия Афиния Требониана Галла и Гая Вибия Волузиана – 28 экз., а также Публия Аврелия Лициния Валерия Валериана и Публия Лициния Эгнация Галлиена (253-268 гг. н.э.) – 8 экз. [2, с. 387, № 92]. Примечателен он тем, что, во-первых, куда крупнее Войковского. Во-вторых, составляли его значительно дольше – разброс во времени между позднейшей и древнейшей монетой составляет около сорока лет. В-третьих, интересно то, что последняя представляет собой провинциальную драхму Кесареи Каппадокийской, выбитую еще при Юлии Домне. Ну и, наконец, в-четвертых, при анализе монет из клада несложно выделить весовые и временные пики. Большая их часть (47 экз.) весят от 3,0 до 4,0 г, почти в половину меньше (22 экз.) более тяжелых, содержащих от 4 г до 4,69 г серебряного сплава, и лишь одна весит 2,71 г. Причем двадцать пять монет было выпущено в 240-е гг. н.э. от имени Марка Антония Гордиана Пия и правителей из дома Марка Юлия Филиппа. Второй пик по правителям дают антонинианы Гая Вибия Афиния Требониана Галла и его сына. В сокровище их тридцать шесть штук. Куда меньше монет семей Гая Мессия Квинта Траяна Деция и Публия Аврелия Лициния Валерия Валериана – их всего по девять и восемь штук соответственно.

Мы не зря собрали эту статистику. Она позволяет прояснить историю формирования сокровища. Очевидно, что значительная его часть была собрана во время относительно успешного правления Марка Юлия Филиппа¹. Однако бурное и короткое правление Гая Мессия Квинта Траяна Деция представлено куда лучше. Изобилие антонинианов времен Гая Вибия Афиния Требониана Галла и редкость монет его преемников говорит о том, что, собственно, составление сокровища после его гибели практически прекратилось. Причин тому может быть несколько. Во-первых, это ординарная порча римской монеты. Во-вторых, походы «скифов» уничтожили понтийскую торговлю и практически прекратили приток т.н. антонинианов в Северное Причерноморье. В-третьих, владелец сокровища мог попросту потерять доверие к римской валюте после событий 260 года. Однако он все же сокрыл клад, так как ценил его содержимое куда больше, чем современные ему боспорские деньги.

Вообще, при анализе собрания складывается впечатление, что его владелец стремился подобрать монеты по весу. Не случайно в клад выпала драхма Юлии Домны. Ведь эта монета весила немногим меньше (3,36 г) среднего т.н. антониниана их сокровища (3,88 г.) [2, с. 387]. Полагаем, что с учетом лучшей пробы, она вполне могла ходить по курсу этой римской монеты.

С учетом длительности составления клада, выявленных предпочтений его владельца и установленных причин выпадения из обращения, мы смеем полагать, что и он был схоронен боспорянином в том же кризисном 260-м г. н.э.

Однако большая часть монетных сокровищ из Восточной Таврики состояла все же в основном из денег местного чекана. Одним из самых показательных, с нашей точки зрения, является клад из Патрея², найденный в 1970 г. Он интересен тем, что в нем оказались денарий Тита Флавия Веспасиана – сына, одинарные и двойные денарии Тиберия Юлия Савромата II (5 экз.), Тиберия Юлия Котиса III (1 экз.) и Тиберия Юлия Рескупорида V (242-276 гг. н.э.) (2 экз.). Основная часть монет из клада представляла собой электровые, серебряные и билонные статеры Тиберия Юлия Рескупорида III (210-226 гг. н.э.) (3 экз.), Тиберия Юлия Котиса III (68 экз.), Тиберия Юлия Савромата III (229-231 гг. н.э.) (9 экз.), Тиберия Юлия Рескупорида IV (242/3–276/7 гг. н.э.) (8 экз.), Тиберия Юлия Ининфимея (234-238 гг. н.э.) (26 экз.) и Тиберия Юлия Рескупорида V (102 экз.). Самая поздняя монета была выпущена в 251-257 гг. н.э. [51, с. 67]. Как верно заключили авторы «Корпуса боспорских кладов античных монет», сокрытие клада можно датировать именно этим периодом [2, с. 358-366, № 87].

Действительно, наличие в сокровище как раннего римского императорского денария, так и поздней разменной меди боспорского чекана говорит о том, что финансовое положение на Боспоре к моменту его сокрытия уже ухудшилось, но еще не до такой степени, чтобы его жители стали бы предпочитать привозную монету. Как видим, они ценили даже свои медные денарии. Полагаем, что выпадение сокровища может быть объяснено напряженной обстановкой, сложившейся на Керченском полуострове в ходе «Скифских войн». Вернее всего, он выпал из обращения к концу 250-х гг. н.э.

Однако трагический 260-й г. н.э. неизмеримо осложнил положение Боспора. О тяжести момента говорит приостановка денежной эмиссии. В обращении остались низкопробные статеры прежних выпусков и варварские подражания римскому серебру – т.н. «таманские денарии» (рис. 2,16). Эти монеты также выпадали в клад. Правда, на территории Таврики сокровища с ними не встречаются. Они известны в основном на черноморском побережье Северного Кавказа. Речь идет о кладе из окрестностей Новороссийска (1933 г.) и сокровищах из с. Гай-Кадзор (1972 и 1977 гг.) [2, с. 528-544, № 108, 109]. Они были образованы на варварской территории и схоронены пришлым населением, причастным к эмиссии этих подражаний. Сам факт отсутствия подобных кладов за пределами Северного Кавказа свидетельствует о слабом проникновении пришельцев на полуостров. Ведь очевидно, что если жители Таврики и использовали «таманские денарии» как средство платежа, то в любом случае отдавали предпочтение монетам цивилизованных государств Средиземноморского региона.

Итак, как мы видим, анализ крупных нумизматических комплексов позволяет не только проследить состав денежного обращения, выработать представление о состоянии

¹ Эти выпуски составляют относительное большинство.

² Хотя это сокровище было найден не в Таврике, а в Синдике, полагаем, что стоит обратить внимание именно на него, так как его состав является эталонным для современного ему денежного обращения Боспорского государства.

государств и обществ, но и осветить этнические процессы, происходившие в регионе в смутном III в. н.э. Получается, что клады этого периода также являются ценнейшими историческими источниками.

Период фоллиса–статера–варварских подражаний

Кризисный век «солдатских императоров» завершился установлением домината. Усиление государственного аппарата позволило наполнить денежное обращение кредитной бронзовой посеребренной монетой с принудительным курсом – т.н. «фоллисов». Фактически, они представляли собой деньги для бедных. Состоятельные слои общества, как правило, использовали полноценные золотые и серебряные монеты. Понятно, что варвары – соседи империи настойчиво требовали от Рима выплат дани драгоценными металлами. Однако на периферии *Rex Romana*, в т.ч. и в Таврике периодически находят клады, содержащие посеребренную бронзу III–IV вв. н.э. Считаем это явление крайне интересным и попытаемся дать ему объяснение.

Начнем с уже давно известного клада из с. Дачное, найденного в 1908 г. [26, с. 63-64, № 578]. В его состав входило ок. 2000 боспорских и римских медных монет¹. К сожалению, большая его часть осталась у находчиков. Были изучены только 528 монет, попавших к А.Х. Стевену. Большую часть этой выборки составили боспорские статеры Тиберия Юлия Рескупорида III, Тиберия Юлия Савромата IV (275 г. н.э.), Тиберия Юлия Тираниса² (265/6, 276/7-278/9 гг. н.э.), Фофорса (285/6-309/10 гг. н.э.), Радамсада (309-318 гг. н.э.) и Тиберия Юлия Рескупорида VI (318-242 гг. н.э.). Римские монеты из клада были выпущены при Марке Аврелии Валерии Максимиане (285-305, 307-308, 310 гг. н.э.) – 1 экз., Марке Аврелии Валерии Максенции (306-312 гг. н.э.) – 1 экз., Гае Валерии Галерии Максимине Дазе (Максимин II) (305-313 гг. н.э.) – 7 экз., Флавии Галерии Валерии Лициниане Лицинии (Лициний I) (308-324 гг. н.э.) – 26 экз. и Гае (Луции или Марке (?)) Флавии Валерии Константине (Константин I) (306-337 гг. н.э.) – 30 экз. Только одну бронзу А.Х. Стевену не удалось определить.

К сожалению, В.В. Кропоткин последним обращался к этому кладу. Причем он в своих «Кладах римских монет на территории СССР» не мог привести результаты детального анализа содержимого этого сокровища. А его последователей он, как видим, не заинтересовал. Попытаемся исправить это упущение.

Итак, клад из с. Дачное привлек наше внимание отнюдь не тем, что он является крупнейшим античным кладом, найденным на территории Таврики. Примечателен он, прежде всего, своим уникальным составом. Постараемся заинтересовать анализом этого комплекса и нашего читателя.

Начнем с того, что в это сокровище, судя, опять-таки, по выборке А.Х. Стевена, выпали разновременные монеты, выпущенные в период с 210 по 324 гг. н.э. А это, заметим, уже само по себе достаточно примечательно³. Во-вторых, если определения А.Х. Стевена верны, то в состав комплекса вошли не только статеры и фоллисы конца III – начала IV вв. н.э., но и боспорская разменная медь начала III в. н.э., что крайне интересно. В-третьих, все эти монеты представляли для своего владельца реальную ценность – ведь они оказались в кладу. А так как римская медь к тому времени была уже кредитными деньгами, то, следовательно, он видел в своем сокровище отнюдь не только металл. Получается, что в регионе формирования клада не менее века обращалась монета, номинал которой в валюте начала IV в. н.э. установить было бы практически невозможно. Выходит, что древнейшие медные монеты служили местными заменителями денег⁴.

В таком случае получается, что владелец сокровища ценил не только современные ему монеты, но и денежные суррогаты, использующиеся на местном рынке. Причем он не стремил-

¹ По В.В. Кропоткину [26, с. 63-64, № 578].

² Мы принимаем прочтение В.П. Яйленко [61, с. 462].

³ Хотя, заметим, это явление нельзя считать редким. К примеру, на территории Галлии еще в первой четверти IV в. н.э. обращались т.н. антонинианы императоров второй половины III в. н.э. Причем эти денежные суррогаты также выпали в кладу [71, р. 8-16]. Впрочем, сокровища IV-VII вв. н.э., кроме всего прочего содержащие монеты I-III вв. н.э. находят не только на территории бывшей Римской империи, но и за ее пределами [82, р. XCVII, CIV, CVI].

⁴ Ниже мы обоснуем это положение.

ся отложить серебро или золото. Полагаем, что владелец сокровища был мелким торговцем, копившим мелочь, необходимую для совершения каждодневных сделок. Жил он в начале IV в. н.э., вернее всего, в небольшом римском поселении, причем, его жители слабо контактировали с варварами – в кладе нет подражаний. В то же время, наличие боспорской монеты свидетельствует об отсутствии каких-либо существенных подвижек в составе населения региона – его жители веками использовали разменные монеты местного чекана. В то же время, присутствие в кладе деградированных статеров не может быть объяснено подчинением района Судака Боспору – к тому времени эти монеты обращались в Таврике повсеместно. Куда показательнее наличие римской кредитной монеты. Только власти империи могли обязать к ее приему.

Итак, если наши рассуждения логичны, то клад из с. Дачное являлся сбережением ромея¹ или в достаточно существенной степени романизированного местного жителя, предки которого испокон веков проживали в этом регионе. Полагаем, что он жил в достаточно мирный период первой половины правления Тиберия Юлия Рескупорида VI [20, с. 126-127; 61, с. 464]. Причем он сокрыл свое сокровище не с целью отложить денег на «черный день». Иначе в нем оказалось бы золото и серебро. Судя по составу, клад представлял собой небольшое сбережение средней руки торговца, который по неизвестной нам причине не смог распорядиться своими деньгами.

Теперь обратимся к иным позднеантичным и раннесредневековымкладам, найденным в Таврике к настоящему времени. К примеру, к обнаруженному в Стрелецкой бухте в 1904 г. [26, с. 65, № 627]. В него выпали только бронзовые монеты. Большая их часть была отчеканена при Юстиниане I Великом (527-565 гг. н.э.). Однако в том же кладе оказались выпуски Публия Аврелия Лициния Валерия Валериана – 1 экз., Гая (Луция или Марка (?)) Флавия Валерия Константина – 1 экз., Флавия Юлия Констанция (Констанций II)² (337-361 гг. н.э.) – 2 экз., Флавия Феодосия (Феодосий I Великий) (379-395 гг. н.э.) – 1 экз., Флавия Аркадия (383-408 гг. н.э.) – 4 экз. и Флавия Гонория (395-423 гг. н.э.) – 2 экз. Очевидно, что все они в первой половине VI в. н.э. являлись средствами платежа. Получается, что и в раннесредневековой Таврике продолжали использовать совершенно обесцененные позднеантичные монеты. Опять-таки заметим, что подобное явление не является ординарным событием. Очевидно, что оно требует объяснения.

В поисках ответа на поднятый вопрос обратимся к монетному делу варварских королевств, образовавшихся в результате распада Римской империи. Причем делаем это обдуманно, так как к настоящему времени оно довольно хорошо изучено. И что же мы находим? Оказывается, первые их эмиссии представляли собой надчеканенные римские императорские монеты I-IV вв. н.э.³ [66, р. 252-298; 108, р. XVIII] (рис. 3,1-4). Таким образом, их включали в денежное обращение новоявленных королевств. Причем неплохо прослеживаются все этапы воплощения этой задумки в реальность. Так, на ассе Марка Випсания Агриппы чуть заметны небрежные удары зубила, с помощью которого на монете выбили метку «XLII», тем самым, узаконив ее обращение в качестве монеты в 42 единицы – нумма или денария (рис. 3,1) [102]. Куда четче и, скажем, основательнее прорублена аналогичная надчеканка «LXXXIII»⁴ на сестерции Сервия Сульпиция Гальбы (рис. 3,2) [103]. В то же время клеймо «XLII» на ассе Тита Флавия Веспасиана - отца передано четко, но довольно небрежно и как бы второпях (рис. 3,3) [104]. Полагаем, что сказались спешность переделки и осознанная в ходе ее сложность самого процесса прорубки зубилом довольно трудных обозначений. И вскоре выход был найден. На аверсе фоллиса Флавия Клавдия Константина (Константин II) (337-340 гг. н.э.) хорошо заметны четыре четкие линии надчеканки (рис. 3,4) [105]. С их помощью монета получила достоинство в четыре денария. Складывается впечатление, что их выбили в один заход, одним ударом. Да и малые размеры монеты не позволили бы проставлять метку зубилом в несколько заходов. Полагаем, что монетчики воспользовались умело сделанным рельефным штампом.

¹ У нас есть все основания называть так подданных империи, живших после принятия в 212 г. н.э. «Constitutio Antoniniana».

² По-видимому – этого правителя, хотя В.В. Кропоткин не указал его номер. Сам порядок перечисления позволяет нам ожидать появления монет этого императора.

³ Сам факт проведения такой операции говорит о значительности доли разменной монеты I-IV вв. н.э. в составе денежной массы, обращавшейся на окраинах распавшейся Римской империи.

⁴ Таким образом, номинал монеты был определен в 83 денария.

Но вернемся к теме нашего исследования. Очевидно, что римская разменная монета использовалась даже после денежных реформ, целью которых было ее изъятие из обращения. Мы находим это явление крайне интересным и попытаемся выявить его причины¹. Известно, что римская столичная или провинциальная медь (а, как помним, в кладе из с. Дачного и из Стрелецкой бухты были найдены именно медные монеты) оформлялась на довольно высоком художественном уровне. Понятно, что население не стремилось избавиться от них даже после полного обесценения. Возможно, что со временем эта медь стала чем-то вроде жетонов–тессер местного значения. Возможно, в ней стали видеть своеобразные медальоны [106] (рис. 3,5-6). А они, как мы знаем, обращались довольно долго. Кстати, и на них также известны надчеканки [107] (рис. 3,6). В любом случае, в виде тессер или медальонов, но античные бронзы оставались востребованными на протяжении столетий – по крайней мере, до первой половины VII в., когда общий кризис имперской идеологии заставил отказаться от ряда традиций античного мира.

Заметим, что столь продолжительная жизнь разменной монеты условного достоинства может быть объяснена и куда более прозаическими причинами. Дело в том, что в последние два века существования Римской империи ее население периодически страдало от дефицита разменной монеты. Правившие тогда императоры столь неохотно чеканили малостоящую медь, что временами были вынуждены даже периодически передавать ее эмиссию на откуп [36, с. 216-217]. Именно нехваткой разменной монеты можно объяснить выпуск в ряде регионов империи т.н. *pseudo-imperial coins*, к числу которых стоит отнести и т.н. Æ2 Феодосия II (408-450 гг. н.э.) и Валентиниана III (425-455 гг. н.э.) таврического чекана [57, с. 140-148]. Заметим, что выпуск этих суррогатов, безусловно, свидетельствует о подвижках в составе населения и о временном ослаблении римского влияния в регионе. Однако в таврических кладах они не встречаются. Если наши рассуждения верны, то это говорит о том, что местные жители чувствовали себя достаточно защищенными, чтобы тезаврировать варварскую монету. Причем так поступали не только ромеи. Жители Таврики традиционно отдавали предпочтение деньгам Рима. Так что нечего удивляться изобилию таких находок на территории варварских поселений Горного Крыма.

Однако, насколько нам известно, отнюдь не все эти нумизматические памятники к настоящему времени введены в научный оборот. Вероятно, они встречаются столь часто, что так и не привлекли к себе внимание своего исследователя. Чтобы поднять интерес к этим интереснейшим историческим и нумизматическим памятникам, введем в научный оборот небольшой монетный комплекс, к сожалению, упущенный крымскими историками и нумизматами.

Как нам стало известно, в окрестностях г. Бахчисарая в 2009 г. местными жителями был обнаружен небольшой клад позднеимперской медной монеты [99]. К сожалению, находчикам не удалось передать его в государственный музей. Сокровище разошлось по рукам. Вследствие этого нам не удалось изучить его состав. Пришлось удовлетвориться осмотром только пяти монет (рис. 4). Все они представляли собой фоллисы императоров конца III – начала IV вв. н.э.: Гая Аврелия Валерия Диоклетиана (284-305 гг. н.э.) (рис. 4,1), Марка Аврелия Валерия Максимиана (рис. 4,2), Флавия Валерия Констанция Хлора (Констанций I) (293-306 гг. н.э.) (рис. 4,3) и Флавия Галерия Валерия Лициниана Лициния (рис. 4,4,5). По-видимому, монеты собирались в клад достаточно долго. Самые ранние из них (рис. 4,1-3) были выпущены в конце III – начале IV вв., а, точнее, в 294/5-305 гг. н.э.², а позднейшие¹ – Флавия Галерия Валерия Лициниана Ли-

¹ Ранее, в статье «К вопросу о номиналах литых бронз раннесредневекового Херсона» [56, с. 117-130] мы попытались привлечь внимание к этой проблеме. Однако до сих пор большинство современных нумизматов безапелляционно считают, что медная монета в античности и средневековье могла обращаться сколь угодно долго. Но ведь принятие этого утверждения на веру фактически лишает нас возможности учитывать нумизматические памятники в качестве датирующего материала. На данном этапе исследования мы попытались найти объяснение столь длительному использованию ряда разновидностей античных монет.

² К сожалению, физические параметры большинства монет нам неизвестны. Мы вынуждены атрибутировать их только по правителю и типу. Все эти бронзы относятся к серии «GENIO POPVLI ROMANI» – «Гений римского народа». Монета Гая Аврелия Валерия Диоклетиана была выпущена в Геракле [97, № 12a-12b, 17a-20b, 23a-23b], фоллис Марка Аврелия Валерия Максимиана отчеканили в Никомедии [97, № 27a-30b]. Одновременно с ними находилась в обращении выбитая в Сердике бронза Флавия Валерия Констанция Хлора [97, № 12a-13b].

циния, – в 308-310 гг. н.э. [97, № 54а, 54b] (рис. 4,4) и в 313-324 гг. н.э. соответственно. Примечательно и то, что сокровище было обнаружено за пределами зоны имперского влияния. Оно определенно представляло собой варварский клад, но состоящий уже исключительно из медной кредитной монеты. Причем оно было явно длительного накопления – разброс во времени между датами выпуска древнейших и позднейших монет составляет не менее тридцати лет. Применяв ранее апробированную методику, мы датируем его выпадение из обращения 330-340 гг. н.э. Полагаем, что состав клада убедительно свидетельствуют о высоком уровне и длительности контактов местного варварского населения с жителями империи, возможных только при условии мирной передышки, отмеченной в первой четверти IV в. н.э. [20, с. 126-127; 61, с. 464].

Итак, проведя небольшое нумизматическое исследование, мы попытались проследить историю денежного обращения Таврики в I-IV вв. н.э. Если наши рассуждения верны, то регион в интересующий нас период оставался в зоне римского политического и экономического влияния. Даже миграции населения не могли изменить ситуацию. Местные жители и пришлые варвары использовали римскую монету. Причем даже финансовый кризис и регулярные денежные реформы не могли подорвать их доверия к италийской валюте. Мы смело можем считать, что для характеристики денежного хозяйства римской Таврики как нельзя лучше подходит девиз «Non deficit alter aureus».

Однако мы занимались не только констатацией этого, с нашей точки зрения, совершенно очевидного факта. Надеемся, что нам удалось доказать, что наилучшим индикатором состояния таврических общностей (варварских, ромейских, эллинистических – всех без исключения) могут послужитьклады, выпавшие на территории полуострова в период античности. Надеемся, что методика, разработанная нашими предшественниками, вновь станет востребованной при исследовании монетных сокровищ, находимых как в Средиземноморье, так и в окаймляющих его регионах. Полагаем, что эта схема анализа древнего клада позволяет как нельзя лучше осветить историческую ситуацию, сложившуюся к моменту его выпадения из обращения, а сам он, бесспорно, является не аморфным «богатством», а ценнейшим историческим источником.

Источники и литература.

1. Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995.
2. Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. Корпус боспорских кладов античных монет. Симферополь–Керчь, 2007–2008. Т. 1.
3. Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н., Иванина О.А. Клады античных монет. Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Нумизматическая коллекция. Киев, 2006. Т. 1.
4. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. 1966. Д1-30.
5. Анохин В.А. Клад римских монет из с. Жуковичи // Материалы, исследования и заметки по археологии и нумизматике. Киев, 2010.
6. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
7. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев. 1977.
8. Анохин В.А. Находки римских монет в Украине // Материалы, исследования и заметки по археологии и нумизматике. Киев, 2010.
9. Анохин В.А. Римские монеты в Украине // Материалы, исследования и заметки по археологии и нумизматике. Киев, 2010.
10. Анохин В.А. Клад римских монет из с. Жуковичи // Материалы, исследования и заметки по археологии и нумизматике. Киев, 2010.
11. Бажан И.А. КСАН. М., 2011. Вып. 1. – Археологические предметы из случайных находок на территории Восточной Европы 2009-2011 гг.
12. Бейдин Г.В., Григорьянц М.Н., Любичев М.В. Находки монет римского времени на территории Харьковской области // Древности римского времени на Слобожанщине. Харьков. 2006.
13. Бодянский А. В. Находка небольшого клада на нижнем Днепре // НиС, 1963. Вып. 1.
14. Брайчевський М.Ю. Біля джерел слов'янської державності (соціально-економічний розвиток черняхівських племен). Київ, 1964.
15. Брайчевський М.Ю. Римська монета на території України. Київ, 1959.
16. Дундуа Г.Ф. Клад римских монет I-III вв. из с. Эки // КСИА, 1977. Вып. 151. Античные памятники Колхиды и Иберии.
17. Глущенко В. П. Клад римских денариев из с. Лукищина // НиЭ. 1989. Вып. 15.

¹ Самая ранняя из них (рис. 4,4) относится ко второй серии «GENIO AVGVSTI» чекана Никомедии, а позднейшая – к «IOVI CONSERVATORI» (рис. 4,5). Ее эмиссионные символы не читаемы.

18. Драгунова М. Н. Клад римских монет из с. Матюши Киевской области // НиС. 1965. Вып. 2.
19. Еременко В.Е. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. СПб., 1997.
20. Зубарев В.Г. К вопросу о периодах дестабилизации на Боспоре во второй половине III – начале V вв. // БК. 2005.
21. Карышковский П.О. Ольвийские монеты: производство и технология // Stratum plus. ВАШ археологический журнал. СПб. – Кишинев – Одесса, 1999. № 6.
22. Каплун В. Я. Староромановский клад римских денариев I-II веков н. э. // НиЭ, 1972. Вып. 10.
23. Кононець П. Римська монета на території Волині та Волинського Полісся // Актуальні питання культурології : Альманах наукового товариства «Афіна» кафедри культурології РДГУ. Рівне, 2010. Вип. 9.
24. Крист К. История времен римских императоров от Августа до Константина: Историческая библиотека Бека. Ростов-на-Дону, 1997. Т. 2.
25. Кропоткин В. В. Новые находки римских монет в СССР // НиЭ, 1966. Вып. 6.
26. Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР // САИ. 1961. Вып. Г4-4.
27. Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР // САИ. 1962. Вып. Е4-4.
28. Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967.
29. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
30. Лепер Р.Х. Херсонесские надписи (с 2 табл. и 15 снимками) // ИАК, 1912. Вып. 45.
31. Магомедов Б.В. Монети як джерело вивчення історії племен черняхівської культури. // Археологія, 2006. № 4.
32. Магомедов Б.В., Кароева Л. Р. Скарб денаріїв поблизу с. Глинськ Вінницької обл // Археологія, 1988. №62.
33. Мызгин К.В. К вопросу о времени поступления римских монет в среду черняховского населения // ВХНУ. 2008. Вип. 40: Історія. № 782.
34. Мызгин К.В. К вопросу об источниках поступлений римских монет к населению черняховской культуры // Тези Міжнародної наукової конференції «Східноєвропейські старожитності в добу середньовіччя». Чернівці. 2009.
35. Мызгин К.В. К проблеме источников поступления римских монет к носителям черняховской культуры // Збірка тез доповідей на конференції «Черняхівська культура». Актуальні проблеми досліджень. (до 40-річчя археологічної експедиції НПУ ім. М.П. Драгоманова) 15-17 жовтня 2010 г.
36. Мэттингли Г. Монеты Рима. М., 2005.
37. Нудельман А.А. Римская монета в междуречье Днестра, Прута и Дуная // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982.
38. Пивоваров С. Римські монети в старожитностях черняхівської культури // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології: Зб. наук. праць. Чернівці, 1999. Т.2.
39. Пивоваров С. Скарб римських республіканських монет із с. Почапи у верхов'ях Західного Бугу // АДЛУ. 2009. Вип. XII.
40. Пиоро И.С., Герцен А.Г. Клад антонинианов из с. Долинное Крымской области // НиС, 1974. Вып. 5.
41. Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке н.э. М., 1954.
42. Сапрыкин С.Ю. Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического. М., 2005.
43. Сергеев А.Я. Варварские денарии в областях от Подунавья до Закавказья // Международный Нумизматический Альманах. М., 1995.
44. Сергеев А.Я. Таманский денарий // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. Ярославль, 1999.
45. Сидоренко В.А. Золотая монетная чеканка Херсонеса I–II вв. н.э. // МАИЭТ, 2001. Вып. VIII.
46. Сидоренко В.А. К вопросу об этнической атрибуции Ай-Годорского клада монет IV – начала V вв. с подражаниями «лучистого типа» // Материалы к этнической истории Крыма, Киев, 1987.
47. Сидоренко В.А. Клад римских денариев из окраины с. Репино Бахчисарайского р-на // МАИЭТ, 2009. Вып. XV.
48. Столярик Е.С. Очерки монетного обращения Северо-Западного Причерноморья в позднеримское и в византийское время (конец III – начало XIII в.). Киев, 1992.
49. Ушаков С.В. Варвары горной Таврики на рубеже эпох: Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму (III – середина VI вв. н.э.). Опыт реконструкции // Археологический альманах. Донецк, 2010. № 23.
50. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. н.э. – середина IV в. н.э.). М., 1997. Ч. I.
51. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. н.э. – середина IV в. н.э.). М., 1997. Ч. II.
52. Фролова Н.А., Новиченкова Н.Г. К проблеме чеканки золотых монет античного Херсонеса (46 – 133 гг. н.э.). – в кн. Фролова Н.А. Античные золотые монеты в собрании Государственного исторического музея (от античности до Византии). М., 2010.
53. Чорев М.М. «Nomen est omen», или к истории Таврики рубежа н.э. // Материалы X Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2011 года и X Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2011» / Под ред. В.А. Трифонова, В.А. Иванова, В.И. Кузицина, Н.Н. Миленко, В.В. Хапаева. Севастополь, 2011.
54. Чорев М.М. «Nomen est omen», или к истории Таврики рубежа н.э. // НВБелГУ, 2011. Вып. 19.
55. Чорев М.М. Изображения императоров династии Юлиев–Клавдиев на золоте, серебре и меди херсонесского чекана // МАИАСК. 2010. Вып. II. Режим доступа: <http://www.msusevastopol.net/downloads/MAIASK2.pdf>.
56. Чорев М.М. К вопросу о номиналах литых бронз раннесредневекового Херсона // МАИАСК. Симферополь, 2008. Вып. I. Режим доступа: <http://www.msusevastopol.net/downloads/MAIASK1.pdf>.
57. Чорев М.М. К истории монетного дела Херсона в V в. // 10 лет после миллениума. Новое в гуманитарном знании (история, политика, когнитивные практики). К 65-летию Института истории и политических наук ТюмГУ: Сборник материалов конференции. Тюмень, 2010.
58. Чорев М.М. К истории монетного дела Херсона в первой половине VI в. // Сугдейский сборник. 2010. Вып. IV.

59. Шилін Ю. Нова інформація про черняхівське поселення біля с. Глинськ Вінницької області // Подільська старовина. Вінниця, 2003 / URL: http://museum.vn.ua/articles/podl/ylu_shiln_nova_nformatsya_pro_.html.
60. Шукин М.Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005.
61. Яйленко В.П. Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э. М., 2010.
62. d'Amato R. Arms and Armour of the Imperial Roman Soldier. From Marius to Commodus, 112 BC – AD 192. London, 2009.
63. [Appian] Appian Roman History / Ed. E. Capps, W.H.D. Rouse, L.A. Post, E.H. Warmington // The Loeb Classical Library. London, 1964. Vol. III.
64. [Appian] Appian Roman History / Ed. E. Capps, W.H.D. Rouse, L.A. Post, E.H. Warmington // The Loeb Classical Library. London, 1961. Vol. IV.
65. Bastien P., Huvelin H. Trouville de Folles de la Période Constantine (307–317) // NR. 1969. Vol. V.
66. Berndt G.M., Steinacher R. Minting in Vandal North Africa: coins of the Vandal period in the Coin. Cabinet of Vienna's Kunsthistorisches. Museum // Early Medieval Europe. 2008. 16 (3).
67. Bruun P.M. RIC / Ed. Sutherland C.H.V., Garson R.A.G. London, 1966. Vol. VII. – Constantine and Licinius A.D. 313–337.
68. Burnett A., Amandry M., Repollès P.P., Carradice I. Roman Provincial Coinage. Supplement 2. P. 42. S2-I-1936A // URL: www.uv.es/~ripolles/rpc_s2 (дата доступа: 18.08.2011).
69. Bursche A. Denarii subaerati from Barbaricum // Polish Numismatic News. 1997. VI.
70. Bursche A. Roman coinage from Jakuszowice settlement in north Małopolska // Notae Numismaticae. 1997. 2.
71. C. Suetonii Tranquilli duodecim Cæsares et minora quæ supersunt opera / Ed. C.B. Hase. Paris, 1828. V. I.
72. C. Suetonii Tranquilli duodecim Cæsares et minora quæ supersunt opera / Ed. C.B. Hase. Paris, 1828. V. II.
73. [Δίων ὁ Κάσσιος] Dio's Roman History. London, 1955. Vol. IX.
74. Forger's Hoard of Cast Denarii <http://www.forumancientcoins.com/board/index.php?topic=62758.0>.
75. Gaji Suetonii Tranquilli Opera, et In Commentarius Samuelis Pitisci. quo antiquitates romanæ, tum, ab interpretibus doctissimis, Beroaldo, Sabellico, Egnatio, Ursino, Grutero, Torrentio, Casaubono, Marcilio, Boxhornio, Graevio, Babelonio etiam explicatæ, tum ab illis neglectæ, ex auctoribus idoneis permultis, græcis & latinis, veteribus & recentioribus, perpetuo explicantur: huic accedunt index auctorum, ... imperatorum, imperatoresque arcissimo gradu contingentium icones, & figuræ ex veterum monumentis ... Trajecti ad Rhenum [Utrecht]: Ex officina Francisci Halmæ, 1690. Vol. I.
76. Gaji Suetonii Tranquilli Opera, et In Commentarius Samuelis Pitisci. quo antiquitates romanæ, tum, ab interpretibus doctissimis, Beroaldo, Sabellico, Egnatio, Ursino, Grutero, Torrentio, Casaubono, Marcilio, Boxhornio, Graevio, Babelonio etiam explicatæ, tum ab illis neglectæ, ex auctoribus idoneis permultis, græcis & latinis, veteribus & recentioribus, perpetuo explicantur: huic accedunt index auctorum, ... imperatorum, imperatoresque arcissimo gradu contingentium icones, & figuræ ex veterum monumentis ... Trajecti ad Rhenum [Utrecht]: Ex officina Francisci Halmæ, 1690. Vol. II.
77. Godłowski K. Vorrömische Eisenzeit und Römische Kaiserzeit im östlichen Mitteleuropa und in Osteuropa // Fibel und Fibeltracht / Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Berlin, 2000. Band. 8.
78. Herzen A.G. Il tesoro di Dolinnoe // Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. Milano, 1995.
79. Højte J.M. The Date of the Alliance between Chersonesos and Pharnakes (IOSPE I², 402) and its Implications // BSS, 2006. № 3. – Chronologies of the Black Sea Area in the Period C. 400-100 BC.
80. Hollander D.B. Money in the Late Roman Republic / Columbia Studies in the Classical Tradition. Leiden–Boston, 2007. Vol. 29.
81. IOSPE I². 1916. Vol. I.
82. Kent J.P.C. RIC. London, 1994. Vol. X.
83. Mattingly H., Sydenham E.A. RIC / Ed. H. Mattingly, E.A. Sydenham, C.H.V. Sutherland. London, 1949. Vol. IV. P. III. – Gordian III – Uranus Antoninus.
84. Mattingly H., Sydenham E.A. RIC. London, 1930. Vol. III – Antoninus Pius to Commodus.
85. Mattingly H., Sydenham E.A. RIC. London, 1936. Vol. IV. P. I. – Pertinax to Geta.
86. Mattingly H., Sydenham E.A. RIC. London, 1938. Vol. IV. P. II. – Macrinus to Pupienus.
87. Preda C. Istoria monedei în Dacia preromană // București, 1998.
88. Seaby H.A. RSC / Rev. D.R. Sear, R. Loosley. London, 1989. Vol. I. – The Republic to Augustus.
89. Seaby H.A. RSC / Rev. D.R. Sear. London, 1982. Vol. III. – Pertinax to Balbinus and Pupienus.
90. Seaby H.A. RSC / Rev. D.R. Sear. London, 1982. Vol. IV. P. III. – Gordian III to Postumus.
91. Seaby H.A. RSC / Rev. R. Loosley. London, 1979. Vol. II – Tiberius to Commodus.
92. Sear D.R. RCV. London, 2000. Vol. I. – The Republic and The Twelve Caesars. 280 BC – 96 AD.
93. Sear D.R. RCV. London, 2002. Vol. II. – The Accession of Nerva to the overthrow of the Severan dynasty. AD 96 – 235.
94. Sear D.R. RCV. London, 2005. Vol. III. – The 3rd century crisis and recovery. AD 235–285.
95. Smith D. Trajan Decius: Double Your Money / URL: <http://dougsmith.ancients.info/feac51dec.html> (дата обращения: 25.08.2011).
96. Sutherland C.H.V. RIC / Ed. C.H.V. Sutherland, R.A.G. Carson. London, 1984. Vol. I. – From 31 BC to AD 69.
97. Sutherland C.H.V. RIC / Ed. Sutherland C.H.V., Garson R.A.G. London, 1967. Vol. VI. – From Diocletian's reform (A.D. 294) to death of Maximinus (A.D. 313).
98. Sydenham E.A. RIC. London, 1926. Vol. II. – Vespasian to Hadrian.
99. URL: coins.ucoz.ru (дата обращения: 25.08.2011).
100. URL: http://www.acsearch.info/search.html?search=Bosporos&view_mode=1&sort=&c=&a=&l=#20 (дата обращения: 25.08.2011).

101. URL: http://www.acsearch.info/search.html?search=similar%3A58907&view_mode=1#1 (дата обращения: 25.08.2011).
102. URL: <http://www.coinproject.com/siteimages/97-82001136.jpg> (дата обращения: 25.08.2011).
103. URL: <http://www.coinproject.com/siteimages/thumbs/97-82001138.jpg> (дата обращения: 25.08.2011).
104. URL: <http://www.coinproject.com/siteimages/thumbs/97-82001139.jpg> / (дата обращения: 25.08.2011).
105. URL: <http://www.romancoins.info/Vandals.html#4> (дата обращения: 25.08.2011).
106. URL: http://www.acsearch.info/search.html?search=medallion+Hadrian&view_mode=1&sort=&c=&a=&l=#6 (дата обращения: 25.08.2011).
107. http://www.acsearch.info/search.html?search=medallion&view_mode=1&sort=&c=&a=&l=#4 (дата обращения: 25.08.2011).
108. Wroth W. Catalogue of the Coins of the Vandals, Ostrogoths and Lombards and the empires of Thessalonica, Nicaea and Trebizond in the British Museum. London. 1911.

Сокращения.

АДЛУ –	Археологічні дослідження Львівського університету
БК –	Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь.
б.э. –	Боспорская (вифинийско–понтийская) эра
ВХНУ –	Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Харків
ИАК –	Известия (Императорской) археологической комиссии.
КРУ БИКЗ –	Крымское Республиканское учреждение «Бахчисарайский историко-культурный заповедник»
КСИА –	Краткие сообщения Института Археологии. М.
МАИАСК –	Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма.
МАИЭТ –	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
НВБелГУ –	Научные ведомости Белгородского государственного университета.
НиС –	Нумизматика и сфрагистика.
НиЭ –	Нумизматика и эпиграфика.
НПУ –	Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова
РДГУ –	Рівненський державний гуманітарний університет
САИ –	Свод археологических источников.
х.э. –	Херсонесская эра
BSS –	Black Sea Studies. Aarhus
IOSPE I ² –	Latyshev B. Inscriptionis orae septentrionalis Ponti Euxini grecae et latinae.
NR –	Numismatique Romaine. Essais, Recherches et Documents. Wetterin
RIC –	The Roman Imperial Coinage
RCV –	Roman Coins and Their Values
RSC –	Roman Silver Coins

Рис. 1. К вопросу о составе денежного обращения Таврики в период денария–статера
 1,2 – боспорские статеры рубежа н.э.: монетария Марка Дурмия (1) и Тиберия Клавдия Нерона (2); 3,4 – херсонесские статер (3) и драхма (4) Тиберия Юлия Цезаря; 5 – поддельный херсонесский статер 128 г. х.э.; 6-8 – разменная медь херсонесского чекана: ассарий (6) и тетрассарии (7,8); 9-11 – статеры Тиберия Юлия Реметалка: медный (9) и золотые (10,11); 12,13 – статеры Тиберия Юлия Котиса III: фальшивый (12) и полноценный (13); 14,16 – римские денарии: субэратный (14) и полноценный (16); 15,17-20 – т.н. «лимесные денарии» из Юго-Западного Крыма.

**Рис. 2. Состав денежного обращения в Таврике
в период т.н. антониниана–статера– «таманского денария»**
1-5 – литые денарии британской работы;
6,7 – литые денарии из Крыма;
8-15 – Войковский клад т.н. антонинианов 1962 г. по [2];
16 – т.н. «таманский денарий».

Рис. 3. К выяснению причин сохранения в денежном обращении раннесредневековых государств римских монет I-IV вв.

1-4 – надчеканенные вандалами римские монеты: асс Марка Випсания Агриппы (1), сестерций Сервия Сульпиция Гальбы (2) и асс Тита Флавия Веспасиана – отца (3), фоллис Флавия Клавдия Константина (4); медальоны: Публия Элия Траяна Адриана (5) и надчеканенный Луция Септимия Севера (193-211 гг. н.э.) (6).

Рис. 4. Клад позднеримских монет 2009 г. из окрестностей г. Бахчисарая

- 1 – Гая Аврелия Валерия Диоклетиана;*
- 2 – Марка Аврелия Валерия Максимиана;*
- 3 – Флавия Валерия Констанция Хлора;*
- 4,5 – Флавия Галерия Валерия Лициниана Лициния.*

К ВОПРОСУ О МОНЕТНОМ ДЕЛЕ ДЖАНИБЕКА ГИРАЯ (1628-1635 ГГ.) В ПЕРИОД ЕГО ВТОРОГО ПРАВЛЕНИЯ

Якушечкин А.В.

Исследователь

Несмотря на обильный нумизматический материал, который в последнее время попал в поле зрения специалистов, до сих пор основным справочным материалом по нумизматике Крымского ханства является фундаментальный труд О.Ф. Ретовского «Монеты Гиреев», написанный на немецком языке и изданный более ста лет назад [1; 2; 3].

К сожалению, в упомянутом труде Ретовского отсутствуют не только отдельные разновидности монет, но и допущены серьезные систематические пробелы. Так, например, в работе О.Ф. Ретовского полностью отсутствуют монеты Мухаммеда Гирая III (1623-1628 гг.н.э.), не приведены монеты Джанибека Гирая второго правления, Мухаммеда Гирая IV (1641-1644 гг.н.э.) первого правления, только упомянута монета Бехадур Гирая (1637-1641 гг.н.э.).

Все эти пробелы связаны не только с тем, что монеты были недоступны исследователю, но и с тем, что монеты первой половины XVII в. имели чрезвычайно низкое качество чекана. Государственная порча монет, постоянное редуцирование веса и пробы монет, все это привело к тому, что многие монеты этого периода уже сразу после изготовления были практически нечитаемыми¹.

Целью настоящей работы является введение в научный оборот монет второго правления Джанибека Гирая (1037-1044 гг.х., 1628-1635 гг.н.э.). Эти монеты известны коллекционерам, но до сих пор не были систематизированы и опубликованы. Мною выделены три выпуска монет данного периода правления Джанибека Гирая, предпринята попытка дать хронологическую последовательность этих эмиссий. Составлены гистограммы распределения веса в рамках каждой монетной «группы». К сожалению, упомянутая небрежность чекана, а также относительная редкость этих монет не позволяют на данном этапе выделить отдельные штемпельные варианты монет внутри каждого выпуска. Реконструкции монет, данные в виде прорисовок, выполнены по многим, имеющимся в распоряжении автора экземплярам, и представляют собой некие «усреднения», не претендующие на точность изображения того, или иного штемпельного варианта.

Арабическая легенда аверса и реверса на всех выпусках Джанибека Гирая второго правления практически идентичны.

Аверс:

حان جانبك كراى مبارك كراى بن سلطان	—	«Хан Джанибек Гирай, сын Мубарека Гирая султана»
--	---	---

¹ Все это, несомненно, было связано с истощением экономики Крымского ханства в результате междоусобных войн, которые вели сторонники Джанибека и Мухаммеда III Гираев с лидером буджакских татар Кан-Темира. Кроме того, вследствие крайней зависимости от Османской империи, Крымским ханам также приходилось участвовать в многочисленных восточных походах, прибыль от которых ни в коей мере не была соизмерима с традиционными набегами на земли Украины, России, и Польши. Более подробно об этом можно прочитать в работах [7] и [9].

Реверс:

ضرب	–	«чекан
سرای		Бахчисарая,
با غچه		1037»
۱۰۳۷		

На реверсе монет выпуска С добавлено слово سنة – «год».

Описание выпусков

Выпуск А. «Со звездой и полускобкой».

Аверс: حان جانبك كراى بن مبارك كراى سلطان.

Горизонтальная разделительная линия, в центре линии – звезда.

Реверс – тамга в центре, слева, снизу и справа ограниченная «неполным квадратом», иногда над тамгой – ряд точек. Снизу, под обрамлением тамги – дата ۱۰۳۷, справа – ضرب. Сверху, над тамгой, и далее вокруг против часовой стрелки – با غچه سراى (рис. 1).

Выпуск В. «Без горизонтальной разделки на аверсе и реверсе».

На аверсе монеты в четыре строки идет легенда حان جانبك كراى بن مبارك كراى سلطان.

Реверс – тамга в центре, под тамгой дата ۱۰۳۷. Справа от тамги ضرب. Сверху над тамгой, и далее вокруг против часовой стрелки – با غچه سراى (рис. 2).

Выпуск С. «Горизонтальная разделка аверса и реверса».

На аверсе в четыре строки – легенда, аналогичная второму выпуску, но разделенная горизонтальной линией после второй строки.

Реверс – тамга в центре, над ней – горизонтальная линия. Над линией справа ضرب, слева, в две строки – با غچه سراى. Под тамгой – سنة, ниже – ۱۰۳۷ (рис. 3).

В нашем распоряжении имеется великолепный источник, который дает нам представление о монетной политике крымских ханов в этот период. Эмиддио Д'Асколи¹ пишет:

«Кроме того, он (крымский хан – авт.) чеканит монету, аспры, полумедные полусеребряные. Хань не желают, чтобы аспры падишаха ходили в Татарию даже в Каффе и в других местах, ему подвластных, потому что у этих ханов имеется избыток своих. Ещё менее желательно хану, чтобы ценность реала превышала 80 аспров, потому что его аспры не ходят вне Татарию. Купцы, приезжающие из Константинополя, Азии или Персии, либо едущие туда, постепенно изменяют ценность реала, повышая ее до 90, 100, 120 аспров и доводя до 160 аспров, т.е. двойной цены, как именно видим в настоящее время. Товары становятся очень дорогими, а всего хуже то, что при переплавке этих 160-ти аспров не получается стоимость реала. В подобном случае хан, видя падение своей монеты, чеканит новые аспры, с иным изображением, а затем рассылает их, куда 20 тысяч, куда 30 тысяч, куда больше, куда меньше, во все главные города, по цене 80 аспров за грасс (grosso), а взамен требует столько же реалов. При мне, за последнее десятилетие, аспры менялись пять раз, к великой выгоде хана, но в ущерб его подданным» [4, с. 115].

Было бы довольно интересным проанализировать данный отрывок с точки зрения денежно-весовых соотношений в Крымском ханстве в указанный период. Но, с точки зрения полноты обзора, это следует сделать в единой связке с рассмотрением не только монет Джанибека Гирая, второго правления, но и монетами Мухаммеда Гирая III, так как именно в указанный период д'Асколи пребывал в Крыму². Пока отметим лишь следующее. Под аспрами падишаха, несомненно, следует понимать акче Османской империи, а реал – это

¹ Эмидео Дортелли д'Асколи, являясь монахом Доминиканского ордена, возглавлял в 1624-1634 гг. доминиканскую миссию в Каффе. Он прибыл в Крым во время правления в Крымском ханстве Мухаммеда III Гирая, отбыл из Крыма при втором правлении Джанибека Гирая.

² В настоящее время я заканчиваю работу над обзором монет Джанибека Гирая, первого правления и Мухаммеда Гирая III, после чего и можно будет попробовать сделать реконструкцию системы денежного обращения в Крыму, и вычислить курс местного акче по отношению к иностранным монетам.

серебряная монета Испании. Согласно [5, Table 8.3] мы имеем следующий курс османских акче к реалу в Стамбуле:

Год	Стоимость реала в Стамбуле
1600	78
1618	100
1622	120-150
1624	170-320
1625	80
1628	100-110
1632	110

Как видим, после кризисных 1622-1624 гг. в монетном деле Османской империи, в 1625 году наступил период стабилизации, когда 80 османских акче равнялись одному реалу. Такой же курс, но в крымских акче, называет и д'Асколи. Можно, с некоторой долей вероятности, предположить, что курсы крымского и османского акче в этот период были взаимосвязаны. При таком предположении, вполне логичен будет и вывод, что вслед за османским акче, к 1632 г., курс крымского акче также опустился относительно реала. Д'Асколи упоминает курс в 160 аспров за реал. Таким образом, каждый новый выпуск монет приносил Крымскому хану¹ практически 100% прибыль.

Надо также обратить внимание на не совсем понятное упоминание д'Асколи номинала «гроссо». Возможно, исходя из контекста, в этом месте следует читать «реал».

Кроме того, было бы интересно наметить пути решения еще одной интересной проблемы – хронологической последовательности выпусков монет Джанибек Гирая. Главный инструмент здесь – анализ комплексов монет. К сожалению, мне известны только два комплекса, монеты которых разошлись по рукам.

Один комплекс, по словам находчиков, состоял, в основном, из монет выпуска **А**. Кроме того, в комплексе были также некоторое количество монет Мухаммеда III. К сожалению, мне не удалось узнать более точную информацию.

Второй комплекс удалось изучить более подробно. В нем, опять же, по словам находчика, было около 80 монет. Часть были со следами пребывания в огне, и буквально рассыпались при дальнейшей отчистке. Основное содержание данного комплекса – монеты выпуска **В**, кроме этого, было несколько монет Гази Гирая II и Мухаммеда Гирая III, три монеты Джанибека, первого правления, а также, по крайней мере, две монеты Джанибека, второго правления, выпуска **А**.

Таким образом, исходя из состава этих комплексов, можно сделать предварительный вывод о том, что выпуск **А** хронологически был раньше выпуска **В**.

Также, некоторую информацию о хронологии выпусков монет можно получить, анализируя гистограммы весов монет. При этом будем исходить из предположения о том, что политика государственной порчи монет была последовательна, а также из того, что эта порча снабжалась частичной потерей веса монеты².

Рассмотрим гистограммы весов монет.

Для составления диаграммы было использовано следующее количество монет.

Выпуск **А** – 23;

Выпуск **В** – 36;

Выпуск **С** – 11;

Как видно, количество монет в каждом из выпусков невелико, и для полноценного статистического анализа недостаточно.

¹ А это был, несомненно, Джанибек Гирай, так как в приведенной цитате упомянуто «настоящее время», что, учитывая время написания труда д'Асколи, относится к периоду, близкому к 1634 г.

² Основная цель государственной порчи монеты это – уменьшение веса благородного металла в монете. Достичь этого можно двумя способами – уменьшая вес монеты или ее пробу. К сожалению, в силу указанной относительной редкости монет Джанибека Гирая пока весьма затруднительно выглядит анализ монетного металла.

При построении гистограмм по оси X откладывался диапазон веса монеты (в нашем случае шаг 0,01 г.), по оси Y – сколько монет попадает в этот диапазон.

На сводной гистограмме (рис. 4) мы видим, что монеты выпуска А имеют модельный вес выше, чем монеты остальных выпусков. Что также может служить доказательством того, что именно выпуск А является первой эмиссией Джанибека в его второе правление.

Кроме того, интересно то, что выпуск В имеет двойной максимум в распределении веса, но пока еще делать какие-либо выводы преждевременно, так как уже указывалось, что для этого недостаточно количества учтенных монет.

К сожалению, дать более полную реконструкцию хронологии монетных выпусков второго правления Джанибека Гирая мы в настоящее время не можем.

И еще один важный вывод, который мы можем сделать, рассматривая монетное дело Джанибека Гирая, второго правления.

У исследователей этого периода истории Крымского ханства в XIX – начале XX вв. не было устойчивейшей точки зрения на дату начала правления Джанибек Гирая. Так, Халим Гирай султан в своем произведении «Розовый куст ханов, или история Крыма» [6, с. 64] пишет «...назначение ханом Джанибек Гирая произошло в месяце рамазан 1038 г.х. (апрель-май 1629 г.н.э.)». Известный исследователь Крымского ханства Смирнов дает другую дату: «В конце рамазана 1036 года (первая половина июня 1627 года) ханство было опять дано Джан-бек-Гераю, который и был препровожден с эскадрой в 60 галер и 35 фрегатов под начальством капудана Хасан-паши к месту своего назначения в Крым...» [7, с. 363]. Эту же дату, т.е. 1036 год хиджры (1627 н.э.) дает в своей работе и Ретовский [2, с. 67]. Посол Михаила Федоровича при Крымских ханах Тарбеев¹ в своих донесениях отмечает: «Июня², государь, в 21 день (1.07 по новому стилю) под Кафу морем пришли от Турского Джанибек Гирей царь да калга Девлет-Гирей царевич» [8, с. 71]. На монетах мы видим, что год вторичного вступления на престол все же именно 1037 по хиджре, что соответствует 1628 г. н.э.

Источники и литература.

1. Retowski O. Die Munzen der Girei // Труды Московского нумизматического общества. М., 1901. Т. 2. Вып. 3.
2. Retowski O. Die Munzen der Girei // Труды Московского нумизматического общества. М., 1903. Т. 3. Вып. 1.
3. Retowski O. Die Munzen der Girei // Труды Московского нумизматического общества. М., 1905. Т. 3. Вып. 3.
4. Descrittio del mar Negro e delle Tartaria per il D.Emiddio Dortelli d'Ascoli / Описание Чёрного моря и Татарии составил доминиканец Эмиддио Дортелли Д'Асколи, префект Кафы, Татарии и проч. в 1634 г. // Записки Одесского общества истории и древностей, 1902 г., т. 24, отд. 2, с. 89 – 180.
5. Pamuk Ş. A Monetary History of the Ottoman Empire. Cambdrige, 2000.
6. Гирай, Халим султан. Розовый куст ханов или история Крымского ханства. Симферополь, 2004.
7. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. М. 2005.
8. Савелов Л.М. Из истории сношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Федоровиче. Посольство С.И. Тарбеева в Крым 1626-1628 гг. Симферополь, 1906.
9. Гайворонский О. Повелители двух материков. Киев-Бахчисарай, 2009. Т. 2.

¹ Степан Иванович Тарбеев был посланником при Посольском Приказе царя Михаила Федоровича, в посольстве в Крыму в 1626-1628 гг. Интересно отметить, что род Тарбеевых, согласно многим источникам, ведется от выехавшего из Золотой Орды при Василии Темном мурзы Мердулах-Бия Тарбеева, в крещении Семена. Наверняка, именно это, ордынское происхождение рода, сыграло свое значение при назначении Степана Тарбеева послом в Крым. Надо добавить еще и то, что именно документы посольства Тарбеева являются наиболее полным и достоверным документальным источником о том, что происходило в Крыму во времена перехода власти от Мухаммеда Гирая III к Джанибеку Гиразу.

² Описание событий дается Тарбеевым в хронологической последовательности, данная запись относится к 1628 г.

Рис. 1. Прорисовка-реконструкция монет Джанибек Гирая, второго правления, выпуск А

Рис. 2. Прорисовка-реконструкция монет Джанибек Гирая, второго правления, выпуск В

Рис. 3. Прорисовка-реконструкция монет Джанибек Гирая, второго правления, выпуск С

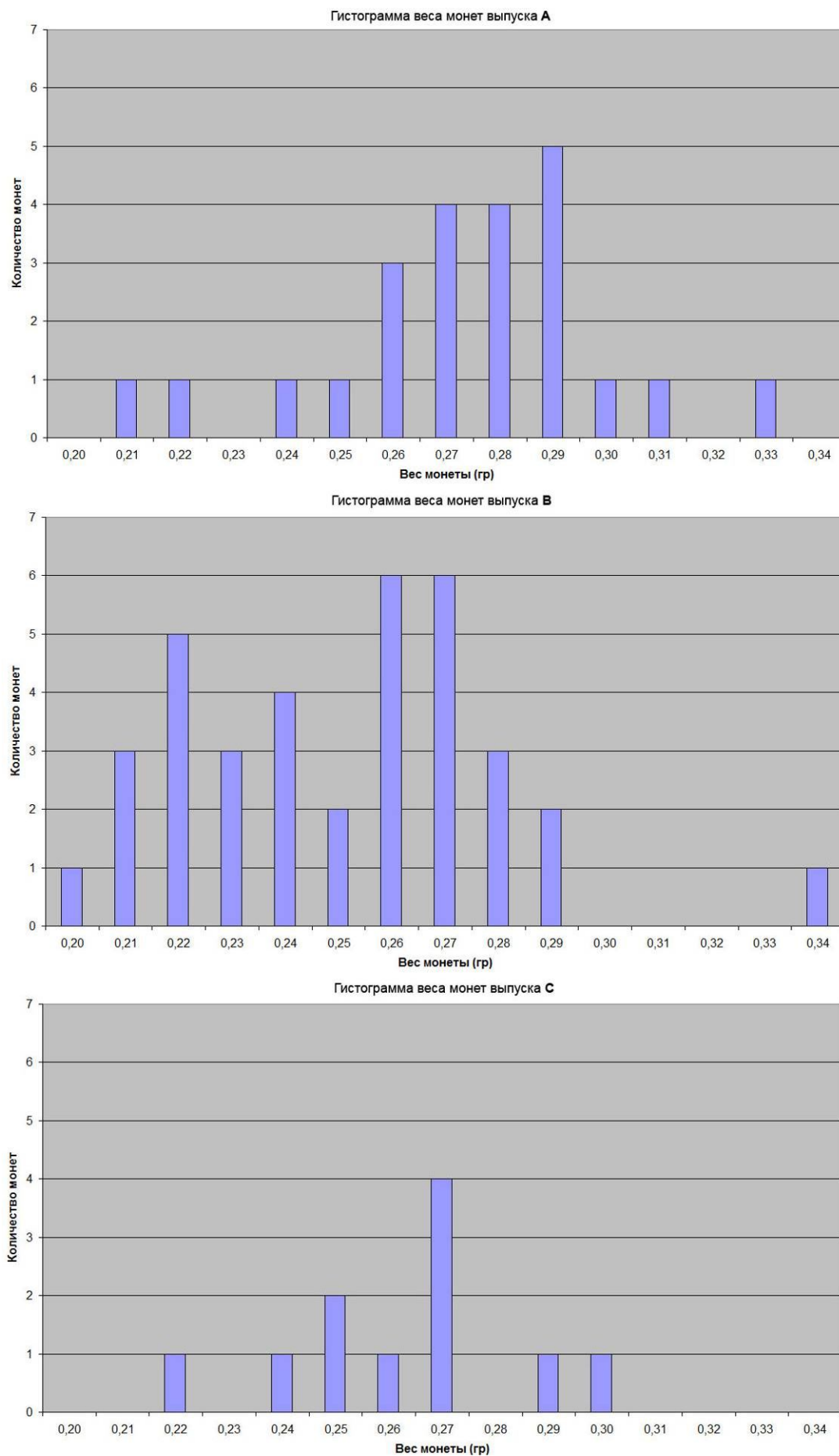

Рис.4. Сводная гистограмма весов монет

VI

НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ

AGER PUBLICUS В ЦАРСКИЙ ПЕРИОД ПО ТИТУ ЛИВИУ И ПЛУТАРХУ

КИРИЛИНА А.К.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Прежде чем говорить непосредственно о заявленной теме, необходимо рассмотреть сам термин *ager publicus*, его происхождение и значение.

Буквально *ager publicus* переводится как «общественная земля», и этим термином обычно обозначают государственный земельный фонд, к которому имеют доступ римские граждане. Появляется он довольно-таки рано – в начале так называемого царского периода, и его формирование тесно связано с развитием общества и завоевательной политикой первых римских царей.

Римское государство образовалось из союза родов, но очень скоро им стало не хватать имеющейся в их распоряжении земли. Этот земельный голод и послужил основным стимулом к завоевательным походам первых римских царей.

Обычно римляне забирали у побежденных противников 1/3 земли, которую они либо делили между нуждающимися в земле членами родов, либо обращали в общественное поле [2, с. 212] – *ager publicus*. За небольшую плату каждый гражданин мог оккупировать (от *occipare* – занимать, т.е. получить во временное владение) его часть [1, с. 51]. Распоряжался общественным полем царь, и оно было основным источником его дохода. Царь получал пастбищную пошлину (*scriptura*) со скота, который выгонялся на общинный луг, и часть урожая (*vestigalia*) взамен арендной платы от тех, кто пользовался государственными полями [3, с. 74].

Примерно такая же картина воссоздается учеными на основе крайне скудных и фрагментарных источников по истории древнейшего Рима. Но можем ли мы найти для нее подтверждения в трудах таких знаменитых древних авторов, как Тит Ливий и Плутарх?

Анализ первой декады «Истории от основания города» Тита Ливия и жизнеописаний Ромула и Нумы, написанных Плутархом, дает примерно следующий результат.

С одной стороны, и Тит Ливий, и Плутарх довольно подробно рассказывают о завоевании земель римскими царями, начиная от легендарного Ромула, а также о том, что на

завоеванные земли переселялись римские граждане. Однако никто из них не говорит об общественных полях, находящихся под контролем царя, и не употребляет термин *ager publicus* применительно к царскому периоду. У Ливия он вообще впервые появляется как нечто само собой разумеющееся лишь в связи со Спурием Кассием и его аграрным законом о наделении земель нуждающихся плебеев (Liv., 2, 41, 3). Правда, до этого в «Истории от основания Города» мелькает слово *ager* само по себе, но Ливий обычно обозначает им либо захваченные земли, либо разоренные римские поля и, по всей видимости, не вкладывает в него какое-либо юридическое значение.

Значит ли все это, что такое явление, как *ager publicus*, в царский период отсутствовало? Отнюдь нет. В существовании *ager publicus* уже при первых римских царях можно убедиться, детальнее рассмотрев работы Ливия и Плутарха.

Рассказывая о правлении Ромула, Плутарх говорит буквально следующее:

«...Всецело полагаясь на славу своих подвигов, исполнившись непереносимой гордыни, он отказался от какой бы то ни было близости к народу и сменил ее на единовластие, ненавистное и тягостное уже одним своим внешним видом. Царь стал одеваться в красный хитон, ходил в плаще с пурпурной каймой, разбирал дела, сидя в кресле со спинкой. Вокруг него всегда были молодые люди, которых называли «келерами» за расторопность, с какою они несли свою службу. Впереди государя шли другие служители, палками раздвигавшие толпу; они были подпоясаны ремнями, чтобы немедленно связать всякого, на кого им укажет царь...» (Plut., R., 26).

Чем можно объяснить такое усиление власти Ромула? Безусловно, за военные подвиги он снискал огромную славу, но вряд ли только она позволила ему «отказаться от какой бы то ни было близости с народом». Для упрочения личной власти и подавления родовой аристократии, Ромулу необходимо было укрепить свое имущественное положение. А это можно было сделать, расширив подвластный земельный надел и реализовав его через сдачу в аренду.

То, что в руках Ромула были сосредоточены солидные земельные угодья, подтверждает и написанное Плутархом жизнеописание царя Нумы. В нем упомянут следующий эпизод: *«... Ромул не хотел мерить свою землю, чтобы не признаваться, сколько земли отнял он у других. ... В самом начале владения Рима были очень невелики, и в дальнейшем большую их часть Ромул приобрел вооруженной рукой. Все эти новые приобретения Нума разделил меж неимущими гражданами, дабы уничтожить бедность, неизбежно ведущую к преступлениям, и обратить к земледелию народ, умиротворив его вместе с землею...»* (Plut., N., 16).

Это сообщение позволяет предположить, что в архаическом Ромуловом Риме не только появились нуждающиеся в земле члены римской общины, но что для удовлетворения их чаяний Нума использовал резервный земельный фонд, образовавшийся в завоеванных районах [2, с. 218] и доставшийся ему от Ромула. То есть, *ager publicus*.

Кроме того, Тит Ливий, рассказывая о правлении царя Тарквиния Древнего, пишет следующее: *«...Царь спросил: “Это вы — послы и ходатаи, посланные коллатинским народом, чтобы отдать в наши руки себя самих и коллатинский народ?” — “Мы”. — “Властен ли над собою коллатинский народ?” — “Властен”. — “Отдаете ли вы, коллатинский народ, поля, воду, пограничные знаки, храмы, утварь, все, принадлежащее богам и людям, в мою и народа римского власть?” — “Отдаем”. — “А я принимаю”...»* (Liv., 1., 38., 3).

В целом, данная ситуация может быть расценена как обращение захваченной земли в подвластное царю общественное поле. Во всяком случае, формулировка «в мою и народа римского власть» наводит именно на эту мысль.

На основании вышеизложенного, можно сказать, что Тит Ливий и Плутарх не говорят об *ager publicus* в царский период прямо, поскольку их мало интересуют юридические тонкости и больше занимают яркие моменты из римской военной истории. Однако «Сравнительные жизнеописания» и «История от основания Города» дают достаточно сведений, на основании которых можно утверждать, что *ager publicus* существовал уже в царский период римской истории.

Источники и литература.

1. История Древнего Рима / ред. Кузищин В. И., 4-е издание, М., «ВЫСШАЯ ШКОЛА», 2000. 336 с.
2. Маяк И.Л. Рим первых царей. Генезис римского полиса. М., Издательство МГУ, 1983. 278 с.
3. Моммзен Т. История Рима. – Т. I, СПб., «Наука», «ЮВЕНТА», 1997. 185 с.
4. Плутарх Сравнительные жизнеописания в двух томах / пер. Маркиша С. П., 2-е издание, Т. I, М., «Наука», 1994. 702 с.
5. Тит Ливий История Рима от основания города, Т. I, М., «Наука», 1989. 575 с.

КВИРИТСКИЙ ПОСЕССИЙ ПО ТИТУ ЛИВИУ

Кириллова М.Н.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Вопрос о времени и процессе формирования частной собственности (*dominium*) на землю до сих пор является спорным в историографии. Тем не менее, на сегодняшний день в науке достаточно закреплено мнение о том, что категория частной собственности на землю не была для римлян изначальной, а образовалась постепенно, в результате определённого развития правовых отношений. Для прояснения этого вопроса обычно обращаются к истории *possessio ex iure Quiritium*, владения землей по квирицкому праву, которое традиционно считается древнейшей владельческой ситуацией в римском праве [5, с. 194].

Процесс формирования *possessio* тесно связан с практикой раздела завоеванной земли. Когда в результате очередной войны римлянами завоевывалась новая земля, часть ее занимали патрицианские роды, ибо она принадлежала им по праву военной добычи. Та земля, которую не заняли роды и которая оставалась свободной, посредством царя приобретала статус *ager publicus*. *Ager publicus* впоследствии могли разделить и вывести на нее колонию поселенцев, но пока эта земля пустовала, патриции в индивидуальном порядке могли захватить и ее. Такое действие именовалось *occupatio*. *Occupatio* было неотъемлемым правом патрициев, пусть и примененным к общественной земле, поэтому считается, что именно *occupatio* стало толчком к созданию *possessio* – права владения землей. *Possessio* ни в коем случае еще не являлось частной собственностью: эта земля имела статус *ager publicus*, т.е. принадлежала римскому народу. Как следствие, если относительно этой земли возникали какие-либо споры, в процесс вмешивался претор [4, с. 166]. Тем не менее, владельцем ее официально считался захвативший ее патриций. *Dominium* сформировался позднее, и его появление принято расценивать как эволюцию *possessio*. Правда, *dominium* нельзя было получить в одностороннем порядке: для передачи земли в собственность она должна была быть размежеванной (*dividere*), кроме того, необходимо было юридическое закрепление прав собственности на такую землю (*assignare*) [3, с. 246], и процесс защиты *dominium* был делом куда более трудоемким и сложным [2, с. 88].

Так выглядит общая схема формирования этих правовых категорий. Однако у исследователей остается немало вопросов к этой схеме, в частности, о способе или хотя бы времени появления *dominium*. В связи с тем, что генезис этих правовых категорий приходится на период еще архаического Рима, каким-либо образом прояснить этот процесс представляется довольно тяжелой задачей, в первую очередь, из-за состояния источников. У нас относительно мало источников по истории римского права архаического периода, а тех, в которых говорилось бы об аграрном праве и которые были бы современны протекающим процессам, почти нет. Переломными в смысле своего значения для исследователя являются «Институции» Гая, первого римского юриста классической эпохи. Гай пишет о различиях в правовом статусе италийской и провинциальной земли (Gai., 2, 27), а также, что более интересно, о том, что право владения, а позднее и собственности на землю могло быть приобретено посредством ее использования в отсутствие владельца (Gai., 2, 51), пусть во времена самого Гая такая практика и считалась отжившей (Gai., 2, 57). В 51-й статье можно увидеть отголосок права *occupatio*, занятия «бесхозной» земли, которая впоследствии может считаться законным владением или даже собственностью.

Тем не менее, Гай это все-таки II век н.э., да и писал он преимущественно о своем времени. Таким образом, отсутствие юридических источников по истории права архаического периода заставляет обратиться к источникам иного характера. Конечно, в этой связи не может не возникнуть вопрос об использовании всем известного произведения Тита Ливия. Труд "История Рима от основания Города", безусловно, может по-разному восприниматься как источник. В литературе не раз отмечался и его компилятивный характер, и наличие анахрониз-

мов, и особенности идейной направленности - все-таки, у Ливия на первый план выходят военные действия, политическая борьба, яркие личности, основной акцент делается на нравственную сторону римской истории [6, с. 679], нежели на формирование юридических категорий. Однако, как бы то ни было, первая декада его труда является на сегодня основным письменным источником, который рассказывает нам о ранней истории римского государства. В целом, нет никаких причин для того, чтобы не использовать (или хотя бы не попытаться использовать) ее как источник о земельных отношениях.

Итак, нами проанализированы первые десять книг «Истории» на предмет поиска в них информации о *possessio* и *dominium* и смежных с ними понятий. В целом, Ливий редко говорит нам непосредственно о статусе той или иной земли. Вместо терминов *possessio* или *dominium* чаще всего он употребляет нейтральное *ager*, т.е. просто «поле», без указания на его юридический статус. Так, во второй книге бывший центурион жалуется, что должники лишили его "*дедова и отцова поля*" (*agro paterno*; Liv., 2, 23, 6). Также *ager* употребляется и для обозначения владений патрициев (*patriciorum agros*, Liv., 2, 39, 6). В общем, такая позиция Ливия ожидаема и понятна: по прошествии веков уверенно поручиться за статус тех или иных земель было бы просто невозможно. Иногда для обозначения земли Ливий использует термин *res*, хотя по контексту понятно, что имеется в виду именно земля (Liv., 2, 41, 2). Учитывая специфику употребления слова "res" в латинском языке, говорить о каком-либо юридическом подтексте здесь было бы слишком самонадеянно.

Что касается непосредственно термина *possessio*, то он фигурирует очень часто, в первую очередь, касательно патрицианского землевладения. Патрициев, когда идет речь о наличии у них земли, чаще всего называют именно владельцами (Liv., 3, 1, 3), причем говорится о наличии у них владений на *ager publicus* (Liv., 6, 5, 4). Таким образом, находится подтверждение точки зрения о формировании *possessio* из владений патрициев на *ager publicus*. Однако в этом контексте довольно странно выглядят пассажи про «несправедливо присвоенную» патрициями землю, ибо, как уже говорилось выше, патриции имели полное право на *occupatio* и считались владельцами такой земли, что нам косвенно подтверждает сам Ливий. Тем не менее, упоминания «несправедливых владений» довольно часты (Liv., 4, 51, 5; *iniusti domini possessione*, Liv., 4, 53, 6; *liberos agros ab iniustis possessoribus extemplo*, Liv., 6, 36, 10). Так как во всех этих случаях речь идет о конфликтах между плебеями и патрициями, скорее всего, имеется в виду «незаконность» морально-этическая, а не правовая. Представители богатых патрицианских родов, имея уже достаточно земель, претендовали также на *possessio* на общественных землях, что ударяло не только по плебейам, но также и по обедневшим патрицианским родам. Последние могли бы поправить свое материальное состояние за счет *ager publicus*, но не имели такой возможности из-за того, что некогда свободная земля оказывалась уже занятой.

Примерно в таком же контексте упоминается и *occupatio*: плебеи требуют избрания второго консула из плебеев, дабы ограничить патрициев в захватах земель и разорении простого народа ростовщичеством (Liv., 6, 37, 1). Любопытно, что в этом отрывке Ливий намечает направление выхода из сложившегося положения: социально-экономическая проблема должна быть решена политическими методами. Так или иначе, Ливий признает за отцами право *occupatio* на *ager publicus* и говорит о том, что при этом они считались владельцами этих земель, пусть и отвлекается иногда на нравственную оценку их действий.

Наиболее странный пассаж, относящийся к владениям патрициев, находится в четвертой книге. Речь идет о принятии решения о разделе всей завоеванной земли поименно между плебеями: «*это означало, что плебейским постановлением имущество большинства знатных людей делалось общественной собственностью*» (Liv., 4, 48, 2). Предположительно, здесь имеется в виду не *occupatio* на *ager publicus*, а уже упоминавшиеся земли родов, поскольку именно они были «взятыми» у врагов (*ager ex hostibus captus*), «*добытыми силой оружия*», как сказано в тексте дальше. Это наиболее спорный момент из всего текста Ливия, и среди исследователей нет единства относительно того, как его оценивать. Считается, что происхождение данного отрывка более позднее и содержит анахронизм: так, упоминающийся плебисцит еще не имел силу закона для патрициев. Впрочем, для Ливия иногда характерны анахронизмы: известно, что в той же четвертой книге обещания, вкладываемые Ливием в уста трибуна (Liv., 4, 36, 2), несут на себе отпечаток Поздней Республики, т.е. более позднего по сравнению с описываемым периодом времени.

Термин *dominium*, в отличие от *possessio*, упоминается очень редко. Систематически он начинает появляться только в 10 книге, и то применительно к вещам (*res*), а не к земле. Например, в ситуации, когда после военных действий собственники должны опознать свое имущество, дабы оно не было распродано (Liv., 10, 20, 15; Liv., 10, 36, 18).

Помимо прямого указания на *dominium*, узнать, существовала ли собственность на землю в архаическое время, может помочь термин *assignare*. Земля, чтобы быть переданной в собственность, должна была быть *divisi et adsignati*, т.е. разделенной и переданной хозяину, и если *dividere* есть указание просто на процедуру межевания, то *assignare* является косвенным указанием на правовой статус. Это важное понятие Ливий употребляет очень редко. Первый раз – когда в 388 г. принятым в римское гражданство вейянам, капенцам и фалискам нарезаются земли (Liv., 6, 4, 4), второй – при указании на выведение поселения в Сатрик, когда каждому были ассигнированы два с половиной югера земли (*bina iugera et semisses agri adsignati*, Liv., 6, 17, 6). Также *assignare* присутствует в уже упоминавшемся спорном отрывке из четвертой книги (*nes quod venisset adsignatumue publice esset praeterquam plebs habebat*, Liv, 4, 48, 2), однако, так как датировка его спорна, на основании его сложно сделать какие-либо далеко идущие выводы. В дальнейшем термин *assignare* Ливий не использует – и до, и после шестой книги, при описании выведения поселений, он применяет юридически нейтральные слова, в основном, *dividere*, например, при упоминании о разделе вейских земель (Liv., 5, 30, 8), Помптинского поля (Liv., 6, 21, 4) и т.д. Таким образом, на материале "Истории Рима от основания города" сложно говорить о выделении какого-то временного момента, после которого уже точно сформировалась частная собственность, ибо Ливий употребляет важный для нас термин *assignare* отрывочно, и употребление это может носить случайный характер.

Итак, после анализа первой декады можно сделать ряд выводов. Во-первых, не будучи юристом, Ливий старается очень аккуратно говорить о статусе той или иной земли. Именно поэтому чаще всего он использует нейтральные слова и выражения, например, *ager* вместо *possessio* или *dominium*, *dividere* без *assignare* и т.д. В целом, это оправданно, ибо по истечении стольких лет сложно было бы ручаться о правовом положении конкретных земель. Тем не менее, почти всегда, когда Ливий говорит о патрицианском землевладении на общественных полях, он использует термин *possessio*. Этот факт говорит о том, что признание владельческих прав на *oscuratio* было системой, и совершенно справедливо искать корни права владения землей в патрицианском землевладении на *ager publicus*. Безусловно, на основании труда Ливия нельзя решить вопрос о времени возникновения частной собственности на землю. Тем не менее, та частота, с которой Ливий упоминает владение на общественной земле, доказывает то, что *квиритский посессий* был широко распространенным явлением, скорее всего, даже во время самого Ливия, тогда как *dominium* упоминается им очень редко, причем, применительно даже не к земле, а к вещам. Этот вывод служит еще одним подтверждением точки зрения о том, что говорить об оформлении *dominium* можно только после введения Августом земельного кадастра [3, с. 257], то есть, после того, как достаточно сложный процесс передачи земли в частную собственность был закреплен на государственном уровне.

Источники и литература.

1. Гай. Институции. М., 1997. 368 с.
2. Гвоздева И.А. Praetor, iudex, arbiter в формулярном процессе по аграрным искам // Древний Восток и Античный мир. Сборник научных трудов кафедры истории древнего мира Исторического ф-та МГУ. № 6. М., 2004. С.88-94.
3. Гвоздева И.А. Земельное право в аграрном кадастре Августа // История древних цивилизаций. Государство и право Древнего Рима. Учебно-методическое пособие. Нижний Новгород, 2006. С.245-260.
4. Гвоздева И.А. Преторская защита владения по трактатам римских землемеров // Древний Восток и Античный мир, №5. Сборник научных трудов кафедры истории древнего мира Исторического ф-та МГУ. М., 2002. С.166-172.
5. Дождев Д.В. Основание защиты владения в римском праве. М.: РАН, 1996. 238 с.
6. Кнабе Г.С. Рим Тита Ливия I образ, миф, история. //Тит Ливий. История Рима от основания Города. Т. 3. М., 2002, с. 647-708.
7. Ливий, Тит. История Рима от основания города. Т. 1. М: Наука, 1989. 575 с.
8. Livius, Titus. Titi Livii ab urbe condita libri. Erklärt von W. Weissenborn. Bd.1: Buch 1-2. Berlin, 1856. 312 S.
9. Livius, Titus. Titi Livii ab urbe condita libri. Erklärt von W. Weissenborn. Bd.2: Buch 3-5. Berlin, 1858. 351 S.
10. Livius, Titus. Titi Livii ab urbe condita libri. Erklärt von W. Weissenborn. Bd.3: Buch 6-10. Berlin, 1859. 468 S.

ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ И ЭГЕЙСКАЯ ГРЕЦИЯ: ПИСЬМЕННЫЕ И ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

ЛЕСНАЯ Е.С.

Филиал МГУ в г. Севастополе

Едва ли не первостепенное значение в жизни Херсонеса, начиная с самого раннего этапа его существования в V веке до н.э. и заканчивая временем гибели города, имели экономические, культурные и политические связи с греческим миром. В античности город был важным торговым портом, через который полисы Южного Причерноморья и Эгейской Греции вели торговлю с другими эллинскими колониями и местным негреческим населением Северного Причерноморья. Не менее важны были и культурные связи херсонеситов с греками Эгейского бассейна. Несмотря на определённую отдалённость полисов Северного Причерноморья от основных очагов греческой культуры, в которых кипела политическая и культурная жизнь, мы не вправе говорить о том, что Херсонес, Ольвия или города Боспора представляли собой глухую провинцию. Хотя культурные влияния и доходили сюда с неким опозданием, северопричерноморские эллины держали руку на пульсе событий и новых тенденций. Кажется даже удивительным, что до сих пор так и не было предпринято полного, всеобъемлющего исследования проблемы взаимоотношений Херсонеса с Эгейской Грецией в период классики и эллинизма. На сегодняшний день данные всех источников не были собраны воедино и, как следствие, уже в едином контексте друг с другом интерпретации не получили. В своём распоряжении мы имеем работы, в которых тема взаимоотношений Херсонеса и Эгеиды рассматривается в контексте изучения контактов всего Северного Причерноморья с полисами Эгейского бассейна, но раскрыта она всё же неполно. Работы по данной проблеме, касающиеся непосредственно Херсонеса, посвящены изучению отдельных групп импортной и местной керамики (в качестве примера можно привести работы С.Ю. Монахова, В.И. Каца, И.И. Вдовиченко, Т.В. Егоровой, Р.В. Стоянова и др.).

Для изучения взаимоотношений Херсонеса с Эгейской Грецией в период классики и эллинизма можно выделить три группы источников:

- 1) письменные свидетельства древних авторов о Херсонесе;
- 2) данные эпиграфики;
- 3) археологические источники.

В настоящей работе мы решили более подробно остановиться на данных письменных и эпиграфических источников, поскольку археологические материалы, в связи с их обширностью, заслуживают отдельного исследования.

Круг **письменных источников** по античному периоду истории Херсонеса крайне узок. До нашего времени сохранились сообщения нескольких авторов, и в контексте данной темы нам будут интересны «Перипл обитаемого моря» Псевдо-Скилака и «Землеописание» Псевдо-Скимна. Кроме того, крайне фрагментарная информация о Херсонесе содержится в VII книге «Географии» Страбона, в VI книге «Естественной истории» Гая Плиния старшего, в VIII книге «Военных хитростей» Полиена, и в «Объезде Эвксинского Понта» Псевдо-Арриана. В качестве косвенных источников по теме мы можем привлечь «Корпус речей Демосфена».

В сообщении Псевдо-Скилака впервые встречается упоминание о Херсонесе. Сочинение, сохранившееся под его именем, как считают исследователи, ему не принадлежит, оно было составлено в 30-е годы IV в. до н.э., а затем дополнено позднейшими вставками. С последней трети IV в. до н.э. этот перипл служил руководством для мореходов, ходивших по Средиземному и Чёрному морям [8, с. 97]. В § 68 Перипла после описания Западного берега Чёрного моря упомянут эмпорий Херсонес: «Скифия. Тавры. За Фракией жи-

вут скифы, и у них такие греческие полисы: река Тирис, полис Никоний, полис Офиусса. За Скифией мыс материка населяют тавры, этот мыс вдаётся в море. В Таврике же эллины населяют такие полисы: эмпорий Херсонес; Бараний Лоб, мыс Таврики. После этого всего опять скифы, греческие же полисы там такие: Феодосия, Китяя, и Нимфея, Пантикапей, Мирмекий. От Истра к Бараньему Лбу три дня и три ночи прямого плавания, каботажного же вдвое дольше: здесь ведь существует залив...» [15, с. 466]. В.И. Кац считает особо важным, что Херсонес назван именно эмпорием, по его мнению, это даёт ключ к пониманию экономической и политической структуры Херсонеса на раннем этапе его существования [8, с. 99]. На данный момент не существует точного определения термина «эмпорий», но обычно он применялся к поселениям с торговой направленностью экономики и ко всем пунктам морской торговли (отметим, что все остальные греческие города названы автором именно термином «полис»). Важно для нас и замечание Псевдо-Скилака о длительности плавания по прямому пути от Истра до мыса Бараний лоб. Это свидетельствует о том, что плавание было не только каботажным, но уже использовался и прямой маршрут (в обход Ольвии и Керкинитиды).

Перипл Псевдо-Скимна, составленный в конце II в. до н.э., сохранил для нас единственное указание на обстоятельства основания Херсонеса: "...который основали гераклеоты и делосцы согласно некоему прорицанию, данному гераклеотам ...заселить полуостров вместе с делосцами" [16, с. 466]. Этот отрывок свидетельствует о непосредственной культурной связи херсонеситов с Делосом (можно даже сказать, духовной связи). Псевдо-Скимн указывает на некоего оракула, прорицание которого явилось толчком к выводу колонии, в этом оракуле исследователи склонны видеть Аполлона Дельфийского [4, с. 104.]. А в таком случае это свидетельствует о наличии тесных культурных связей Херсонеса с Дельфами.

Что же касается «Корпуса речей Демосфена», то в нашем распоряжении имеются исследования текста «Корпуса» на предмет отражения в нём морской торговли Афин с Северным Причерноморьем в период с 355/354 до 323-322 гг. до н.э. [12]. В «Корпусе...» выделяются три основных направления морских торговых путей:

- западное;
- юго-восточное;
- северное (Афины – Боспор; Афины – Пантикапей; Афины – Менда (или Скиона) – Пантикапей; Афины – Менда (или Скиона) – Ольвия.

Плавание по последнему маршруту предполагалось не напрямик, а вдоль западного берега Чёрного моря. В текстах не указываются товары, вывозимые в Афины с Боспора, видимо, по причине того, что единственным товаром был хлеб (на долю которого приходится почти половина всего импортируемого Афинами зерна), также упоминаются шкуры [12, с. 5]. Помимо Афин, хлеб с Понта вывозился в Маронею и, возможно, на Хиос. Создание такого порта, в котором проходила погрузка хлеба для отправки в Афины, требовало организации специальной административной структуры, которая бы контролировала процесс. Вероятно, в Херсонесе, так же, как и на Боспоре, такая структура существовала. Импортируемые товары из Афин выявить более сложно, среди них можно назвать столовую посуду, которая часто встречается при раскопках классических и эллинистических слоёв. В речи XXXV имеется упоминание о вывозе вина на Понт с Пепарета, Коса, Фасоса и Менды [7, с. 438].

Как видим, скудный круг письменных источников даёт нам лишь самые общие сведения о связях Херсонеса с Грецией: культурные связи установлены с Делосом и Дельфами, торговые – с Атикой, Пепаретом, Косом, Фасосом, Мендой. Экспортируемые товары: хлеб (и возможно, шкуры); импортируемые – вино и, возможно, благовония. Хронологически эти свидетельства охватывают период со второй половины IV – до конца II вв. до н.э.

Группа **эпиграфических источников** по данной теме более многочисленна и разнообразна. Здесь мы имеем в своём распоряжении лапидарные надписи (присяга херсонеситов, проксении, надгробия и др.) и граффити на керамических изделиях (посвящения богам, торговые метки, имена владельцев, остраконы). Стоит отметить широкую информативность этого круга источников: мы получаем сведения о составе населения Херсонеса, о том, каким наречием древнегреческого языка это население пользовалось, о культах бо-

жесть, почитавшихся в городе и на хоре, и, наконец, о торговых и культурных связях Херсонесского государства.

Наиболее знаковым лапидарным памятником Херсонеса, несомненно, является Присяга рубежа IV-III вв. до н.э. Нас здесь интересует следующий фрагмент: *«хлеба, свозимого с равнины, не буду продавать и вывозить в другое место с равнины, но только в Херсонес»*. Этот фрагмент свидетельствует о том, что Херсонес, так же как и города Боспора, участвовал в торговле хлебом с Грецией (хотя и в значительно меньших масштабах, особенно если учесть «экстраординарные» боспорские поставки в 2 100 000 медимнов (ок. 87 675 тонн) [23, с. 94]. В.А. Кутайсов указывает на то, что основные торговые операции по торговле хлебом в государстве были сосредоточены именно в Херсонесе, следствием чего он называет почти полное исчезновение херсонесской монеты с внутреннего рынка Керкинитиды (где хлеб был основным экспортным товаром) в конце IV – первой трети III в. до н.э. [10, с. 76].

Наиболее ранняя из найденных в Херсонесе проксений принадлежит родосцу Тимагору, и датируется она III в. до н.э. [21, с. 12].

«Проксения Тимагора Род[осца].

[Совет] и народ дал. Теотим, [сын...] и

[Анти]гон, сын Прона, сына Автея, сказали: [дать Тимаго]

[ру, сыну] Никагора, родосцу проксению и пра[ва гражданства]

[самому] и роду его и право въезда и выезд[да им самим]

[и имущес]тву их в мирное и военное время...».

Можно предположить, что проксения носила торговый характер. Интересно, что дорические проксении обычно отличаются краткостью и консерватизмом используемых формул. В Херсонесе же наблюдается иная картина: декреты близки к более пространственным ионийским, особенно чётко это проявляется в памятниках римского времени [13, с. 107]. Кроме того, херсонесские проксены получали политию, т.е. право гражданства, что редко встречается у дорических государств, но весьма распространено среди ионийских. И.П. Никитина объясняет это, в первую очередь, следствием влияния соседних ионийских полисов, а также Аттики и центров островной Греции [13, с. 107].

Что же касается проксений, данных херсонеситам за пределами Причерноморья, то нам известны декреты из Оропа, Дельф и Делоса.

Из Оропа происходит два декрета (датирующиеся началом II и I вв. до н.э.). Первый дан неизвестному для нас херсонеситу: *«...предложил. Да решит народ: да будет ... херсонесит с Понта проксеном города оропцев и сам, и его потомки; и да будет у них (право) приобрести землю и дом, равенство в налогах, неприкосновенность и безопасность во время войны и мира и на суше, и на море, и всё прочее, как и у остальных проксенов. Голосование вёл Гермодор, сын Олимпиха»*. Второй, аналогичный по формуле декрет, дарован херсонеситу Ксенону. Как отмечает Б.Н. Граков, эти декреты свидетельствуют о почитании в Херсонесе оракула Амфиарая, святилище которого располагалось в Оропе [5, с. 246].

Из Дельф нам известны три декрета о проксении (датируемые сер. III и началом II вв. до н.э.). Первый Декрет в честь феоров припонтийских и других городов датируется серединой III в. до н.э. В нём числится херсонесит Сокрит, сын Кратона: *«Дельфийцы даровали ... самим и потомкам, проксению, промантейю, продикию, проэдрию, неприкосновенность, право принимать феоров, свободу от всяких налогов и всё остальное, что остальным проксенам и благодетелям...»*. Также в нём упоминаются ольвиополит Дионисий и пантикапеец Никий [5, с. 247]. Второй декрет начала II в. до н.э. (192 г.) свидетельствует о даровании дельфийцами промантии жителям Херсонеса Таврического за щедрый приём дельфийских послов в Херсонесе и проксении херсонеситам Формиону и Гераклиду за ответное посольство и совершение ими жертвоприношения Аполлону и Афине в Дельфах [5, с. 249]. Также к началу II в. до н.э. относится Каталог дельфийских проксенов (списки проксенов с 197 по 175 г.), среди которых встречаются уже известные нам Формион, сын Питиона, Гераклид, сын Биста, и Гимн, сын Скифа, а также пантикапеец Никон. В связи с совпадением даты дарования проксении, данной Гимну, сыну Скифа, со временем проведения Пифийских игр 194 г. до н.э. вероятным кажется, что Гимн мог принимать участие в

играх или даже быть победителем соревнований [5, с. 250]. Помимо проксений, о связях Херсонеса с Дельфами свидетельствует упоминание херсонесита, сына Биона, в Перечне денежных пожертвований в Дельфийский храм в период с 370/369 по 308 г. [5, с. 246].

С Делоса происходят несколько разнохарактерных памятников III-II вв. до н.э.: надписи о пожертвовании херсонеситами серебряных фиал в сокровищницу Делосского храма, отчёты о ссудах на проведение Херсонесий, и декрет об увенчании херсонесита лавровым венком. Надписи о пожертвовании фиал херсонеситами имеются в Отчётах гиеропеев (нас интересуют наиболее информативные из них - за 276, 269, и 235/234 гг. до н.э.). Каждое из этих сообщений несёт часть общей информации:

- 1) время пожертвования;
- 2) вес фиал (в отчёте 269 г. определяется в 100 драхм);
- 3) в отчёте 235/234 зафиксирован факт расположения фиал рядом с фиалой, посвящённой Перисадом [5, с. 259-260].

В Отчётах гиеропеев второй половины III в. до н.э. есть упоминания о ссудах на проведение Херсонесий. Херсонесии проводились на Делосе в месяце Ленеоне (январь-февраль) на специальные средства храма и включали в себя жертвоприношения на сумму в 400 (!) драхм [5, с. 262]. Началом II в. до н.э. датируется Декрет об увенчании херсонесита: «...в (праздник) Аполлоний, когда хоры юношей состязаются, что венчает народ делосцев (такого-то), сына Аполлония, херсонесита, лавровым венком за добродетели, благочестие к святилищу и благорасположение к народу...». А.И. Тюменев и Б.Н. Граков полагают, что, учитывая весьма оживлённые связи Делоса с Херсонесом Таврическим, этот декрет относится именно к гражданину последнего полиса [5, с. 256]. В декрете II в. до н.э. значится херсонесит Аполлонид, сын Аполлония, который трижды был награждён венком [17, с. 41]. Интересно замечание Ю.Г. Виноградова и М.И. Золотарёва о появлении в Херсонесе именно во II в. до н.э. теофорного имени Δήλος, зафиксированного в посвящении Деве, которое происходит от эпиклеса Аполлона Делия [4, с. 121].

Среди Афинских надписей также встречаются упоминания херсонеситов, но, к сожалению, их принадлежность именно к Херсонесу Таврическому на данный момент остаётся спорной. Например, надгробие начала IV в. до н.э. херсонесита Гераклита, сына Навклеса. Родину Гераклита Б.Н. Граков осторожно отождествлял с Херсонесом Таврическим [5, с. 289], а И.Б. Брашинский больше склонялся к версии о связи Гераклита с Херсонесом Фракийским. По мнению исследователя, Фракийский Херсонес в то время имел с Афинами довольно оживлённые связи, в отличие от такого малозначительного центра, каким был на тот момент Херсонес Таврический [3, с. 150]. В Каталоге неизвестного назначения, составленном около 180 г. до н.э., упоминаются херсонеситы Самос и Аттинас. Отношение их именно к Таврическому Херсонесу Б.Н. Граков предполагает в связи с именем Аттинас, которое нередко встречается в местных надписях [5, 280]. Псефисма конца II в. до н.э. содержит похвалу эфебам и их учителям, после которой идёт закон саламинцев в честь тех же эфебов, и в их числе среди иностранцев упоминается «[Аполлод]ор, сын Аполлония, керкинит» [5, с. 244]. Об участии херсонеситов в панэллинских праздниках свидетельствует и бронзовая гидрия, найденная в склепе № 1012 К.К. Косцюшко-Валюжиничем при раскопках в 1899 г. По краю венца нанесена надпись «приз с праздника Анакий» [9, с. 7]. Праздник Анакий проводился в честь Диоскуров, а их святилище – Анакии – располагалось недалеко от Афин. В гидрии были найдены жжёные кости, пепел, украшения из серебра и золота второй половины IV в. до н.э. [6, 23].

Из надгробных памятников нам интересна наиболее ранняя метрическая эпитафия рубежа IV-III вв. до н.э. – Лесханорида, сына Евклеса, врача с Тенедоса:

«Сыну воздвиг своему, усопшему Лесханориду,
Эту гробницу отец, врач с Тенедоса Евклес» [22, с. 96].

Лесханорид, также как и отец, был врачом, на что указывают изображенные медицинские инструменты. Это первое свидетельство о связях Херсонеса с городом Тенедосом и одноимённым островом. Э.И. Соломоник предположила, что, возможно, на этом острове существовал неизвестный пока по письменным источникам медицинский центр, ученики которого практиковали во всей Греции, в том числе и Херсонесе [22, с. 99]. Второе надгроб-

бие принадлежит врачу Дионисию, сыну Пантагнота, датируется оно, так же как и первое, концом IV – началом III вв. до н.э. Если имя Дионисий весьма распространено как в Херсонесе, так и во всех других греческих полисах Северного Причерноморья, то патронимик Пантагнот, как отмечает Э.И. Соломоник, встречается здесь впервые. Он известен на Самосе (Полигнот был братом Поликрата, правителя Самоса (середина – третья четверть VI в. до н.э.) [22, с. 100]. Надписи на надгробиях выполнены на аттическом и дорийском диалектах (употребляется дорийская форма слова γυνή – γυνά, встречаются мужские имена в родительном падеже с окончанием на -α в дорийской форме соответствующее аттическому -ου [18, с. 124], в мужском роде родительного падежа окончание -εἰος [18, с. 145].

В связи с приведённой выше проксенией хрсонеситам из Дельф, где имеется указание на жертвоприношение Аполлону и Афине, стоит упомянуть мраморную базу статуи второй половины-конца IV в. до н.э., на которой сохранилась посвятельная надпись Афине Сотейре [20, с. 8]. Э.И. Соломоник обращает внимание на достаточно внушительный размер статуи (высота ок. 3–3,5 м), вычисленный благодаря сохранившимся следам стоп богини. Как предполагает исследовательница, эта статуя находилась не в храме или на площади, а скорее на берегу моря, откуда она была видна всем проходившим кораблям. Культ Афины, по мнению Э.И. Соломоник, носил общегосударственный характер наравне с культом Геракла. Афина также была особо почитаема в Мегарах, где на акрополе ей было посвящено три храма; в Афинах, Пирее, а также на Родосе и Косе, она покровительствовала кораблестроению и терпящим кораблекрушение [20, с. 9-10]. В.В. Латышев сопоставил подпись скульптора Поликрата с мастером из Афин первой половины IV в. до н.э., но оговорив и возможность её местного происхождения. Э.И. Соломоник предложила несколько иную версию: поскольку время деятельности мастера из Афин расходится со временем появления статуи, то её создателем мог оказаться и ученик Поликрата, который по обычаю указал имя своего учителя [20, с. 11].

Более массовой группой эпиграфических источников являются граффити. На данный момент мы имеем в своём распоряжении опубликованные и проанализированные находки с территории городища, с его ближней и дальней хоры. Среди граффити на чернолаковых сосудах последней четверти V в. до н.э. (они предшествуют наиболее ранним известным нам лапидарным памятникам) встречаются посвящения Зевсу Сотейру, Артемиде и Аполлону, Кибеле, героям Гераклу и Ахиллу. Как отмечает Э.И. Соломоник, в Херсонесе Геракл имел охранительные функции (в подобной роли выступает Ахилл в Ольвии), и в связи с этим его почитание распространялось на территорию всего государства, включая хору. Известны находки рельефов с изображением Геракла и посвятельных надписей на многих поселениях хоры Херсонеса [18, с. 12]. Геракл считался родоначальником дорийцев и особо почитался в метрополии Херсонеса Гераклея Понтийской, Коринфе и других дорических областях Греции. Граффити эллинистического времени впервые засвидетельствовали существование в Херсонесе, помимо культа Геракла, культов Геры, Артемиды, Аполлона [1, с. 75], Лето, Афродиты, Гермеса, Ахилла, Матери богов, Эрота, Харит, Ники, возможно – Асклепия, Сераписа, Исиды, Ифигении, Посейдона, Аррея, и Гебы. Имена Партенос, Афины, Деметры, Диониса встречающиеся на лапидарных надписях, повторяются и на сосудах. В Херсонесе известны совместные посвящения Гераклу и Деметре, а вместе с Корой их почитали в Аттике, где Геракл изображался в числе элевсинских божеств [14, с. 150]. Двойной культ Геракла (бога-героя), известный в Сикионе, Милете, и возможно, на Фасосе, скорее всего, существовал и в Херсонесе. Э.И. Соломоник в этой связи указывает на граффито НВА (III в. до н.э.), посвященное дочери Зевса Гебе, которая стала женой Геракла после того, как ему было даровано бессмертие [19, с. 17]. В Херсонесе существовал совместно с культом Девы и самостоятельный культ Артемиды, который также характерен для дорийцев и известен в Мегарах и Каллатии.

Среди надписей с именами и этниконами имеется граффито на донной части чаши конца IV- начала III вв. до н.э. (№1208) с аббревиацией из двух слов: [M]EΓAP и ΣY. Первое слово расшифровывается исследователями как этникон «мегарец», а второе как начало имени [2, с. 92]. Монограмме ATB, если читать её как TAB (в зависимости от расположения букв), в качестве ближайшей аналогии исследователи дают название нескольких

городов в Малой Азии – Τάβαι (в Карию, Ликий и Киликий). А граффито ΜΑΓΝΗΤΙΣ (№1209) может быть связано с названием городов в Карию и Фессалию. Надпись ΡΟΔΙΟ на дне чаши кон. IV в. до н.э. (№1468) соответствует этнику Ρόδιος – родосец [2, с. 12]. Среди граффити, так же как и среди лапидарных памятников (надгробий), Э.И. Соломоник выделяет дорийские формы имён и их склонений и ионизмы (напр. № 1269 Νεομήνιος и № 1540 Νεῦπολις) [2, с. 14].

Как видим, эпиграфические источники достаточно информативны. Они засвидетельствовали связи Херсонеса с Родосом, Оропом, Дельфами, Делосом, Тенедосом, Мегарами, возможно, Самосом. Как свидетельствуют надгробные надписи и граффити на сосудах, жители города использовали и дорийский, и ионийский диалекты древнегреческого языка. Лапидарные памятники, в частности, Присяга граждан Херсонеса свидетельствуют о значительной роли хлебной торговли в экономике государства. Проксения, дарованная родосцу Тимагору в начале III в. до н.э., фиксирует наличие прямых торговых связей между Херсонесом и Родосом (в этом случае мы можем предполагать существование аналогичных связей между Херсонесом и Афинами). Культурные связи с Оропом (возможно, почитание в Херсонесе оракула Амфиарая) и Дельфами в III-II вв. до н.э. отражены в проксиях, дарованных гражданам Херсонеса в этих центрах.

Проксии, дарованные херсонеситам делосцами, появление в Херсонесе теофорного имени Δήλιος, а также сообщения о проведении на Делосе праздника Херсонесии свидетельствуют о тесных культурных связях Херсонесского государства с Делосом в это же время. Среди лапидарных памятников из Афин мы можем уверенно назвать пока лишь только один, точно фиксирующий связь Херсонеса с этим центром. Бронзовая гидрия – приз с праздника Анакий – ещё одно свидетельство участия херсонеситов в панэллинских праздниках. Надгробные стелы врачей Лесханорида, сына Эвклеса, и Дионисия, сына Пантагнота, рубежа IV-III вв. до н.э. позволяют назвать их родину, откуда они прибыли в Херсонес – остров Тенедос и, возможно, Самос. Граффити на чернолаковых сосудах отражают особенности херсонесского пантеона и свидетельствуют о проживании в Херсонесе переселенцев (или гостей) из Мегар, Родоса, возможно, Карию. Среди надгробий и граффити встречаются формы дорийского, ионийского и аттического диалектов.

Таким образом, в интересующий нас период времени наиболее ранние свидетельства связей Херсонеса с Эгеидой в письменных свидетельствах и эпиграфике датируются второй половиной IV в. до н.э., а наиболее поздние – II-I вв. до н.э. Данные этих групп источников позволяют предполагать постоянный характер культурных связей херсонеситов с Дельфами и Делосом в эллинистический период. Что же касается характеристики направлений и динамики внешней торговли, то здесь для построения полной картины нам не обойтись без привлечения данных археологии.

Источники и литература.

1. Бабинов Ю.А. Посвятительные граффити из Херсонеса Таврического (Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича) // ВДИ. №4. 1970. С. 73-79.
2. Бабинов Ю.А., Курганова С.И., Николаенко Г.И., Соломоник Э.И., Лисовой И.А., Шевченко А.В. Граффити античного Херсонеса (на чернолаковых сосудах). К., 1978. 171 с.
3. Брашинский И.Б. Афины и Северное Причерноморье в VI-II вв. до н.э. М., 1963. 176 с.
4. Виноградов Ю.Г., Золотарёв М.И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы 1996-1997 гг. Северное Причерноморье в античности. М., 1999. С. 91-129.
5. Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. №3. С. 237-315.
6. Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического // ХСб. Вып. 1. 1926. 72 с.
7. Демосфен. Речи. В 3 т. / Отв. ред. Е.С. Голубцова, Л.П. Маринович, Э.Д. Фролов. М., 1994. Т. I. 608 с.
8. Кац В.И. Эмпорий Херсонес // АМА. Вып. 7. 1990. С. 97-111.
9. Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчёта о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году (с 1 табл. и 55 рис.) // ИАК. Вып. 1. 1901. С. 1-55.
10. Кутайсов В.А. Керкинитида в античную эпоху. К., 2004. 326 с.
11. Латышев В.В. Греческие и латинские надписи найденные в Южной России в 1889-1891 годах // МАР. 1892. № 9. С. 3.

12. Маринович Л.П. Морская торговля Афин (по данным «Корпуса речей Демосфена») // ПИФК. XVI/1. 2006. С. 4-30.
13. Никитина И.П. Проксении Херсонеса Таврического // АДСВ. Вып. 15. 1978. С. 98-111.
14. Новосадский И.Н. Элевсинские мистерии. СПб., 1887. 183 с.
15. Псевдо-Скилак. Перипл обитаемого моря // Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции / Под ред. В.И. Кузищина. СПб.: 2000. С. 466.
16. Псевдо-Скимн. Землеописание // Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции / Под ред. В.И. Кузищина. СПб., 2000. – 606. С. 460.
17. Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. К., 2009. 363 с.
18. Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса: лапидарные надписи. К., 1973. 282 с.
19. Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. К., 1984. 143 с.
20. Соломоник Э.И. О культе Афины в Херсонесе в IV-III вв. до н.э. // АДСВ. Вып. 21. 1984. С. 7-14.
21. Соломоник Э.И. Каменная летопись Херсонеса: Греческие лапидарные надписи античного времени. Симферополь, 1990. 112 с.
22. Соломоник Э.И., Антонова И.А. Надгробия врачей из античного Херсонеса // ВДИ. 1974. №1. С. 93-102.

Сокращения.

АДСВ –	Античная древность и Средние века
АМА –	Античный мир и археология
ВДИ –	Вестник Древней истории
ИАК –	Известия Императорской Археологической комиссии
МАР –	Материалы по археологии России
ПИФК –	Проблемы истории, филологии, культуры
ХСб. –	Херсонесский сборник

КЕРАМИЧЕСКИЕ КЛЕЙМА ИЗ ДВУХ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО РАЙОНА ХЕРСОНЕСА

Тюрин М.И.

Филиал МГУ в г. Севастополе

Исследования в области керамической эпиграфики уже давно находятся в центре внимания науки об античности. Керамические клейма неизменно привлекают внимание как эпиграфистов, филологов, так и археологов. Сейчас, несмотря на некоторое снижение интереса к ключевым проблемам, связанным с этим источником, число работ о клеймах продолжает расти. В этой связи, публикация новых штампов остается одним из важных аспектов изучения эпиграфики. Необходимо оперативно публиковать все находки, не исключая случайных, но принципиальное значение имеет издание керамических клейм из закрытых комплексов.

В течение последних четырех полевых сезонов нашей экспедицией по исследованию участка базилики «Крузе» (рис. 1) было обнаружено и исследовано, помимо прочего, два крупных керамических комплекса эллинистического времени¹. В каждом из них присутствовал значительный по объему амфорный материал и строительная керамика, в том числе и клейменная. Теперь, когда раскопки обоих комплексов завершены, настало время обратиться к обнаруженным в ходе раскопок памятникам керамической эпиграфики. Набор штампов из исследованных нами объектов сам по себе любопытен уже тем, что в нем имеются неизвестные ранее клейма. Кроме того, в условиях крайне малого количества находок монет, эти штампы являются крайне важным источником для датировки комплексов.

В ходе полевых сезонов 2008-2009 гг. в пространстве между храмом и его монументальной оградой были исследованы два небольших углубленных в скалу помещения (рис. 2, 3). Они были засыпаны одновременно и содержали довольно мощный керамический завал (рис. 4): в ходе раскопок комплекса обнаружено более десятка археологически целых форм (амфоры, столовые кувшины, чернолаковые сосуды различных типов). Всего же заполнявший помещения грунт содержал более 1150 профильных фрагментов керамики.

Комплекс содержал всего 10 амфорных клейм. В количественном отношении преобладают родосские штампы (4 шт.). За ними следуют клейма Херсонеса (3 шт.), два штампа принадлежат производству Гераклеи и один – Синопы. Все клейма, за исключением гераклеиских, были оттиснуты на ручках амфор. Эти энглифические гераклеиские оттиски, помещенные на горла сосудов, являются наиболее ранними эпиграфическими находками из комплекса. К сожалению, в обоих случаях мы имеем дело с крайне фрагментированными штампами. Первый из них несет имя магистрата I группы Аристокла и фабриканта Коаса (№ 8); соответственно, относится к 90-м гг. IV в. до н.э. [4, с. 238, табл. 7, 429, прил. V]. Аналогичные штампы известны по комплексу середины – второй половины 90-х гг. IV в. до н.э., исследованному в северной части Березанского поселения в 1968 г. [7, с. 202, 203, табл. 80, 4]. На втором штампе (№ 9) имелись, вероятно, остатки имени фабриканта Архелая, деятельность которого относится к тому же времени [4, с. 429, прил. V].

Из четырех родосских клейм лишь половина сохранилась в достаточной степени, чтобы их идентифицировать. В обоих случаях это магистратские трехстрочные штампы с указанием месяца. Штамп с именем Пифогена месяца Артамития (№ 3) является наиболее поздним - IV в. до н.э. (подгруппа VI C [4, с. 435, прил. VII]). В.И. Кац трактует изображение в правой части поля как «человек у колонны» [4, с. 266, таб.

Единственный синопский оттиск представляет из себя хорошо сохранившийся штамп астинома Гикесия Симиева (№ 10) конца III в. до н.э. (подгруппа VI C [4, с. 435, прил. VII]). В.И. Кац трактует изображение в правой части поля как «человек у колонны» [4, с. 266, таб.

¹ Выражаю благодарность С.В. Ушакову за содействие в публикации находок.

13, 18]. Мне же более удачной представляется интерпретация Н.Ф. Федосеева – «Геракл с рогом изобилия» [14, с. 100, табл. III, 89] (рис. 7, 10а).

Из клейм амфор Херсонеса к числу магистратских принадлежит лишь одно. Это плоский штамп астинома Пасиха Хармиппова (№5), который В.И. Кац относит к финальному этапу херсонесского клеймения – подгруппе III В (197-180 гг. до н.э.) [4, с. 443, прил. X]. Известные в нескольких вариантах фабрикантские клейма ΣΩ исследователь, напротив, связывает с первой хронологической группой [3, с. 76, 129, № 48, табл. CVIII, № 8].

Совершенно неожиданной явилась находка нового в Херсонесе штампа (рис. 6, 7), заслуживающего более детального описания:

оригинал
ΑΠΟΛ(Λ)ΟΝ(Ι?)ΟC
ΕΥΚΛΗΩC

предлагаемое прочтение
ΑΠΟΛΛΩΝΟC (var. ΑΠΟΛΛΩΝΙΟC)
ΤΟΥ ΕΥΚΛΕΙΟC (var. ΕΥΚΛΕΙΟC)

Сохранилась ручка, на которую нанесено слабожелобчатое клеймо, а также венец и часть тулова амфоры (рис. 6, 7а). Тесто содержит примеси авгита, биотита и известковых частиц. Морфология сосуда, характер штампа, а также состав примесей говорят о херсонесском его происхождении. Как видим, в клейме отражены лишь номен и патронимикон (без артикля!) некоего лица. Ε и Σ лунарные, Ν ретроградна, Ω курсивная. В каталоге В.И. Каца [3] подобный штамп отсутствует. Обращают на себя внимание некоторые особенности написания первого личного имени, ряд своеобразных «орфографических ошибок». Во-первых, употреблена лишь одна лямбда. За ней вместо ожидаемой омеги следует омикрон. Йота пропущена. Нестандартно и написание окончания патронимикона, где использованы две долгие гласные подряд.

Примеры гаплогрфии в эллинистических надписях нередки¹, однако примеры аналогичного способа написания личного имени Аполлоний мне неизвестны. Отсутствие йоты дает даже возможность предположить, что перед нами - крайне редко употребляемое в качестве антропонима имя `Απόλλων. В Северном Причерноморье оно дважды зафиксировано на Боспоре: на надгробиях из Пантикапея (IV в. до н. э.) [5, № 162] и из Мирмекия (I в. н. э.) [5, № 877]. Такое прочтение после некоторых сомнений предложил В.В. Латышев [5, с. 154; 482]. Единичные примеры использования этого личного имени можно найти и за пределами черноморского бассейна: в Малой Азии, Египте [21, № 627]. Вполне возможно, что перед нами первый в Херсонесе пример использования имени Аполлон в этом значении. По крайней мере, грамматически (если здесь вообще уместно говорить о грамматике) такое прочтение оправданно: как правило, на всех, за единичными исключениями, херсонесских клеймах имена стоят в родительном падеже. Окончание οc на нашем штампе как раз говорит в пользу имени Аполлон. Напротив, личное имя Аполлоний в генитиве имело бы окончание ου. Впрочем, сравнительно нечастое употребление антропонима Аполлон делает возможным использование на нашем штампе и более распространенного имени. Окончательное же однозначное решение вопроса, на мой взгляд, вряд ли возможно. Полагаю, тем не менее, что настало время расширить ономастикон жителей эллинистического Херсонеса на одно личное имя, пусть и со знаком вопроса.

Патронимикон Аполлона (Аполлония?), – Εὐκλήσ, – до этого уже дважды² встречался в ономастике Херсонеса. Во-первых, это Эвклес-тенедосец, врач, поставивший надгробие сыну Лесханориду [9, с. 95-105]. Во второй раз данное личное имя фиксируется в граффити на чаше из раскопок Р.Х. Лепера [10, № 735].

Однако прежде всего вызывает интерес отсутствие названия магистратуры в легенде. Клейма с такой особенностью образуют две отдельные, немногочисленные группы, которые отчетливо выделяются на фоне относительно однообразного множества херсонесских штампов. Это, во-первых, т.н. IV типологическая магистратская группа, в состав которой В.И. Кац вынес магистратов Афанея, Котития Аристонова и Героки Геротимова [3, №№ 3, 55, 67; рис. 4]. Во-вторых, 5-й вариант типа А немагистратских клейм. Это еще три клейма, - Полистрата

¹ В том числе и при написании рассматриваемого личного имени, правда, в надписи несколько более позднего времени (I в. н.э.). См.: [5, № 352].

² В этой связи интересно фабрикантское клеймо с монограммой ΕΥΚ (в лигатуре) [3, с. 120, №15, табл. CII].

Зенонова, Навполия Менестратова и Пифодота Дамоклова [3, №№ 36, 28, 40]. Их исследователь первоначально также посчитал магистратскими [2, с. 79]; но затем он склонился к мысли, что появление данных клейм «может быть связано» с деятельностью указанных лиц в качестве фабрикантов [3, с. 36]. Причем в последних двух случаях по данным керамической эпиграфики они знакомы нам и в качестве владельцев мастерских, и в качестве астиномов: и Навполий, и Пифодот с этими же отчествами известны по магистратским штампам [3, №№ 82, 101]. По предположению В.И. Каца, эти граждане владели эргастериями до или после избрания на должности астиномов [3, с. 36]. Эта точка зрения, однако, не лучшим образом согласуется с хронологическими выкладками самого В.И. Каца. При проверке датировок клейм Навполия Менестратова обнаруживаем противоречие: «фабрикантское клеймо» Навполия отнесено ученым к I В хронологической подгруппе, а магистратское – ко II В. Даже если предположить, что хронологический разрыв между штампами был минимальным, (предположим, Навполий – один из первых магистратов II В подгруппы), то он никак не мог быть меньше, чем 32 года (по крайней мере, если пользоваться последним вариантом схемы хронологии херсонесского клеймения [4, с. 326]). Можно, впрочем, сделать условное предположение, что молодой Навполий где-то в 90-х гг. III в. до н.э. уже начал свою деятельность в качестве эргастериарха, а через три с лишним десятилетия он возглавил магистратуру астиномов. Однако более возможным представляется, что оба штампа (и «фабрикантский», и магистратский) хронологически более близки.

Вернемся, однако, к штампу Аполлона (Аполлония?) Эвклесова. Насколько успешно он вписывается в две названные выше группы? По схеме написания более близка IV типологическая («магистратская») группа: легенды клейм А5 немагистратской группы отличаются от легенды нашего тем, что в них присутствует предлог родительного падежа. Аналогией для нашего клейма в некоторой степени является клеймо Котития Аристонова [3, №67, штампы 1-3]. Правда, при всей схожести, и здесь наблюдается веское отличие: в упомянутом клейме оба имени даны в именительном падеже, а окончание патронимикона сокращено. В двух штампах Героки, сына Геротима, присутствуют дополнительные («фабрикантские» [3, с.57, №55]) сокращения. Таким образом, и в этой типологической группе наш экземпляр является уникальным. Вместе с тем, имеется и сходство с клеймами, которые В.И. Кац посчитал немагистратскими. Здесь стоит обратить внимание на штамп Пифодота Дамоклова [3, с.127, №40], в котором также пропущен предлог родительного падежа перед отчеством. Правда, оно трехстрочное. Также в высшей степени любопытно, что в обоих немагистратских штампах с именем Навполия допущены, как и в нашем случае, «орфографические ошибки»: один раз в написании патронимика пропущен эпсилон; в другой, – в номене, – на месте ипсилона стоит омикрон [3, с.123, №28]. По всей видимости, и в нашем случае с клеймом Аполлона (Аполлония?), и в случае с клеймом Навполия, матрицы штампов были изготовлены неопытными резчиками. Это может говорить в пользу немагистратского характера клейма Аполлона (Аполлония?).

Что касается датировки нашего клейма, то самые близкие аналоги из магистратских, - клейма Котития и Героки, - входят в состав IIА хронологической подгруппы [4, с. 442, прил. X] (284-271 гг. до н.э.) [4, с. 326]. Возможно, и наш штамп примыкает к ней же. Если это так, то насчитывающую на настоящий момент 14 магистратов [4, с. 306, 307] подгруппу предстоит расширить. Попутно отмечу, что в упоминавшейся группе «немагистратских» клейм, также весьма близких типологически нашему, не наблюдается столь же единообразной картины: все три штампа равномерно распределены В.И. Кацем по трем различным хронологическим группам¹. Учитывая их сходства, думается, временной разрыв между временем появления клейм мог быть меньшим. Полагаю, эта проблема заслуживает отдельного обстоятельного исследования.

Родосское клеймо IV b группы середины II в. до н.э., таким образом, представляет собой своеобразный *terminus post quem* для засыпки объекта. Однако в действительности образование комплекса следует отнести к несколько более позднему времени: фрагменты тарелок, покрытых красным по цвету лаком заставляют отодвинуть датировку засыпки помещений, по крайней мере, ближе к последней четверти столетия. Как видно из таблицы, клейма из комплекса распределены довольно равномерно, хотя и с некоторым «креном» в сторону II в. до н.э. (рис. 9). Наряду со штампами амфор Родоса эпохи зрелого эллинизма здесь представлены

¹ А интересующее нас в первую очередь клеймо Пифодота, сына Дамокла, вообще очень пространно отнесено к третьей хронологической группе [3, с.127, № 40], т.е. 225-180 гг. до н.э. [4, с.326].

и клейма гераклейской тары рубежа V-IV - начала IV вв. до н.э. Этот набор в целом отражает состав комплекса: засыпь обоих помещений содержала разновременные предметы, точная датировка которых порой затруднена.

Следовательно, клейма датируют комплекс с точностью до 20-30 лет, что, при условии небольшого объема коллекции штампов, является относительно точным результатом.

Теперь перейдем к другому комплексу, обнаруженному в двадцати метрах к востоку от первого. Речь пойдет о клеймах из заполнения колодца в алтарной части базилики «Крузе» (рис. 10, 11). Исследования объекта велись в течение трех последних полевых сезонов (2009-2011 гг.). Почти весь он был засыпан однородным глинистым грунтом, содержащим обильный материал эллинистического времени. Среди находок привлекают внимание многочисленные штампы на амфорах и черепице, которые будут рассмотрены далее.

Всего в заполнении колодца обнаружено 25 амфорных клейм (рис. 20). По итогам двух последних сезонов штампы были определены и продатированы (рис. 12-13). Основной (17 единиц) массив клейм принадлежит сосудам херсонесского производства. Наиболее многочисленны самые ранние из них: 12 штампов представляют I хронологическую группу (подгруппы Б и В). Это – хорошо известные желобчатые магистратские штампы с именами астиномов Аполлония (№ 2), Батилла (№ 3), Гераклия (№ 6), Дамокла (№ 4), Диоскурида (№ 5), Ксанфа (№ 12), дважды – Полистрата (№№ 14, 15). Интерес представляет плохо сохранившийся ретроградный штамп Сирика. К подгруппе I-Г относится деятельность астинома (?) Афанея (№ 1) [4, с.442], штамп которого с указанием ΕΙΣ ΕΜΠΟΡΙΟΝ также обнаружен в засыпи колодца. Два «фабрикантских» штампа также принадлежат I группе. Это клеймо с монограммой ΠΑ [3, №32, штамп 17] и второе, плохо сохранившееся, с литерами Σ{TE}. Оба относятся В.И. Кацем к 1Б, В хронологическим подгруппам [3, № 41, 45].

Еще три магистратских клейма относятся к узкой (270-264 [4, с. 326] или 272-266 гг. до н.э. [4, с. 442]) II-Б хронологической подгруппе. Это два штампа Никей Герогитова (№№ 10, 11) и один – Ликона Аполлониева (№ 7).

Особняком стоят два идентичных клейма (№№ 8, 9), не находящих аналогий и не учтенных в каталоге В.И. Каца. В небольшом прямоугольном поле помещена надпись из трех букв: ΜΑΙ. Близкие по стилю клейма В.И. Кац считает «фабрикантскими», и в них, как правило, содержатся личные имена эргастериархов или мастеров [1994, с. 35-36]. По всей видимости, и в нашем случае имеем дело с «зашифрованным» именем. И здесь мы вынуждены столкнуться с некоторыми затруднениями: в греческой ономастике личные имена, начинающиеся на Μαи... весьма редки. Единственный пример в ономастиконе эллинистического Херсонеса – имя Μαδάτης Θυος в тексте граффити на тулове синопской амфоры II в. до н.э. из западного участка Беляусского городища [11, с. 90, №456]. Иранское имя Майдат, как полагают Э.И. Соломоник, принадлежало выходцу из Малой Азии [11, с. 90].

Что касается Северного Причерноморья в целом [18], то по материалам эпиграфики Ольвии и ее окружи известны Μαίακος (дважды, и оба раза в качестве патронимиконов) [19, № 132; 1, с. 77-78] и Μαίφαρος [IosPE I², 148]. Все надписи относятся к императорскому времени, а второе имя имеет, по всей видимости, варварское, иранское происхождение. Таким образом, использование этих имен в эллинистическом Херсонесе маловероятно.

Аналогии с территории Боспорского царства более актуальны: в пантикапейском посвящении Спартока V Зевсу восстанавливается патронимикон [Μ]αίανδρίος [5, №26]¹. Из гор-гипсийского списка победителей в длинном беге первой половины III в. до н. э. известен Μαίσης Καλλιγέου [5, №1137, A52]. Личные имена на Μαи... известны и на более поздних эпиграфических памятниках Боспора [5, № 1021].

Итак, наши находки косвенно обогащают ономастикон эллинистического Херсонеса. Скорее всего, за сокращением скрывается один из перечисленных выше антропонимов: Майдат, Майандр или Маис. Наш штамп по особенностям легенды примыкает к 1-му варианту немагистратских клейм типа А по В.И. Кацу [3, с. 29]. Что касается времени создания, то такие фабрикантские оттиски появляются уже во время работы магистратов IБ хронологической группы [3, с. 77] и известны вплоть до группы II Б включительно. Отсюда предварительная датировка – 10-е гг. IV – 60-е гг. III вв. до н.э.

¹ Отметим также, что этот антропоним хорошо известен в эллинистическом мире, в частности, по эпиграфике и палеографии птолемеевского Египта. Так, это личное имя надежно зафиксировано в Крокодилополисе [20, № 2990], Навкратисе [16, № 20], Фивах [15, № 2038].

Любопытно, что в обоих случаях штампы помещены на различные как по составу теста, так и по морфологии сосуды: у амфоры, на ручку которой нанесен штамп № 8, черепок в изломе светло-бежевый, а тип венца в сечении близок к трапециевидному; излом черепка второй амфоры оранжевый, несколько более многочисленны включения авгита, венец валиковидный. Учитывая крайне малый срок использования данного штампа (а сомнения здесь, ввиду уникальности находки, вряд ли уместны), логично предположить, что в мастерской, пользовавшейся им, одновременно работало несколько мастеров. Впрочем, принимая во внимание разницу в обжиге, уверенно можно говорить лишь о двух партиях продукции.

Из восьми обнаруженных синопских штампов хорошей сохранностью отличаются четыре. Это, в первую очередь, штампы с именами астиномов Гестиея Артемидорова (№ 19), Дельфия Артемидорова (№ 20) и Мнесикла (№ 21). В вопросе датировки, пускай даже относительной, деятельности первых двух магистратов исследователи разнятся. Так, традиционно деятельность Гестиея относят к VI C, а Дельфия – к VI D группам [4, с. 440]. Однако Н.Ф. Федосеев, предлагая абсолютные даты, поместил отправление магистратуры Дельфием несколько ранее (251 г.), чем Гестиея (213 г.) [13, с. 189-190]. Отмечу здесь же, что наш штамп Дельфия Артемидорова обладает одной примечательной особенностью. Оттиск был сделан дважды: после первого раза штамп был перевернут на 180° и затем отпечатан повторно. От первоначального оттиска частично сохранилась эмблема - нос корабля и нижние части литер E, Y, K. Вероятно, первый штамп пропечатался нечетко, но не вполне ясно, зачем понадобилось поворачивать штамп.

Единственное фабрикантское синопское клеймо содержит имя Акорна (№ 18) и эмблему в виде виноградного побега. Типологически оно относится к третьей группе магистратских клейм, выделенной В.И. Цехмистренко [12, с. 71] и широко датированной исследователем III в. до н.э. Учитывая, что имя фабриканта известно в качестве составляющей магистратских клейм, имеется возможность уточнить датировку. К примеру, имя Акорна встречается на штампах Антестерия и Невмения, а также Дзениса Аполлодорова¹, астиномов VI группы т.е. 50-х – середины последнего десятилетия III в. до н.э. Используя датировки Н.М. Федосеева, получаем 268 и 248 гг. соответственно. Таким образом, штамп следует датировать второй четвертью – серединой III в. до н.э.

Родосский штамп с именем Поликлеса (№ 25), помещенном по периметру окружности, принадлежит к числу ранних – Ib хронологической группы – 270-246 гг. [4, с. 419]. Фрагментированное гераклеийское ретроградное клеймо (№26), по-видимому, несет имя Дионисия из II Магистратской группы (80-70-е гг. IV в. до н.э.) и является наиболее ранним в комплексе [4, с. 429].

Распределение клейм по хронологии и по центрам производства отражено в таблице (рис. 21). На ней отчетливо прослеживается следующая закономерность: по составу керамические клейма делятся на две большие группы. Все датируемые херсонесские клейма относятся к концу IV – первой половине III вв. до н.э. Напротив, к середине – второй половине III в. до н.э. принадлежат лишь штампы Синопы и Родоса. С чем это связано, является ли такая ситуация случайной, – сказать сложно. Однако это еще раз подтверждает датировку обнаруженных в комплексе херсонесских амфор – рубеж IV и III – первая половина III в. до н.э. В этой связи показательно, что в комплексе практически отсутствует поздняя херсонесская тара с конусовидным дном – тип V (середина III – первая треть II вв. до н.э. [6, с. 65], хотя синхронный материал в засыпи присутствует.

В заключение необходимо уделить внимание штампам, нанесенным на строительную (12 шт.) и толстостенную (1 шт.) керамику. Как правило, почти все они либо фрагментированы, либо сильно потеряны. Большинство (11 шт.) относятся к продукции Синопы.

Шесть из них идентичны и несут на себе имена астинома Никомеда и фабриканта Аспасия (№ 30-34, 40), а также эмблему – орел на дельфине. По крайней мере, три оттиска сделаны одним штампом. Один оттиск (№ 40) помещен на верхнюю грань венца пифоса, остальные – на поверхность керамид. Пребывание Никомеда на должности астинома относится к I хронологической группе, которая датируется им 50 - 40-ми гг. IV в. до н.э. [4, с. 434]. Близкой точки зрения (50-е гг. IV в. до н.э.) придерживается С.Ю. Монахов [7, прим. 13]. Н.Ф. Федосеев датирует его деятельность более ранним временем - 370-362 гг. до н. э. [13, с. 189].

¹ В. Канарачи относит эти штампы к Vb и с подгруппам и датирует 257-190 гг. [17, с. 122, 265].

Та же эмблема присутствует на, возможно, одном из самых ранних штампов их комплекса: клейма с именем астинома Гестиея Дзопирова (№ 29) I C подгруппы. В.Н. Федосеев датировал его 371 г. до н.э. [13, с. 189]. От остальных оттисков этот резко отличается морфологически (правая часть с эмблемой несколько шире, как бы решена в виде отдельного, дополнительного штампа), а также нестандартным размещением патронимикона: в сокращенном виде он находится над эмблемой. К этой же подгруппе относится и фрагментарно сохранившееся клеймо с именем астинома Филоника (№ 36).

«Городской герб» изображен и на ретроградном клейме астинома Эсхина (№ 27). Такой способ написания, по В.И. Кацу, характерен для Αἰσχίνης 2 из II Магистратской хронологической группы [4, с. 257-259], подгруппы А [4, с. 434].

Легенда клейма астинома Диофанта (№ 28) расположена по периметру рамки вокруг эмблемы «птица и гроздь винограда» (сохранилась голова птицы). Имя фабриканта не сохранилось. Деятельность астинома Диофанта относится к I Магистратской группе (подгруппа d по Гарлану и В.И. Кацу [2007 с. 434, прил. VII]) датируется Н.Ф. Федосеевым около 361 г. до н.э. Своеобразное оформление штампа интерпретируется как подражание фасосским оттискам [2007, с. 254]. Четыре клейма с именем астинома Диофанта известны по материалам усадьбы U-6 поселения Панское-1 [24, р. 102].

Единственным штампом представлена продукция III магистратской хронологической группы. Для нее характерны, полное написание титулатуры магистрата и использование двойной системы эмблем, которая датируется 30-20-ми гг. IV в. до н. э. [4, с. 260; с. 434]. На нашем штампе также две эмблемы: герма (алтарь?) и палица (№ 35). Он несет имя одного из трех Посидониев, исполнявших должность астиномов в рамках III МХГ. Вероятно, данный штамп принадлежит астиному Ποσειδώνιος 2, для клейм которого характерна эмблема «палица» [14, с. 100].

Сложнее обстоит дело с клеймами на гераклейской черепице, а именно на калиптерах. В обоих случаях энглифические легенды нанесены широкой глубокой врезной линией, однако плохая сохранность штампов не дает их уверенно идентифицировать. В первом случае имеем дело с окончанием личного имени ...ν(?)ος (№ 38). Вероятно, это один из фабрикантов ранней фабрикантской группы или фабрикант времени I магистратской группы (Теоксен, Силян?). Несколько более необычен следующий штамп (№ 39). Здесь сохранились первые буквы имени Γυ[ωνος] [23, р. 456, fig. 5, 6], отсутствующего в некоторых современных списках [4, с. 429, 431].

Половина клейм идентичны и принадлежат к продукции мастерской Аспасия, выполненной в год исполнения должности астинома Никомеда. Очевидно, перед нами остатки одной партии черепицы, закупленной где-то в середине IV в. до н.э. Очень близки хронологически к ним и штампы с именами прочих астиномов I группы – Гистиея 2, Диофанта, Филоника. К несколько более позднему времени относятся штампы Эсхина и Посидония 2. Не исключено, что они являются остатками другого, более позднего строительного комплекса. Так или иначе, все синопские штампы из заполнения колодца датируются серединой-началом последней четверти IV в. до н.э., когда на городище наблюдается строительный подъем.

Итак, публикуемые здесь комплексы керамических клейм разительно отличаются как по составу, так и по датировке. Заполнение помещений перед базиликой представляло собой смешанный слой, в котором относительно равномерно были представлены клейма различных центров с явным доминированием штампов Родоса. В содержимом второго комплекса, благодаря значительно большей выборке, удалось выделить три хронологические группы, каждая из которых принадлежит продукции лишь одного (!) центра:

1. На гераклейских калиптерах (начало IV в. до н.э.).
2. На синопских керамидах (середина – рубеж третьей и последней четвертей IV в. до н.э.).
3. Херсонесские амфорные клейма (конец IV – первая треть III вв. до н.э.).
4. Синопские амфорные клейма (вторая – последняя четверть III в. до н.э.).

Количественно преобладают штампы Херсонеса, но *terminus post quem* для засыпи дают клейма на синопских амфорах.

В обоих случаях, и в засыпи помещений, и в засыпи колодца, керамические клейма помогают как в датировке самих комплексов, так и в датировке отдельных групп изделий, в первую очередь, амфор и строительной керамики. Кроме того, в обоих комплексах имеются неиз-

вестные ранее штампы, которые дают новые сведения об ономастике и грамматике эллинистического Херсонеса.

Источники и литература.

1. Карышковский П.О. Новые ольвийские посвящения первых веков нашей эры // ВДИ. 1993. №1. С.73-85.
2. Кац В.И. Типологическая и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ. 1985. №1. С. 87-112.
3. Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов. 1994. 174 с.
4. Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. Вып. XVIII. Симферополь-Керчь. 2007. 480 с.
5. Корпус боспорских надписей: полное собрание всех до сих пор известных эпиграфических текстов, найденных за последние полтора столетия. Л., 1965. 950 с.
6. Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV—II вв. до н. э. Опыт системного анализа. Саратов. 1989. 158 с.
7. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII—II вв. до н. э. Саратов, 1999. 680 с.
8. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. Москва; Саратов, 2003. 352 с.
9. Соломоник Э.И., Антонова И.А. Надгробия врачей из античного Херсонеса // ВДИ. 1974. № I. С. 95-105.
10. Соломоник Э.И. Граффити античного Херсонеса (на чернолаковых сосудах). Киев, 1978. 139 с.
11. Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984. 144 с.
12. Цехмистренко В.И. Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров // ВДИ. 1960. 3. С. 60-77.
13. Федосеев Н.Ф. Хронология синопских магистратских клейм // Тезисы докладов международной конференции «проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвященной 95-летию со дня рождения профессора Б.Н. Гракова. Запорожье. 1994. С. 188-190.
14. Федосеев Н.Ф. Уточненный список магистратов, контролировавших керамическое производство в Синопе // ВДИ. 1993. 2. С. 85-104.
15. Baillet, Jules. Inscriptions grecques et latines des tombeaux des rois ou Syringes à Thèbes. Vol. 3. Cairo. 1926. P. 521-625.
16. Bernard, André. Le Delta égyptien d'après les textes grecques, I: Les Confins libyques. Cairo. 1970. 1136 p.
17. Canarache V. Importul amforelor stampilate la Istria. Bucaresti. 1957. 442 pp.
18. Fraser P. M., Matthews E. A Lexicon of Greek Personal Names: Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea site. Oxford University Press. 2005. [Electronic resource] // Site 'Lexicon of greek personal names'. <http://www.lgpn.ox.ac.uk/publications/vol4/documents/namfor4.pdf> (internet resource).
19. Latyshev V.V. Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae aliorum locorum a Danubio usque ad regnum Bosporanum). 1916. 594 p.
20. Mahaffy, John P. Smyly, J. Gilbert, The Flinders Petrie Papyri. Part III. Dublin. 1905. 346 p.
21. Supplementum Epigraphicum Graecum. Vol. 8. 1937. University of Michigan. 348 p.
22. Stolba Vladimir F. Hellenistic Chersonesos: Towards Establishing a Local Chronology // Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400-100 BC. -Aarhus University Press. 2005. P. 153-171.
23. Stoyanova D. The Importation of Roof Tiles from Sinope and Heraclea Pontica to the Western Black Sea Area // Sinope. The Results of Fifteen Years of Research. Ed. by Dominique Kassab Tesgör. Proceedings of the International Symposium. 7 – 9 May 2009. Leiden-Boston, 2012.
24. Vladimir I. Kac, Sergei Yu. Monachov, Vladimir F. Stolba, Alexander N. Šceglov, Tiles and ceramic containers // Panskoye I. Vol. 1. The Monumental building U6. Aarhus 2002. P. 101-126.

Сокращения.

ВДИ - Вестник древней истории

КЛЕЙМА ИЗ ПОМЕЩЕНИЙ 1-2 ПЕРЕД БАЗИЛИКОЙ «КРУЗЕ»

Родос

1. ΕΠ[Ι] ΑΙΝΗΣ[Ι]
ΔΑΜΟΥ
ΣΜΙΝΘΙΟΥ

Датировка: ок. 179-177 гг. до н.э. – III С хронологическая подгруппа, [4, с. 419].

2. ...ΝΙΚ...

Фрагментированный штамп

3. ΕΠ ΠΥΘΟ
ΓΕΝΕΥΣ ΑΡ
ΤΑΜΙΤΙΟΥΙ

Датировка: 152-146 гг. до н.э. - IV-А хронологическая подгруппа [4, с. 420].

4. Плохо сохранившийся круглый штамп с изображением цветка граната.

Херсонес

5. ΑΣ[ΤΥΝΟΜΟΥΝ]
ΤΟΣ ΠΑΣΙΧΟΥ
ΤΟΥ ΧΑΡΜΠΙ
ΠΟΥ

ШВ хронологическая подгруппа [3, с. 69, 107, табл. XXXVIII, 1-92, 1], 197-180 гг. до н.э. [4, с. 326]; 165-150 гг. до н.э. [21, 2005, р. 168].

6. СΩ

IB, B хронологические подгруппы [3, № 48, табл. CVIII, № 8], 304-295 гг. до н.э. [4, 326].

7. ΑΠΟΛ(Λ)ΟΝ(Ι?)ΟΣ
ΕΥΚΛΗΩΣ. Омега курсивная.

Гераклея

8. ΑΡ[ΙΣΤΟ]
ΚΛ[ΗΣΚ]
ΟΑ

90-е гг. IV в. до н.э. [4, с. 238, табл. 7, 429, Прил. V].

9. [ΑΡΧ/Ε]ΛΛ

Фабрикантский штамп времени ранней фабрикантской или первой магистратской группы [4, табл. 7, 429, Прил. V].

Синопа

10. ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ
ΙΚΕΣΙΟΥ Τ[Ο]Υ
ΣΙΜΙΟΥ

VI Магистратская группа (50-е-середина 10-х гг. III в. до н.э.), подгруппа С [4, с. 435 прил. VII]; 216 г. до н.э. [13, с. 190].

КЕРАМИЧЕСКИЕ КЛЕЙМА ИЗ РАСКОПОК КОЛОДЦА
В ПРАВОЙ КОНХЕ БАЗИЛИКИ «КРУЗЕ»

Клейма на ручах амфор. Херсонес.

1. ΑΘΑΝΑΙ[Ο]Ι
ΕΙΣ ΕΜΠΟΡΙΟΝ

1Г хронологическая группа [4, с. 442, прил. X], 294-285 гг. до н.э. [4, с. 326]; 303-290 гг. до н.э. [22, р. 169].

2. [Α]ΠΟΛΛΩΝΙΟΥ
[ΑΣ]ΤΥΝΟΜΟΥ

1Б хронологическая группа [Кац, №29 с. 89, табл. IX, 1-20,1], 316-305 гг. до н.э. [4, с. 326]; 321-304 гг. до н.э. [22, р. 168].

3. Β[ΑΘΥΛΛΟΥ?] Α[ΣΤΥΝΟΜΟΥ]

1Б хронологическая группа (?) [4, с. 442, прил. X], 316-305 гг. до н.э. [4, с. 326]; 321-304 гг. до н.э. [22, р. 168].

4. [ΔΑ]ΜΟΚΛΕΟΣ
ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ

1Б Хронологическая группа [4, с. 442], 316-305 гг. до н.э. [4, с. 326]; 321-304 гг. до н.э. [22, р. 168].

5. [ΔΙΟΣΚ]ΟΥΡΙΔ[Α]
[ΑΣΤΥ]ΝΟ[ΜΟΥ]

1В хронологическая группа [3, № 40]; 303-290 гг. до н.э. [22, р. 169].

6. ΗΡΑΚΛ[ΕΙΟΥ]
ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ[ΝΤΟΣ]

21-й штемпель; Лунарная Сигма. 1-Б хронологическая группа, 325-287 гг. до н.э. [3, №47-48]; 321-304 гг. до н.э. [22, р. 168].

7. ΛΥΚΩΝΟΣ ΤΟΥ [ΑΠΟ]Δ
ΛΩΝΙΟΥ ΑΣΤΥ[ΝΟΜ]Ο(Υ)

2Б хронологическая группа, [272-266 гг. до н.э.] [3, №71], 270-264 гг. до н.э. [4, с. 326].

8. ΜΑΙ

Новое клеймо.

9. Το же.

10. Ν[ΙΚ]ΕΑ (ΤΟΥ) ΗΡ[ΟΓΕΙΤΟΥ]
[ΑΣΤΥΝΟ]ΜΟΥ[ΝΤΟΣ]

2Б хронологическая группа, 272-266 гг. до н.э. [3, № 86]; 274-270 гг. до н.э. [22, р. 169].

11. ΝΙΚΕΑ (ΤΟΥ) ΗΡΟΓ[ΕΙΤΟΥ]
ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ[ΝΤΟΣ]

2Б хронологическая группа, 272-266 гг. до н.э. [3, № 86]; 274-270 гг. до н.э. [22, р. 169].

12. ΞΑΝΘΟΥ
ΑΣΤΥΝΟΜΟ[Υ]

штамп 4. 1-Б хронологическая группа, 325-287 гг. до н.э. [3, №88], 316-305 гг. до н.э. [4, с. 326]; 321-304 гг. до н.э. [22, р. 168].

13. ΠΑ

1Б, В Хронологические группы, 325-287 гг. до н.э. [3, №32, штамп 17], (304-285 гг. до н.э.) [4, с. 326].

14. [ΠΟΛΥΣΤ]ΡΑΤΟ[Υ]
[ΑΣΤ]ΥΝΟΜΟΥ

1В хронологическая группа [3, № 95]; 303-290 гг. до н.э. [22, р. 168].

15. [ΠΟΛΥ]ΣΤΡΑ[ΤΟΥ]

[ΑΣ]ΤΥΝΟΜ[ΟΥ]

1B хронологическая группа [3, № 95]; 303-290 гг. до н.э. [22, р. 168].

16. [ΣΥΡ]ΙΣΚΟ[Υ]

[ΑΣ]ΤΥΝΟΜΟΥ

Легенда ретроградна. 1B хронологическая группа [3, № 109, штамп 4], 316-305 гг. до н.э. [4, с. 326]; 321-304 гг. до н.э. [22, р. 168].

17. Σ{TE}

Лигатура сохранилась плохо. 1B, B хронологические подгруппы [3, № 45], 304-285 гг. до н.э. [4, с. 326].

Синопа.

18. ΑΚΟΡΝΟΣ виноградный побег

Вторая четверть - середина III в. до н.э.

19. ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ

ΕΣΤΙΑΙΟΥΤΟΥ канфар

ΑΡΤΕΜΙΔΟΡΟΥ

VI-C группа. 50-е – середина 10-х гг. III в. до н.э. [4, с. 435]. 213 г. до н.э. [13, с. 190].

20. [ΑΣΤ]ΥΝΟΜΟΥ

ΔΕΛΦΙΟΣ ΤΟΥ

ΑΡΤΕΜΙΔΩΡΟΥ

ΕΥΚΛΗΣ нос корабля

VI-D группа. 50-е – середина 10-х гг. до н.э. [4, с. 436]. 251 г. до н.э. [13, 1994, с. 189].

21. ΑΣΤΥΝΟ[ΜΟΥ]

ΜΝΕΣΙΚΛ[ΕΣ]

ΕΚΑΤΑΙ[ΟΥ]

IV МГ – 80-е – 90 – е гг. III в. до н.э. [4, с. 435]. 304 г. до н.э. [Федосеев, 1994, с. 189].

22. Α[ΣΤΥ]ΝΟΜΟ

--- птица (?)

---N

23. ...

...ΜΟΥ

...ΥΣ рог изобилия

24. Фрагментированный штамп с эмблемой «виноградная гроздь».

Родос

25. Круговая легенда:

ΕΠΙ ΠΟΛΥΚΛΕΣ

Подгруппа Ib – 270-246 гг. [4, с. 419].

Гераклея

26. На горле амфоры.

Ретроградный энглифический штамп на горле амфоры:

ΔΙΟΝ [ΥΣΙΟ ?]...

80-е гг. IV в. до н.э. (группа II Б) [4, с. 431].

**Клейма на черепице.
Синопа. На керамидах.**

27. Ретроградное клеймо

орел **ΑΙΣΧΙΝΕΩ**

на **ΑΣΤΥΝΟ**

дельфине **ΑΡΧΕΠΤΟ**

Относится к деятельности Эсхина II [4, с. 257-259], т.е. ко II –А магистратской подгруппе [4, с. 434]. Для Αἰσχίνης 2 Н.Ф, Федосеев предлагает датировку 352 г. до н.э. [12, с. 189].

28. [ΔΙΟΦΑΝ] ΝΤΟΥ ΑΣΤΥΝ/ΟΜ ...

Вокруг птицы с гроздью (?)

Легенда расположена по периметру рамки вокруг эмблемы «птица и гроздь винограда» (сохранилась голова птицы). Имя фабриканта не сохранилось. Деятельность астинома Диофанта относится к I Магистратской группе (подгруппа d В.И. Каца [4, с. 434, прил. VII]) датируется Н.Ф.Федосеевым около 361 г. до н.э. [13, с. 189].

29. [Ι]ΣΤΙΑΙΟ ΖΟ
ΑΣΤΥΝΟ орел на
ΝΕΥΜΕΝΙΟ дельфине
I C подгруппа. 50-40 гг. IV в. до н.э. [4, 434]. 370 г. до н.э. [13, с. 189].
30. ΝΙΚΟΜΗΔΗ орел
ΑΣΤΥΝΟ на
ΑΣΠΑΣΙΟ дельфине
I C подгруппа. 50-40 гг. IV в. до н.э. [4, 434]. 364 г. до н.э. [13, с. 189].
31. То же
32. То же
33. То же
34. То же
35. [ΠΟΣΕΙΔΩ]ΝΙΟΥ герма
[ΑΣΤΥΝ]ΟΜΟΥ
[...]ΟΝΙΟΥ палица
III МХГ, конец 20-е гг. IV начало III вв. до н. э. [4, с. 260, 434].
36. ΦΙΛΟ[ΝΙΚΟΣ]
ΑΣΤ[ΥΝΟ]
N[]
I C подгруппа. 50-40 гг. IV в. до н.э. [4, 434]. 370 г. до н.э. [13, с.189].

**Гераклея
На калиптерах**

38. ...N(?)ΟΣ
Конец V -начало IV вв. Один из фабрикантов ранней фабрикантской группы или работавших в рамках I магистратской группы.

39. ΓΓ...
Аналогий найти не удалось.

**Синопа
На венце пифоса**

40. ΝΙΚΟΜΗΔΗ орел
ΑΣΤΥΝΟ на
ΑΣΠΑΣΙΟ дельфине
I C подгруппа. 50-40 гг. IV в. до н.э. [4, 434]. 364 г. до н.э. [13, с. 189].

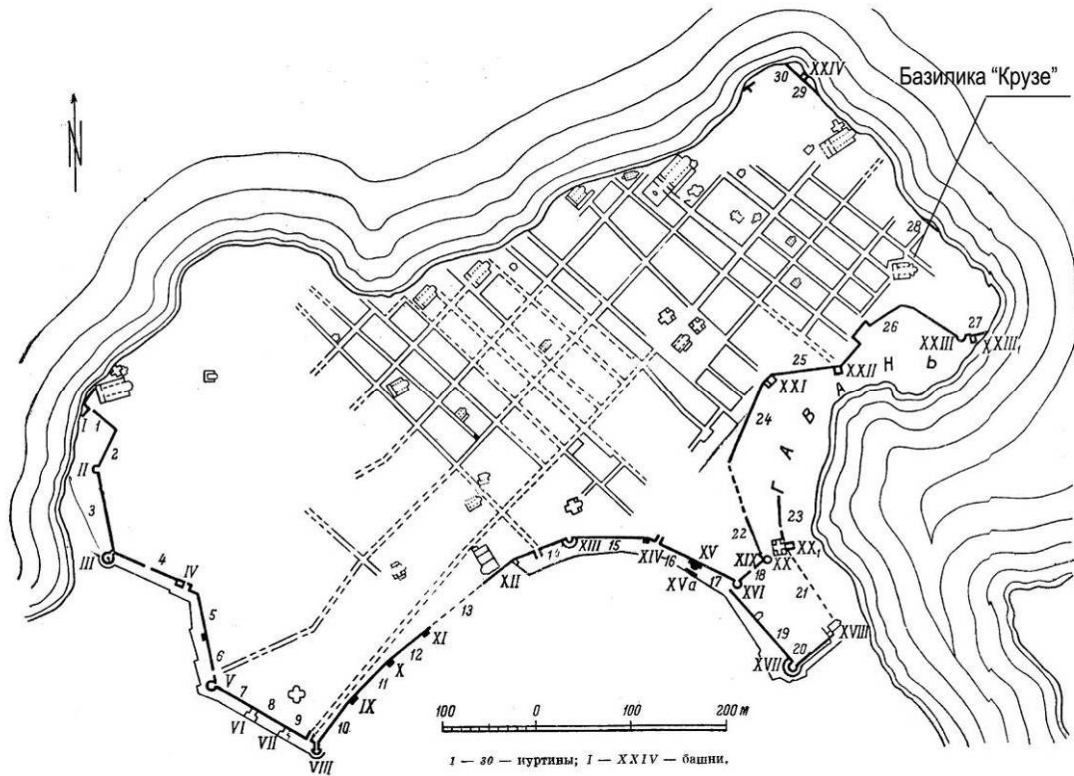

Рис. 1. Херсонесское городище и базилика «Крузе»

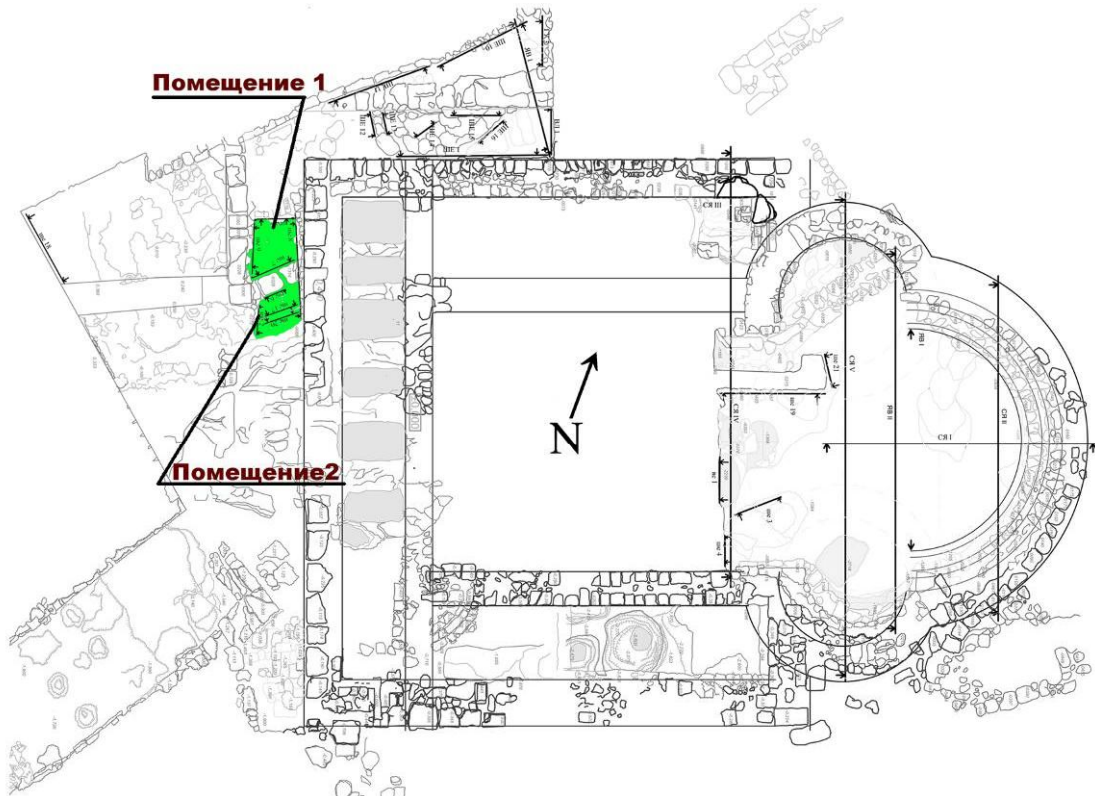

Рис. 2. Помещения 1 и 2 перед базиликой «Крузе»

Рис. 3. Помещения 1 и 2. Вид с юга

Рис. 4. Керамический завал в помещении 1

Рис. 5. Родосские и херсонесские клейма из помещений 1 и 2

Рис. 6. Клеймо Аполлона (Аполлония ?) из помещения 1

Рис. 7. Гераклеийские и синопские клейма из помещений 1 и 2

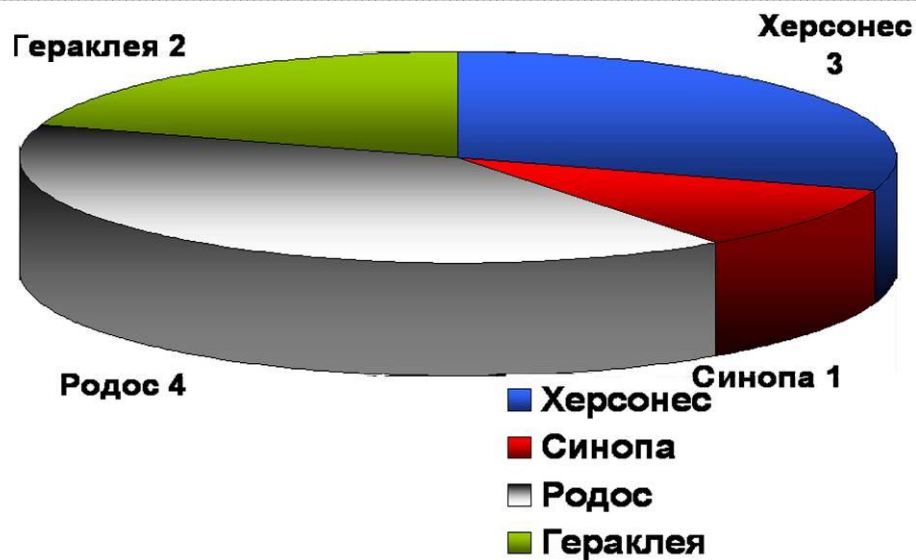

Рис. 8. Распределение клейм из засыпи помещений 1 и 2 по центрам производства амфор

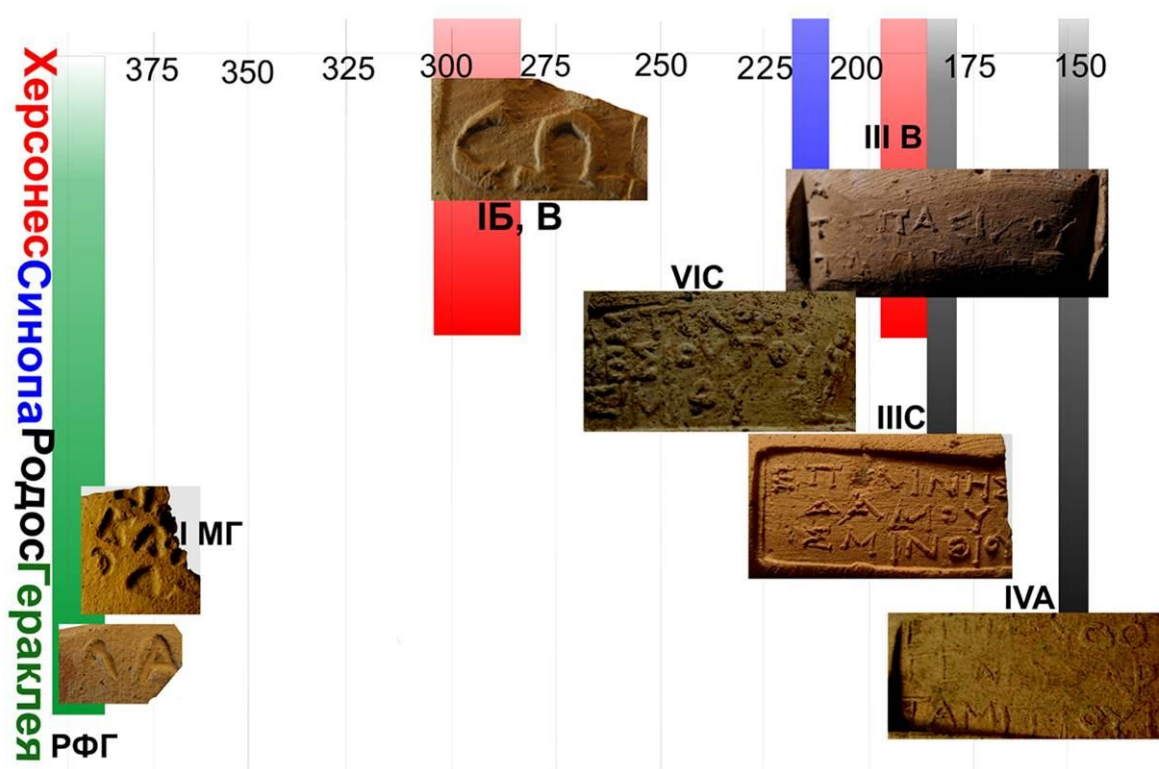

Рис. 9. Хронологическое распределение клейм из засыпи помещений 1 и 2

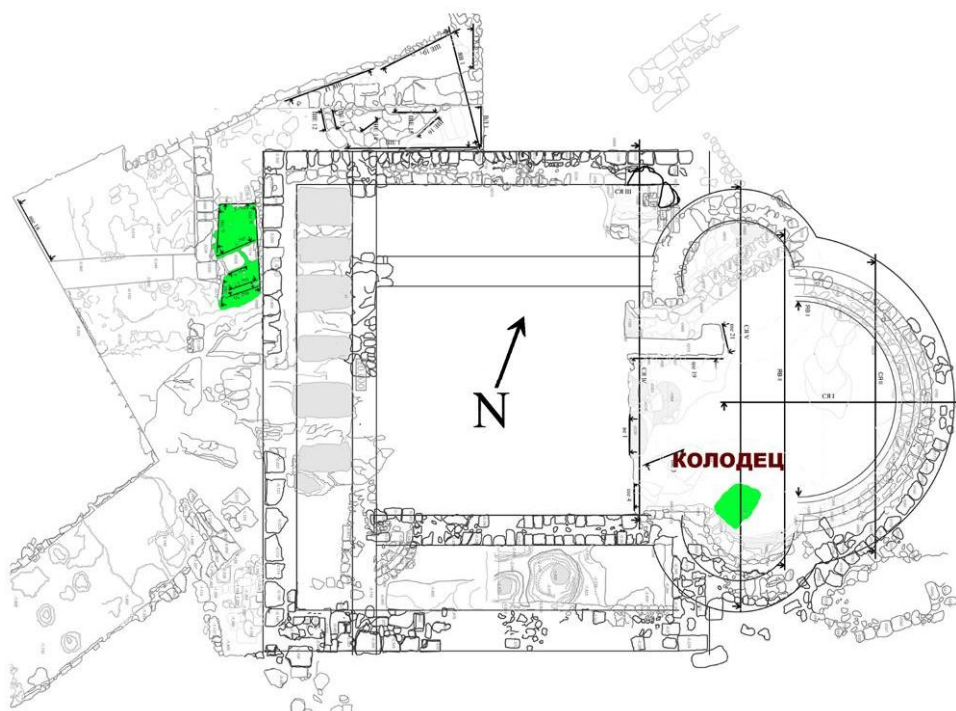

Рис. 10. Колодец в алтарной части базилики «Крузе»

Рис. 11. Начальная стадия раскопок колодца

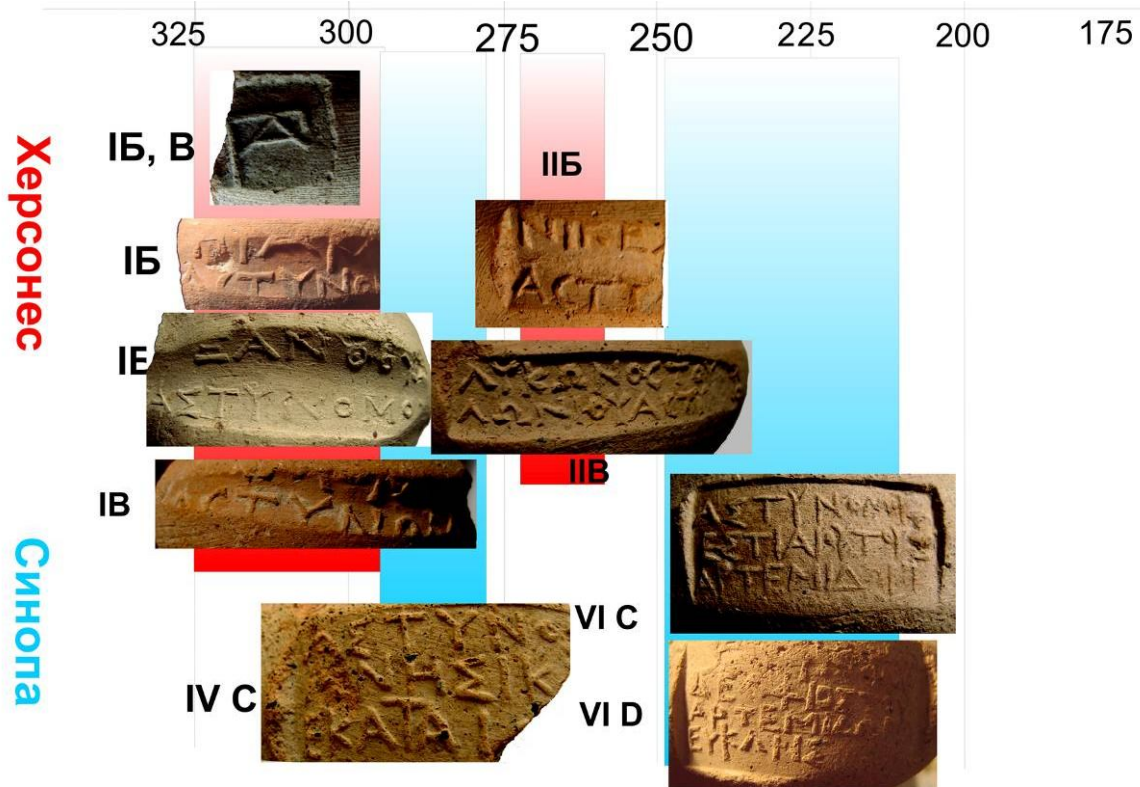

Рис. 12. Хронологическое распределение клейм из колодца. Полевой сезон 2010 г.

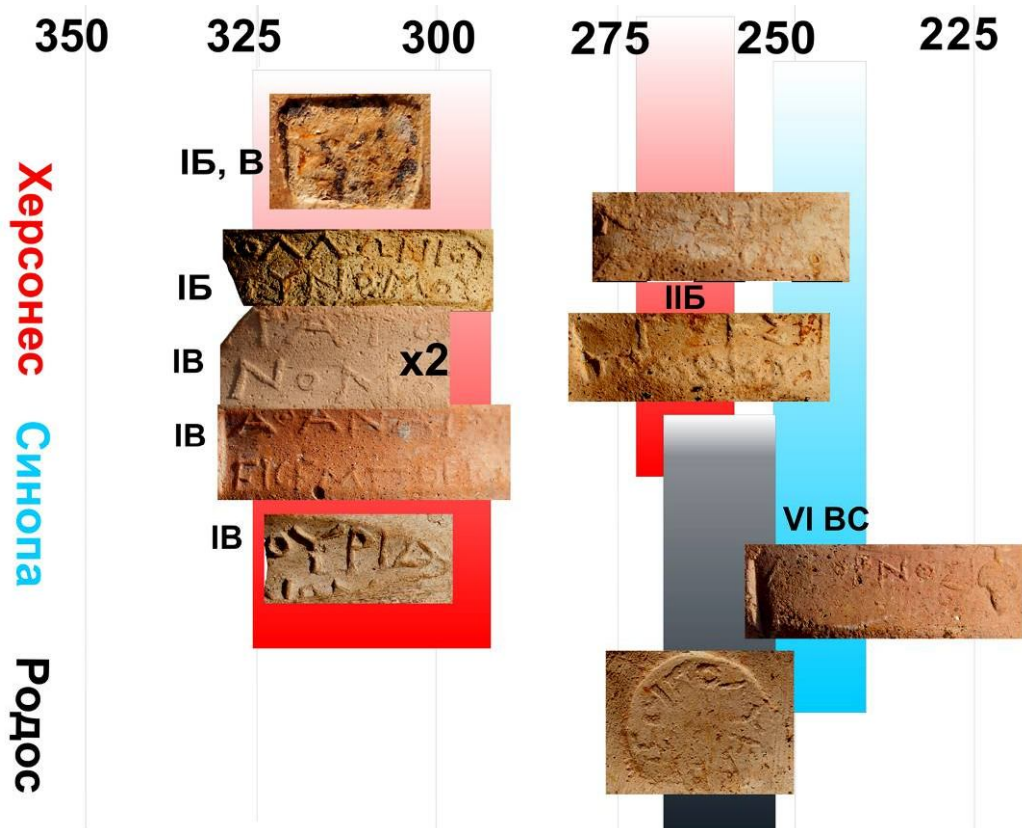

Рис. 13. Хронологическое распределение клейм из колодца. Полевой сезон 2011 г.

Рис. 14. Херсонесские клейма из засыпи колодца

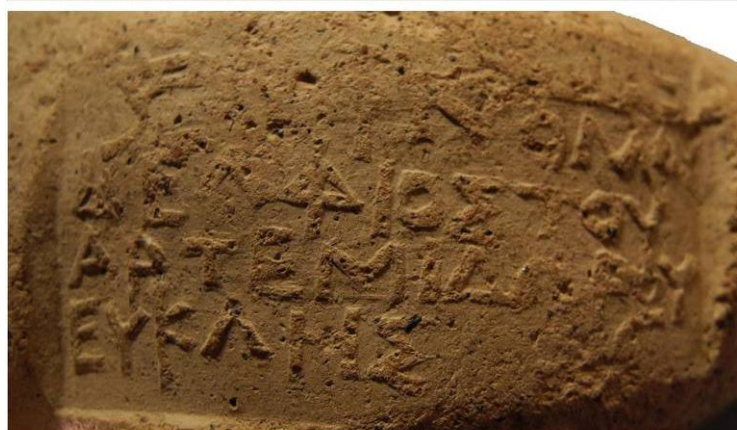
Рис. 15. Новые херсонесске клейма из засыпи колодца

18

19

20

20 А

20 Б

Рис. 16. Синопские амфорные клейма из засыпи колодца

Рис. 17. Клейма Синопы, Родоса и Гераклеи из засыпи колодца

28

29

30

Рис. 18. Синопские клейма на черепице

Рис. 19. Синопские и гераклеийские клейма на черепице

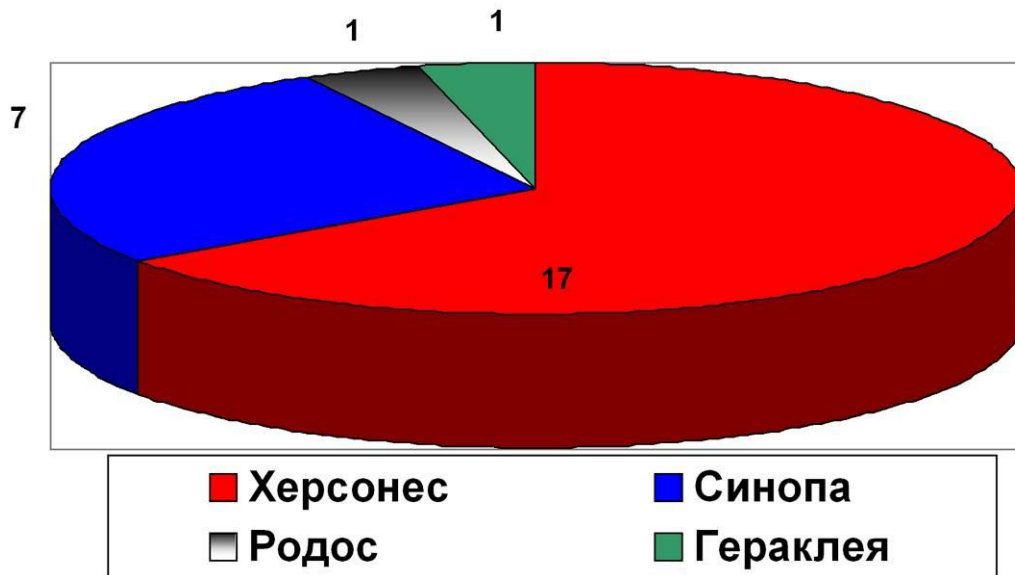

Рис. 20. Распределение клейм из засыпи колодца по центрам производства амфор

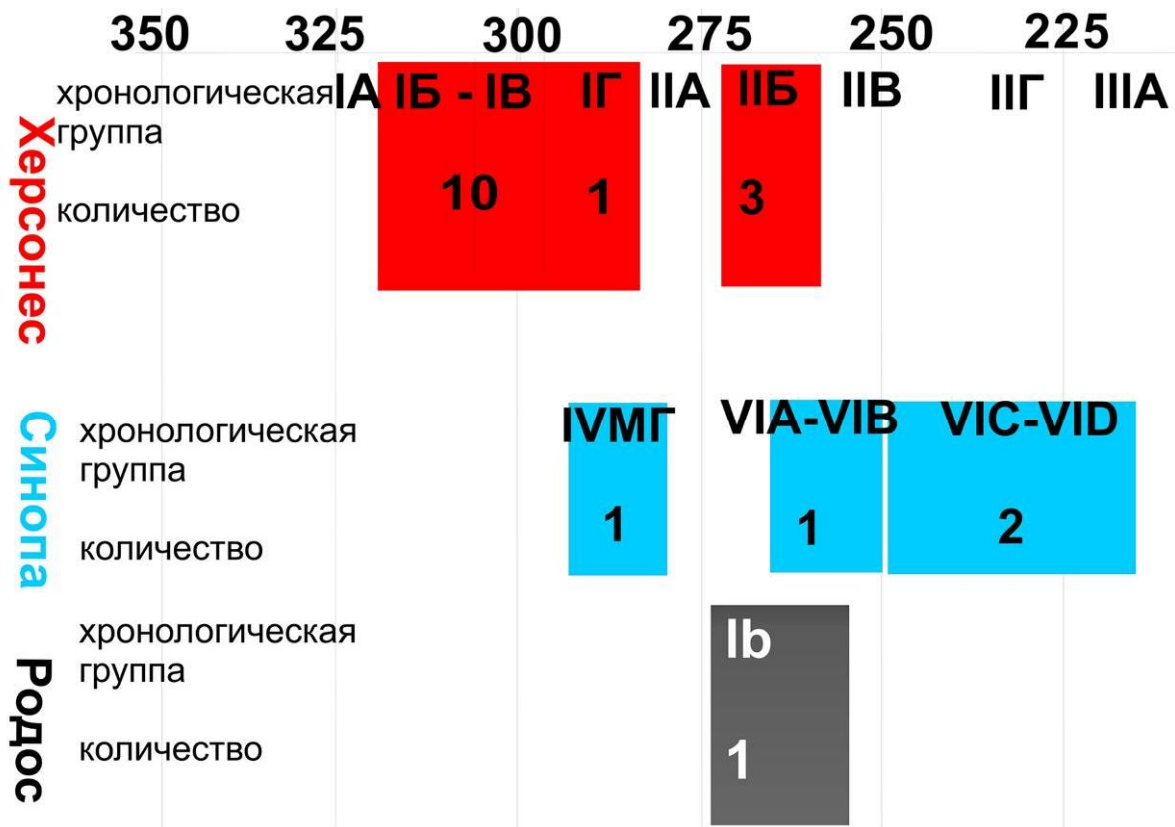

Рис. 21. Хронологическое распределение клейм из засыпи колодца

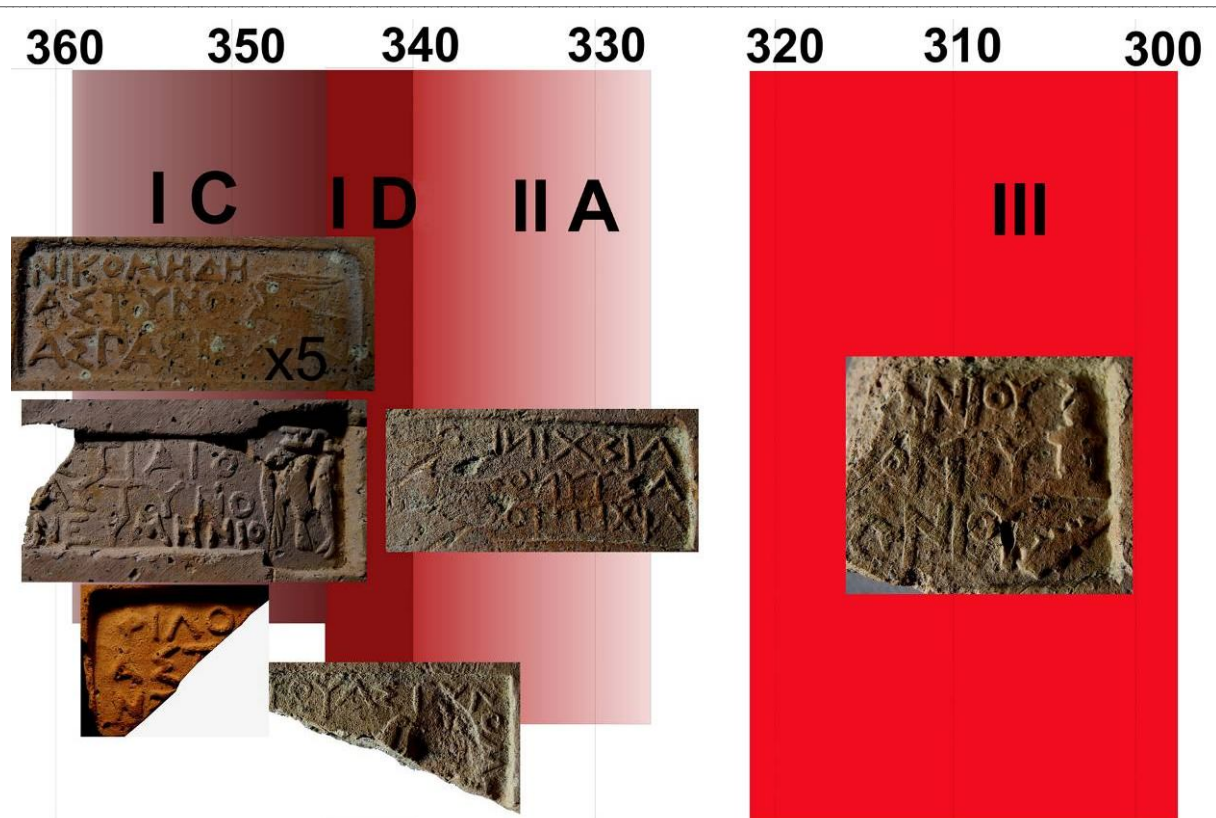

Рис. 22. Хронологическое распределение синопских клейм на черепице из засыпи колодца

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ МУСУЛЬМАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ИСПАНИИ В VIII-XI ВВ.

ЮРЧЕНКО В.С.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Арабская Испания (Аль-Андалус) представляет собой уникальный культурный и исторический феномен, смешение различных культур и традиций. Его изучение особенно актуально для стран Западной Европы, так как именно эта цивилизация значительно повлияла на развитие культуры и экономики этих государств, способствовала проникновению достижений развитого Востока на их территорию. Одним из интересных аспектов культурного влияния Аль-Андалуса является быт испанских мусульман.

В отечественной историографии тема повседневной жизни испанских арабов раскрыта слабо. Здесь больше внимания уделено описанию всего пласта культуры Андалусии, преобладают труды общего характера (см. например [5; 6]). Европейские историки, в основном, уделяют внимание исследованию взаимоотношений христианских государств севера Пиренейского полуострова и Аль-Андалуса; в истории андалусской культуры наибольшее число работ посвящено изучению арабской поэзии.

И несмотря на то, что темы поэтического творчества испанских мусульман зачастую были весьма отвлеченными: любование природой (цветами, веточками деревьев и т.д.), любовь в различных ее проявлениях, ряд поэтических произведений содержит весьма полезные сведения по истории быта. В первую очередь это – популярное творение (наполовину прозаическое, наполовину поэтическое) Ибн Хазма (994-1064 гг.) «Ожерелье голубки», где автор упоминает случаи, произошедшие с ним и его друзьями.

На быт мусульманской Испании большое влияние оказала полиэтничность и многоконфессиональность ее населения. У. Франн писал об этом так: *«Арабские вельможи, чей род смешался с вестготами (...), христианские епископы, в чьих жилах течет кровь жителей Йемена и Берберии, еврейские поэты, рожденные женщинами, жившими взаперти в гареме»* [7, с. 26]. Говоря о мусульманском населении Испании, в первую очередь имеют в виду арабов. Но назвать всех завоевателей выходцами из арабских стран Востока нельзя: большинство мусульман были берберами (европ. «мавры»); их культурный и образовательный уровень был значительно ниже, чем у арабов [5, с. 9]. Это были скотоводы, предпочитавшие селиться в горах. Поэтому, арабы в Испании локализовались на равнинном юге, а берберы – на гористом севере. Первые отличались религиозной терпимостью, последних стоит отнести к воинствующим фанатикам [8, с. 34]. Хотя берберы численно превосходили арабов, но даже вместе они не составляли большинства населения Испании. За первую половину VIII в. сюда прибыло всего 50 тысяч мусульман, что в 120 раз меньше населения вестготского королевства [7, с. 23]. Тем интереснее наблюдать, как эта сравнительно небольшая сила смогла покорить (в данном случае в культурной сфере) местное население. По этому поводу кордовский епископ Альваро писал: *«Многие из моих единоверцев читают стихи и сказки арабов, изучают сочинения мусульманских философов и богословов не для того, чтобы их опровергать, а чтобы научиться как следует выражаться на арабском языке с большой правильностью и изяществом. Где теперь найдется хоть один, кто умел бы читать латинские комментарии на священное писание? Кто среди них изучает евангелия, пророков и апостолов? Увы! Все христианские юноши, которые выделяются своими способностями, знают только язык и литературу арабов, читают и ревностно изучают арабские книги, тратят громадные суммы, чтобы составить себе большие библиотеки, и во весь голос провозглашают, какого удивления достойна эта литература. Если им говорить о христианских книгах, они с презрением отвечают, что эти книги не заслуживают никакого внимания. О горе! Христиане даже забыли свой язык, и едва найдется один на тысячу, который сумел бы написать приятельное латинское письмо. Наоборот, бесчисленны те, которые умеют выражаться по-*

арабски в высшей степени изящно и сочиняют стихи на этом языке с большей красотой и искусством, чем сами арабы» [5, с. 11-12].

Из-за того, что испанские христиане не знали латыни севильский епископ Лонгин был вынужден заняться переводом Библии на арабский язык, а священник Викентий в 1049 г. перевел сборник канонов испанской церкви. Те же, кто знал латынь, использовали многие заимствованные арабские слова, так что вскоре появился особый диалект – aljama [8, с. 39]. Приведенная выше цитата доказывает, что мусульманскую культуру в Испании творили не только мусульмане, как ни парадоксально это звучит. Интерес к арабской культуре у местного населения возник и благодаря самим арабам, которые почитали ее, оберегая от внешних влияний (в особенности в правовой области) [9, с. 68].

Вероятно, тяготение населения Аль Андалуса «ко всему арабскому» в годы существования Кордовского халифата мешало возникновению более самостоятельной арабской культуры на Пиренейском полуострове. В этот период испанские арабы настолько стремились во всем подражать Востоку, что Ибн Басам писал об этом так: *«Люди наших краев упорно стараются во всем следовать жителям Востока – они вновь и вновь повторяют старые истории, желая заслужить одобрение и награду (...). Дело дошло до того, что если в землях Востока каркнет ворона или в пустынях Сирии и болотах Ирака прожужжит муха, то в Андалусии эти звуки станут столь сладостными для слуха, что мои земляки падают ниц в умилении, словно преклоняясь перед идолом и моля его о спасении. Они сразу запоминают это карканье, жужжание и будут повторять его, читая нараспев, как священную книгу, хотя дивные истории и всем известные стихи жителей восточных стран в наше время не более чем падение стрелы, пролетевшей мимо цели, или привал выбившейся из сил верблюдницы. Они уже не тешат ни душу, ни разум, и не дают простора ни языку, ни руке»* [2].

Восточное культурное влияние в основном было сирийским (где находилась столица исчезнувшего халифата Омейядов Дамаск). А вот Багдад, где обосновались Аббасиды, андалусцы считали своим соперником [7, с.101]. Их целью было превзойти восточную столицу ислама: как только появлялись новые веяния в архитектуре, поэзии и т.д., арабы в Испании подхватывали их, чтобы создать нечто подобное и не уступающее в качестве. Из-за этого многие уроженцы Аль-Андалуса предпочитали получать образование на Востоке у лучших учителей той эпохи. Добиться славы высококультурной страны Аль-Андалусу действительно удалось. Кордову часто называли «Второй Багдад» [7, с. 101]. Но «второй» - не «первый»: Кордова все равно оказывалась рангом ниже соперничающего «оригинала». Поэтому, «вторая» Кордова на культурной карте не появилась: ей не подражали.

Называли Кордову и «вторым Константинополем». Поэтому, в негласном рейтинге культурных столиц она занимала почетное третье место, что было очень большим достижением, учитывая отдаленность и относительно небольшие размеры Аль Андалуса. Со столицей Византийской империи Кордова не соперничала открыто, но и ей старалась показать, что ни в чем не уступает.

Формирование комфортного и прихотливого быта населения мусульманской Испании связано с именем певца Зириаба (настоящее имя – Абу-л-Хасан Али ибн Нафи), который в Багдаде настолько превзошел своего учителя Исхака (IX век), что вызвал его зависть. Из-за боязни за свою жизнь ему пришлось бежать из халифата Аббасидов. Недолго пробыв в Магрибе, он получил предложение от кордовского эмира Аль-Хакама I переехать в Андалусию к его двору. Несмотря на то, что Зириаб прибыл только после смерти эмира, его преемник Абд ар-Рахман II подтвердил все условия контракта и назначил ему щедрое жалованье. Зириаб привнес новаторские идеи в музыку – изобрел пятиструнную лютню (до этого пользовались четырехструнной). Однако, его самая большая заслуга – приобщение Аль-Андалуса к багдадскому образу жизни.

Он стал настоящим законодателем мод, сообщил наиболее сложные рецепты багдадской кухни и научил составлять изысканное меню. Ввел более правильный порядок подачи блюд: сначала подавались супы, затем первые мясные блюда, после них приносили птицу. Заканчивалось все сладкими блюдами, пирожными из ореха, миндаля и меда [10, с. 39-41]. До этого все кушанья подавались сразу. За столом избегали серьезных разговоров, чтобы можно было лучше насладиться пищей и приятной музыкой [12]. Обычно трапезу делили с гостями, нала-

живая, таким образом, полезные связи. Благодаря Зириабу грубые льняные скатерти были заменены на покрывала из тонкой кожи; стали повсеместно использоваться бокалы из стекла, оказавшиеся более удобными, чем золотые и серебряные кубки. Он даже создал в Кордове своеобразный «институт красоты», где учеников обучали, как правильно краситься, удалять волосы, употреблять зубные пасты, причесываться и стричься (при этом желательно было, чтобы волосы не закрывали ушей и бровей). Появился и «календарь мод»: с июня по сентябрь предлагалось носить белые одежды, весна была сезоном платьев из легкого шелка, туник ярких цветов; зимой носили ватные шубы и меховые одежды [10, с. 39-41].

В качестве пищи активно использовали рис с молоком, жареные яйца, фрикадельки. Самым популярным овощем был баклажан, завезенный из Индии. Спросом также пользовались шпинат и артишоки, которые помогали избежать дурного запаха изо рта. В пищу повседневно употребляли зелень, овощи и разнообразные фрукты: инжир (завезенный из Константинополя), гранат (из Сирии), дыня (из Хорасана), арбуз (из Парса). Испанские арабы смогли акклиматизировать даже айву, хотя климат Пиренейского полуострова не способствовал этому. Зеленые и черные оливки андалусцы использовали как аперитив. Но основой их питания, как и у большинства других народов, были зерновые. Причем, из них делали не только хлеб, но и различные супы и манную кашу. Арабы стали выращивать в Испании черное просо. Запрет на поедание свинины здесь соблюдался строго, но зато в большом количестве употреблялись все другие виды мяса (коровы, кролика, козлят) и птицы. Его в Андалусии жарили, тушили и варили. Наряду с мясом популярной была рыба (как морская, так и речная), которую преимущественно жарили. Кстати, жарили все на оливковом масле. Из молока делали творог. Любили пить кислое молоко, а свежее подавали с медом. Для маринования использовали рассол, лимон и апельсин. Последние также были ингредиентами благовоний.

Арабы в Андалусии очень любили парфюмы и были буквально помешаны на хорошем запахе и чистоте. Благовония наносили на тело в большом количестве, чтобы видеть их блеск на волосах и бороде. Рецепты и сырье завозились, в основном, с Востока, а готовую продукцию изготавливали на месте. Например, желтая смола алоэ, если ее сжечь, давала острый аромат. Жгли и каштаново-желтую кору орехового дерева, дававшую прекрасный запах.

Чтобы сделать зубную пасту, нужно было смешать расплавленную кору орехового дерева с гвоздикой и кориандром. Чтобы сохранить приятный запах изо рта, андалусцы изобрели специальные пастилки, составляющими которых были: цедра апельсина, грецкий орех, кориандр, отвар из кожуры грейпфрута.

Очень широко были распространены бани: согласно некоторым источникам они находились в каждом районе любого города. Они выполняли функции общественных салонов красоты, где можно было получить услуги массажа, очистить кожу и удалить ненужные волосы [12]. Только в Кордове насчитывалось до 300 бань, что говорит о высоком уровне повседневной жизни в Андалусии. Немецкая монахиня Гросвита писала про Кордову в 960 году: «(...) блестящая краса вселенной, юная чудная столица, гордая своей военной силой» [1, с. 657].

Мусульмане жили в просторных домах с высокими потолками и множеством окон и дверей [15].

Кроме личной чистоты и красоты, для андалусцев также была важна чистота города. В Кордове, например, были мощенные улицы и водопроводы [4]. В городах нельзя было выбрасывать мусор в реку; продавцам хвороста на рынке было отведено специальное место, чтобы их товар не засорял рыночную площадь при дуновении ветра; регулировалась продажа мяса, жарившегося на открытом воздухе.

Обладая утонченным обонянием, жители андалусских городов страдали от тяжелого запаха толпы, смешанного с запахами разнообразных кушаний. Чтобы заглушить его использовались сильные парфюмы. Была даже создана особая профессия, представители которой должны были обрызгивать людей душистой водой или воскурять ладан в людном месте.

Несмотря на запрет Корана употреблять вино, в Андалусии этот напиток был очень распространен. Об этом свидетельствуют некоторые специфические законы. Например, мужчинам нельзя было употреблять вино на кладбище (значит, это было частое времяпрепровождение). О нарушении «сухого закона» часто говорится в стихотворениях арабских поэтов Испании. Они рождались, в основном, на берегах Гвадалкивира, поверхность кото-

рого белела от парусов лодок бесчисленных веселившихся компаний. Именно такое времяпровождение сопровождалось поэтическими и литературными беседами, сопровождаемыми винопитием [6, с. 84].

Запрет на употребление вина на кладбищах был связан с тем, что их часто посещали женщины, и могли находиться здесь с открытыми лицами. Женщины Андалусии обитали, в основном, дома, воспитывали детей, берегли домашний очаг и имели мало возможностей выходить на улицу и развлекаться. Поэтому они часто ходили компаниями на могилы предков и друзей, чтобы там посплетничать, пошутить и посмеяться. Поэтому, могилы поддерживались в хорошем состоянии: а кладбища представляли собой цветущий сад. Именно поэтому там было запрещено пить вино, т.к. подвыпившие мужчины могли спрятаться в зарослях и скрытно наблюдать за представительницами женского пола, а это считалось недопустимым [16, с. 27].

Вышесказанное показывает, что положение женщины в Андалусии было относительно свободным. И это – не единственный пример. Есть свидетельства, что они выступали в качестве ораторов наравне с мужчинами на собраниях соседей, проходивших в каждом районе города. На таких собраниях социальный статус не играл никакой роли. Их могли посещать и дети вместе с матерями [12].

А вот еще один пример, иллюстрирующий положение женщины в андалусском обществе. В произведении Ибн Хазма «Ожерелье голубки» описано, как богатый вельможа влюбился в свою невольницу. Она была капризна, просила его делать разные глупости для нее, а позже пожелала, чтобы он отпустил ее на волю. Вельможа выполнил ее желание, но она после этого отказалась идти за него замуж, а согласилась стать женой его брата, которого знала недолго [3, с. 75].

В эту эпоху наблюдалось широкое распространение библиотек. Мода на них появилась при Аль-Хакаме II, который в желании превзойти халифат Аббасидов (но и из-за любви к книгам), собрал в Кордове огромную библиотеку, равную которой сложно найти в средневековье. Она насчитывала 400 тысяч томов, что на тот момент превосходило весь запас книг Западной Европы вместе взятый. Притом, это была публичная библиотека.

Каждый уважающий себя андалусец, имея средства, считал своим долгом иметь хотя бы небольшую библиотеку. В Кордове их насчитывалось около 70. В переписывании книг было занято большое количество людей: ежегодно в столице переписывалось около 18 тысяч томов. Часто этим занимались женщины (есть указания, что около 170 женщин в день в предместьях Кордовы занимались переписыванием Корана) [10, с. 51-52]. Это доказывает, что большая часть населения Андалусии была грамотной, в то время как в Западной Европе даже представители феодального сословия редко знали грамоту, если не избирали духовной карьеры.

Читать любили все: от халифа до самой униженной женщины. Возможно, потому что в Андалусии не было других видов развлечений (как, например, в Древней Греции существовал театр) [11, с. 32]. Широкое распространение книг связано с появлением бумаги, технологию изготовления которой принесли в Испанию арабы. Вскоре она заменила более дорогие пергамен и папирус. Чтобы показать, насколько популярным было чтение книг в то время, приведу следующий пример: однажды некто ал-Хадраши решил пойти в Кордове на книжный рынок на распродажу, чтобы отыскать нужную книгу. Вскоре ему удалось ее найти в хорошем переплете, красиво оформленную и недорогую. Ал-Хадраши собирался ее купить, но тут внезапно объявился другой покупатель, предложивший за эту книгу большую сумму. Между покупателями началось соревнование. Но неизвестный господин оказался богаче, поэтому, книга досталась ему. Ал-Хадраши решил подойти к этому покупателю и познакомиться. Вначале он принял его за выдающегося врача, но тот ответил ему: *«Я решил создать библиотеку, так как это модно в наше время. Я уже собрал достаточное количество книг, но в моем шкафу образовалась пустота как раз размером с эту книгу. И я решил ее купить во что бы то ни стало. Слава Аллаху, что у меня достаточно на это денег»*. Ал-Хадраши очень возмутился и горько промолвил: *«Жаль, что из-за моей бедности я не могу прочесть эту книгу»* [16, с. 29]. Данный эпизод показывает, что в Андалусии чтение книг было обыденным делом, а проведение распродаж говорит даже о не котором перенасыщении рынка.

Воссоздать картину быта андалусцев помогает анализ арабских слов, заимствованных в испанский язык. Например, слово *albornaz* (купальный халат) [14] свидетельствует о широком распространении бань.

Распространено мнение, что мосарабам (арабоязычным христианам) запрещалось переводить книги с арабского языка на латынь, так как они «посвящали их своим пророкам» [13, с. 61]. Скорее всего, такой запрет имел место, так как завоеватели были заинтересованы в распространении своей веры, а потому, стремились показать, что мусульманом быть выгоднее. Кроме того, они не были заинтересованы в распространении знаний в христианских королевствах, ведших против Аль Андалуса Реконкисту.

Таким образом, можно констатировать, что не только художественная культура Аль Андалуса достигла высот, но и организация быта его жителей выгодно отличалась от современной этому государству Западной Европы.

Источники и литература.

1. Мюллер А. История Ислама. Т. 4. М.: Астрель, 2004.
2. Ибн Басам. Сокровищница достоинств жителей Андалусии [Электронное издание] / Сайт «Восточная литература». Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ibn-Bassam/text1/phtml?id=6693>.
3. Ибн Хазм. Ожерелье голубки // Средневековая андалусская проза. М.: Художественная литература, 1985.
4. Каптерева Т.П. Сады Испании [Электронное издание] // Режим доступа: <http://obuk.ru/book/104445-tp-kaptereva-sady-ispanii.html>.
5. Крачковский И.Ю. Арабская культура в Испании. М.: Изд-во АН СССР, 1937.
6. Крачковский И.Ю. Арабская поэзия в Испании / Проблемы испанской истории. М.: Наука, 1984.
7. Ланда Р.Г. В стране Аль-Андалус через тысячу лет. М.: Наука, 1993.
8. Пикорский В.К. История Испании и Португалии. СПб: акц. об-во «Брокгауз Ефрон», 1909.
9. Уотт У.М. и Какиа П. Мусульманская Испания. М.: Наука, 1976.
10. Леви-Провансаль Э.. Арабская культура в Испании. М.: Наука, 1967.
11. AndresMartinezLorca. Ensayo sobre la filosofia en Al-Andalus. – Barcelona: Anthropes, 1990.
12. Jorge Rampelbergh. Influencia arabe en algunos aspectos de la vida occidental [Электронное издание] // Режим доступа: <http://www.caei.com.ar/es/programas/mediooriental/os.pdf>.
13. Miguel Angel Garcia. Vida cotidiana en la Espana medieval. Madrid: eLeCeIndustria Grafica, 2004.
14. Rafael Lupesa. Historia de la lengua española. Madrid: Graficas Condor, 1981.
15. Ricardo Rued. Espana musulmana [Электронное издание] // Режим доступа: <http://html.rincondelvago.com/influencia-morisca-en-las-costumbres-de-los-espanoles-y-en-su-modus-vivendi.htm>.
16. Roberto Marin Guzman. Sociedad, politica y protesta popular en la Espana musulmana. San Jose E.R.: Editorial UCR, 2006.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

†ЩЕГЛОВ

Александр
Николаевич (1933-2009)

Кандидат исторических наук, в 1968-2009 гг. научный сотрудник, зав. отделом Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург), доцент кафедры археологии Санкт-Петербургского государственного университета

* * *

АНОХИН

Олег Витальевич

Научный сотрудник Государственного архива Черновицкой области (г. Черновцы)

БОЧАРОВ

Сергей Геннадьевич

Кандидат исторических наук, зав. отделом средневековой археологии Крымского филиала Института археологии Национальной академии наук Украины (г. Симферополь)

ГЛУШАК

Анатолий Степанович

Доктор философских наук, профессор Академии Военно-Морских Сил им. П.С. Нахимова (г. Севастополь)

ДНЕПРОВСКИЙ

Николай Викторович

Выпускающий редактор издательства «Невская лавра» (г. Санкт-Петербург)

ДОРОШКО

Ольга Павловна

Преподаватель Южноукраинского национального педагогического университета (УКП в г. Севастополе)

КАРНАУШЕНКО

Элла Николаевна

Исследователь (г. Севастополь)

КАРНАУШЕНКО

Александр Дмитриевич

Исследователь (г. Севастополь)

МОИСЕЕВ

Дмитрий Анатольевич

Аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Таврического национального университета им. В.И. Вернадского

НАУМОВА

Надежда Васильевна

Кандидат философских наук, доцент Севастопольского экономико-гуманитарного института ТНУ им. В.И. Вернадского

НОВИКОВА

Ольга Владимировна

Преподаватель Южноукраинского национального педагогического университета (УКП в г. Севастополе)

ПЕТРОВА

Элеонора Борисовна

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Таврического национального университета им. В.И. Вернадского

УШАКОВ

Сергей Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, старший научный сотрудник отдела античной археологии Крымского филиала Института археологии НАН Украины

ХАПАЕВ

Вадим Вадимович

Кандидат исторических наук, заместитель заведующего кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе

ЧОРЕФ

Михаил Михайлович

Соискатель Тюменского государственного университета

ЯКУШЕЧКИН

Александр Валентинович

Исследователь (г. Симферополь)

* * *

КИРИЛИНА

Анна Константиновна

Студентка III курса исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва (научн. руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира Исторического факультета МГУ **Гвоздева Инна Андреевна**).

КИРИЛЛОВА

Мария Николаевна

Студентка III курса исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва (научн. руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира Исторического факультета МГУ **Гвоздева Инна Андреевна**).

ЛЕСНАЯ

Екатерина Сергеевна

Студентка V курса отделения «История» Филиала МГУ в г. Севастополе (научн. руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе **Ушаков Сергей Владимирович**).

ТЮРИН

Максим Игоревич

Студент IV курса отделения «История» Филиала МГУ в г. Севастополе (научн. руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе **Ушаков Сергей Владимирович**).

ЮРЧЕНКО

Валерия Сергеевна

Студентка III курса отделения «История» Филиала МГУ в г. Севастополе (научн. руководитель – кандидат исторических наук, зам. зав. кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе **Хапаев Вадим Вадимович**).

Научное интернет-издание

Избранные статьи по материалам докладов, прочитанных в секции «Древняя и средневековая история Причерноморья» на IX Международной научной конференции «Лазаревские чтения» 2011 года / под общей редакцией В.И. Кузицина.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА:

С.В. УШАКОВ, В.В. ХАПАЕВ

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**Дизайн, макет и верстка выполнены
в историко-археологической лаборатории
кафедры истории и международных отношений
Филиала МГУ в г. Севастополе**

**Подписано к публикации 07.02.2012 г.
Формат 70 x 108 1/16
Объем 28,5 п.л., уч. изд. л. 12,95.
Распространяется через сеть Интернет**

